Фонд
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«Университет»

Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности

Серия: «Безопасность человека и общества»

И.Л. Третьяков

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Под общей редакцией
Виктора Петровича Сальникова,
доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ

Санкт-Петербург
2017

"UNIVERSITY"
Foundation for Science and Education in the Field
of Law Enforcement

Academy of law, economics and life safety

Series: "Human and Society Security"

I.L. Tretyakov

CRIMINAL POLICY OF MODERN RUSSIA

Monography

Edited by
Victor Petrovich Sal'nikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Honorary worker of higher professional education
Russian Federation

ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ

St. Petersburg
2017

УДК 343.21
ББК 67.308.1
Т66

Серия: «Безопасность человека и общества»

Автор и руководитель проекта – **Сальников Виктор Петрович,**
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 414 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).

ISBN 978-5-93598-146-4

XXI век потребовал от всего Мира новых подходов, в том числе и к решению внутригосударственных проблем. Закончился однополярный мир, появились новые альтернативные взгляды на укрепление правопорядка, существенно меняется уголовная политика. В монографии предпринята попытка с учетом современных правовых реалий проанализировать российскую уголовную политику.

Книга рассчитана на ученых-исследователей, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется законностью и безопасностью России.

Рецензенты:

Захарцев Сергей Иванович, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия);

Кондрат Иван Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия).

УДК 343.21
ББК 67.308.1

ISBN 978-5-93598-146-4

© Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 2017
Фонд «Университет», 2017
© И.Л. Третьяков, 2017
© В.П.Сальников, 2017

УДК 343.21
ББК 67.308.1
Т66

Series: “Human and Society Security»

Author and project manager – **Victor Petrovich Sal’nikov,**
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Honorary worker of higher professional education
Russian Federation

Tretyakov I.L. Criminal policy of modern Russia: Monography / Edited by V.P. Sal’nikov. Academy of law, economics and life safety. – SPb.: «University» Foundation, 2017. – 414 p. (Series: “Human and Society Security»).

ISBN 978-5-93598-146-4

The 21st century demanded new approaches from the whole world, including the solution of domestic problems. A unipolar world has ended, new alternative views on the strengthening of law and order have appeared, and criminal policy has been substantially changing. The monograph attempts to analyze Russian criminal policy, taking into account modern legal realities.

The book is designed for researchers, teachers and students, all who are interested in the legality and security of Russia.

Reviewers:

Zakhartsev Sergey Ivanovich, Lead Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law (Moscow, Russia);

Kondrat Ivan Nikolaevich, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation (Moscow, Russia).

УДК 343.21
ББК 67.308.1

ISBN 978-5-93598-146-4

© Academy of law, economics and life safety, 2017
© «University» Foundation, 2017
© I.L. Tretyakov, 2017
© V.P.Sal’nikov, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....7

Глава I.
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА – ВИД ПОЛИТИКИ РОССИИ

§ 1. Политико-правовая сущность уголовной политики.....28
§ 2. Уголовная политика как естественноисторический процесс.....53
§ 3. Уголовная политика в системе политики государства.....71

Глава II.
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. Политические, нормативно-правовые и организационно-административные составляющие уголовной политики.....93
§ 2. Юридическая база уголовной политики и её противоречия.....119
§ 3. Преступность как противоречие и эффективность уголовной политики.....142
§ 4. Совершенствование правового регулирования уголовной политики и предупреждение преступности.....173

Глава III.
ОБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВН0Е СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. Единство материального и духовного в уголовной политике.....208
§ 2. Диалектика теории и практики уголовной политики.....244

Глава IV.
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

§ 1. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью как необходимость.....263
§ 2. Основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью.....292
§ 3. Проблемы международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью и возможность их устранения.....324

Заключение.....356
Библиография.....376

CONTENT

Introduction 7

Chapter I.
CRIMINAL POLICY - THE TYPES OF POLITICS OF RUSSIA

§ 1. Politics and legal essence of criminal policy 28
§ 2. Criminal policy as a natural historical process 53
§ 3. Criminal policy in the system of state policy 71

Chapter II.
LEGAL MECHANISM OF CRIMINAL POLICY

§ 1. Political, regulatory and organizational and administrative components of criminal policy 93
§ 2. Legal framework of criminal policy and its contradictions 119
§ 3. Crime as a contradiction and effectiveness of criminal policy 142
§ 4. Improving the legal regulation of criminal policy and crime prevention 173

Chapter III.
OBJECTIVE-SUBJECTIVE CONTENT OF CRIMINAL POLICY

§ 1. The unity of the material and spiritual in criminal policy 208
§ 2. Dialectics of the theory and practice of criminal policy 244

Chapter IV.
THE INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TRANSNATIONAL CRIME

§ 1. International cooperation in the struggle with transnational crime as a necessity 263
§ 2. The main directions of international cooperation in the fight against crime 292
§ 3. Problems of international cooperation in the struggle with transnational crime and the possibility of their elimination 324

Conclusion 356
Bibliography 376

ВВЕДЕНИЕ

Проблема уголовной политики современной России включает такие ее аспекты: методологический, политический, социологический, исторический, естественнонаучный, юридический, уголовно-правовой, криминологический. Каждый из названных аспектов требует своего внимания:

Методологический. Затрагивает мировоззренческие и методологические основы уголовной политики, её предмет, принципы, категориально-понятийный аппарат, направления и современные проблемы. Он близок к философии права[1], к проблеме добра и зла[2], в правосознанию[3], правовой культуры[4] и духовности нашего народа[5]. Наверное, сегодня методологический аспект уголовной политики уже отличается от его понимания в советские годы. И больше всего тяготеет

---

[1] Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989; Альбов А.П., Масленников Д.В,, Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3-12; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.; Керимов Д.А. Основы философии права. – М., 1992; Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 1997; Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.

[2] Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.

[3] Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152; Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53; Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.

[4] Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10; Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.

[5] Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.; Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.

к естественным правам человека, школе естественного права, которая зародилась в Европе в сознании европейских мыслителей[6]. А в России ее родоначальником считают профессора А.П. Куницына[7]. В то же время он (этот аспект) должен учитывать наши отечественные национальные политико-правовые традиции[8], которые, конечно, отличаются от западных традиций и ценностей[9].

Политический. Определяет политическую сущность, зависимость от политики, связь с другими направлениями политики, место в политической системе общества, в системе политики. Конечно, проводимая в государстве и обществе политика существенно влияет и на уголовную политику. Достаточно посмотреть на сегодняшнюю Украину, что там понимается под преступными деяниями, а что нет. Как там борются с преступностью, тоже интересно. Кто и как определяет, понимает преступность. Порой это делает простой милиционер или рядовой представитель силовиков. В этом и проявляется глубокая зависимость уголовной политики от общей политики, проводимой государством.

Социологический – актуальность, социальные корни, обусловленность факторами общественного развития;

Исторический – развитие уголовной политики, её состояние и функциональное предназначение на современном этапе российской истории;

Естественнонаучный – связь с естественными науками, обусловленность состоянием и уровнем их развития;

---

[6] Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128; Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7; Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 260 с.

[7] Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26; Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.

[8] Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.

[9] Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.

Юридический – межотраслевой, комплексный и системный характер предмета уголовной политики, её юридическую природу, нормативно-правовые источники;

Уголовно-правовой – уголовно-правовую сущность, предмет, содержание, направления, механизм формирования и функционирования;

Криминологический – обусловленность, связь и зависимость от сущности, основных причин, параметров преступности, криминогенных факторов и предупредительную социальную роль в борьбе с преступностью и контроле над нею.

Конечно, для нас в настоящей статье больше всего волнительны уголовно-правовой и криминологический аспекты темы. Они составляют основу объекта, предмета, целевой установки и содержания настоящего исследования. Другие стороны проблемы мы анализируем лишь в той мере, в какой это необходимо для раскрытия содержания основной нашей цели.

Необходимость настоящего исследования и его значение определяется комплексом социальных и специальных факторов экономического, политического, духовного, методологического, юридического, уголовно-правового, криминологического и иного характера. Остановимся на рассмотрении этих факторов.

I. В экономическом плане проблема уголовной политики непосредственно связана с решением насущных экономических и социальных проблем. Выводы структурных подразделений, осуществляющих борьбу с экономической преступностью, практических работников МВД России, да и научной общественности о качественных изменениях в экономической преступности свидетельствуют, что тип экономического устройства России неуклонно дрейфует к мафиозно-клановому[10].

В современных условиях, по признанию официальных лиц государства, «органам МВД России… не удалось принципиально изменить ситуацию, преодолеть криминализацию экономики, обеспечить надёжное противодействие наркоугрозе, защиту личности и имущественных интересов граждан»[11]. Экономические потери от организованной преступности в постсоветской России соизмеримы с огромным

---

[10] Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99; Кириченко Н., Привалов А., Четокин В., Швырков Г. Победителей не судят // Коммерсантъ. – 1995. – 13 июня. – № 22.

[11] Зубов И.Н. Государственно-правовые и организационные проблемы функционирования и развития системы МВД России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999. С. 3.

ущербом, понесенным Советским Союзом в годы Второй Мировой войны. По различным данным, ежегодно из страны разными путями вывозится за рубеж для дальнейшего отмывания от 10 до 50 млрд. долларов США, добытых незаконным, как правило, преступным путём. По данным Минэкономразвития России, за последние годы XX века из страны было вывезено 230 миллиардов долларов. Однако канадские эксперты считают, что эта сумма вдвое больше[12]. По сравнению с январем-июлем 2005 г. в январе-июле 2006 г. на 14,4% возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 327,5 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 14,5%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 56,2 млрд. руб.[13]. Около трети (36,4%) в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили тяжкие и особо тяжкие преступления[14].

Так было в первой половине 2005 и 2006 годов. Прошло более десяти лет. Какие произошли изменения и в какую сторону? В официальной справке МВД России читаем, что в январе – апреле 2015 года зарегистрировано 736,5 тыс. преступлений, или на 2,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 56 субъектах Российской Федерации, снижение – в 27 субъектах.

По сравнению с январем – апрелем 2014 года на 1,2% сократилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 51,1 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 6,9%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 58,13 млрд. руб.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 65,7%.

Подразделениями органов внутренних дел выявлено 46,8 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 91,6%[15].

---

[12] Третьяков М. Когда слова расходятся с делами // Правда. – 1999. – 22-25 октября. С. 4.

[13] http://www.mvdinform.ru/stats/100062/.

[14] Там же.

[15] Там же.

К сожалению, приходится констатировать, что преступлений в стране стало совершаться не меньше, материальный ущерб от них не уменьшился, тяжких и особо тяжких среди них так же много. Коренного перелома в борьбе с преступностью в России за последние десять лет не произошло.

Организованная преступность препятствует выходу страны из системного кризиса, основой которого является кризис российской экономики, характеризующийся разрушением единого народнохозяйственного комплекса, сложившихся экономических связей, резким, многократным спадом производства и потребления, кардинальным изменением социальной структуры общества, обнищанием миллионов людей, с одной стороны, и сказочным обогащением относительно небольшой части населения – с другой[16].

Даже ярые сторонники, творцы и прямые участники рыночной экономики проявляют сдержанность даже тогда, когда они очень заинтересованы в ней. Сторонники и участники рыночной экономики, рынка весьма сдержанно, но предметно говорят, что товарному и финансовому рынку России «присущи некоторые проблемы». А именно: наличие значительного барьера между финансовым рынком и реальным сектором экономики. Крайне низкий уровень кредитования банками реального сектора. Перекосы фондового рынка. Большие «ножницы» между товарным и финансовым рынком, который разъезжается словно плохо подкованная лошадь на чистом льду. Сокращение числа акций, находящихся в свободном обращении. Концентрация контрольных пакетов акций в руках инсайдеров, то есть крупных собственников[17].

Другими словами, наблюдаются очень серьезные проблемы в сфере организации рыночного производства[18], а таже привлечения

---

[16] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 9 мая 2006 // Российская газета. – 2006. – 16 мая; Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148; Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5-23; Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономические проблемы – политические решения // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 112-126.

[17] Столяров А.И. Российский финансовый рынок: современное состояние и перспективы развития // Финансы. – 2004. – № 2. С. 11-12.

[18] Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Экономико-правовые предпосылки и проблемы инновационного развития России // Юридическая наука: история и современность. –2013. – № 9. – С. 7-17; Бородин В.В., Быкова Е.А. Некоторые особенности корпоративного и инкорпоративного типов экономики

инвестиций[19], обеспечения финансового контроля[20], экономической и

// Правовое поле современной экономики . – 2012. – № 11. – С. 92-97; Занин В.П. Жестокая экономика России. Как выжить российскому бизнесу и населению в России: Монография. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 224 с.; Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 49-54; Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102; Обатуров А.А. Основные проблемы развития предпринимательства в Санкт-Петербурге и предложения по их устранению // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 125-133; Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93; Роженцев С.В., Числов А.И. Малое и среднее предпринимательство: проблемы правовой охраны: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2014. – 228 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Роженцев С.В., Числов А.И. Предпринимательская деятельность: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 75-85; Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 81-94; Точиев И.Б. Реформирование системы муниципального управления и общая политико-экономическая модернизация современного российского общества // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 49-59; Шлафман А.И. Структурные изменения в интеграционных процессах экономики Российской Федерации // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 102-108.

[19] Калмыков С.В., Числов А.И. Забытый опыт участия русской православной церкви в экономически значимых проектах прошлого // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 138-149; Кондрат Е.Н. Государство и рынок в финансовой сфере // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 132-142; Эсхаджиева Д.С. Базовые понятия в теории обеспечения инвестиционной привлекательности региона // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 109-111.

[20] Байтимиров Р.И., Кушубакова Б.К. Развитие общественного контроля в сфере ЖКХ и оценка его возможностей противодействия коррупции // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 166-172; Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль и финансовая безопасность России. Правовые аспекты: Монография. – М.: Юстициформ, 2013. – 640 с.; Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 80-89; Кондрат Е.Н. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: правовое регулирование организации и деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 106-117; Кондрат Е.Н. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: состав и структура // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 107-120; Кондрат Е.Н. Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: основные полномочия // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 118-138; Кондрат Е.Н.

финансовой безопасности в стране[21].

Основную причину сложившегося положения эксперты видят в сложившейся в РФ структуре собственности. Банкиры и крупные собственники, имеющие свободные средства, не заинтересованы инвестировать производительные отрасли экономики. Они вкладывают имеющие средства в виде наличных денег и ценных бумаг в иностранные банки, гонят валюту за рубеж. Трудно, например, понять, почему государство не способствует развитию производительной сферы, промышленности, сельского хозяйства. В результате этого производительные отрасли экономики испытывают сильную стагнацию. По официальным данным, поголовье крупного рогатого скота в России неуклонно сокращается. В 1995 году оно составляло

Контрольно-счетные органы: некоторые вопросы планирования деятельности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 117-124; Кондрат Е.Н. Критерии численности штатного состава контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 112-119; Кондрат Е.Н. Права, обязанности и ответственность должностных лиц контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 99-105; Кондрат Е.Н. Председатель, заместитель председателя и аудиторы контрольно-счетных органов в субъектах Российской Федерации: некоторые вопросы назначения на должность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 94-103; Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: конституционно-правовые основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 90-99; Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 81-88; Кондрат Е.Н. Финансовый контроль в субъектах Российской Федерации: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 118-124.

[21] Анищенко А.В. Механизм ценообразования на мировом рынке энергоресурсов как финансовая угроза экономической безопасности России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2012. – № 4; Булатов Р.Б., Ломакина И.Б. Административно-правовое обеспечение предотвращения внутренних и внешних угроз экономической безопасности государства и личности // Социология и право. – 2013. – № 1. – С. 86-93; Захарцев С.И., Исмагилов Р.Ф. Значимая книга по финансовой безопасности России. Рецензия на монографию Е.Н. Кондрат «Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия». – М.: Форум, 2014. – 928 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 135-137; Молдабаев С.С. Экономическая преступность и коррупция: современные проблемы противодействия // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 146-152; Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Числов А.И. Информационные системы и финансовые расследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 126-131; Финансовая безопасность и финансовые расследования: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Мос. ун-т, 2013. – 368 с.

39,7 млн. голов, в 1999 г. – 28 млн., в 2002 г. – 26,5 млн., а в 2004 г. – и того меньше[22]. В 1905 г. оно составило 667,8 единиц по сравнению с 752, 9 единиц в 2004 г. В 2006 г. это поголовье сократилось почти вчетверо по сравнению с 1752 единицами в 1990 г.[23]. Не удивительно, что на столах у большинства российских граждан становится всё меньше мяса и других натуральных отечественных продуктов.

Крайне медленно обновлялись основные фонды основных отраслей экономики – промышленности, сельского хозяйства, строительства. С 1990 по 2003 гг. они составили соответственно (в сопоставимых ценах): промышленность 1990 г. – 6,0; 1995 г. – 1,3; 2000 г. – 1,3; 2003 г. – 1.7%; сельское хозяйство: 1990 г. – 7,0; 1995 г. – 0,6; 2000 г. – 0,5; 2003 г. – 0,7[24] Обновление основных фондов составило в 2002 г. – 1,7%; 2003 г. – 1,8%; 2004 г. – 2,0%[25]; 2005 – 2,1%.

II. Она, преступность, проникла во все сферы государственной деятельности. По данным российского Совета по внешней и оборонной политике, в конце 90-х годов прошлого века коррупция в высших эшелонах власти России ежегодно «собирала» от 10 до 20 миллиардов долларов, а рангом ниже – на уровне автоинспекции и налоговых служб – 6 миллиардов долларов[26]. К сожалению, сегодня, когда мы уже прожили почти пятнадцать лет нового, XXI века, ситуация кардинально не улучшилась. Преступность оборачивается для государства и страны гигантской разрушительной силой, терроризмом[27], иногда угрозой утраты территориальной целостности, суверенитета[28],

---

[22] Россия и страны мира: Статистический сб., официальное издание. – М.: Росстат, 2005. С. 216.

[23] Последнюю корову со двора // Правда. – 2007. – 1 февраля.

[24] Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. Офиц. изд. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. С. 323.

[25] Российский статистический ежегодник: Официальное издание. – М.: Росстат, 2005. С. 340-341

[26] Досье наших бед: сообщают МЧС, МВД, ФСБ // Правда. – 1998. – 22-23 сентября. С. 4.

[27] Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97; Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.

[28] Вихров А.А., Третьяков И.Л. Суверенитет современной Российской Федерации: сущность и проблемы укрепления: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический ун-т, 2005; Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150; Шевцов В.С. Суверенитет советского государства. – М., 1972; Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного

разрушением некогда мощной великой державы.

III. В духовном смысле уголовная политика представляет собой интегрированное производное общественного сознания, доктринальную часть и форму господствующей идеологии[29].

Разрушительные экономические и социально-политические процессы оказывают губительное влияние и на духовную жизнь общества, общественное сознание, идеологию. Невключение в Конституцию РФ новеллы о государственной идеологии[30] на практике означает принижение или даже игнорирование роли морали, идеологии в общественной жизни, а, в конечном счёте, – нарушение духовного и социального единства общества, значительную утрату морально-политической поддержки уголовной политики со стороны общественного мнения. Общественное мнение выступает по существу в качестве специфического состояния общественного правосознания, выражающего заинтересованное отношение людей к злободневным, социально значимым событиям, фактам, явлениям правовой реальности[31], и об обязательном исследовании его содержания в связи с проблемами преступности и её предупреждения[32].

К сожалению, сегодня зачастую мы наблюдаем такую картину. Наши отечественные национальные ценности подменяются чуждыми нам западными ценностями, игнорируются российские правовые

суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.

[29] Вихров А.А. Военно-правовая идеология как фактор правоохранительной деятельности (на примере США): Тезисы выступления // Общество, право, полиция: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. Часть III. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996; Ильичев В.В., Реуф В.М., Зацепа О.О. Народовластие: от правового принципа к государственной правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 50-56; Реуф В.М. Принципы права, правовая идеология и культура современного российского государства // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 86-96; Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 89-92.

[30] Конституция Российской Федерации. – М.: 2015.

[31] Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

[32] Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.; Ефремова Г.Х. Криминологические проблемы общественного мнения: Автореф. дис. ... докт. юрид.наук. – М., 1991.

традиции[33], а из общественного сознания выкорчевываются исторически присущие русскому народу соборность, стремление к коллективизму, сопереживание, мораль и духовность[34]. Наблюдается экспансия западной массовой культуры, искусства и т.д., что в конечном счете выливается в насилие, порнографию и секс, утрату по существу человечности. Чего стоит хотя бы обсуждение на государственном уровне в Канаде разрешения половых взаимоотношений с 6 лет, обсуждение на уроках в школе наличия не двух, как всем хорошо известно, а якобы шести имеющихся полов, и т.д. Разве можно представить такое в здравом уме и нормальной памяти хотя бы в конце XX или начале XXI века? А сегодня эти вопросы открыто обсуждаются и законодательно закрепляются в Канаде. Добавим сюда нездоровое общественное отношение и в Европе: однополые браки, представление им права усыновления детей, избрание в качестве руководителя главы государства путан и т.д. То, что всегда и везде считалось грехом, сегодня провозглашается благим делом. Западный мир катится к пропасти, и России не нужны его ценности. У нас есть свои, традиционные ценности, и конечно нельзя заменить нашу культуру, правовую ее разновидность[35] на западную. Все-таки у русских есть своя философия культуры и искусства, свои ценности[36].

IV. Методология уголовной политики фактически, как и

---

[33] Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.; Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 49-50.

[34] Романовская В.Б. Возрождение ведических знаний об обществе в современном мире // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2014. – № 1. (33). – С. 99-102; Романовская В.Б., Алборова А.Г. Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 1. – С. 169-175.

[35] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.; Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

[36] Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 432 с.; Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.

общественное сознание России, находится на перепутье. Отправные методологические принципы современной российской уголовной политики нередко выражаются в не совпадающих и даже явно противостоящих подходах к пониманию сущности, целевых установок, структуры и механизма уголовной политики. Водораздел проходит по линии материалистических и идеалистических воззрений на уголовную политику.

В юридической литературе получила распространение «новая концепция уголовной политики»[37], требующая «коренного пересмотра, отказа от прежних понятий и представлений» в связи с тем, что «уголовная политика служила до сих пор интересам тоталитарного государства и нередко не защищала, а подавляла личность»[38] Приведённая точка зрения на уголовную политику основывается на субъективно-идеалистическом миропонимании вообще и уголовной политики, в частности. Имеются и не столь радикальные, некие промежуточные методологические подходы и оценки уголовной политики, занимающие по своей сущности отстоящее от материализма и идеализма положение[39].

Не анализируя подробно все имеющиеся мировоззренческие и методологические принципы, требующие самостоятельного рассмотрения уместно отметить, что идейно-теоретическое противостояние в методологии и теории уголовной политики не может не отражаться на практике борьбы с преступностью во всех направлениях и формах уголовной политики, в том числе в уголовном законодательстве, в оценке причин преступности, в развитии науки уголовного права, криминологии и в эффективности их воздействия на объект уголовной политики – преступность, её состояние.

Здесь необходимо обратить внимание на сравнительно недавно вышедшую в издательстве СПбГУ книгу известного государственного и политического деятеля профессора Алексея Ивановича Александрова «Философия зла и философия преступности», которая с нашей точки зрения способна внести определенный вклад в методологию уголовной политики, и не только потому, что в ней имеется достаточно большой параграф третий главы четвертой, который получил наименование «К вопросу об уголовной политике государства», а в силу того, что вся

---

[37] Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992.

[38] Там же. С. 5.

[39] Аликперов Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Сов. государство и право. – 1991. – № 12.

книга дышит методологией борьбы с преступностью[40]. Автор иногда определяя и нащупывая наиболее эффективные пути борьбы с этим злом, определяя наиболее действенные рычаги государственного механизма, власти и ее лидера, забывает о необходимости контроля со стороны институтов гражданского общества над силовым блоком власти и лидером[41], за что уже подвергался критике в юридической литературе[42].

В основе же своей эта книга предлагает философский, политический, криминологический и уголовно-правовой анализ преступности, показывает опасность, которую несут наблюдаемая постоянно криминализация общественного сознания и рост преступности как в России, так и в мире в целом. Автор считает, что эти негативные проявления ставят под угрозу само существование человечества.

Книга вызывает большой интерес еще и потому, что в ней существенное внимание уделено таким проблемам, как: власть и преступность; уголовная политика и ответственность лидера власти за состояние борьбы с преступностью. Данные вопросы очень существенны, значимы и именно они вызывают определенную дискуссию и критику.

Говоря о методологическом значении книги профессора А.И. Александрова, хочется привести слова члена-корреспондента Российской Академии наук, профессора Д.А. Керимова, к сожалению, недавно ушедшего из жизни, из его вступительного слова к монографии: «А.И. Александров самым тщательным образом анализирует такие важнейшие проблемы, – *писал Д.А. Керимов,* – как влияние преступности на власть, значение правопорядка в жизни каждого человека и общества в целом, роль правопорядка в возникновении или предотвращении войн, терроризма, других негативных феноменов общественного бытия. Отчетливо показана опасность возрастания уровня преступности и безразличия к этому со стороны государственно-властных структур и институтов гражданского общества для нормальной жизнедеятельности отдельных стран и всего человечества.

Для труда А.И. Александрова, – *продолжил Д.А. Керимов,*

---

[40] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.

[41] Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.

[42] Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.

– характерен охват чрезвычайно широкого спектра проблем, таких как соотношение добра и зла, взаимосвязь и взаимодействие личности и власти, преступность, законность и порядок и др. Нельзя не поддержать вывод автора о необходимости системного научного подхода при анализе уголовной политики, внимательного, заинтересованного отношения власти к позиции, воззрениям, даже аксиологическим установкам ученых…»[43].

V. Существенно изменилась юридическая база уголовной политики, ее главная часть – уголовное законодательство, во многом вобравшее в себя непоследовательность мировоззренческой и методологической основ права. С одной стороны, принятый в 1996 году Уголовный кодекс РФ[44] устранил многие противоречия Уголовного кодекса РСФСР, провозгласил, казалось бы, демократические и гуманные социальные приоритеты – защиту прав и свобод личности[45]. С другой стороны, УК РФ не пошёл дальше деклараций, оставив личность один на один с захлёстывающей общество преступностью, направив свой карательный меч не столько на защиту личности, сколько на формирование отношений так называемого «свободного рынка», не решив главной своей задачи – борьбы с преступностью. Противоречие между буквой уголовного закона и практикой его применения было изначально заложено в новом УК, поскольку его социальная сущность определяется теми нормами, которые во многом противоречат экономическим и политическим реалиям России 90-х годов XX и начала XXI столетия. Они, эти реалии, ежечасно воспроизводят преступность в масштабах и на уровнях, далёких от смысла положений Конституции РФ, провозглашающих личность как высшую ценность государства (статья 2).

После принятия Российской Конституции было опубликовано большое количество работ, обосновывающих конституционное положение о человеке, его правах и свободах как высшей ценности общества и государства[46]. Сегодня все соглашаются с тем, что выше чело-

---

[43] Керимов Д.А. Вступительное слово // Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 5-7. С. 6.

[44] Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

45 Волженкин Б.В. Комментарий к новому Уголовному кодексу Российской Федерации // Уголовный кодекс Российской Федерации / С комментарием доктора юридических наук, профессора, государственного советника юстиции 3-го класса Б.В. Волженкина. – М., 1996. С. 5.

[46] Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11; Медведев С.М., Числов А.И.

века в иерархии ценностей вряд ли можно что найти. Повседневная правовая реальность показывает нам, что преступность и преступники не соглашаются с приведенным тезисом. В условиях рыночной экономики человек порой отодвигается в сторону, а на его место ставятся деньги. Деньги, деньги и деньги начинают поглощать все[47]. И обиднее всего, они (деньги) поглощают мораль, нравственность, духовность, да и самого человека, превращая его в бессердечную и бездушную вещь, способного и желающего только лишь одно – зарабатывать деньги. Общество потребления поглощает все на своем пути, в том числе и человека.

VI. В науке уголовного права нет единого понимания сущности, места, структуры, направлений уголовной политики. Большинство работ по проблемам уголовной политики написаны во времена, когда уголовная политика государства была качественно иной. Они не отражают уголовной политики современной России, имеющей качественно новые социально-экономические, политические, духовные и правовые основы. Правовая система государства, самостоятельной составляющей которой является уголовная политика и олицетворением которой служит Конституция Российской Федерации, фактически

Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153; Оль П.А., Сальников М.В., Тищенко А.Г. Право народов на самоопределение как принцип правового государства, формирующегося в условиях полиэтнической структуры общества: историческая ретроспектива и современность // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4. – С. 21-28; Романовская В.Б. Magna carta liber tatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261; Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66; Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61; Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.

47 Водолеев Г.С., Сидоренко С.Ф. Административные хроники. Книга 1. – СПб.: АураИнфо, 2013. – 320 с.; Водолеев Г.С., Сидоренко С.Ф. Административные хроники. Книга 2. – СПб.: АураИнфо, 2014. – 288 с.; Водолеев Г.С., Сидоренко С.Ф. Деньги, деньги, деньги… Книга I. – СПб.: Азбука, 2010. – 320 с.; Водолеев Г.С., Сидоренко С.Ф. Деньги, деньги, деньги… Книга II. – СПб.: АураИнфо, 2011.– 400 с.; Водолеев Г.С., Сидоренко С.Ф. Деньги, деньги, деньги… Книга III. – СПб.: АураИнфо, 2012. – 344 с.

противоположна правовой системе СССР.

Здесь уместно заметить, что начинают появляться новые работы, посвященные уголовной политике[48], среди которых можно выделить совсем недавно вышедшую монографию профессора МГиМО(У), доктора юридических наук Ивана Николаевича Кондрата «Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений»[49].

Само наименование книги И.Н. Кондрата говорит о созвучном понимании уголовной политики с тем, которое предлагает А.И. Александров. Такой подход вызывает надежду на возможность преодоления тех догм в понимании уголовной политики, которые существовали в прежние времена. Вызывает симпатию позиция И.Н. Кондрата в понимании уголовной политики. Он пишет: «Уголовную политику возможно охарактеризовать как идейную и правовую основу для определения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, социально-профилактических и иных мер борьбы с криминалом. Это политика определяет основные задачи, методы, силы и средства борьбы с преступностью, исходя из объективных закономерностей развития общества и принципов реформирования государства. Она призвана согласовывать систему соответствующих правовых норм и их практическую реализацию с основными общечеловеческими ценностями» [50].

Когда криминалист (в широком смысле слова), проработавший десятки лет в силовом блоке государственной власти, дослужившийся до уровня заместителя Генерального прокурора Российской Федерации и имеющего классный чин Государственного советника юстиции I класса, при определении уголовной политики пишет об основных общечеловеческих ценностях, то это обстоятельство свидетельствует о том, что страна (Россия) и ее силовой блок поворачиваются лицом к простому человеку. Ранее от государственных чиновников такого уровня можно было ждать только лишь выводы и поступки, связанные с обвинительным уклоном.

VII. Криминологический аспект уголовной политики РФ в законодательстве и в юридических науках лишь обозначен. В УК РФ он отражен в ст. 2, определяющей задачи уголовного кодекса и называющей в числе таковых предупреждение преступности. В обстоятельном учебнике по

---

[48] Третьяков И.Л. Уголовная политика в контексте естественно-исторического процесса // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 152-164.

[49] Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.

[50] Там же. С. 4.

криминологии, подготовленном в Санкт-Петербургском университете МВД России, об уголовной политике вообще не упоминается[51], видимо, с учётом того, что последняя является, как принято считать, предметом уголовного права. Такой подход не соответствует сущности, предмету, содержанию, месту и социальной роли уголовной политики, объект которой, преступность, по своей сущности является комплексным и составляет предмет ряда отраслей права, юридических и иных гуманитарных наук. И поскольку преступность составляет сущность предмета криминологии[52], то она, криминология, должна не только соприкасаться, но и непосредственно разрабатывать проблемы уголовной политики, что она фактически и делает, раскрывая общие и особенные вопросы борьбы с преступностью, её предупреждения[53], относящиеся и к доктринальной, и к предметно-практической сторонам предмета уголовной политики[54].

VIII. С вопросом о статусе и месте уголовной политики в системе юридических наук тесно связан и вопрос о взаимодействии различных отраслей права и разных юридических наук. Уголовная политика невозможна без такого взаимодействия, равно как и без диалектической взаимосвязи юридических и других наук. Особое значение в этом плане имеют социально-психологический и связанные с ним аспекты уголовной политики, в том числе биологический[55], демографический,

---

[51] Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.

[52] Там же. С. 5

[53] Там же. Гл. 5-9, 14.

[54] Стручков Н.А. Введение в криминологию: Лекция. – Л., 1977. С. 9.

[55] Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27; Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36; Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»); Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40; Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.

географический[56], экологический[57], а также международный.

В работах по указанным отраслям знания они отражены безотносительно к уголовной политике, хотя объективно связаны с ней и составляют свою сторону последней. Уголовная политика не может не учитывать биологические, социально-психологические, демографические, географические и иные естественные особенности объекта и субъекта своего социального воздействия. Злободневным сегодня является и международное сотрудничество в борьбе с преступностью[58].

Состояние научной разработки уголовной политики характеризуется следующими моментами.

1. Разработаны многие важные мировоззренческие, методологические, общетеоретические и общеправовые основы уголовной политики, борьбы с преступностью, её предупреждения. В этом плане существенным является вклад основоположников материализма и идеализма (А. Фейербах, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант), а также российских и зарубежных представителей юридической науки Б.В. Волженкина, А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, В.И. Курляндского, Н.В. Крыленко, В. Листа, А.С. Молодцова, Р. Нисбета, В.С. Прохорова, В.П. Сальникова.

2. По общим и относительно частным аспектам уголовной политики имеются работы известных российских дореволюционных, советских и зарубежных авторов, особенно таких, как И.М. Гальперин, А.А. Гернет, К.С. Гогель, П.И. Гришаев, М.В. Духовский, У. Зауэр, Н.А. Неклюдов, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, Н.Н. Полянский,

---

[56] Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: Автореф. дис....докт. юрид. наук. – СПб., 1998.

[57] Антонов И. А., Тарайко В. И. Экологическая преступность в Российской Федерации и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 59-66; Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А. Взаимодействие общества и природы: концепция правового моделирования // Региональная экология. – 2003. – № 3-4. – С. 75-78; Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А. Экологическое и земельное право в Санкт-Петербургском университете МВД России: черты научно-педагогической школы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 1. – С. 95-100; Тарайко В.И. Борьба с экологической преступностью и уголовный закон // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 47-51.

[58] Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность и правоохранительное сотрудничество в эпоху глобализации: Монография. – М.: ФОРУМ, 2010. – 224 с.; Макаров А.Д. Транспортная безопасность при перевозке опасных и особо опасных грузов в новых геополитических условиях: Автореф. дис. .. докт. юрид. наук. – СПб., 1999; Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 146-151.

У. Селинг, Н.Д. Сергеевский, Н.А. Стручков, Н.С. Таганцев, П. Таппэн, У. Уильямс, И.Я. Фойницкий, У. Фридман, М.П. Чубинский, Е. Шмит и др.

3. Предметный анализ проблем уголовной политики содержится в работах Н.А. Беляева[59], С.В. Бородина[60], В.А. Владимирова[61], Ю.А. Воронина [62], П.С. Дагеля [63], Б.Ж. Жунусова [64], Н.И. Загородникова[65], В.С. Зеленецкого[66], И.Н. Зубова[67], И.А. Исмаилова[68], И.И. Карпеца[69], М.П. Клейменова[70], В.М. Когана[71], А.И. Коробеева[72], Ю.И. Ляпунова[73],

---

59 Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986.

60 Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – М.: Наука, 1990.

61 Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и её отражение в действующем законодательстве: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979.

62 Воронин Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики: уголовно-правовой и криминолого-профилактический аспекты: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – Свердловск, 1983.

63 Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики.- Владивосток: Дальневосточн. ун-т, 1982.

64 Жунусов Б.Ж. Проблемы уголовной политики: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Алматы, 1994.

65 Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979.

66 Зеленецкий В.С. Концептуальные основы общей теории борьбы с преступностью: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Харьков, 1989.

67 Зубов И.Н. Государственно-правовые и организационные проблемы функционирования и развития системы МВД России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999.

68 Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика: актуальные проблемы организации борьбы с преступностью. – Баку: Азернешр, 1990.

69 Карпец И.И. Правовая наука и борьба с преступностью. – М., 1967.

70 Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование: Монография. – Томск, 1991.

71 Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983.

72 Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток: Дальневосточный ун-т, 1987.

73 Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и её отражение в действующем законодательстве: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979.

С.Ф. Милюкова[74], П.Н. Панченко[75], Ю.Е. Пермякова [76], Э.Э. Раска[77], К.Т. Ростова[78], В.Н. Сомина[79], А.Я. Сухарева[80], С.Г. Чаадаева[81] и др.

4. В XXI веке появился ряд солидных изданий современной уголовной политики России, в том числе многотомное монографическое исследование конкретных вопросов уголовной политики [82] Но это исследование, несмотря на свой внушительный объём, посвящено в основном уголовно-правовым аспектам уголовной политики. Вопросам уголовной политики в нём отводится всего одна глава [83] Многие принципиальные проблемы современной уголовной политики оно «дипломатично» обходит стороной. Не касается многих

---

74 Милюков С.Ф. Проблемы криминологического обоснования российского уголовного законодательства: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2000.

75 Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988.

76 Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993.

77 Раск Э.Э. Криминологическая профилактика преступности: Теоретические и методологические основы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1988.

78 Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: Автореф. дис....докт. юрид. наук. – СПб., 1998.

79 Сомин В.Н. Социальное управление предупреждением преступности: Введение в теорию. – Иркутск, 1990.

80 Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: Дис.... докт. юрид. наук, в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – М., 1996.

81 Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность: Проблемы, пути решения / Пособие для слушателей. – М.: Знание, 1991.

82 Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). – М., 2004; Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. – Н. Новгород, 2004; Перминов О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2003. – № 2; Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики. Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004; Стахов Я.Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при её реализации. – М., 2003; Сухарев А.Я., Алексеев А.И. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. – М., 1997; Уголовная политика и её реализация органами внутренних дел / Под. ред. Л.И. Беляевой. – М., 2003; Чаадаев С.Г. Уголовная политика основа законности борьбы с преступностью. – Н. Новгород, 1991; Энциклопедия уголовного права. В 5 томах / Изд. проф. Малинина. Т I – V. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. Объём каждого тома от 500 до 900 с.

83 Лесников Г.Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. В 35 томах / Изд. проф. Малинина. Т. I. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. Гл. 1.

принципиальных и спорных вопросов этой политики и изданная в 2006 г. монография известных исследователей уголовной политики РФ, посвященная её кризису[84].

5. До сих пор не решены существенные стороны и аспекты уголовной политики: соотношение политического, нормативно-правового и организационно-административного, материального и духовного элементов в её сущности, содержании и механизме. Имеются существенные противоречия в трактовке понятия, механизма, теории и практики этой политики. Недостаточно полно выявлены её системные противоречия и международные аспекты. Монографических работ, дающих комплексный, системный анализ названных проблем уголовной политики фактически нет.

Объектом исследования здесь должны выступать правоотношения, характеризующие уголовную политику современной России как самостоятельную форму и направление её общей политики.

Предметом же исследования – понятие, развитие, место, социальная роль уголовной политики современной России, её целевые установки, стратегия, тактика, правовой механизм, эффективность и магистральные направления совершенствования.

В качестве цели можно поставить комплексное, системное исследование уголовной политики современной России с акцентом на выяснение её концептуальных и конструктивных составляющих.

Для достижения поставленной цели необходимо сформулировать следующие задачи:

1) обобщить имеющиеся точки зрения на понятие, сущность, место и основные функции уголовной политики современной России и на этой основе дать своё понимание этих ключевых вопросов темы;
2) показать основные этапы и тенденции становления и развития уголовной политики России, её преемственность и новые характерные особенности на современном этапе российской истории;
3) обосновать диалектику объективных и субъективных факторов, определяющих преступность и уголовную политику;
4) выявить коренные социальные противоречия, порождающие преступность и обусловливающие противоречия современной уголовной политики России;
5) определить основные критерии эффективности уголовной политики;
6) попытаться доказать, что основой концепции современной

[84] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Т. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.

уголовной политики России должны быть её целевые стратегические установки на предупреждение преступности с опорой для этого на изучение и устранение коренных причин последней, совершенствование уголовного и смежных отраслей законодательства, создание, функционирование и повышение эффективности правоохранительного механизма, разработку и осуществление единой системы общесоциальных и специальных мер борьбы с преступностью;

7) раскрыть международные аспекты борьбы с транснациональной преступностью.

Все эти вопросы в полной мере до сих пор не исследованы. Вот почему мы полагаем, что проблема уголовной политики современной России продолжают до сих пор оставаться актуальной.

РАЗДЕЛ I.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА – ВИД ПОЛИТИКИ РОССИИ

1. Политико-правовая сущность уголовной политики

Основой любой методологии является категориально-понятийный аппарат, определение приоритетов важнейших для данного исследования категорий и понятий, их образующих признаков. Категории и понятия любой науки являются необходимыми формами научного мышления, ступенями и основой дальнейшего развития достигнутого знания. В источниках, в какой-либо мере касающихся темы настоящего исследования, нет единства в определении таких понятий, как «политика» и «уголовная политика».

Термин *политика* имеет ключевое методологическое значение для данного исследования. Он относится к предмету философии, социологии, политологии[85]. В данной статье нет необходимости рассматривать его детально. Поэтому в ней используются уже устоявшиеся определения, наиболее соответствующие современным научным воззрениям. В случаях, когда авторская точка зрения на тот или иной термин отличается от его общепринятого определения, аргументируется его авторское понимание.

Политика – это отношения между социальными общностями (классами, нациями, государствами), определяющие и реализующие направления, формы и способы их деятельности в борьбе за власть, коренные интересы и цели[86]. Во всяком случае так ее понимали многие годы в Советской стране. На таком понимании базировалась правовая наука более семидесяти лет.

Политические отношения, их субъекты, интересы и цели этих

---

[85] Андреев А.Л. Сущность политики как предмет философского анализа: Исторический и теоретический аспекты // Вестник Моск. ун-та. Серия 7: Философия. – 1990. – № 3. – С. 3-15; Рудич Ф.М. Политика как объект системного исследования: Философско-методологический анализ // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 1. – С. 19-27; Федоркин Н.С. Политика как социальный феномен и предмет политической науки // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. – 1995. – № 3. – С. 45-51.

[86] Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. – М., 1970; Ленин В.И. К вопросу о роли государства // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33. – М., 1974; Шахназаров Г.Х., Бурлацкий Ф.М. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. – 1980. – № 12. – С. 13.

субъектов, деятельность последних по достижению, организации и осуществлению государственной власти, направления, формы и способы такой деятельности, политические нормы и политическое сознание (идеология) – системообразующие составляющие политики. Основу политики составляет борьба социальных общностей (классов) за власть и всесторонняя деятельность государства по управлению социальными процессами[87]. Государство – основополагающий субъект политических отношений и политической деятельности.

Политика – концентрированное выражение экономики. Экономические (производственные) отношения составляют основу базиса, над которым возвышается политическая надстройка[88]. Определяемая экономикой, политика обладает относительной самостоятельностью, независимостью и играет решающую роль не только в развитии экономики, но и всей социальной системы[89].

Многообразие интересов и целей, направлений, форм и способов деятельности субъектов политических отношений по осуществлению своих интересов, детерминированных, в конечном счёте, разделением труда, развитием производительных сил, особенно средств производства, обусловливает многоуровневый и системный характер политики, разнообразие её исторических типов, форм, направлений, способов политической деятельности.

В сущности политики следует выделить две стороны, отражающие её двойственную, объективно-субъективную природу [90]. В научной литературе двойственная природа политики не получила должного освещения и анализа. С одной стороны, политика есть политические отношения и деятельность её субъектов и, как таковая, она носит объективный характер. С другой стороны, любая деятельность в силу её человеческой природы всегда опосредована сознанием людей. Интересы и цели субъектов политических отношений и политической деятельности являются самостоятельными элементами общественного сознания, отражением объективной стороны политики и формами

---

87 Туркин Л.П., Новицкий В.И. Принципы политики: ленинское методологическое наследие. – Свердловск, 1990; Азаров Н.И. Ленинское учение о политике и современность: Автореферат дис.... докт. филос. наук. – М., 1971; Борисенко В.В. Политика как категория исторического материализма: Автореферат дис.... канд. филос. наук. – М., 1974.

88 Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. С. 6-7.

89 Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – Т. 20. С. 188-189.

90 Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984. С. 127

выражения её субъективной стороны. Диалектическое единство и противоречивость объективного и субъективного в политике выражают необходимо-закономерный, естественноисторический характер политических процессов, политической деятельности, с одной стороны, и её субъективно-спонтанный, стихийный характер, с другой стороны. Это показал, например, английский историк-публицист А. Палмер, отразивший сложную взаимосвязь политических событий и процессов в Германии в «эпоху Бисмарка» (1848 – 1870 гг.) и историческую роль в них отдельной личности. Не будучи философом-материалистом, А. Палмер уловил диалектику объективного и субъективного в политике. Он пишет: «... В этой биографии я сделал акцент на самом Бисмарке как личности и государственном деятеле и меньше внимания уделял тем социально-экономическим условиям в Германии, на фоне которых происходило его становление как политического деятеля...» [91]. По А. Палмеру, колониальная политика «железного канцлера» была порождена бурным развитием экономики Германии, закономерностями формирования империализма, которые глубоко отразил в своей деятельности Бисмарк и особенности личности которого играли в этом развитии не последнюю роль.

Основные точки зрения на понятие уголовной политики в обобщённом виде представляются следующим образом. Уголовная политика – это:

I. Деятельность государства по борьбе с преступностью путём применения уголовного закона[92] или всех мер внеправового и правового характера[93].

II. Совокупность взглядов, идей и представлений об основных направлениях, средствах и путях борьбы с преступностью[94] или программа борьбы с преступностью и её реализация в деятельности

---

91 Палмер Алан. Бисмарк / Перевод с анг. И.С. Соколовой и др. – Смоленск, 1998. С. 3.

92 Алиев Я.Л., Артамонова Г.К., Берова Д.М., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123; Введение в криминологию: Лекция. – Л., 1977.

93 Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.

94 Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. – М.: Академия МВД СССР, 1980; Здравомыслов Б.В. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996. С. 4.

государственных и общественных организаций[95].

III. Общественные отношения в сфере борьбы с преступностью[96] или организация человеческих взаимоотношений посредством норм и институтов уголовного права[97].

В каждой из названных точек зрения есть своё «рациональное зерно», ибо все они отражают ту или иную сторону уголовной политики как системного социального явления. Верно, указывают Н.А. Стручков, Н.А. Беляев, М.И. Ковалёв, П.Н. Панченко, И.А. Исмаилов и др. на деятельную сторону и субъектов уголовной политики. Так же верно подчёркивание роли общественных отношений как сущности уголовной политики (Н.И. Загородников, Ю.Е. Пермяков, др.). Важен и духовный аспект уголовный политики, подчёркиваемый Б.В. Здравомысловым, Л.Д. Гаухманом, Ю. И. Ляпуновым и др.

Однако приведённые и примыкающие к ним не приведенные точки зрения на понятие уголовной политики не в полной мере учитывают ряд существенных моментов, являющихся для него системообразующими. Во-первых, они недостаточно точно определяют сущность уголовной политики. Сущность любого явления или понятия – это определяющая его природу внутренняя сторона или совокупность *нескольких* сторон (связей), изменение которых неизбежно влечёт изменение этого явления (понятия)[98]. Во-вторых, эти определения не принимают во внимание двойственную объективно-субъективную природу политики, относительно самостоятельной частью, формой которой является уголовная политика. Если даже согласиться, что уголовная политика есть деятельность её субъектов или отношения между ними, или даже теория (идеология) такой деятельности либо уголовно-правовых отношений, то и в этом случае объективно-субъективный характер уголовной политики сохраняется. Ведь источник, носитель и движущая сила и деятельности, и отношений в процессе деятельности, или идей – один и тот же. В-третьих, в указанных определениях, не выясняется сущность, диалектика (взаимосвязь) и приоритетность различных составляющих уголовной политики, связь

---

[95] Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989. С. 3.

[96] Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979. С. 8.

[97] Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 6.

[98] Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.

последних с соответствующими (аналогичными) составляющими политики вообще. В-четвёртых, указанные определения понятия уголовной политики не отражают изменившиеся социальные условия современной России, определяющие сущность, направления, формы и способы уголовной политики. Поясним более конкретно изложенные тезисы.

Сущность уголовной политики нельзя сводить к какой-то одной стороне (деятельность, отношения, идеи или теория). Она является системой внутренне связанных между собой элементов. Таковыми являются: политико-правовые отношения, юридические нормы, политико-правовая идеология (систематизированные идеи, взгляды), субъекты, их деятельность. Они, эти элементы, органично взаимосвязаны существенными общими моментами, иерархичны и взаимодействуют между собой. В то же время они являются относительно самостоятельными, имеют свою сущность и реализуются в присущих им формах. Выполняют характерные для них функции.

Существенными общими для них моментами являются:

- двойственный, то есть объективно-субъективный характер, присущий политике в целом и её составляющим – общественным отношениям, правовым нормам, правовой идеологии, субъектам, деятельности. Их объективность выражается в том, что они существуют не только и не столько в сознании, а в реальной действительности. Их носитель и источник – социальные силы – также имеет объективное, реальное проявление. Их субъективность заключается в их опосредованности сознанием субъектов политики, в присутствии в них идеальных форм выражения, что особенно характерно для правовой идеологии (правосознания);
- единый источник, носитель и единая движущая сила, каковыми являются субъекты уголовной политики;
- принадлежность к элементам единой системы. Составляя единое целое, взаимодействуя друг с другом, они образуют новое качество – уголовную политику как таковую, то есть уголовную политику исторически определённого характера, типа и формы;
- деятельность социальных носителей (субъектов) как основная форма их внешнего выражения, её общие проявления – направления, формы и способы;
- единая социальная сущность – интересы и цели субъектов уголовной политики.

Одновременно все указанные элементы уголовной политики являются относительно самостоятельными, поскольку каждый из них

имеет свою сущность, свои внешние формы выражения, реализует свои функции, занимает своё место в системе уголовной политики.

Социальные отношения как определённые внутренние связи между субъектами уголовной политики занимают приоритетное, определяющее, главное место в её сущности и системе. Их содержанием являются права и обязанности субъектов уголовной политики, реализующих посредством последних свои коренные (социально-политические) интересы и цели. По характеру эти отношения являются не любыми связями, а политико-правовыми. Политическое начало в них выражается в том, что они являются отношениями между различными, разнородными социальными общностями, среди которых ведущее место занимают социальные слои и группы, нации и государственные образования, имеющие различные и нередко противоположные социальные интересы и цели. Правовая природа отношений в сфере уголовной политики выражается в исключительно юридических формах их проявления и функционирования. Поэтому неточно и неполно определять сущность уголовной политики лишь как общественные отношения[99]. Тем более нельзя сводить их к любым взаимоотношениям между людьми[100].

Это не любые социальные связи, а связи в определённой области правовых отношений, объектом которых является преступность, деятельность по её предупреждению и устранению. Объект уголовной политики (преступность) характеризуется маргинальностью, то есть краевым местом в системе общественных отношений и ценностей, резкой антисоциальной направленностью, однозначно антисоциальными последствиями, объёмностью и комплексностью причиняемого социального вреда.

Уголовная политика, как и политика вообще всегда связаны с правом. На связь политики с правом указывают многие исследователи[101], которые подчеркивают несомненную связь политики и права, т.к. в основе их социального происхождения имеется единый материальный базис и направлены они на регулирования интересов и поведения людей в обществе. Советские исследователи всегда характеризовали право как явление социально политическое.

Уголовная политика является одной из составлющих общей

---

[99] Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979. С. 8

[100] Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 6.

[101] Ляков Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов-на-Дону, 1992; Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001.

государственно правовой политики. Известный российский государственно-политический деятель и ученый – юрист А.И. Александров в своей книге «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) пишет: Власть не может не реагировать на преступность; то, какой власть хочет видеть преступность и каким способом она готова привести преступность в это состояние, и есть уголовная политика государства. Поэтому самое простое, но тем не менее весьма емкое определение уголовной политики, на наш взгляд, такова: это отношение власти к преступности»[102].Отношение власти к преступности важно видеть в сравнении с отношением общества к преступности. Причем, как заметил Э.А. Поздняков, «отношение общества и государственной власти к преступлениям, степень его тождественности или расхождения есть одно из свидетельств целостности государства, его интегрированности, его нравственно здоровья»[103].

А.И. Александров поясняет далее: «Уголовная политика – эта желание (или нежелание) власти предупреждать преступления и раскрывать их, и даже более того – это само определение преступлений, того, что является преступлением, а что нет»[104].

Очень емкое определение, оно безусловно заслуживает самого пристального внимания и тщательного изучения. Несомненно, в юридической науке имеются и более развернутая характеристика уголовной политики, т.к. сама по себе уголовная политика как явление, но мнение А.И. Александрова, – ровесница государства и преступности. Первые же попытки научного осмысления данного явления можно обнаружить в глубокой древности, однако его исследование как научной дисциплины начинается лишь в условиях нового времени. М.П. Чубинский, крупнейший русский ученый, по существу первый исследователь российской уголовной политики, даже в трудах Платона и Аристотеля обнаружил некоторые, даже систематизированные требования уголовно-политического характера. Эти требования дальнейшее развитие получили в Древнем Риме и в творчестве представителей первых веков Христианской веры. И только лишь во второй половине XVIII века, в трудах Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Вольтера и др., происходит становление и формирование уголовной

---

[102] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. С. 265.

[103] Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001. С. 557.

[104] Александров А.И. Указ. соч. С. 263.

политики как научной дисциплины. По-существу именно эти мыслители – реформаторы «выпускают целые трактаты, широко охватывающие уголовно-политическую область; по существу дела с их трудов и нужно начинать историю уголовной политики как науки, ибо они на долгие годы дали для нее содержание и с большей полнотой систематизирована… необходимым для нее материалом, критически относясь к существующим порядкам правосудия и различая лучшее и должное». Однако подчеркивает исследователь, формально следует обратиться ко времени более позднему, т.к. самого понятия «уголовная политика» в тот период еще не было и его соотношении с наукой уголовного права никто не задумывался[105]. Вместе с тем, здесь важно заметить, что уголовно-политические идеи в творчестве мыслителей-реформаторов явно чувствовались.

В качестве примера возьмем итальянского юриста и просветителя Чезаре Беккариа (1738-1794). В его труде «О преступлениях и наказаниях»[106] звучат именно уголовно-политические мотивы. Он вскрывает наличие социальных противоречий в обществе, беззакония и несправедливости в нем. Среди же средств способствующих предупреждению преступлений называет следующие: ясные и простые законы, на защите которых должна быть сосредоточена вся сила нации; просвещение, идущее рука об руку со свободой; наличие исполнительной коллегии, более заинтересован в соблюдении законов, чем в их нарушении. Самым верным, но и самым трудным средством предупреждения преступлений Чезаре Беккариа считает усовершенствование воспитания, что, по его мнению, тесно связано с природой правления. По-существу имеется в виду правовое просвещение, правовое воспитание, формирование правовой культуры граждан. Разве это не проявление государственной политики? А если она направлена на предупреждение преступлений, разве это не уголовно-правовая политика? В предложениях мыслителя отчетливо наблюдается политический, социально-правовой характер необходимых для предупреждении преступности средств. Их осмысление подчеркивает значимость разнообразия, в том числе и политических, мер в обществе и государстве по формированию правопорядка, законности, прочной основы для безопасной социальной жизни. Важно подчеркнуть и то, что в творчестве Чезаря Беккариа, четко прослеживается мысль о том, что в первую очередь важны преобразования в тех сферах общественных отношений, которые касаются правового порядка, политической куль-

---

[105] Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909. С. 2-3.

[106] Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. – М., 1939.

туры и общественной нравственности[107]. Все это вместе взятое и дает основание вести речь о том, что именно мыслители-реформаторы XVIII века в свои трудах создали такой мощный и могучий реформаторский поток, который и привел, по утверждению М.П. Чубинского, к созданию уголовной политики как научной дисциплины.

Большинство представителей юридической науки и практики того времени, отнеслись, как посчитал М.П. Чубинский, враждебно к хлынувшему в общество потоку уголовно-политический идей. Юриспруденция того периода не хотела воспринимать политическую окраску преступности и процесса борьбы с ней: « как ни упорно отстаивала она каждую пять существующего строя, как ни открещивалась от вторжения в науку уголовного права уголовно-политического материала, сила развившихся прогрессивных идей взяла свое; она вызвала ряд крупнейших реформ и заставила криминалистов признать, что они в своей науке обязана говорить не только о том, что существует, но и о том, что должно существовать. Таким образом уже ранее существовавший уголовно-политический элемент впервые проник как таковой в науку уголовного права»[108].

На М.П. Чубинского, как первого российского первооткрывателя проблем уголовной политики указывает А.И. Александров. Он обращает внимание на то, что в России первым курс уголовно-политического содержания прочел именно М.П. Чубинский. Этот курс назывался «Новые учения в области уголовного права и процесса» и был прочитан в 1897 – 1898 гг. в университете Св. Владимира. В последующим ученый читал подобные курсы ежегодно в Демидовском лицее и в Харьковском университете. В 1897 г. Такой же курс М.П. Чубинским был объявлен в Санкт-Петербургском университете, а со второй половины того же года юридический факультет внес этот курс в число обязательных специальных курсов. Уголовная политика впервые в нашей стране стала предметом самостоятельного и планового преподавания в университетской аудитории[109].

В своих лекциях М.П. Чубинский обосновывал необходимость глубокого научного анализа уголовной политики, говорил о вреде одностороннего подхода к преступлению, ратовал за необходимость

---

[107] Фролова Н.А. Политические и правовые учения зарубежных стран история и современность: Учебное пособие / Под ред. Н.М. Чистякова. – М.: Орбита, 2011 . – 160 с. С. 66-77.

[108] Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909. С. 3.

[109] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. С. 265.

обращения внимания не только на конкретные отдельные преступления, но и на преступность в целом. По его мнению, уголовно-правовая наука должна не только содействовать поддержанию правопорядку, но и преследовать более широкую и плодотворную цель – способствовать наилучшей организации правосудия и наиболее успешной основанной на твердых научных данных борьбе с преступностью. По мнению М.П. Чубинского, уголовная политика для надлежащего выполнения своей научной миссии должна, не ограничиваясь рамками борьбы с преступностью, взять на себя и более широкие и важные задачи, связанные с совершенствованием уголовного законодательства и уголовного правосудия[110].

Девизом Российской политики М.П. Чубинский считал следующую фразу «Работа на реальной почве для пользы уголовного правосудия и с верой в идеалы человечества»[111].

Уголовная политика как предмет научного анализа привлекала и привлекает сегодня к себе внимание многих советских и российских исследователей. Можно вспомнить имена таких авторов А.И. Александров, А.И. Алексеев, Н.С. Алексеев, Н.А. Беляев, С.С. Босхолов, В.Н. Бурлаков, А.А. Вихрь, В.А. Владимиров, Б.Я. Гаврилов, Л.Д. Гаухман, Ю.В. Голик, П.С. Дагель, В.Г. Даев, Н.И. Загородников, С.И. Захарцев, Н.А. Зеленская, Д.В. Зубарева, В.Е. Квашис, М.И. Ковалев, Л.Д, Кокорев, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, Ю.М. Ляпунов, В.С. Овчинский, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, И.М. Ратимов, В.П.Сальников, А.И. Ситников, А.Ю. Соломин, Н.А. Стручков, А.И. Трусов, А.В. Усс, А.В. Федоров и многие другие. Каждый из них в отдельности и все вместе внесли свой весомый вклад в разработку теории и практики уголовной политики нашего Отечества [112].

---

[110] Там же. С. 265.

[111] Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909. С. 36, 49-52.

[112] Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.; Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980; Квашис В.Е. Принципы советской уголовной политики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. – М., 1981; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция В СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: РАН, МГУ,

Достаточно тщательный анализ позиций многих из приведенных выше авторов по вопросам уголовной политики, ее становления и развития в России, можно найти в фундаментальной книге А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности», где имеется специальный параграф (параграф 3 главы 4) названный автором «К вопросу об уголовной политике государства»[113]. В нем предлагается интересный материал по становлению научной теории уголовной политики в России. Он приводит нас к мысли, что определяющим в уголовной политике является политико-правовые отношения, связанные с преступностью: ее понимание, определение, формирование, борьба с ней и ее профилактика, создание законодательной базы и т.д.

Политико-правовые отношения являются определяющими, приоритетными и решающими в сущности уголовной политики. Именно они выступают в качестве объективного источника, генератора и необходимого естественноисторического начала других элементов политики вообще и уголовной политики в частности. Будучи сами обусловленными историческим типом и уровнем развития исторического процесса, экономическими и другими факторами развития общества, его противоречиями, они вызывают становление, развитие и функционирование юридических норм, правовое регулирование уголовной политики, их реализацию в деятельности её субъектов.

Юридические нормы являются исторически необходимой формой закрепления, внешнего выражения, фиксирования, внутренней организации политико-правовых отношений. Они соотносятся с политико-правовыми отношениями как содержание и форма[114], где содержанием являются отношения, а формой – юридические нормы. Отношения определяют характер, сущность, структуру, содержание и функции правовых норм. Нормы в свою очередь относительно самостоятельны и оказывают несомненное обратное воздействие на отношения, придают

Наука, Юридический центр Пресс, 2002; Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов-на-Дону, 1992; Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126; Спасенников Б.А. Анализ иностранного опыта пенитенциарной деятельности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 169-175.

[113] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). С. 262-282.

[114] Иванов В.Г., Парнюк М.А. Методологическая функция категорий диалектики в научном познании // Материалистическая диалектика. В пяти томах. Т. II. / Под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. – М., 1982. С. 97-98.

им определённую социальную направленность и организацию [115]. В то же время правовые нормы являются сугубо формальным абстрактно-логическим элементом уголовной политики. Как правила поведения они сами нуждаются в реализации. Вне последней они остаются томами нормативных актов, сотнями и тысячами символов или идеалов, лишенных жизненной силы.

Деятельность – единственная и *решающая* составляющая уголовной политики, интегрирующая в себе политико-правовые отношения, правовые нормы, правовые идеи и взгляды. Как целенаправленное активное поведение деятельность представляет собой волевые социально осмысленные массовые динамичные действия социальных общностей или их представителей с целью удовлетворения ими своих интересов и потребностей[116].

Применительно к уголовной политике деятельность имеет ряд существенных особенностей:

1. Её сущность составляют общественные отношения в области укрепления законности, предупреждения и устранения преступности, соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. По характеру и структуре эти отношения являются преимущественно правоотношениями, включающими в себя конституционные, уголовные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, административные и иные правоотношения. Эти отношения регулируются и нормами соответствующих отраслей права.

2. В этой связи неосновательно связывать уголовную политику только с нормами уголовного закона[117]. Уголовное законодательство, уголовно-правовое воздействие на преступников не единственное и даже не самое главное средство в борьбе с преступностью. Его роль нельзя недооценивать, но нельзя и переоценивать. Применение уголовного закона – одно из направлений, одна из форм, один из способов борьбы с преступностью. Оно, такое применение, составляет юридическую основу этой борьбы, но не сводится к нему.

3. Деятельность по укреплению законности, по борьбе с преступностью, её предупреждению и устранению, а также соблюдению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина по своей

---

[115] Бабаев В.К. Нормы права // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. С. 283-285.

[116] Карпунин В.А. Деятельность как способ существования человека // Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. И.И. Кального, В.А. Карпунина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. С. 473-489.

[117] Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 6-7.

социальной сущности и роли является относительно самостоятельной системой направлений, форм, способов и средств. В её основе, подчеркнём ещё раз, лежат разнообразные, а не только уголовные правоотношения и нормы. Инструментарий этой деятельности определяется многими факторами, все из которых являются социальными, и включает самые различные меры и социальные рычаги[118].

Следует согласиться с авторами, которые подчёркивают комплексность, системность механизма борьбы с преступностью, не противопоставляют так называемые широкий[119] и узкий[120] трактовки уголовной политики[121].

Системный, комплексный характер мер борьбы с преступностью обусловливается её сущностью как массового социального явления, порождённого социальными причинами. Причины преступности носят многоуровневый характер, охватывают практически все сферы общественной жизни. Борьба с преступностью в своей основе имеет глубокое уяснение её причин, с одной стороны, и использование всех имеющихся у государства (общества) мер и средств для их устранения – с другой. И в силу этого уголовная политика, правоохранительная деятельность государства[122], важнейшей задачей которой является укрепление законности, предупреждение и устранение преступности, соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, не может ограничиваться и на практике не ограничивается

---

[118] Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 50-55; Григонис Э.П., Харченко О.В. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации. – СПб.: Книжный дом, 2007; Гуциериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы / Под общ. ред. В.А. Галкова. – Белгород, 2001; Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.

[119] Герцензон А.А. Уголовное право и социология. – М., 1970. С. 179;Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Сов. государство и право. – 1978. – № 12. С. 70.

[120] Стручков Н.А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970. С. 12.

[121] Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988.

[122] Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.

применением лишь мер уголовно-правового воздействия. Последние занимают лишь то место, которое обусловлено пределами преступности деяния и уголовным законодательством.

4. Сущность деятельности как магистральной составляющей уголовной политики включает две стороны. Первая – это материализованные формы социально активного урегулированного законом поведения, действия. Такими формами поведения и являются направления, формы и способы борьбы с преступностью, образующих в своей совокупности и взаимосвязи практику уголовной политики. *Практика уголовной политики реализуется как правоохранительная деятельность*[123]. Направления характеризуют чётко определённую область правоохранительной деятельности[124]. Характер и специфика сфер преступности, её *структура*[125] являются основными, хотя и не исчерпывающими критериями и указателями социальной направленности этой борьбы. По этим критериям в теории и на практике различаются виды правоохранительной деятельности: борьба с экономической, организованной преступностью, борьба преступностью несовершеннолетних, с насильственными преступлениями, в сфере собственности, экологии и т.п. О направлениях уголовной политики будет сказано в самостоятельном разделе работы.

Формы деятельности по борьбе с преступностью как способы деятельности, способы её внутренней организации[126] отражают направления этой деятельности. В конечном счёте, они, как и направления деятельности, определяются характером и структурой преступности, её видами. Внешне они проявляются как разнообразные по характеру меры борьбы с преступностью и методы, как виды, способы и средства правоохранительной деятельности. Это могут быть правовые и внеправовые, принудительные, карательные (репрессивные) и социализаторские (воспитательные), организационно-административные и

---

[123] Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 11, 18-19.

[124] Криминология и профилактика преступлений: Учебник / Под ред. А.И. Алексеева. – М., 1985. С. 44.

[125] Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милюков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998.

[126] Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. Изд. 4-е. – М., 1980. С. 334.

идеологические и т.п. формы.

Способы деятельности как её конкретные приёмы, пути и средства реализации приёмов определяются характером и содержанием правоохранительной деятельности. Они включают всю гамму способов теоретической и практической деятельности.

Вторая сторона деятельности по борьбе с преступностью носит идейно-теоретический, абстрактно-логический, доктринальный характер. По своей природе она является мыслительной, идеально-теоретической деятельностью. Её можно именовать как *теорию* уголовной политики, а точнее как её теорию и *идеологию*. Как теория уголовная политика является системой категорий, понятий, научных концепций доктрин и им подобных форм научного знания, с той или иной мерой адекватности отражающих жизненные реалии в сфере борьбы с преступностью. Как идеология уголовная политика есть система идей, взглядов, оценок, установок, планов, программ и им подобных логических образований, выражающих интересы и цели их социальных носителей.

Интересы как осознанные потребности социальных общностей[127] и цели как логические модели желаемых (ожидаемых) внешних изменений (результатов деятельности)[128] составляют идеальную основу уголовной политики и, прежде всего, деятельности её субъектов. Интересы и цели служат идеальным мотивом и внутренней движущей силой деятельности, обеспечивающими единство и целостность всех составляющих уголовной политики, её теории и практики. Формирует и определяет интересы и цели идеология, правовая идеология.

Правовая идеология как система взглядов господствующих социально-политических сил на сущность, место и роль права и правовых средств (методов) в функционировании и развитии социальной системы [129] является идейно-теоретическим основанием уголовной политики, правоохранительной деятельности, их идеальным побуждением, обоснованием. Она определяет социальную сущность, характер, направленность, уровень развития уголовной политики, её направления, формы, способы, средства.

Правовая идеология реализует мировоззренческую, методоло-

---

[127] Карпунин В.А. Деятельность как способ существования человека // Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. И.И. Кального, В.А. Карпунина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. С. 473.

[128] Там же. С. 478.

[129] Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996. С. 41.

гическую, социально-ориентирующую, кумулятивную, прогностическую, воспитательную (социализаторскую) и иные функции уголовной политики. Отсюда правовая идеология – системообразующий компонент уголовной политики. Поэтому неосновательными и не соответствующими реальности являются концепции уголовной политики, отрицающие необходимо-закономерную связь уголовной политики и идеологии, абсолютизирующие субъективные, идеальные и естественно-природные элементы в причинах и состоянии преступности, в правоохранительной деятельности[130].

Единство идейно-теоретической, абстрактно-логической и деятельно-практической сторон составляет сущность уголовной политики. Творческая, эвристическая сторона уголовной политики, несмотря на свою производность от деятельно-практической стороны, является решающей, так как именно она определяет реальность и эффективность этой политики.

В свою очередь научно-теоретическая (доктринальная) и деятельно-практическая стороны уголовной политики являются одновременно и единой, и противоречивой системой. Постоянно взаимодействуют друг с другом. Их единство состоит в объекте и субъекте уголовной политики, в механизме её реализации, правоохранительной деятельности, противоречивость – в противоположности теории и практики, в противоречиях между ними.

5. Деятельность по борьбе с преступностью, правоохранительная деятельность не просто вид и направление политики. Она представляет собой *особый вид* государственной, *политической* деятельности, поскольку осуществляется государством или от имени государства, в его интересах, в юридических и неюридических формах, определяемых государством. По своей сущности эта деятельность так или иначе выражает интересы и цели всех социальных общностей, общества, его слоёв, граждан. Её особый характер проявляется в специфике объекта, о чём говорилось, повышенной социальной полезности, использовании вооружённых форм и средств насилия, в повышенном риске, опасности для её субъектов[131].

Субъекты – основополагающий системообразующий элемент уголовной политики. Они в интегрированном виде являются её

---

[130] Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992.

[131] Зубов И.Н. Государственно-правовые и организационные проблемы функционирования и развития системы МВД России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999. С. 7-9.

источником, носителем, движущей и решающей силой, главным элементом её механизма, синтезом материальной, деятельно-практической и идейно-теоретической, доктринальной сторон. Именно их интересы и цели воплощают в себе диалектическое единство всех составляющих уголовной политики – политико-правовых отношений, правовых норм, правовой идеологии, её теории и практики. Они, их интересы и цели, определяют и решают все остальные составляющие уголовной политики, её эффективность и результаты.

В научной литературе нет единого понимания круга и объёма субъектов уголовной политики. Большинство учёных к ним относят государство, общественные организации и граждан[132].

Ряд учёных субъектами уголовной политики считает все государственные и общественные организации, должностных лиц, участвующих в разработке программ борьбы с преступностью и их реализации[133].

Некоторые авторы под ними понимают само общество, «а не государственные учреждения»[134]. Есть авторы, которые полагают, что таковыми являются «материальные придатки государства», то есть его силовые структуры[135].

В каждой их названных точек зрения есть свои плюсы и минусы. Основная часть авторов в качестве основного субъекта уголовной политики указывает государство. И это обосновано. Во-первых, уголовная политика – это составная часть политики. Любая политика не существует вне государственной деятельности. Политику делают властные структуры государства, а не государство вообще. Во-вторых, уголовная политика – это государственная политика. Она осуществляется от имени государства, выражает интересы тех социальных сил, которые стоят у власти. В-третьих, уголовная политика реализуется исключительно на основании и в рамках, а также в формах, установленных

---

[132] Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979; Зубов И.Н. Система МВД России: современные проблемы функционирования и развития: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998; Ковалев М.И., Воронин Ю.А. Криминология и уголовная политика. – Свердловск, 1980.

[133] Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989. С. 3; Миньковский Г.М. О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР: Труды Академии МВД СССР. – М., 1982. С. 78

[134] Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 7.

[135] Булатов С.Я. Уголовная политика эпохи империализма. – М.: Советское законодательство, 1933. С. 9.

или санкционированных законом (государством). В-четвёртых, объект уголовной политики (преступность и деятельность по её предупреждению и устранению) требуют применения и использования принуждения, насилия вплоть до его крайних форм и средств, которыми располагает только государство. Несанкционированное (властью, законом) применение насилия есть минимум правонарушение, максимум – преступление, ибо оно в корне противоречит интересам, по крайней мере, сил, стоящих у власти, а в большинстве случаев – интересам общества и всех граждан.

Позиции, полагающие субъектами уголовной политики только общество в целом или только силовые структуры, страдают крайностями. Они или не признают государственного нормативно-правового характера уголовной политики или абсолютизируют роль силовых структур (правоохранительных органов) государства. Да, общество заинтересовано в устранении преступности. Но это лишь в абстрактно-логической форме. Оно, общество, слишком разнородно. Интересы его многих сил не только различны, но и противоположны. И то, что считает преступлением одна сила, может быть социально полезным поведением для другой социальной силы. Кто бы и как бы не отрицал наличия бедных и богатых в обществе рыночной экономики и не говорил об их «партнёрстве», не может не видеть в нём глубоких социальных противоречий. Для современной России это тоже (как и для других стран) реальность. Некоторые социальные слои, например, организованные мафиозно-преступные структуры представляют силу, явно враждебную и государству, и всему обществу, силу, отторгаемую ими. Они, как и все преступники, являются источниками, создателями и носителями объекта уголовной политики, но не её субъектами.

Не следует ограничивать круг субъектов уголовной политики и силовыми структурами, правоохранительными органами. Их место и роль в разработке и осуществлении уголовной политики несомненна. Об этом будет сказано более конкретно. Но эти органы – не единственные субъекты борьбы с преступностью и её предупреждения. По закону, в такой деятельности, помимо государственных органов, участвуют и общественные организации, и граждане. УПК РСФСР прямо предусматривал участие общественности в раскрытии преступлений, розыске лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений[136]. УПК РФ не содержит указанной нормы (а жаль). Но он предусматривает различные формы участия граждан в уголовном процессе

[136] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2015. Ст. 28.

– специалисты, эксперты, свидетели, понятые и другие[137].

Совершенно верно полагают те ученые и юристы-практики, которые выступают за расширение круга лиц и форм участия граждан, общественных организаций в борьбе с преступностью[138].

В числе последних могут быть все объединения граждан правоохранительной направленности[139]. Другое дело, что такое участие не должно выходить за рамки закона и подменять органы власти, принимающие решения по тем или иным вопросам правоохранительной деятельности. Оно, это *участие*, должно быть ограничено выполнением гражданами и общественными организациями *вспомогательных* функций правоохранительной деятельности. В любом случае оно, участие в правоохранительной деятельности необходимо, поскольку преступность – массовое социальное явление и бороться с нею должны именно массы, общество в лице его граждан и общественных организаций. Авторы нового УПК, видимо, не случайно отказались от помощи общественности в борьбе с преступностью. Они учитывали социальную сущность и направленность этого кодекса. Судя, по его содержанию и форме, этот кодекс не имеет в виду защиту интересов «человека с улицы», хотя и декларирует такую цель.

Субъекты уголовной политики – это те участники уголовно-политической деятельности, которые в той или иной форме и в рамках, установленных законом, осуществляют функции предупреждения и устранения преступности. Следует согласиться с учёными, которые используют в качестве критериев классификации субъектов предупреждения преступности, а это и есть все субъекты уголовной политики, место (компетенцию) и роль (выполняемые функции) в предупреждении [140] и устранении преступности. По этим критериям субъекты уголовной политики классифицируются на следующие виды.

1. Субъекты общегосударственной юрисдикции – федеральные, региональные и местные органы власти и управления, реализующие регулятивные, административно-организационные, распорядительные и исполнительные функции правоохранительного и профилактического

---

[137] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Ст. 46, 47, 52- 57, 72, 78, 94, 95, 135, 159, 242, 420 и др.

[138] Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М.: Академия МВД СССР, 1980.

[139] О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Российской Федерации // Письмо МВД РФ Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину от 04.12.1996 г. № 1/20021.

[140] Бурлаков В.Н. Предупреждение преступности // Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. С. 240.

характера (законодательные, исполнительные и судебные общеконституционные органы власти (управления).

2. Субъекты специальной государственной юрисдикции – государственные органы, непосредственно осуществляющие правоохранительные функции – все правоохранительные органы государства, силовые структуры, которые в той или иной мере занимаются предупреждением или подавлением преступности, в том числе суд, МВД, ФСБ, прокуратура, таможенные органы, судебно-исполнительные органы в лице Службы судебных приставов, вооружённые силы, другие рода и виды военизированных формирований.

3. Субъекты общей юрисдикции – общественные организации, их органы, учреждения, объединения, в том числе политические партии, профсоюзы, церковь, а также граждане, реализующие вспомогательные правоохранительные функции политического, идеологического, духовного и специального (юридического) характера.

Приведённая классификация позволяет сделать вывод о системном, комплексном характере субъектов уголовной политики, иерархичности их структуры, неоднозначности их места и социальной роли в функционировании, развитии и осуществлении уголовной политики. Из этой классификации следует, что если первый вид субъектов определяет социальную сущность, характер, и социальную направленность уголовной политики, а третий вид играет второстепенную, вспомогательную роль в функционировании, то второй вид является решающей силой её формирования, развития, функционирования, реализации и эффективности. Более того, из этой классификации можно заключить, что правоохранительные органы занимают ведущее место в реализации уголовной политики и выполняют в этом решающую роль. Эта роль выражается в том, что:

I. Правоохранительные органы олицетворяют единство и противоречивость теории и практики уголовной политики, её субъективно-идеальной стороны (теория) и объективно-материальной стороны (практика). Их социальная роль в разработке и осуществлении уголовной политики проявляется как *единый творческий процесс*, в котором теория и практика одновременно и соединяются, и различаются, и предполагают, и исключают друг друга. Их единство и противоречие выступает как единый диалектический процесс функционирования правоохранительной системы государства.

II. Важнейшими функциями правоохранительных органов в реализации уголовной политики являются:

- онтологическая – укрепление законности, борьба с преступностью, выявление и устранение причин и условий, её

порождающих или способствующих ей, соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, общества и государства;

- творческая, эвристическая или идейно-теоретическая (доктринально-идеологическая), которая в свою очередь осуществляется как мировоззренчески-методологическая – разработка мировоззрения (правовой идеологии), методологии, теории преступности, стратегии и тактики борьбы с ней; теоретико-гносеологическая – исследование преступности и всех элементов системы мер и средств борьбы с ней;
- инициативно-нормотворческая и регулятивная функция – инициирование, разработка проектов законов и издание нормативных актов в пределах компетенции каждого правоохранительного органа;
- административно-организационная функция – создание и организация работы аппарата правоохранительных структур;
- контрольно-охранительная функция – осуществление контроля над преступностью, ограничение и устранение её как массового социального явления;
- карательно-репрессивная, судебно-сыскная функция – расследование преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности, рассмотрение и разрешение уголовных дел;
- профилактическая функция – предупреждение преступности, разработка и реализация системы профилактических мер;
- социализаторская (воспитательная) функция – пропаганда норм права и законопослушного образа жизни, правовое воспитание граждан;
- научно-исследовательская – организация и проведение научных исследований методологического, общесоциологического, правового, криминологического, естественнонаучного характера по всем вопросам уголовной политики;
- другие функции, связанные с детализацией и конкретизацией вышеперечисленных функций[141].

3. Правоохранительные органы, инициируя законотворчество, применяя и исполняя закон (прежде всего, уголовный), в конечном счёте, определяют реальные, практические пределы общественной опасности, противоправности деяния и преступности в целом. Тем

[141] Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 9-14, 44-54, 110-120.

самым они играют решающую роль в определении эффективности правоохранительной деятельности и правовой системы государства в целом, в обеспечении гарантий соблюдения законных прав и свобод личности, в функционировании всех демократических институтов государства[142].

Важным признаком понятия уголовной политики является её *функционально-целевая установка*. В общем плане она формируется политикой и идеологией государства, определяется его общественным и государственным строем, разрабатывается и реализуется правоохранительной деятельностью, в осуществлении которой решающую роль играют правоохранительные органы. Конкретно эта установка разрабатывается носителями и распространителями правовой идеологии. Правовая идеология как форма идеологии государства по-разному реализует свои функции. Она может способствовать развитию и повышению эффективности уголовной политики или замедлять процесс её реализации, что в свою очередь зависит от характера, социальной направленности и содержания этой идеологии. Противоречивость этой идеологии резко снижает её социальную эффективность, повышает элемент стихийности в осуществлении уголовной политики[143].

Современное российское законодательство, особенно УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, является формально-законодательным закреплением и осуществлением правовой идеологии. Официально, то есть в лице уголовного закона, основными функциями уголовной политики декларируются предупреждение, устранение преступности, охрана прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства[144]. Объективно эти функции соответствуют сущности и функциональному предназначению уголовной политики, отражают реальное состояние, структуру, динамику, характер преступности современной России. Однако практика реализации этих функций далека от желаемого результата: каждая из них, если и реализуется, то лишь в

---

[142] Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 4, 15-16.

[143] Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 135-147; Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество и государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 129-137.

[144] Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015. Ст. 2.

отдаленном приближении[145].

Причиной такого противоречия является системный кризис российского общества, переходный характер современного этапа его развития[146]. Сущность переходного этапа составляет процесс смены исторического способа производства и всей системы общественных отношений, общественного строя. Этот этап, в конечном счёте, определяет характер и уровень проявления, а также взаимосвязь всех системообразующих составляющих уголовной политики. Именно он обусловливает основательность характеристики этой политики как *современной* уголовной политики России. Этот этап характеризуется острыми, доходящими до антагонизма социальными противоречиями, которые неизбежно выливаются в противоречия политико-правовых отношений, юридических норм,

Анализ составляющих уголовной политики позволяет определить её как *систему политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в направлениях, формах и способах деятельности её субъектов по укреплению законности, предупреждению и устранению преступности, соблюдению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в переходный для российского общества период.*

Наряду с правовыми отношениями и нормами, уголовная политика охватывает и значительную часть сугубо социально-политических отношений и норм, являющихся предметом социальной политики государства. Специфический характер таких отношений, их *криминологическая, правоохранительная сущность* позволяет выделить эти отношения и нормы в самостоятельный вид и самостоятельное направление политики государства.

То же можно сказать и о методе социального (правового) регулирования уголовной политики. Для её метода характерны относительно однородные принудительно-репрессивные меры воздействия на объект. Но эти меры не исключают применения сугубо социально-политических мер воздействия, мер убеждения и социализации, которые на данном историческом этапе развития российского общества всё же являются вспомогательными, факультативными по отношению к карательно-репрессивным мерам принуждения. Приоритет

---

[145] Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. – М., 2000; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. – М., 2005.

[146] Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988. С. 130-131.

государственно-принудительных методов воздействия определяется переходным характером современного этапа развития российского общества. Он исторически обусловлен его глубокими социальными противоречиями, необходимостью обеспечить целостность, суверенитет и стабильность государства, мирный выход общества из кризиса.

Существенные признаки понятия уголовной политики – её специфические субъекты, формы, способы и средства. Для субъектов уголовной политики характерно или непосредственная принадлежность к государству, органам власти (управления), или наличие у них социально-правового статуса, определённого и установленного государством. Государство в законе устанавливает сугубо *юридические* формы, пределы и средства деятельности этих субъектов.

Необходимым понятием уголовной политики являются её социальные функции. Эти функции в своей основе совпадают с уже рассмотренными функциями правоохранительных органов, правоохранительной деятельности. Среди указанных функций особо следует выделить методологические и правоохранительные функции. Они являются определяющими в борьбе с преступностью. При этом, как подчёркивалось, единство и взаимосвязь доктринальной и деятельно-практической сторон уголовной политики обусловливает и единство, взаимосвязь всех её функций.

Вместе с тем, функции уголовной политики не ограничиваются функциями правоохранительных органов, правоохранительной деятельности. Системный, комплексный, интегрированный характер сущности уголовной политики, её объекта, предмета и метода предопределяет системный, комплексный и интегрированный характер её функций. Функции уголовной политики можно представить в виде иерархичной системы относительно самостоятельных элементов, выражающих специфику её субъектов, их место в системе политики, компетенции, характер и направления деятельности. Основополагающими элементами системы функций уголовной политики являются следующие.

1. Функции субъектов общегосударственной юрисдикции: онтологическая, нормотворческая, регулятивная, контрольная, организационно-административная, исполнительно-распорядительная, судебная, материально-ресурсная. Они выражаются в издании законодательных и нормативно-правовых актов по всем аспектам уголовной политики в пределах компетенции каждого соответствующего органа государственной власти. В укреплении, осуществлении государственного контроля и надзора за законностью в деятельности государственных органов, общественных организаций и граждан, в

организации и координации функционирования всего правоохранительного механизма. В разработке государственных концепций и программ предупреждения и борьбы с преступностью, в создании и обеспечении материальной базы и ресурсов уголовной политики. Определяющую роль в системе указанных функций играют функции законодательной власти, решающую – исполнительной власти.

2. Функции субъектов специальной государственной юрисдикции – правоохранительных органов и силовых структур сопряжённой с ними юрисдикции. По своему характеру, как подчёркивалось, эти функции являются преимущественно исполнительными. Основными из них являются исполнение законов и предписаний государственной власти, предупреждение и устранение преступности, организационно-административная, карательная, доктринально-идеологическая и нормативно-прогностическая функции.

3. Функции субъектов общей юрисдикции. Они носят многоуровневый, разнородный, вспомогательный характер. Выражаются в реализации задач в пределах, в формах и с использованием средств, присущих социально-правовому статусу того или иного субъекта. Например, политические партии федерального статуса участвуют в разработке соответствующих законопроектов, программ, в организации и проведении избирательной кампании, в деятельности парламентских фракций, в оценке социально-политической, криминогенной ситуации в стране и её регионах, реализуют наказы и волю соответствующих слоёв населения. Церковь характерными для неё формами и способами активно влияет на формирование духовной, нравственной, законопослушной атмосферы в обществе.

Выводы:

1. Уголовная политика представляет собой систему политико-правовых отношений, юридических норм, политико-правовых идей и взглядов, реализующихся в направлениях, формах и способах деятельности её субъектов по укреплению законности, предупреждению и устранению преступности, соблюдению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в переходный для российского общества период.

2. Системообразующими составляющими уголовной политики являются систематизированные политико-правовые отношения, юридические нормы, политико-правовые идеи и взгляды, их социальные носители (субъекты), деятельность последних, её направления, формы и способы, преступность как специфический объект государственной деятельности по борьбе с преступностью, функционально-целевая установка на предупреждение и устранение преступности.

Сущность уголовной политики определяется интересами и целями её носителей. Переходный, противоречивый характер современного этапа развития российского общества и государства обусловливает исторически переходный тип его уголовной политики.

3. Функции уголовной политики обусловлены характером и природой её субъектов, их компетенцией и социально-правовым статусом. Они носят многоуровневый, разнородный и иерархичный характер и включают: функции субъектов общегосударственной юрисдикции, специальной государственной юрисдикции и общей. Особое место в реализации уголовной политики, её социальной роли занимают функции правоохранительных органов и сопряженных с ними силовых структур, осуществляющих деятельность по предупреждению и устранению преступности. Основными функциями уголовной политики являются предупреждение и устранение преступности, организационно-административная, карательная, доктринально-идеологическая и нормативно-прогностическая.

4. Государственно-принудительные формы, методы и способы уголовной политики, содержащие в себе значительный элемент принуждения, исторически обусловлены переходным этапом развития России и связанным с ним её объектом, то есть преступностью, её состоянием.

2. Уголовная политика как естественноисторический процесс

Чтобы понять *современную* уголовную политику России, важно уяснить ее истоки, основные этапы развития, основные факторы, обслуживающие ее. Однако было бы ошибкой напрямую связывать развитие уголовной политики как системы общественных отношений и как направления политической деятельности в сфере борьбы с преступностью с изменением способа производства, производственных отношений. Уголовная политика является производной от материальных условий общества, системой отношений, норм, идей и деятельности по их реализации. Но эта система составляет лишь небольшую часть надстройки, имеет относительные пределы самостоятельности и по-своему оказывает воздействие и на базис, и на надстройку, в том числе на экономику и политику государства. По мнению Э.Ю. Соловьёва, «правовые общественные отношения возникают и функционируют не по указанию правителей, а на основе *свободного волеизъявления* и встречной заинтересованности людей» [147].

[147] Соловьёв Э.Ю. Личность и право // Вопросы философии. –1989. – № 8. –

Развитие уголовной политики определяется, с одной стороны, материальными факторами общественной жизни – экономикой, политикой, всей системой общественных отношений. С другой стороны, связь уголовной политики с объективными социальными факторами носит сложный, а именно диалектический, противоречивый характер, охватывающий как единство экономики, политики и права, так и их различия, сложное взаимодействие. Можно согласиться с Э.Ю. Соловьёвым в том, что правовые отношения возникают и развиваются не по указанию (воле) правителей, а в силу заинтересованности людей. Несостоятельным является тезис о свободном волеизъявлении людей и никчемности воли правителей в этом процессе.

Воля правителя и волеизъявление людей, как элементы различных уровней общественного сознания, являются субъективным отражением их интересов, представляющих собой определённые уровни и определённые формы осмысления, осознания их потребностей, а, следовательно, и тех общественных отношений, той экономики и политики, которые были характерными в конкретно-исторический этап (период) развития общества.

Это значит, что *существенным элементом в механизме связи экономики, политики и права, а также уголовной политики является общественное сознание*[148]*, её теоретический уровень – идеология и форма последней – правовая идеология*. Идеология, правовая идеология, как и другие формы общественного сознания, имеют свои законы развития, как правило, отстают в своём развитии от их материальных носителей – форм общественных отношений, от экономики, политики, права. Но они способны и опережать развитие последних. Характер и мера воздействия идеологии на экономику, политику и право определяется социальной сущностью, направленностью, характером идеологии, интересами и целями её носителя. Прогрессивные носители способны вырабатывать более передовые идеи и взгляды, более адекватно отражать социальную действительность. И делают это, как правило, наиболее подготовленные представители экономически и политически господствующей социальной общности, то есть «правители» (личности).

Совокупность объективных и субъективных факторов общественной жизни, их разнообразное сочетание даёт многообразие исторических форм взаимосвязи экономики, политики и права, форм

С. 67-68.

[148] Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.

воздействия права на экономику и политику. Например, в Англии до сих пор действуют судебные прецеденты, нормы общего права, принятые столетия тому назад, то есть правовые формы феодального права, в которые вкладывается современное (капиталистическое) содержание. Нормы римского права, ставшие классическими образцами рабовладельческого права, в переработанном виде до сих пор используются в правовых системах практически всех европейских и даже англосаксонских стран. В правосознании и в нормах права наиболее длительно сохраняются черты, традиции, обычаи и пережитки национальной психологии, национального правосознания[149]. Это особенно видно на примере одного из самых древних источников российского права – Русской правды Ярослава Мудрого (XI в.). Как писал знаток древнерусского права профессор В.Н. Лешков, Русская Правда – это «есть не только документ, а вместе с тем источник и выражение идей и понятий права, господствовавшего в древней России..., есть перевод и переложение народного сознания о праве в столбцы, статьи и буквы»[150]. Русская Правда закрепила чисто славянское (русское) понимание обычая кровной мести, существовавшего практически у всех древних народов мира. Важнейшее понятие Русской Правды – *обида,* то есть причинение смерти, увечья или совершение кражи, а также грубое нарушение общепринятых житейских правил[151]. За обиду предусматривалось не причинение виновнику равного причиненному вреда, а наказание по суду князя. Фактически кровная месть в Русской Правде приняла уже правовые формы, отходившие от общепринятого понимания кровной мести. Например, по ст. 1, 2 Краткой Правды, допускавшей кровную месть за убийство, назначался штраф в пользу князя в случае, когда мстить по какой-то причине не было возможности[152].

---

[149] Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004; Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. – М.: Проспект, 2011; Канюков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166; Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983.

[150] Лешков В.Н. Общинный быт древней России. – СПб., 1856. С. 4.

[151] Бородин С.В. Исторический очерк развития судебной власти // Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для высших юридических учебных заведений / Под ред. В.П. Божьева. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М., 1997. С. 56.

[152] Русская Правда: Краткая редакция // Российское законодательство X – XX

При убийстве в разбое, считавшемся тягчайшей обидой, полагалось выдать обидчика «на поток и разграбление»[153].

Периодизация уголовной политики России выражает существенные изменения в ней в зависимости от исторических перемен в общественно-политической жизни, в общественном сознании общества и в целом соответствует исторически сложившимся этапам истории российского государства. В научной литературе нет единого понимания критериев периодизации истории российского права, его уголовного права, уголовной политики. Одни авторы полагают, что периодизация истории государства и права соответствует основным общественно-экономическим формациям, периодам развития производственных отношений[154]. Другие считают, что эта периодизация обусловлена «несколькими факторами», главными из которых являются «развитие социально-экономического уклада общества (уровень экономического, технического развития, формы собственности) и государственное развитие»[155].

А.А. Герцензон и Н.Д. Дурманов писали, что ошибочно пытаться «механически переносить в область уголовного законодательства, как и в область любой другой отрасли законодательства, общую периодизацию истории», игнорируя относительную самостоятельность той или иной части надстройки, упуская из вида то обстоятельство, что уголовные законы, принятые в определённый период, иногда продолжали действовать в течение десятилетий, но в совершенно иных исторических условиях[156].

Примерно аналогичную точку зрения высказывает В.А. Рогов, отстаивающий многофакторность влияния на историю уголовного права, полагающий, что идеологические, религиозные, политические, сословные и классовые причины на разных этапах его развития действовали по-разному и с различной силой[157].

веков. В 9-ти томах. Т. I. – М., 1984. С. 47-49. Ст. 1-2.

153 Пространная правда. Ст. 7 // Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти томах. Т. I. – М., 1984. – С. 64-73.

154 История отечественного государства и права. Часть I. – М., 1998. С. 337;Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958. С. 4.

155 Исаев И.А. История государства и права России: Учебник для юридически вузов. Изд. 3. – М., 1996. С. 5

156 Герцензон А.А., Дурманов Н.Д. Этапы развития советского уголовного законодательства // Курс советского уголовного права. В 6-ти томах. Т. 1. – М., 1970. С. 51.

157 Рогов В.А. Проблемы истории русского уголовного права (XV – середина XVII вв.): Автореферат дис.... докт. юрид. наук. – М., 1999. С. 6-7.

Представляется, что подобная точка зрения больше соответствует закономерностям развития общества, политической надстройки, взаимодействия экономики, политики, идеологии, всех форм общественного сознания. Критерии периодизации уголовной политики в своей основе соответствуют критериям периодизации права вообще, включая уголовное право, его историю. Вместе с тем, уголовная политика, будучи составной частью политики, в своем развитии проходит и по-своему повторяет те этапы, которые характерны для политики. В условиях социальных антагонизмов (классовых, сословных, национальных, расовых, религиозных) эти этапы в своих глубинных, внутренних формах проявления соответствуют исторически определенным типам и формам производственных отношений, государства, идеологии. В то же время, эти этапы, отличаясь друг от друга, сохраняют в себе лучшие модели уголовной политики прежних государственных образований, хотя мера такой преемственности в значительной степени определяется субъективными, случайными факторами, обусловленными особенностями личности тех или иных «вершителей» уголовной политики.

Антагонизм социальной системы неизбежно влечёт за собой стихийность, известную неупорядоченность и противоречивость социальных процессов, включая и процесс развития уголовной политики. Социальный антагонизм неизбежно выливается в антагонизм теории и практики уголовного законодательства, уголовной политики.

С учётом сказанного, анализируя российское уголовное законодательство и практику его применения на различных этапах его развития, можно обнаружить чёткую связь и зависимость социальной сущности, направленности, содержания и формы уголовной политики от исторического типа экономического уклада, государственности и господствующей идеологии. Современная уголовная политика представляет собой закономерно-необходимый синтез всей предыдущей российской истории, её наиболее значительных вех и ступеней, преемственности и тенденций развития, лучших достижений и противоречий. Проследим это на основе анализа важнейших исторических этапов этой политики, прежде всего, посредством изучения развития стратегических целевых установок и направлений уголовного законодательства и практики его применения.

Важнейшие исторические этапы развития российской уголовной политики включают *уголовную политику*: Древнерусского государства (Киевской Руси) (IX – XII вв.); Руси в период феодальной раздробленности (XII – XIV вв.); Русского (Московского) централизованного государства (XV – XVII вв.); Российской империи (XVIII – начало XX

вв.); России периода буржуазно-демократической республики (февраль – октябрь 1917 г.); периода советского государства (1918 – 1991 гг.); России переходного этапа (1992 г. – настоящее время).

Данная периодизация отражает лишь этапные изменения в уголовной политике. В рамках каждого этапа можно выделить относительно самостоятельные периоды[158].

Первый этап характеризуется формированием на территории Киевской Руси раннефеодальных общественных отношений. С IX века складывалась феодальная поземельная собственность в формах княжеского домена и вотчинного землевладения. Во главе Киевской Руси как раннефеодальной монархии стоял великий князь, который сосредоточил в своём лице законодательную, исполнительную и судебную власть. Основой управления была десятичная система, которая позже сменилась дворцово-вотчинной. Правовая система первоначально основывалась на обычном праве. Но уже с X века стало оформляться письменное княжеское законодательство. В договорах Руси с Византией (911, 944, 945, 971 гг.) содержались нормы византийского и русского права, относящиеся к международному, торговому и процессуальному праву[159], что указывало на международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. Уставы Владимира Святославовича, Ярослава содержали нормы финансового, семейного, уголовного права[160]. Выдающимся памятником древнерусского права

---

[158] Герцензон А.А., Дурманов Н.Д. Этапы развития советского уголовного законодательства // Курс советского уголовного права. В 6-ти томах. Т. 1. – М., 1970. С. 51-53.

[159] Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156; Бородин С.В. Исторический очерк развития судебной власти // Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для высших юридических учебных заведений / Под ред. В.П. Божьева. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М., 1997. С. 56; Гуцериев Х.С., Романовская В.Б., Сальников М.В., Шапиева О.Г. Влияние христианства и гуманизма на правосознание // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 43-48; Исаев И.А. История государства и права России: Учебник для юридически вузов. Изд. 3. – М., 1996; Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993.

[160] Костомаров Н. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). Т. I. – СПб., 1886. С. 35-44;

и одним из первых законодательных источников уголовной политики является Русская Правда (Краткая и Пространная редакции). Нормы уголовного права содержатся в большинстве статей Русской Правды. Преступлением («обидой») признавался любой вред, непосредственно причиненный конкретному человеку, его личности или имуществу. Уголовное правонарушение не отграничивалось от гражданско-правового. Основными направлениями преступного поведения устанавливались общественно опасные деяния против личности и имущества. Деяния против князя и его вассалов наказывались внесудебной расправой. За действия холопа отвечал его господин. Холопа-обидчика был вправе убить любой свободный человек. Важным теоретическим достижением Русской Правды было разделение умышленной и неосторожной вины. Регулируя финансовые, имущественные и семейные отношения, Русская Правда тем самым фактически была нацелена на предупреждение преступлений. Система наказаний по ней довольно проста. Самым суровым наказанием был «поток и разграбление», означавший в одних случаях лишение жизни осужденного, в других – изгнание и конфискацию имущества или продажу в холопы (в рабство)[161]. До второй половины XI века бытовала кровная месть, отменённая поправками к Русской Правде сыновьями Ярослава Мудрого. Судебный процесс носил состязательный характер, был гласным и устным. Равноправные стороны сами являлись инициаторами и исполнителями всех процессуальных действий.

Второй этап истории российской уголовной политики отличается отсутствием её единства в юридической базе, в теоретических подходах, в направлениях и способах реализации. Причиной тому явилась феодальная раздробленность как следствие развития феодальных отношений.

На территории Киевской Руси образовалось полтора десятка самостоятельных княжеств[162]. В них действовали удельные варианты Русской Правды, и лишь в Новгородской и Псковской феодальных республиках, предположительно, в XV веке были созданы свои законодательные акты – Мерило Праведное, Кормчая Книга, судные грамоты[163].

Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. С. 361-422.

[161] Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти томах. Т. 1. – М., 1984. С. 47-49.

[162] Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. – М., 1980.

[163] Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти томах. Т. 1. – М., 1984. С. 331-342.

В уголовном законодательстве основными направлениями его развития стали расширение пределов уголовной ответственности, возрастание карательно-репрессивного воздействия на осуждённого. Если в Русской Правде смертная казнь как самостоятельный вид наказания прямо не предусматривался, то в Двинской уставной грамоте, юридически оформившей вхождение двинской земли в состав Московского государства (1398 г.), и в Псковской судной грамоте она вводилась в качестве одного из основных видов наказания[164]. В то же время законодательство, репрессивный механизм сохраняли в себе существенные элементы народной воли, демократизма.

В осуществлении правосудия важная роль отводилась Вече городов, то есть собранию жителей городских общин, рассматривавшему и решавшему дела о наиболее тяжких преступлениях[165]. Эти элементы были следствием того, что княжеская власть была не абсолютной. Она существенно ограничивалась народом в лице Вече. Князь приглашался со стороны и правил по договору, в котором устанавливались условия его службы[166].

Существенными чертами третьего этапа уголовной политики России можно отметить следующие.

1. Изменение социальной сущности уголовной политики. Переход к сословно-представительной монархии ознаменовался существенными изменениями в уголовной политике. Если прежнее уголовное законодательство содержало элементы выражения народной воли, то есть интереса всех свободных граждан, то по Судебнику 1497 года[167] народный интерес ограничивался интересом великого князя и крупных землевладельцев. Народ всё более отстранялся от судебной власти. Она стала сосредоточиваться у Великого князя и у бояр, в дальнейшем – у царя. Наряду со светской властью карательные полномочия укрепляла и церковная власть. По Соборному Уложению 1649 года резко дифференцировалась уголовная ответственность знати и «черни».

2. Возрастание меры карательно-репрессивного воздействия, что выразилось в:

- понимании преступления как «лихого дела», то есть всякого действия, так или иначе опасного для государства и феодального

---

[164] Депп Ф.Ф. О наказаниях, существующих в России до царя Алексея Михайловича. – СПб., 1849. С. 10.

[165] Псковская судная грамота // Российское законодательство X – XX веков в девяти томах. Т. I. – М., 1984.

[166] Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. – СПб., 1843. С. 10-15.

[167] Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти томах. Т. 1. – М., 1984.

общества[168];

- расширении пределов уголовной ответственности: предусматривались государственные преступления, не известные Русской Правде и лишь обозначенные в Псковской судной грамоте – крамола, подым; холоп признавался субъектом преступления (Судебник 1497 г.); определились система и приоритеты уголовно-правовой охраны всех сфер общественных отношений (Уложение 1649 г.);
- изменении цели наказания и усложнении их системы: на первое место выступила цель устрашения преступника и других людей; широко применялись жестокие телесные наказания и смертная казнь;
- ужесточении формы расправы с «лихими» людьми: наряду с состязательной формой судопроизводства появился розыск, то есть следственный, инквизиционный процесс, который со временем приобрёл лидирующее значение.

3. Расширение и усложнение правовой базы, инструментария и механизма уголовной политики. С конца XV по начало XVII вв. было принято три крупных уголовно-правовых акта: Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное Уложение 1649 г. Кроме того, в этот период был принят ряд других нормативно-правовых актов по вопросам церковного, гражданского, семейного, уголовного права, чем усиливалась предупредительная функция уголовной политики. Вводились многие новые понятия и институты (существенные элементы правовой идеологии): богохульники, церковные мятежники, государева честь, государево здоровье, измена государю, государев двор, суд государя-царя и великого князя, подпищики (подделыватели документов) и другие[169]. При Иване IV (Грозном) появились новые карательные органы в виде опричнины и опричников[170].

4. Действие на территории Руси законодательства и карательного механизма чужеземных захватчиков. Например, Литовский Статут 1529 г. именовал короля Сигизмунда королем польских, литовских, русских, прусских, жематийских, мазовецких и других территорий[171].

---

[168] Портнов В.П. Сословно-представительная монархия в России // История отечественного государства и права. Часть I: Учебник / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1998. С. 127.

[169] Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X – XX веков. В 9-ти томах. Т. 1. Глгл. 1 – 5. – М., 1984.

[170] Карамзин Н.М. Предания веков. – М., 1988 С. 584-586; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Книга I. – М.: Мысль, 1993. С. 483-495.

[171] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. – Минск, 1960. С. 132-216.

Лицемерной риторикой о воле божьей, заботе о подданных скрывалась жестокая карательная сущность чужеземного господства.

Для четвёртого этапа уголовной политики характерно:

1. По своей социальной сущности это была уголовная политика абсолютной монархии, где единоличная власть царя (императора) была неограниченной. Начатая эпохой Петра I (начало XVIII века), она длилась два с лишним века (до февраля 1917 года). В Уставе воинском было прямо записано, что «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен»[172]. За этот исторический промежуток имели место частные изменения в политической системе и политическом режиме, в уголовной политике государства, но их сущность – абсолютная воля самодержца – не менялась[173].

В Манифесте Николая II 1905 года, то есть в период «смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи», когда трон стал шататься, под рассуждения о неразрывности блага государя с благом и печалью народа, как и два века тому назад, в качестве главной обязанности правительства устанавливается «*выполнение непреклонной нашей воли*»[174].

2. Существенно изменилась юридическая база, социальная роль, направления, формы и способы, механизм (система), юридическая техника уголовной политики. За два с лишним века были приняты сотни законодательных актов, непосредственно регулирующих уголовную политику[175]. Эти акты регулировали не только уголовно-правовые, но и уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные отношения, судоустройство, организацию и деятельность правоохранительных органов[176]. Последним отводилась ключевая и решающая

---

[172] Устав воинский 1719 г. // Памятники русского права. Вып. VIII. – М., 1961. С. 325.

[173] Гессен И.В. Судебная реформа. – М., 1905; Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // А.Ф. Кони. Собр. соч. Т. 4. – М., 1967; Матиенко Т.Л. Сыскная полиция в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Судебные уставы 19 ноября 1864 г. – СПб., 1864; Учреждение судебных учреждений // Судебные уставы 19 ноября 1864 г. – СПб., 1864.

[174] Манифест об усовершенствовании государственного порядка. 1905 г. Октября 17 // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 9. – М., 1994. С. 41.

[175] Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. – М., 1947. С. 16.

[176] Андреева М.В. О некоторых кодификационных проектах начала XIX века // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика, философия, право. – Вып. 2. – 1982. – № 11;

роль в разработке и реализации уголовной политики[177]. Её важнейшими направлениями были: систематизация законодательства, определение принципов, общих положений и норм, возрастание объёма и репрессивно-карательной компетенции, а также усложнение структуры и взаимодействия субъектов[178].

В 30-х годах 19 века был издан Свод законов Российской империи, о котором в указе по поводу его издания было сказано: «Свод законов ничего не меняет в силе и действии их (законов), но приводит их только в однообразие и порядок»[179]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года наряду с Общей частью, ставшей крупной новацией в уголовном законодательстве, сохранялись, например, положения Соборного уложения 1649 года о видах наказания и способах их исполнения. Основой системы наказаний были смертная казнь, жестокие телесные наказания, каторга, ссылка[180].

3. На разработку и реализацию уголовной политики существенное влияние стали оказывать юридические, административно-организационные и социально-политические модели уголовной политики западно-европейских государств, особенно Швеции, Голландии, Пруссии (Германии), а в последующем и Франции. Особенно это характерно для эпохи Петра I. В воинских уставах и указах Петра I преимущественно использовалась иностранная, непривычная для русского языка терминология, ранее не известная российскому законодательству[181]. В то же время сохранялась преемственность традиций

Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя: уголовно-правовая политика и борьба с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 7-9.

177 Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1-5. – М., 1960-1963.

178 Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. – СПб., 1892; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII – XIX ст.) – СПб., 1909; Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. – СПб., 1887; Сергеевский Н.Д. Уголовное право. Общая часть. – СПб., 1910; Спасович В. Учебник уголовного права. – СПб., 1863; Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. I – IV.- СПб., 1887 – 1892; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб., 1845.

179 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. I. – СПб., 1833.

180 Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. – СПб., 1887. С. 173-176

181 Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24; Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Российское

уголовной политики более ранних эпох. К примеру, в первой половине 18 века продолжало действовать Соборное уложение 1649 года, ряду важных положений которого специальным указом Сената, обладавшего определенными законодательными и судебными полномочиями, в 1714 году были даны официальные толкования[182].

Пятый этап развития уголовной политики России характеризуется:

1. Изменением социальной сущности уголовной политики, обусловленной сменой политической системы общества, установлением буржуазно-демократического политического режима в результате февральской революции 1917 года. Были отменены наиболее одиозные монархические законы, но в целом система прежнего законодательства не была отменена. Вступали в действие новые правовые акты, в которых в значительной мере были закреплены или использованы многие буржуазно-демократические учреждения, институты власти, принципы, инструментарий и нормы, закреплявшие в определённой степени права и свободы человека и гражданина[183].

2. Противоречивостью теории и практики уголовной политики. Сущность уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства о судоустройстве, карательно-репрессивном аппарате фактически не изменилась. До октября 1917 года действовали Уголовное уложение 1903 года и Судебные уставы 1864 года. По мнению созданного Временным правительством Юридического совещания, разрабатывавшего наиболее важные законопроекты, в их тексты следовало внести изменения лишь отдельных статей[184]. Одновременно создавались военно-революционные суды в отношении тех военнослужащих, которые выступали против Временного правительства. В связи с возраставшей стихийностью и анархией, усилением сопротивления Временному правительству, ростом преступности попытки правительства создать демократические институты и какие-то гарантии прав и свобод гражданина сменялись усилением репрессий. Под давлением революционных выступлений Временное правительство отменило 12 марта 1917

законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. IV. – М., 1986. С. 56-66.

[182] Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. – М., 1957. С. 26.

[183] Положение о выборах в Учредительное собрание 1917 г. // Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. IX. – М., 1994. С. 129-184;Портнов В.П. Государство и право в период Февральской революции // История отечественного государства и права. Часть I: Учебник / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1998. С. 330.

[184] Портнов В.П. Государство и право в период Февральской революции // История отечественного государства и права. Часть I: Учебник / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1998. С. 332.

года смертную казнь, которая была восстановлена уже в июле в отношении военнослужащих на фронте[185]. Были увеличены размеры наказания за призывы к убийству, за разбой, грабёж. Предусматривалась каторга за агитацию против политики правительства. Были введены такие новые составы преступлений, как призывы к дезорганизации, анархии. Закон от 19 июля 1917 года установил уголовную ответственность за забастовки железнодорожников. Военный министр и министр внутренних дел в августе 1917 года получили право арестовывать и высылать лиц, действия которых признавались опасными для власти[186]. Законом от 4 августа 1917 года была установлена пожизненная или срочная каторга за насильственное посягательство на изменение существующего строя в России[187].

Период советского государства (октябрь 1917 г. – 1991 г.) характеризуется сменой социальной направленности всей социальной системы, базиса и надстройки, правовой системы, в том числе уголовного законодательства и законодательства криминологического цикла, субъектов, направлений, форм и способов, механизма уголовной политики[188]. Теория и практика последней провозглашала социалистические

---

[185] Постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении «военно-революционных» судов от 12.07.1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. – М., 1990. С. 467.

[186] Из протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Коломенского района Петрограда о контрреволюционных мероприятиях Временного правительства от 2 августа 1917 г. // Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. – М., 1959. С. 286.

[187] Скрипилев Е.А. Антинародная сущность Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) // Вестник Московского университета. – Серия: Право. – 1967. – № 6. С. 61.

[188] Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и её основания в советском уголовном праве. – М., 1963; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1960; Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958; Пионтковский А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. – М.: Госюриздат, 1954; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1961; Герцензон А.А. Из истории советского уголовного права // Ученые труды ВИЮН. – М., 1947; Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат. Т. I. 1957; – Т. II. 1959; – Т. III. 1964; – Т. IV. 1968; Загородников Н.И. Первая Советская Конституция и советское уголовное законодательство // Труды научной сессии ВИЮН, посвященной 40-летию Конституции РСФСР 1918 года. – М., 1959; Портнов В.П. Организация и правовые формы борьбы с преступностью в Советской России (1917 – 1920): Автореф. дис....докт. юрид. наук. – М., 1969; Уголовная

демократические учреждения власти, ценности и институты. Основой стратегии уголовной политики провозглашалась и реализовывалась в правоохранительной деятельности охрана прав и свобод граждан, предупреждение и устранение (искоренение) преступности[189]. В борьбе с преступностью активно использовалась общественность[190]. Во многом эта целевая установка была реализована. Уровень преступности, возросший в период революции и гражданской войны в десятки раз[191] по сравнению с наиболее штилевыми периодами царской России[192], в 50-70 гг. снизился в десятки и даже сотни раз[193].

Коренным образом изменились её характер, структура и динамика[194]. Однако из-за несостоятельности политики и многих советских руководителей, особенно периода 60 – 80 гг., а также в силу ряда внешних причин, стимулировавших противоречия советской социальной системы, её экономики, последние неизбежно порождали и противоречия в уголовной политике. Многие её целевые установки

политика Советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС. – М.: Академия МВД СССР, 1982; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. – М., 1963; Шишов О.Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права: Уч. пос. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982; Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. – М., 1933.

189 Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. – Л.: ЛГУ, 1963; Карпец И.И. Индивидуализация наказания. – М.: Госюриздат, 1961; Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1962; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1958.

190 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2015; Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015; Молодцов А.С., Благов Е.В. Понятие и основные направления уголовной политики и участие общественности в борьбе с преступностью: Лекция. – Ярославль, 1987.

191 Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917 – 1927. – М., 1928; Московская общеуголовная преступность в период военного коммунизма // Преступник и преступность. – М., 1928. С. 365 – 373; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918 – 1923 гг. Труды ЦСУ. Т.18. – М., 1924.

192 Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874 – 1894 гг.). – СПб., 1899; Остроумов С.С. Преступность и её причины в дореволюционной России. – М., 1960; Тарновский Е.Н. Преступления в России. Данные «Сводов статистических сведений по делам уголовным» за 1875 – 79 годы // Юридический вестник. – 1885 . – Т. XIX. Кн. 4; Тарновский Е.Н. Убийство в России и некоторых западноевропейских государствах: сравнительно-статистический очерк // Юридический вестник. – 1886. – Т. XIX. Кн. 3.

193 Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 64-65.

194 Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 56-58, 62-66.

остались лишь декларациями. Многочисленные поправки в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик[195] и в УК РСФСР и других союзных республик [196] нарушили её системность и эффективность. Имел место культ личности, обернувшийся нарушениями законности и прав личности[197], которые усиленно эксплуатировались и эксплуатируются противниками советской системы внутри страны и за рубежом.

В юридической литературе изложена позиция, в соответствии с которой весь советский период осмысления уголовной политики подразделяется на три крупных этапа[198]. Первый из них охватывает 1920-е годы и характеризуется главным образом стремлением определить научные категории данной политики с учетом новых практических реалий и соответствующих этим реалиям установок[199]. В это время интересно определялся предмет уголовной политики. По мнению И.М. Скрипника, это «совокупность мер и действий, при помощи которых класс, держащий власть в государстве, проводит свою власть, обеспечивает ее сохранность»[200]. Ко второму этапу исследователи относят 1930-1950-е годы. В эти годы криминологические исследования были свернуты, а существование преступности в СССР объяснялось пережитками прошлого в сознании людей и капиталистическим окружением. Уголовно-политические исследования этого периода подводились под определенную идеологическую догму и обоснование карательной практики. В 1950-х годах значение теории уголовной политики было перечеркнуто официально [201]. В качестве

---

[195] Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

[196] Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

[197] XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. II. – М.: Госполитиздат, 1956; Джаншиев Г.А. Роль Д.Н. Замятнина в судебной реформе. – СПб., 1882; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989; Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Ред. коллегия В.И. Бородулин, А.П. Горкин и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000: Победоносцев К.П. Материалы для истории приказного судопроизводства в России, собр. Г.П. Победоносцевым. – М., 1890; Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы); Устав воинский 1719 г. // Памятники русского права. Вып. VIII. – М., 1961.

[198] Зубарева О.В. Теория уголовной политики: становление и развитие // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 35-39. С. 37.

[199] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). С. 266.

[200] Зубарева О.В. Теория уголовной политики: становление и развитие // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 35-39. С. 37.

[201] Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 266.

подтверждения можно привести фразу из Большой Советской энциклопедии, где указывалось, что «социалистическая теория уголовного права не знает уголовной политики как особой научной деятельности».

Начало третьего этапа развития советской уголовной политики относится к рубежу 1950-1960-х годов. Оно связано с возрождением теоретических исследований в этой области. Наблюдается разностороннее изучение проблем уголовной политики, выясняется ее политическое содержание, определяется сущность, формулируется определение. Интересное суждение высказано Н.И. Загородниковым и А.А. Стручковым. Они подчеркивали: «Уголовная политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда нужно декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения[202].

Данное суждение было поддержано А.И. Коробеевым, А.В. Уссом, Ю.В. Голиком, которые видели под уголовной политикой генеральную линию, определяющую основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем создания уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства и практики его реализации. Здесь же предполагалось определение и претворение в жизнь мер, связанных с предупреждением преступлений[203].

Нетрудно заметить, что и Н.И. Загородников со Н.А. Стручковым, и А.И. Коробеев, А.В. Усс с Ю.В. Голиком предложили такое понимание уголовной политики, которое, совершенно справедливо, охватывает совершенно разные срезы отношения власти к преступности: от признания конкретных деяний противоправными и общественно опасными до процедуры исполнения уголовного наказания.

Несколько с иных позиций подошли к пониманию уголовной политики Л.Д. Гаухман и Ю.И. Ляпунов. Они писали: «Советская уголовная политика – это основные принципы, направления и перспективы охраны социалистических общественных отношений от преступных посягательств (борьбы с преступностью), базирующиеся на позиции объективных закономерностей развития общества

---

[202] Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения уголовного права // Сов. государство и право. – 1981. – № 7. – С. 48-55. С. 4.

[203] Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовная политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991. – 240 с. С. 7.

в исторически определенный период времени и соответствующие сущности социально-экономической формации»[204]. Здесь уже идет речь о сущности уголовной политики, которая напрямую зависит от существующей власти. Или как подчеркнул А.И. Александров: «В данном определении авторы обращают внимание на то, что отношение власти к преступности обусловлено закономерностями конкретного этапа общественного развития»[205].

Интересное суждение о сущности уголовной политики высказал П.Н. Панченко: «Сущностная основа уголовной политики и политики борьбы с преступностью одна и та же. Состоит она в том, что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью[206].

Современный этап уголовной политики России является объективно закономерным, исторически обусловленным. Он синтезирует в себе как традиции, так и противоречия дореволюционной, советской уголовной политики, а также общие и особенные черты уголовной политики ведущих европейских государств. По характеру и сущности уголовная политика этого этапа является переходной от социализма к капитализму, сохраняя во всех своих составляющих черты и элементы указанных двух социальных систем.

Она, эта политика, по-прежнему привлекает внимание исследователей. Уже в условиях современной России появились научные статьи, монографии, учебные пособия, главы учебников и диссертационные работы, посвященные анализу нынешней уголовной политики[207].

---

[204] Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. – М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 4..

[205] Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 267.

[206] Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988. С. 73.

[207] Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 365 с.; Алексеев А.И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1; Гилинский Я.И. Некоторые вопросы реализации уголовной политики в современных условиях: Выступление на заседании Совета по судебной реформе при Президенте РФ 12.03.1997 г. // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. Сб. информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997; Гилинский Я.И. Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия в России: Выступление / Из стенограммы круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. Сб. информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997; Жунусов Б.Ж. Проблемы уголовной политики: Автореф. дис.. докт.

Авторы говорят о необходимости совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, о реформе судебной системы и правоохранительных органов, об институализации профилактики преступлений, формировании правовой культуры общества и граждан, опоры всей политики российского государства на наши отечественные политико-правовые ценности, национальные правовые традиции. В этом контексте совершенно правы В.Н. Кудрявцев и В.В. Лунеев, которые замечали, что под уголовной политикой в широком смысле слова следует понимать «определение и проведение в жизнь целенаправленных мер борьбы с преступностью во всех отраслях правовой системы, связанных с выполнением этой задачи»[208].

Несмотря на обилие специальной литературы по проблемам уголовной политики, нельзя признать, что эта тема исчерпана. Она продолжает оставаться актуальной всегда, до тех пор пока существует власть и преступность.

Интересную схему определения и понимания уголовной политики придумал А.И. Александров. Он пишет: «В самом обобщенном виде уголовная политика (УП) – это отношение власти (В) к преступности (П):

$$УП = В / П ,$$

Уголовная политика – это система волевых позиций лидера (лидеров) власти по отношению к деяниям, которые могут быть признаны или не признаны преступными. Лидер власти решает, во-первых, что есть преступление, какое наказание следует за него назначить, по каким правилам расследовать обстоятельства этого преступления и судить виновное лицо, а впоследствии организовать процесс исполнения наказания. Во-вторых, лидер власти решает, нужно ли на самом деле бороться с преступностью или только делать вид, что борешься с ней. Таким образом, по отношению к преступности власть (лидер) решает

юрид. наук. – Алматы, 1994; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1002. – 100 с.; Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992; Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: Автореф. дис..докт. юрид. наук. – СПб., 1998; Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1999. – 60 с.; Федоров А.В. Оперативно-розыскная политика // Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К Синилова. – М., 2006.

[208] Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001 (авторы главы – В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев). С. 17.

не только публичные (гласные), но и тайные (негласные) вопросы. Власть (лидер) может во всеуслышание призывать к борьбе с преступностью, в то же время, по тем или иным мотивам, втайне запрещая с ней бороться. На отношение государства к преступности непосредственно влияет реальная власть, лидеры которой и отвечают за состояние преступности в стране, за безопасность общества. Отвечают перед народом, историей, парламентом, своим кланом, перед близким кругом единомышленников, своей семьей, наконец, перед своей совестью, т.е. перед самим собой»[209].

Идея, конечно, любопытная, но она вызывает дискуссии. Но это уже предмет интересов другой статьи.

3. Уголовная политика в системе политики государства

Вопрос о системе государственной политики представляет несомненный научный интерес. Его нельзя отнести к тем проблема, которые достаточно исследованы в науке. В литературе отсутствуют единые критерии систематизации политики, нет и четкого понимания самой системы политики. Хотя хорошо известно, что понятие «система политики» не надуманное, а реальное, отражающее действительные политические и научные реалии.

Систематизация политики позволяет не только выделить социальные приоритеты, разработать наиболее оптимальную стратегию политики в конкретных исторических условиях, но и определить предмет и специфические особенности того или иного направления или вида политики. Это важно для формирования критериев эффективности политики, в том числе в сфере борьбы с преступностью.

Не претендуя на истину в последней инстанции, систему политики можно определить как совокупность её структурных элементов, отражающих единство, целостность и внутреннюю логику политических отношений, направлений, форм и способов политической деятельности. Основными критериями систематизации политики является характер, сфера и пространственно-временные рамки политических отношений и политической деятельности.

По этим критериям политику можно классифицировать на следующие виды:

- внутренняя, то есть политика, проводимая внутри страны, государства; внешняя (международная) – политика, проводимая на международной арене;

---

[209] Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 268-269.

- экономическая – политика в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ;
- социальная – политика в социальной сфере;
- научно-техническая политика – политика в сфере развития науки и техники;
- военная (оборонная) политика – политика в сфере военного строительства и обороны страны;
- другие виды политики в зависимости от конкретной сферы или области политических отношений и политической деятельности.

В рамках указанных видов политики возможна и более дробная её систематизация. Например, в экономической политике можно выделить её направления, характеризующие каждую отрасль экономики (промышленная, сельскохозяйственная, транспортная и т.п.).

Для систематизации политики существенное значение имеют такие понятия, как «вид политики», «направление политики». Вид политики выражает определённую сферу политических отношений и политической деятельности, включающую совокупность относительно однородных направлений таких отношений и такой деятельности. Направление политики – это политика в строго определённой области однородных политических отношений и политической деятельности. В этом смысле в рамках, например, социальной политики можно выделить политику в области образования, науки и техники, культуры, здравоохранения, демографии, семьи и т.п., где каждая составляющая означает определённое направление политики[210]. Исходя из такой методологии, определяется сущность, особенности, функции и место уголовной политики в системе политики государства.

Место уголовной политики в системе политики определяется спецификой сферы её социального (правового) регулирования, предмета и метода этого регулирования, объектом, характером, сущностью и функциями. Определяющим критерием систематизации политики, в том числе уголовной, являются, как указывалось, понятия вид и направление политики. Если основным критерием понятия вид политики является самостоятельная сфера социального (в т.ч. и правового) регулирования, то определяющим критерием направления политики выступает строго определенная область однородных общественных отношений.

Не вызывает сомнения то, что уголовная политика – составная часть внутренней политики государства, что она носит социальный, правоохранительный характер, имеет внешний (международный)

[210] Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989.

аспект, связана с правовой политикой[211].

Как составная часть политики государства уголовная политика имеет единую с последней социально-экономическую, общественно-государственную, нормативно-правовую базу, сущность, социальную направленность и общие системообразующие составляющие. Однако нельзя не учитывать следующее.

Во-первых, уголовная политика представляет собой самостоятельную, специфическую сферу социального регулирования, включающую специфические общественные отношения. Специфика этой сферы выражается в объекте, предмете, методе и системе правового регулирования уголовной политики.

Во-вторых, эта политика имеет свой объект, предмет, метод и систему социального и правового регулирования. Сущность и особенности объекта уголовной политики рассмотрены. Что касается объекта этой политики, то его (объект) не следует отождествлять с её субъектами[212]. Предмет регулирования уголовной политики включает относительно однородные политико-правовые отношения и нормы. В основном ими являются уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные правоотношения и нормы, а также смежные правоотношения и нормы, относящиеся к отраслям права криминологического цикла. Но они не сводятся к указанным отношениям и нормам. Их совокупность не ограничивается только правоотношениями и нормами криминального цикла. Эти отношения включают и такие связи и взаимодействия, которые по своему характеру не являются даже смежными с криминальными отношениями и нормами. Например, административные отношения и нормы являются противоположными по сравнению с другими видами правоотношений и норм по своей сущности, характеру, содержанию и механизму воздействия на криминогенные социальные процессы, на преступность, её

---

[211] Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Правовая политика Николая I и развитие правоохранительных органов // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 31-35; Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 57-63; Малько А. В. Правозащитная политика в современной России: необходимость формирования // Социология и право. – 2010. – № 4; Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126; Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.

[212] Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1999. – 60 с. С. 9.

причины и субъектов уголовной политики. И поэтому этот предмет носит комплексный, интегрированный характер.

Наряду с правовыми отношениями и нормами, уголовная политика охватывает и значительную часть сугубо социально-политических, моральных и иных отношений и норм, являющихся предметом социальной политики государства. Специфический характер таких отношений, их криминологическая, правоохранительная сущность, а также функциональная направленность позволяет выделить эти отношения и нормы в самостоятельный вид и самостоятельное направление политики государства.

В юридической науке уголовная политика, как правило, рассматривается как составная часть внутренней политики государства. Имеются различия в определении социально-политического статуса уголовной политики. Одни считают, что уголовная политика представляет собой относительно самостоятельное направление политики государства, опосредуемое правовой (правоохранительной) политикой[213]. Другие полагают, что она является частью социальной политики[214] или частью социальной политики, именуемой правоохранительной. Третьи подчёркивают связь этой политики с социальной и юридической (правовой) политикой или с внутренней и внешней политикой. В.К. Бабаев, например, рассматривает уголовную политику как составную часть правоохранительной политики, которая входит

---

[213] Абрамкин В.Ф. Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия России: Выступление / Из стенограммы круглого стола. Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997. С. 55;Алиев Я.Л., Сальников С.П. Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальность проблемы) // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 88-96; Гилинский Я.И. Уголовная политика Российской Федерации: To be or not to be? // Индекс: Досье на цензуру. – 2003. – № 18; Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22; Зудин В.Ф. Социальная профилактика преступлений: Криминологические и криминалистические проблемы. – Саратов, 1983; Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин. под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.; Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1999. – 60 с.

[214] Гилинский Я.И. Из стенограммы Круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 31 мая – 1 июня, 1996 // Уголовная политика Россия – прошлое, настоящее, будущее: Сб. информационных материалов. Вып. I. – М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1996. С. 54.

в правоприменительную политику[215]. Правоприменительная политика охватывается правовой политикой государства. Эта политика является правовой основой правового регулирования общественных отношений. Она разрабатывает принципы, задачи, направления, стратегию и тактику регулирования этих отношений[216]. Некоторые авторы предлагают отказаться не только от термина «борьба с преступностью», но и от термина «уголовная политика»[217]. Они полагают, что должна быть государственная политика в сфере предупреждения преступности в самом широком смысле слова[218].

Каждая из указанных точек зрения указывает на какой-то особенный признак уголовной политики и, как правило, ограничивается одним критерием определения её социально-политического (и правового) статуса, что не позволяет более точно определить этот статус.

Наряду с правовыми отношениями и нормами, уголовная политика охватывает и значительную часть сугубо социально-политических отношений и норм, являющихся предметом социальной политики государства. Специфический характер этих отношений, их криминологическая, правоохранительная сущность позволяют выделить эти отношения и нормы в самостоятельный вид и самостоятельное направление политики государства.

То же можно сказать и о методе социального (правового) регулирования уголовной политики. Для её метода характерны относительно однородные принудительно-репрессивные меры воздействия на объект. Но эти меры не исключают применения сугубо социально-политических мер воздействия, мер убеждения и социализации, которые на данном историческом этапе развития российского общества всё же являются вспомогательными, факультативными по отношению к карательно-репрессивным мерам. Приоритет

---

[215] Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. С. 74.

[216] Кузнецов А.В. Понятие и социальная ценность основополагающих принципов советской уголовной политики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 40. – М., 1984. С. 17.

[217] Забрянский Г.И. Из стенограммы Круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 31 мая – 1 июня 1996 // Уголовная политика Россия – прошлое, настоящее, будущее: Сб. информационных материалов. Вып. I. – М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1996. С. 55.

[218] Забрянский Г.И. Из стенограммы Круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 31 мая – 1 июня 1996 // Уголовная политика Россия – прошлое, настоящее, будущее: Сб. информационных материалов. Вып. I. – М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1996.

государственно-принудительных методов воздействия определяется переходным характером современного этапа развития российского общества. Он исторически обусловлен его глубокими социальными противоречиями, необходимостью обеспечить целостность, суверенитет и стабильность государства, мирный выход общества из кризиса.

В-третьих, уголовная политика реализуется специфическими субъектами, формами и средствами. Для субъектов уголовной политики характерным является или непосредственная принадлежность к государству, органам власти (управления), или наличие у них социально-правового статуса, определённого и установленного государством. Государство в законе устанавливает сугубо юридические формы, пределы и средства деятельности этих субъектов. О субъектах уголовной политики сказано выше. Следует еще раз подчеркнуть, что нельзя ограничивать круг субъектов уголовной политики только правоохранительными органами или же органами исполнительной власти, в том числе Президентом РФ. Разумеется, Президент страны «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства», внося законопроекты, подписывая и обнародуя федеральные законы, осуществляя помилование[219]. Но системный комплексный и интегрированный характер объекта уголовной политики (преступности) предопределяет и системность её субъектов.

В-четвёртых, уголовная политика реализует только присущие ей социальные функции. Эти функции в своей основе совпадают с уже рассмотренными функциями правоохранительных органов, правоохранительной деятельности. Среди указанных функций особо следует выделить методологические и правоохранительные функции. Они являются определяющими в борьбе с преступностью. Единство и взаимосвязь доктринальной и деятельно-практической сторон уголовной политики обусловливает и единство, взаимосвязь всех её функций.

Вместе с тем, функции уголовной политики не ограничиваются функциями правоохранительных органов, правоохранительной деятельности. Системный, комплексный, интегрированный характер сущности уголовной политики, её объекта, предмета и метода предопределяет системный, комплексный и интегрированный характер её функций. Функции уголовной политики можно представить в виде иерархичной системы относительно самостоятельных элементов, выражающих специфику её субъектов, их место в системе политики, компетенции, характер и направления деятельности. Основополагающими элементами системы функций уголовной

[219] Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1999. – 60 с. С. 8.

политики являются следующие.

1. Функции субъектов общегосударственной юрисдикции включают онтологические, нормотворческие, регулятивные, контрольные, организационно-административные, исполнительно-распорядительные, судебные, материально-ресурсные.

Они выражаются в издании законодательных и нормативно-правовых актов по всем аспектам уголовной политики в пределах компетенции каждого соответствующего органа государственной власти, в осуществлении государственного контроля и надзора за законностью в деятельности государственных органов, общественных организаций и граждан, в организации и координации функционирования всего правоохранительного механизма, в разработке государственных концепций и программ предупреждения и борьбы с преступностью, в создании и обеспечении материальной базы и ресурсов уголовной политики. Определяющую роль в системе указанных функций играют функции законодательной власти, решающую – исполнительной власти.

2. Функции субъектов специальной государственной юрисдикции – правоохранительных органов и силовых структур сопряженной с ними юрисдикции. По своему характеру эти функции являются преимущественно исполнительными. Основными из них являются предупреждение и устранение преступности, организационно-административная, карательная, доктринально-идеологическая и нормативно-прогностическая функции.

3. Функции субъектов общей юрисдикции. Они носят многоуровневый, разнородный, вспомогательный характер. Выражаются в реализации задач в пределах, в формах и с использованием средств, присущих социально-правовому статусу того или иного субъекта. Например, политические партии федерального статуса участвуют в разработке соответствующих законопроектов, программ, в организации и проведении избирательной кампании, в деятельности парламентских фракций, в оценке социально-политической, криминогенной ситуации в стране и её регионах, реализуют наказы и волю соответствующих слоёв населения. Церковь характерными для неё формами и способами активно влияет на формирование духовной, нравственной, законопослушной атмосферы в обществе. Так было всегда, когда церковь подвергалась гонениям, например, в условиях Советского Союза, или когда страна испытывала на себе неимоверные трудности и сложности, скажем, во время Великой Отечественной войны. И будет так всегда. Православная церковь, духовность российских людей всегда будет оказывать важную позитивную роль на формирование

достойной уголовной политики нашего Отечества[220].

[220] Всемирный русский народный собор (1993 – 2006). История. Хроника. Современность. – М., 2006; Выбор судьбы: Проблемы современной России глазами русских архиереев. – СПб., 1996. ; Гукин С.Г. Культура и религия: Курс лекций. – СПб., 2002. – 193 с.; Дозорцев П.Н. Генезис отношений государства и церкви (историко-библиографический аспект) / Под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Манускрипт, 1998. – 94 с.; Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М., 1995. ; Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 432 с.; Карташов А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. – М., 1993. ; Курс церковного права, заслуженного профессора императорского Московского университета А.С. Павлова. – М., 1902; СПб.: Лань, 2002; Новик Вениамин (игумен). Православие. Христианство. Демократия: Сб. статей. – СПб.: Алетейя, 1999; Основы социальной концепции Русской православной церкви // www.patriarchia/text/141422; Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Московская Патриархия, 2010. ; Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб., 1997. ; Религия и право: российское и международное законодательство о свободах совести и о религиозных объединениях: Сб. нормативно-правовых актов / Сост. К.Б. Ерофеев, И.М. Вербицкий. – СПб.: Невская Лавра, 2006. – 375 с. (Православие и право). ; Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр «Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.; Снычев Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). Самодержавие духа: очерки русского самосознания. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2007; Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право: Монография. – М.: МНЭПУ, 2000; Алексеев Н.Н. Религия, нравственность и право // Человек. – 2006. – № 6; Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести: Сб. статей / Сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана, О. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989; Осипян Б.А. О религиозном происхождении и взаимодействии норм нравственности и права (Часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2006. – № 6; Пчелинцев А. Религия и права человека // Религия и права человека. На пути к свободе совести / Отв. ред. С.Б. Филатов. Вып. III. – М.: Наука, 1996; Рашковский Е. Церковь, государство, гражданское общество // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 140-141. ; Рябых Г. Императив духовно-нравственного измерения в стратегии социально-экономического развития России // Императив нравственности и духовности в перспективе гармоничного социально-экономического, культурного и духовного развития современного российского общества. – Иваново: ИвГУ, 2009. – С. 6-9; Сальников В.П. Опасность нравственно-правовых срывов в период общественной нестабильности // Лики морали. – СПб., 1996; Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.

– 2006. – № 9. – С. 6-15; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31; Сергий (митрополит). Права человека, духовность и нравственность // Права человека в истории человечества и в современном мире / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: ИГП АН СССР, 1989; Тер-Акопов А. Христианские начала и их развитие в российском праве // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 67-68; Фионин М.В. О христианском понимании нравственной жизни // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 58-60; Фомина О.В., Титкова М.А. Роль православной церкви в воспитании населения в пореформенный период // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 39-41; Цмай В.В. Запад – Восток – противостояние религиозно-культурных цивилизаций // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 83-86; Чимирис Е.С., Донцев С.П. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Политические исследования. – 2010. – № 6. – С. 72; Чистяков Б.А. Русские философы права и религиозные мыслители о государстве и культуре // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 101-104; Авилов О.Е. Учение о государстве Русской православной церкви в XX – начале XXI века: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2009; Бондаренко Ю.В. Право и православная религия как ценностно-нормативные системы российского общества. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001; Гудаева З.С. Религия как элемент правовой культуры (историко- и философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003; Дружкина Ю.А. Религиозное правосознание: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов,

Самым существенным и проблемным вопросом, определяющим место уголовной политики в системе политики государства, является проблема соотношения основных элементов её сущности – общественных отношений, правовых норм и метода правового регулирования. Уже подчеркивалось, что нельзя сводить политико-правовые отношения, составляющие сущность уголовной политики, только к уголовно-правовым отношениям и уголовно-правовым нормам, регулирующим эти отношения[221]. Недостаточно точным является так же, как указывалось, расширять круг этих отношений до любых общественных отношений[222]. Нельзя и излишне дробить их, выделяя в самостоятельные виды политики уголовно-процессуальную политику и подобные ей подотраслевые виды политики криминального цикла (уголовно-исполнительную, другие виды) по критерию предмета и метода правового регулирования отраслей права[223]. Придерживаясь такой логики, можно говорить о политике в любой отрасли права.

Справедливости ради, необходимо здесь отметить, что существует и иная точка зрения. Так, известный юрист и государственно-политический деятель А.И. Александров ведет речь об элементах, включаемых в уголовную политику.

В недавно вышедшей книге «Философия зла и философия преступности» он пишет: «Перейдем теперь к более детальному рассмотрению структуры уголовной политики. Уголовная политика – это система, включающая в себя несколько составных частей (элементов), тесно взаимосвязанных друг с другом»[224]. Однако эти элементы достаточно самостоятельны и на данную самостоятельность обращалось внимание в юридической литературе. Например, Н.С. Алексеев,

---

2007; Жигулин С.Б. Российское государство и церковь (историко-правовой и теоретический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999; Пущанский В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной Церкви в России в XX веке (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006; Тимченко А.А. Государство и религиозные конфессии (конституционно-правовое регулирование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997; Трегубенко С.В. Религиозные основания правовой традиции России (историко- и теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005.

221 Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 6.

222 Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979. С. 8.

223 Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ). Дис. … докт. юрид .наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.

224 Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 269.

В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев подчеркивали определенную самостоятельность элементов правовой политики. Они писали: «Неразрывная связь уголовно-правовой и уголовно- процессуальной политики в целом не вызывает сомнений, поскольку материальное, уголовное право не может быть реализовано вне процесса, а процесс существует для правильной реализации материального права. Однако наличие собственного содержания политики, осуществляемой при помощи каждого конкретного вида правового регулирования[225].

Далее А.И. Александров продолжает: «Элементами, из которых складывается уголовная политика, являются, на наш взгляд, уголовно-правовая, уголовно-превентивная, уголовно-розыскная, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и уголовно-организационная политика[226].

Затем в книге достаточно подробно рассматриваются «каждый из этих шести элементов»[227], и делается вывод: «Таковы на наш взгляд, содержание и структура уголовной политики»[228]. В последующем автор критикует узкий подход к уголовной политике, который сформировался в российской науке, «при котором уголовная политика ограничивается областью собственно уголовного права»[229] и приводит в качестве примера позицию Н.А. Лопащенко[230]. С таким неоправданно узким подходом к уголовной политике исследователь не соглашается. Мы тоже не согласны с пониманием уголовной политики, ограниченной областью лишь уголовного права. Но данное обстоятельство не мешает нам отрицать необходимость выделения специальных самостоятельных видов уголовной политики. Мы полностью согласны с позицией А.И. Александрова о том, что «невозможно отрицать наличие некоего связующего феномена, который никак не укладывается в одну лишь уголовно-правовую плоскость. Ставя знак равенства между уголовной и уголовно-правовой политикой, мы делаем бессмысленным одновременное существование двух названных терминов. Но в том-то и дело, что отношение власти и преступности не сводится к одному лишь выявлению общественно опасного деяния и установлению наказания за него. Отношение власти к преступности должно пониматься гораздо шире и включать в себя, помимо уголовно-правового элемента, весь

---

225 Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. С. 15.

226 Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 269.

227 Там же. С. 269-281.

228 Там же. С. 281.

229 Там же. С. 281.

230 Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009. С. 8.

приведенный выше комплекс»[231]. Совершенно правильная и справедливая мысль. Но из нее, по нашему мнению, совершенно не вытекает необходимость выделения различных разновидностей уголовной политики, как бы это заманчиво не выглядело. Мы же обсуждаем проблему не отраслей права, а социальной политики.

Интересный и плодотворный вывод делает А.И. Александров: «В завершение подчеркнем, что криминализация общественного сознания, произвол в правоохранительных органах, правовой нигилизм, коррупция опасны не только для законопослушного гражданина, но и для всех остальных членов общества, не исключая и самих преступников. Так что уголовная политика государства касается каждого, абсолютно каждого живущего в нем человека[232]. Мы бы даже добавили к сказанному, что перечисленные выше язвы нашего общества опасны не только для всех граждан, но и для самого общества и государства. Поэтому уголовная политика государства предполагает усилия всего общества и каждого его члена для достойного, в рамках правового поля, функционирования человека, общества и государства.

Критерии предмета и метода систематизации права и его норм на отрасли нельзя принимать как абсолютные признаки, определяющие принадлежность общественных отношений и норм права к определенной их отрасли. Во-первых, система права, как совокупность, целостность, взаимосвязь и единство характера и содержания общественных отношений и норм права, составляющих предмет правового регулирования различных отраслей права, выражает лишь принадлежность этих отношений и норм к праву как единому целому, как к относительно самостоятельной системе. Во-вторых, она, эта принадлежность, является именно относительной. Она не учитывает всю диалектическую гамму взаимосвязи и противоречий различных по характеру и содержанию общественных отношений и правовых норм. В-третьих, и в рамках всей системы права, и в рамках различных отраслей права как относительно самостоятельных правовых подсистем (систем) общественные отношения и нормы по своему характеру, содержанию и функциям никогда не являются и не могут быть сугубо однородными, «чистыми», не содержащими никаких «примесей». Они всегда включают в себя как однородные, так и относительно неоднородные отношения и нормы. В-четвертых, система права не является простой (арифметической) совокупностью различных отраслевых правовых систем. Все отраслевые системы и в отдельности, и вместе взятые находятся в сложном диалектическом взаимодействии различных и

[231] Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 281-282.
[232] Александров А.И. Философия зла и философия преступности. С. 282.

даже противоположных по характеру и содержанию общественных отношений и норм. Взаимосвязь между отраслями права не ограничивается их простым механическим сложением. Взаимодействуя между собой в рамках данной отрасли и права в целом как единой системы, они образуют новое качество, новый уровень множественности и совокупности отношений и норм – единую, но и противоречивую систему права. В-пятых, критерий их классификации и систематизации являются и едиными, и различными в зависимости от их функционального предназначения и степени связи между собой.

Поэтому, руководствуясь сугубо отраслевыми критериями систематизации права, относительно условно можно говорить об уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и им подобных видах правовой политики, выделять в ней относительно самостоятельные отрасли (подсистемы). Но еще раз подчеркнем, такая систематизация является именно сугубо относительной, условной. В любой системе, включая уголовную политику, особое значение имеет, и сущность системы составляет именно диалектическая взаимосвязь, единство и противоположность составляющих её ингредиентов, то есть в данном случае правоотношений и правовых норм.

В системе политики государства самостоятельным её видом следует выделять и обосновывать *правовую политику* как сложную интегрированную и противоречивую различных по характеру, содержанию и функциональному предназначению систему правоотношений и норм. Основными критериями такой классификации и такого выделения являются сфера, предмет, и, сделаем акцент, функциональная принадлежность правовых отношений и норм. Функции права и его отраслей настолько разнообразны, разнородны и имеют разные уровни, что каждая из них в отдельности представляет собой определенную подсистему признаков и механизмов воздействия на общественные отношения. Но только в своем взаимодействии, единстве и противоположности эти признаки образуют сложную и вместе с тем единую систему правового регулирования как самостоятельную сферу социального управления.

Характер и структура политико-правовых отношений и правовых норм как основных элементов сущности уголовной политики является сложной интегрированной системой и требует специального рассмотрения. Политико-правовые отношения и нормы уголовной политики являются сложной диалектической, то есть единой и противоречивой системой. Она, эта система, включает смежные, но самостоятельные и противоположные по своим функциям правоотношения и правовые нормы: конституционные, административные, уголовно-правовые,

уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные и примыкающие к ним политические отношения, складывающиеся в сфере борьбы с преступностью, предупреждения и устранения её причин.

Сложным и диалектическим является механизм связи и взаимодействия различных и противоположных по сущности, предмету и методу правового регулирования правоотношений и норм, составляющих содержание уголовной политики как системы. Диалектический характер и механизм их взаимосвязи, и взаимоотношений включают в себя их единство, противоположность и противоречия между ними.

Единство правоотношений, норм, методов и инструментария (то есть системы правового регулирования) состоит в том, что эти элементы системы уголовной политики:

- являются элементами одной системы – системы уголовной политики;
- имеют единый объект и единую цель правового воздействия – преступность, её причины, условия и факторы, её порождающие, субъекты уголовной политики; цель такого воздействия – устранение, минимум минимизация преступности, её причин, условий и факторов;
- у них много общего в их сущности, содержании, структуре, функциях и механизме воздействия. Все они являются или правоотношениями, или нормами права. Имеют в своем содержании единые структурные элементы – объект, субъект, правосубъектность, взаимодействие субъекта и объекта, а также правовые нормы, имеющие единую правовую сущность и природу. Они реализуют единые по характеру и своей социально-политической и правовой направленности функции – правоохранительные, регулятивные, репрессивные, предупредительные и т.п. Сущность механизма их воздействия на объект – взаимосвязь, взаимовлияние, взаимное противоречие, единство и борьба противоположных связей и элементов. У них единый результат действия и функционирования этого механизма – определенные изменения как в самой уголовной политике, её составляющих, так и её объекте. При этом такой результат является следствием их единой социальной и правовой сущности, направленности и согласованности. Он является следствием лишь соединенных сил и усилий субъектов этой политики.

Противоположность и противоречия между указанными элементами системы уголовной политики состоит в том, что:

- каждый из этих элементов имеет свои, присущие только ему сущность, содержание, структуру, сферу и сторону объекта,

предмет, метод, инструментарий правового регулирования, функции, механизм воздействия на объект и свои конкретные результаты этого воздействия;
- все элементы уголовной системы и их структурные элементы находятся в постоянной связи, взаимоотношениях и непрерывном взаимодействии между собой;
- их единство, в том числе и тождество кратковременно, неустойчиво, прерывно;
- в них непрерывно происходит количественные и качественные изменения в их состоянии, динамике, показателях и даже в сущности;
- цель и результат их воздействия как на объект, так и на субъект уголовной политики всегда является различным и неоднозначным по своему характеру и направленности;
- каждый из них имеет свои противоположности и противоречия в силу множественности, разнородности и определенной автономности в своем функционировании и механизме взаимодействия как между собой, так и между различными элементами системы.

Приведем некоторые характерные примеры, наиболее наглядно иллюстрирующие диалектику элементов системы уголовной политики. Характерным в этом отношении является борьба с коррупцией в разных странах, ставшей для России своеобразным «дамокловым мечом», грозящим всем устоям российского общества и государства. О борьбе с коррупцией говорят и политики, включая глав государств[233], и самые разные законодательные и подзаконные акты. На это

[233] Путин В. Демократия и качество государства. Раздел: Мы должны победить коррупцию // Коммерсант. – 2012. – № 20/П (4805). 6 февраля; Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3020; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3029; Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (Часть I). – Ст. 3424; Волженкин Б.В., Колесников В.В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 260-308; Закон

Великобритании «О безопасности, борьбе с терроризмом и преступностью» от 2001 г. (Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/contents; Закон Великобритании «О доходах, полученных преступным путем» от 2002 г. (The Proceeds of Crime Act 2002) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents; Закон Великобритании «О подкупе государственных служащих» (Sale of Offices Act 1551) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw6/5-6/16/introduction; Закон Великобритании «О подкупе» 2010 года (Bribery Act 2010) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents; Закон Великобритании «О практике подкупа публично-правовых учреждений» 1889 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.lawreform.ie/_fileupload/Restatement/First%20Programme%20of%20Restatement/EN_ACT_1889_0069.PDF; Закон Великобритании «О предупреждении подкупа» 1906 г. (Prevention of Corruption Act 1906), дополненный Законом о борьбе с коррупцией 1916 г. (Prevention of Corruption Act 1916) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.lawreform.ie/_fileupload/Restatement/First%20Programme%20of%20Restatement/EN_ACT_1906_0034.PDF; Закон Великобритании «О серьезных преступлениях» 2007 года (Serious Crime Act 2007) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/27/contents; Закон Великобритании «Об имуществе, полученном преступным путем» 2002 года (Proceeds of Crime Act 2002) Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/29/contents; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17 декабря 1979 г.: Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml; Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. – 357 с.; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC), принятая резолюцией № A/RES/58/4 Генеральной Ассамблеей ООН от 31 октября 2003 года Электронный ресурс. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl-conv/conventions/corruption.shtml; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml; Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – № 5. – С 106-112; О программе государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года: Решение Совета глав государств СНГ (Вместе с Перечнем основных международных договоров) / Принято в Москве 21.06.2000 // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2 (35). – С. 114-129; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. «О Конвенции против организованной транснациональной преступности» // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров.

нацелена деятельность самых разных органов государственной власти и ведомств государственного управления, а также некоторых общественных организаций. Например, таких, как фонд ИНДЕМ.

Так, в 2005 году в России было совершено 39 млн. коррупционных сделок, в среднем 7% оборота компаний превращались в коррупционный доход, шансы взяточника подвергнуться уголовному наказанию составляли 0,0013% – таковы были выводы очередного антикоррупционного доклада фонда ИНДЕМ. Цифры доклада были уже гораздо ближе к оценкам масштабов коррупции в России международными организациями, чем в 2005 году. «В ходе исследования бизнесмены часто жаловались, что их бизнес на грани рентабельности, поскольку расходы на неформальные договоренности растут»,– отмечал президент фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров. В среднем бизнесмен давал взятки два раза в год[234].

Самыми серьезными административными барьерами, провоцирующими коррупцию, респонденты называли: сложную процедуру регистрации бизнеса, необходимость лицензирования, получения разрешений со стороны местных властей (даже при наличии лицензии), регулярные проверки, в ходе которых проверяющие «заботятся не о ликвидации выявленных проверками недостатков, а о получении неформальных вознаграждений». Наиболее же взяткоемкими, по мнению экспертов ИНДЕМ, являлись отношения предпринимателей и чиновников при получении помещения в аренду или в собственность, в этой же сфере наиболее высоки административные издержки.

ИНДЕМ, проанализировав законодательство в сфере аренды и покупки недвижимости, пришел к выводу, что решающим фактором коррупции являются не недостатки правового регулирования, а неисполнение законов, в том числе антикоррупционных. Подобный же вывод сделали эксперты Всемирного банка (ВБ) в октябре 2006 года в докладе, посвященном реализации институциональных реформ в России. Впрочем, сам Георгий Сатаров не питал излишних иллюзий по поводу скорости возможного изменения ситуации даже в случае

– Душанбе, 2011; Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34; Сальников В.П. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1. – С. 13-15; Сборник материалов о противодействии коррупции. Том III. Международное сотрудничество в области противодействия коррупции / Под общей ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: LEXPRO, 2010.

[234] Коммерсант. – 2006. – 30 октября.

следования законам. По прогнозам экспертов ИНДЕМ, для того чтобы уровень коррупции в России снизился до уровня Португалии, необходима систематическая работа в течение 40 лет, а до уровня Швеции – 100 лет. По статистике ВБ, впрочем, наиболее эффективные антикоррупционные кампании (Италия, Турция, страны Латинской Америки) занимали у правительств этих стран не более 15-20 лет[235].

С 2006 года прошло уже более десяти. Ситуация в стране с коррупцией в лучшую сторону, к сожалению, не изменилась. Коррупционеров вряд ли стало меньше. Появились уголовные дела, по которым в качестве субъектов преступлений проходят действительно высокопоставленные в прошлом лица. Независимо от исхода предварительно и судебного следствия, наверное это не свидетельствует о снижении коррупции в России и улучшении делового климата в стране для предпринимателей и простых граждан[236].

Анализ антикоррупционного законодательства России и ведущих зарубежных стран показывает, что в его развитии имеются как существенные общие, так и особенные моменты, связи и тенденции развития этого законодательства. Общее в развитии антикоррупционного законодательства в указанных странах определяется единой сущностью, как самой коррупции, так и правового механизма борьбы с ней, а также едиными объективными факторами общественного развития, определяющими источники, причины и динамику этого явления. В наиболее развитых странах Европы, Америки и Азии к началу XIX середине XX века сложились примерно одинаковые исторические типы и формы капиталистических производственных отношений. При этом в тех странах, где капитализм развивался наиболее активно, возникали и более развитые и сложные формы коррупции как

---

[235] Коррупция, административные барьеры и инфляция – три напасти российского бизнеса: пресс-выпуск ВЦИОМ № 1500 от 24.05.2010 г. – М., 2010.

[236] Анищенко А.В. Россия в системе глобальных рисков: долларизация как угроза экономической безопасности страны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 6; Анищенко Е.В. Безопасность России в условиях социально-экономических реформ // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 7-20; Барабаш Д.А. Совершенствование механизма устойчивости бизнес-процессов как фактора экономической безопасности (по материалам Ставропольского края): Автореф. дис. … канд. экон. наук. – Ставрополь, 2007; Васильченко А.С. Комплексное обеспечение экономической безопасности малого бизнеса в современных условиях: Автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2009; Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998; Хабибулин А.Г. Политико-правовые проблемы государства в области социально-экономического развития России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 7-17.

социального явления и правового механизма борьбы с ним.

В таких странах, как Нидерланды, Англия, Франция, Германия[237], Австрия[238], Швейцария[239], Швеция[240], Италия, Испания[241], Греция, США, Канада[242], Япония [243] антикоррупционные законы были приняты относительно в один исторический промежуток времени. И они во многом имели единые характер, направленность и содержание.

Так, антикоррупционные нормативно-правовые акты, принятые в США – «Принципы этического поведения правительственных чиновников и служащих» (от 17 октября 1990 г.), Закон «Об этике в правительственных учреждениях» (1978 г.); в ФРГ – Федеральный закон «О государственных служащих», Федеральный закон «О дисциплинарном режиме государственной службы» и Закон «О федеральных кадрах»; во Франции – «Генеральный статус государственной службы» (1946 г.) имеют много общего. В этих актах подчеркивается престижность государственной службы и моральная ответственность лиц, стоящих на службе перед обществом. Помимо этого государственная служба в некоторых зарубежных государствах рассматривается как особый вид деятельности со своими четко определенными границами, а корпус государственных служащих обязан подчиняться жестко контролируемым этическим и дисциплинарным нормам.

Специальные законы США и Канады, содержащие подобные нормы, являются своеобразными этическими кодексами или кодексами чести чиновников. В них содержатся нормы, направленные на противодействие процессу коррумпирования государственного аппарата путем детальной регламентации способов удовлетворения государственными служащими своих частных интересов таким образом, чтобы это не противоречило интересам общества, государства и других лиц.

Так, американский Закон о регулировании лоббизма от 1946 года запрещает высшим чиновникам в течение одного года после

---

[237] Уголовный кодекс ФРГ / Перевод и предисловие А.В. Серебренниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

[238] Уголовный кодекс Австрии / По ред. А.В. Серебренниковой. – М.: Зерцало-М, 2001.

[239] Уголовный кодекс Швейцарии / Под ред. А.В. Серебренниковой. – М.: Зерцало-М, 2001.

[240] Уголовный кодекс Швеции / Пер. с анг. С.С. Беляева. – М.: МГУ, 2000.

[241] Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1998.

[242] Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония): Сб. законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1998.

[243] Уголовный кодекс Японии / Под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 2000.

увольнения с государственной службы заниматься лоббистской деятельностью. Он ограничивает переход в частный сектор после увольнения с государственной службы. Запрещает в отдельных случаях бывшим чиновникам представлять частные интересы в той государственной организации, где они работали. За нарушение этого Закона виновный может быть подвергнут штрафу до 5 тыс. долларов и (или) тюремному заключению до 12 месяцев[244].

Законодательство указанных стран подчеркивает активную роль полиции в противодействии коррупции, в том числе и внутри самой полиции. В настоящее время руководители полиции этих стран значительное внимание уделяют привлечению общественности в борьбе с коррупцией. Особый акцент делают на законные методы и способы деятельности полиции в борьбе с преступностью. Подчеркивают активную роль общественных организаций, ученых, специалистов-практиков в антикоррупционной деятельности[245].

Выводы:

1. В системе политики государства самостоятельным её видом следует выделять и обосновывать *правовую политику* как сложную интегрированную и противоречивую различных по характеру, содержанию и функциональному предназначению систему правоотношений и норм. Основными критериями такой классификации и такого выделения являются сфера, предмет, функциональная принадлежность правовых отношений и норм. Функции права и его отраслей настолько разнообразны, разнородны и имеют разные уровни, что каждая из них в отдельности представляет собой определенную подсистему признаков и механизмов воздействия на общественные отношения. Но только в своем взаимодействии, единстве и противоположности образуют сложную и вместе с тем единую систему правового регулирования как самостоятельной сферы социального управления.

2. Место уголовной политики в системе политики определяется спецификой сферы её социального (правового) регулирования, предмета и метода этого регулирования, объектом, характером, сущностью и функциями. Определяющим критерием и систематизации политики и определения места уголовной политики в системе политики

---

[244] Герчикова И.Н. Деловая этика и регулирование международной коммерческой практики: Учебное пособие. – М.: Консалтбанкир, 2002. С. 413

[245] Geller W.A., Toch H. police Violence: Understanding and Controlling Police abuse of Force. New Haven and London: Yale University Press, 1996. P. vii – viii.; Reno W. Corruption and State politics in Sierra Leone. N. – Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 1; Robilliard St. J., McEvan J. Police Powers and individual. Oxford, 1986. ; Weisburd D., Uchido C., Green W. L. Police innovation and control of the police Problems of Law, Order and Community. N.-Y., 1993. P. 13-15, 204-205.

является строго определенная область и социальная направленность однородных общественных отношений, складывающихся на основе или в связи с возникновением и функционированием преступности.

3. Как часть политики государства уголовная политика имеет единую с этой политикой социально-экономическую, общественно-государственную, нормативно-правовую базу, сущность, социальную направленность и общие системообразующие составляющие. Однако уголовная политика имеет свои специфические особенности. Эта политика, во-первых, представляет собой самостоятельную, специфическую сферу социального регулирования, включающую специфические общественные отношения. Во-вторых, эта политика имеет специфический объект, предмет, метод и систему социального и правового регулирования. Предмет регулирования уголовной политики включает относительно однородные политико-правовые отношения и нормы. Но они не сводятся к правоотношениям и нормам криминального цикла. Эти отношения включают и такие связи и взаимодействия, которые по своему характеру не являются даже смежными с криминальными отношениями и нормами.

3. Характер и структура политико-правовых отношений и норм как основных элементов сущности уголовной политики является сложной диалектической, то есть единой и противоречивой, интегрированной системой. Эта система включает смежные, но самостоятельные и противоположные по своим функциям политические и правовые отношения, а также нормы, закрепленные или отраженные в конституциях и конституционно-законодательных актах. Она охватывает также нормы, содержащиеся в источниках конституционного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и примыкающих к ним политико-правовых актах, регулирующих отношения, складывающиеся в сфере борьбы с преступностью, предупреждения и устранения её причин.

4. Уголовная политика является относительно самостоятельным видом и направлением политики государства. Она сопряжена со всеми другими формами политики. Сущность и социальная направленность уголовной политики определяется интересами и целями её носителей. Переходный, противоречивый характер современного этапа развития российского общества и государства обусловливает исторически переходный тип его уголовной политики.

5. Механизм связи и взаимодействия различных и противоположных по сущности, предмету и методу правового регулирования правоотношений и норм, составляющих содержание уголовной политики как системы, является сложным и диалектическим. Он включает

в себя как их единство, так и противоположность и противоречия между ними. Их единство кратковременно, неустойчиво, прерывно. В них непрерывно происходят количественные и качественные изменения в их состоянии, динамике, показателях и даже в сущности. Цель и результат их воздействия как на объект, так и на субъект уголовной политики всегда является различным и неоднозначным по своему характеру и направленности. Каждый из них имеет свои противоположности и противоречия в силу множественности, разнородности и определенной автономности в своем функционировании и механизме взаимодействия как между собой, так и между различными элементами системы.

РАЗДЕЛ II.
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Политические, нормативно-правовые и организационно-административные составляющие уголовной политики

Единство и противоречие как сущности, содержания, так и функционирования, а также развития и эффективности всего механизма уголовной политики составляют политические, нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики. В свою очередь эти элементы, их взаимосвязь и взаимодействие являются производными составляющими государственной власти и государственного механизма её функционирования [246]. Государственная власть и государственный механизм составляют первооснову, основной источник и решающий фактор возникновения, развития, функционирования и взаимодействия всех составляющих элементов уголовной политики. Во второй половине XIX и XX веках принято было подчеркивать, что господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать их как законные ограничения. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипацией от просто случая и просто произвола.

В предыдущих статьях мы достаточно предметно раскрыли понятие и содержание правового механизма уголовной политики. Сущность этого механизма составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по осуществлению и обеспечению этой политики. Содержательной основой данного механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих уголовную политику.

Правовой механизм уголовной политики не ограничивается и не может ограничиваться лишь сугубо правовыми элементами его сущности и содержания, ибо уголовная политика есть, прежде всего,

---

[246] Захаренков В.В., Сальников В.П., Колокольцев В.А., Тищенко А.Г., Биктасов О.В., Щербаковский Г.З. Государственная деятельность как политико-правовая форма обеспечения единства и разделения государственной власти // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4.

именно политика. Поэтому как таковая она, эта политика, своей исходной и приоритетной составляющей имеет политическую составляющую. Следовательно, правовой механизм уголовной политики есть не что иное, как просто механизм этой политики, в котором прилагательное «уголовная» достаточно четко и однозначно выражает её правовую природу и правовые элементы содержания уголовной политики[247].

В ранее опубликованных статьях мы предметно показывали место и роль правоотношений, правовых норм, субъектов и их деятельности в формировании и осуществлении уголовной политики. Неоднократно подчеркивали и роль политики в разработке, формировании, развитии и ее реализации[248]. Поэтому основным вопросом настоящей статьи является вопрос о механизме соотношения, взаимосвязи и взаимодействия политического элемента сущности и содержания уголовной политики с её нормативно-правовыми и организационно-административными элементами. Предметно это требует раскрыть диалектику сущности, единство и противоречие власти, политики, судебной власти, принципа разделения властей и формально-нормативных, а также организационно-административных элементов уголовной политики.

В современной российской политологии, социологии и юриспруденции все более укореняется представление о власти, способной реально осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывать ее, если необходимо, другим людям и таким образом изменять их поведение. Власть как чья-то неограниченная воля ассоциируется со способностью использовать действия других людей, со средствами достижения собственных целей, а осуществление власти – с прямым насилием, принуждением и влиянием. Анализируя сущность власти, сторонники этой точки зрения обращают внимание на такие признаки власти, как динамизм реализации воли, процесс взаимодействия людей, отношение между ними, при котором одна сторона определяет

---

[247] Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 176 с.

[248] Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32; Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205; Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: проблема продолжает оставаться актуальной // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 140-159; Третьяков И.Л. Уголовная политика: сущность и политико-правовое содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 210-221.

поведение другой; и господство, то есть неограниченная способность и возможность навязывания своей воли другим людям.

Представляется, что такое понимание сущности власти является достаточно широким. Власть трактуется как неограниченная воля, не имеющая четкого ее носителя, адреса, определенных способов и средств ее навязывания. При этом трудно определить принадлежность категории власти к определенной науке (политологии, социологии, философии, праву и т.п.). Воля в этом случае отождествляется с любым желанием и любыми способами (средствами) его удовлетворения.

Воля – существенный признак власти, но явно не достаточный и не отражающий социально-политической сущности власти. Категория власти суть социально-политическая категория. Это – категория политологии, социологии и философии. Когда мы говорим о воле, как о сущности власти, то имеем в виду волю определенных социальных общностей, социально-политических сил, четко выраженные и оформленные интересы этих общностей и сил, их экономическое и политическое господство в социальной системе.

Понятие власти неотделимо от таких социально-политических явлений и категорий, как государство, политика, политические отношения, социальные общности (нации, социальные слои, государственно-политические образования), социальная структура общества, социально-политические силы и их соотношение, политическое господство.

Политическое господство предполагает наличие и доминирующее положение социальной общности или социальных общностей в рамках данной системы общественных отношений, владение средствами производства, природными, людскими и материальными ресурсами, наличие ее четко оформленных и выраженных интересов, государственно-правовых форм, способов их утверждения и реализации.

Власть – естественноисторическое явление и категория. Она возникает там и тогда, где и когда создаются определенные социально-экономические условия возникновения и функционирования частной собственности, разделения общества на противоположные социальные общности, отличающиеся по их отношению к средствам производства, месту и роли в общественном производстве, способам распределения результатов общественного производства и размерам получаемого общественного дохода. Власть неотделима от государства, права и их институтов. Она всегда суть государственная власть, то есть возведенная в определенные юридические рамки и формы воля экономически господствующих социальных общностей, навязываемая другим

общностям посредством определенной политической системы и исторически определенного типа государства[249]. Власть предполагает не только наличие интересов, но и конкретных политических механизмов их утверждения, в том числе преодоление сопротивления и применение принуждения к тем социальным силам, которые стоят на пути достижения интересов экономически господствующей социальной силы (общности или общностей). При этом государство выступает не только как система государственных учреждений, но и как отношения между различными социальными общностями и социально-политическими силами и как их деятельность по достижению своих интересов.

Власть – это политическое господство социальной общности, владеющей средствами производства и обладающей необходимыми государственно-правовыми учреждениями и институтами для утверждения и реализации ее коренных интересов, достижения оптимального соотношения социально-политических сил и управления делами общества и государства.

Содержание власти есть не что иное, как система политико-правовых отношений, институтов и учреждений, обеспечивающих функционирование и управление данной социальной системы. Понятие власти является смежным с понятием «политика». Но это не тождественные понятия. Понятие «власть» выражает носителя и его деятельность в сфере управления социальными процессами.

Ранее отмечалось, что политика – это отношения между социальными общностями (нациями, государствами), определяющие и реализующие направления, формы и способы их деятельности в борьбе за власть, коренные интересы и цели. Основу политики составляет борьба социальных общностей за власть и всесторонняя деятельность государства по управлению социальными процессами. Государство – основополагающий субъект политических отношений и политической деятельности.

---

[249] Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоведения: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Логос, 2009; Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. Сер. Безопасность человека и общества; Синенко Ю.С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007; Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1997.

Власть и политика соотносятся между собой как часть и целое, содержание и форма, где целым и содержанием является политика, а власть – частью и формой. Общее между ними – политические отношения, политическая деятельность в сфере управления социальными процессами. Но их сущность разная. Политика – это и система отношений, норм, институтов, учреждений, политического сознания. Власть – составная часть политики. Она характеризует субъектов политики и политических отношений, направления, формы, способы и средства их деятельности. Власть подчеркивает те социальные силы, которые занимают господствующее положение в обществе, организуют, осуществляют и обеспечивают безраздельное доминирование социальных сил (общностей) во всех сферах общественной жизни для достижения их интересов и целей.

Для сущности власти характерны два основных момента: первый – экономическое и политическое господство социальной силы (общности), доминирующей в данной социальной системе. Второй – реализуемые этой силой функции социального управления в интересах этой силы. Существенными признаком власти является наличие у её субъектов соответствующих регулятивных, организационно-административных, надзорно-контрольных, хозяйственно-исполнительных и иных регулятивно-предписывающих полномочий, реализующих социально-управленческие функции государства.

Власть немыслима без принадлежности соответствующего ее субъекта к структурам государственной службы, тому слою социальной структуры общества, который владеет экономическими и политико-правовыми рычагами управления социальными процессами. Власть также немыслима без системы, средств насилия, государственного принуждения. Основой системы насилия являются все силовые структуры государства. Органическими элементами этой структуры являются суд и судебная система[250], правовая система,

[250] Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (Избранное). – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. – 687 с.; Колоколов Н.А. Роль суда в механизме государственного управления. – М.: Юрист, 2004. – 344 с.; Колоколов Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: Проблемы осуществления в условиях судебной реформы: Дис. …канд. юрид. наук. – М., 1998; Лебедев В.М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция. – 2000. – № 9; Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001; Лысов П.К. Классификация функций судебной власти // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 137-140; Лысов П.К. Унификация судебной практики различных ветвей судебной власти: некоторые

правоохранительная система, правоохранительные органы[251] и другие органы законодательной и исполнительной власти[252], которым присущи все названные признаки власти. Наряду с государственной функционирует еще публичная власть, которая как бы обеспечивает самоуправление народа, но очень часто на определенной территории реализует властные функции[253]. Социальная структура общества выдвигает на авансцену истории господствующую (властвующую) социальную силу и обеспечивает функционирование власти, осуществление социального управления в ее интересах.

Власть делает политику. Политика – определяющий и решающий фактор разделения власти на ее составляющие ветви в их конкретных исторических формах. Разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви есть результат, следствие естественноисторического развития общества, на определенных этапах его развития. Оно, это разделение, определяется историческим типом способа производства, особенно таким его элементом, как тип и формы производственных отношений, типом общественно-экономической формации,

---

дискуссионные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 200-210.

[251] Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.

[252] Жданов В.Л. «Политика» и «власть» – соотношение понятий // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 63-71; Хлусов Т.М. Министерство внутренних дел Российской империи: некоторые вопросы функций ведомства // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 40-47.

[253] Медведев С.М. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц в механизме охраны прав, свобод и законных интересов граждан (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011; Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46; Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Роженцев С.В. Развитие института юридической ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц как формы охраны интересов субъектов малого и среднего предпринимательства (вопросы теории): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011; Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119; Роженцев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.

ее базиса и надстройки. С момента возникновения государства, с которым отождествляется и возникновение политики, формировались политика, власть, направления, формы и способы ее деятельности.

В любом случае они определялись характером и уровнем развития производительных сил, историческим разделением общественного труда, выделением господствующих социальных сил, реализующих функции управления. В условиях рабовладельческого и феодального строя объективные социальные факторы – экономика и связанная с нею система социальных отношений, в том числе политических, не создавали возможности и не вызывали необходимости разделения властей. Такое разделение появилось уже в условиях достаточно зрелого уровня развития капитализма, когда политическая надстройка и политическое сознание общества стали настолько развитыми, что прежние диктаторские, по современной терминологии тоталитарные способы и методы социального управления не обеспечивали должного уровня и темпа развития производительных сил[254].

Не случайно идею разделения властей историко-политическая наука связывала до недавнего времени с такими именами, как Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж. Руссо, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, работы которых появились в эпоху развитого капитализма, то есть только в XVIII – XIX веках[255].

Вместе с тем совсем недавно российским читателям стала доступна серьезная работа Марсилия Падуанского «Защитник мира. Defensor pacis», которая свидетельствует о том, что именно этот средневековый мыслитель впервые поднял вопрос о разделении властей[256].

---

254 Гук А.И., Евдеева Н.В., Клюкина Е.А. Тоталитарный политический режим: положительные последствия // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 11-20.

255 Азаркин М.Н. Учение Монтескье о разделении властей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1982. – № 1; Асмус В.Ф. Иммануил Кант. – М., 1973; Давыдов Ю.Н. Укрощение Левиафана, или социальные потенции обычного согласия (воля всех и ее судьба в концепции разделения властей Джона Локка) // Политические исследования. – 1994. – № 2; Локк Д. Избранные философские произведения. В 2 т. – М., 1960; Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157; Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955; Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. – М., 1901; Разуваев В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 528 с.; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. – М., 1969.

256 Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и Ко, 2014.

Интересна судьба издания этой книги на русском языке в России. Доктор юридических наук, профессор Геннадий Павлович Лупарев из Казахстана был на стажировке в Париже в университете Сорбонна. Там он обнаружил трактат Марсилия Падуанского «Защитник мира. Defensor pacis» на французском языке. Ранее в Советском Союзе и России это исследование М. Падуанского было известно очень немногим. На русском языке издавались совсем небольшие его работы по правовой онтологии. Во всяком случае его трактат «Defensor pacis» известен русскому читателю не был. Он издавался в западноевропейских странах на европейских языках, кроме русского.

Сам Марсилий Падуанский – итальянец, но основную жизнь свою прожил во Франции. Точные данные его жизни и смерти неизвестны. Считается, что он родился где-то между 1270 и 1280 годах, а умер примерно в 1342 или 1343 годах. Он не мечтал о популярности, «не стремился сообщить современникам и будущим поколениям людей какие-либо сведения о себе, – пишет Г.П. Лупарев. – Что касается достаточно многочисленных письменных источников XIII- XIV веков, то они тоже не балуют читателя подробностями непростой биографии этой незаурядной личности»[257].

Вот что по этому поводу написал дореволюционный (1917 г.) российский историк В. Банк: «Как будто все кругом, не исключая самого Марсилия, в данном случае пришли к единодушному выводу, что важны лишь дела человека, что достаточно говорят за него они, и ничего этому не прибавит знание мелочей его жизни»[258].

Трактат был написан Марсилием Падуанским в 1324 году. По мнению О.П. Сауляка и А.И. Экимова, идеи, изложенные в книге, были настолько опасны для тогдашних властителей Франции, что Марсилию Падуанскому пришлось спасать свою жизнь бегством из Парижа в Нюрнберг[259]. Вот какую работу обнаружил Г.П. Лупарев в библиотеке Сорбонны на французском языке. Он ее ксерокопировал, создал и возглавил научный проект по подготовке трактата к изданию на русском языке. Переводчик, Борис Умарович Фесенов отдал этому проекту несколько лет упорного труда. Профессор Г.П. Лупарев

– 656 с.

[257] Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. С. 14.

[258] Банк В. Молодые годы Марсилия Падуанского: Сб. статей в честь Дм.Ф. Кобеко. – СПб., 1913. С. 147.

[259] Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.

осуществил научное редактирование русского перевода трактата, написал к изданию очень подробную и обстоятельную научную вступительную статью, сделал примечания, подготовил рукопись к публикации в издательско-торговой корпорации «Дашков и К°», где книга и увидела свет.

В своем трактате Марсилий Падуанский поднял многие политико-правовые проблемы, притом поставил их впервые в философско-правовой науке. И вот одна из таких значимых для нас в рамках сегодняшней статьи новелла, связанная с разделением властей.

Изучив опыт родного города Падуи, Марсилий Падуанский описывает действующую там законодательную власть, которую осуществлял выборный орган – городской совет, он же назначал исполнительную власть. По мнению мыслителя, такая организация государственной власти является справедливой. Он выдвигает положение о необходимости подразделения государственной власти на две ветви: законодательную и исполнительную. В «Защитнике мира» наблюдается четкое разделение компетенции законодателя и правителя, обоснование ответственности второго перед первым. По мнению Г.П. Лупарева, и с ним следует согласиться, данная позиция «свидетельствует о том, что Марсилий задолго до Локка и Монтескье, считающихся отцами концепции разделения властей, теоретически подразделил государственную власть на две ветви. Недаром средневековой мыслитель называет законодателя первой действующей причиной государственной власти, тогда как второй ее причиной, которую, по его словам, можно назвать исполнительной или инструментальной, является правитель»[260].

Марсилий Падуанский выдвинул идеи, предвосхитившие взгляды Жана Бодена, Никколо Макиавелли, Жан-Жака Руссо и других европейских мыслителей в области государственно-правовых концепций организации общества.

Политика – решающий фактор разделения, функционирования, взаимодействия и деятельности властей, включая их деятельность по обеспечению законности[261], борьбе с преступностью, выявлению и

---

[260] Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский. С. 63.

[261] Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19; Ковалева М.Г. Участие суда в обеспечении законности и обоснованности возбуждения уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 89-94; Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20 – 30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 18-27.

устранению причин, её порождающих[262], охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан[263], ибо она:

- обусловливает сущность, характер, направленность и содержание интересов носителя или носителей власти;
- формирует самого носителя или носителей власти;
- определяет необходимость и социальную потребность такого разделения;
- составляет его сущность, характер, социальную направленность;
- формирует формы правления, политический режим, определяющие власть и властные структуры, демократические институты общества;
- создает соответствующие ветви власти, в том числе судебную и исполнительную власть;
- решает вопрос об организации, персональном (кадровом) составе судебной и других видов власти, объеме и пределах компетенции, направлениях, формах, способах их деятельности;
- обеспечивает необходимые условия, силы и средства деятельности всех видов власти;
- вырабатывает соответствующие данному этапу и уровню развития общества политическое сознание, политическую и правовую идеологию;
- дает тем самым идейно-теоретическое обоснование самой политике и всем элементам политической надстройки – государству, его механизму, государственной власти и ее ветвям, в том числе и принципу разделения властей, функционированию и развитию судебной власти, правоохранительным органам как существенного элемента исполнительной власти.

Конституция РФ в числе основных государственно-властных

---

[262] Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43; Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А, Экологическая преступность в Ленинградской области: общее и особенное // Региональная экология. – 2004. – № 3-4. – С.63-66.

[263] Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. – 2012. – № 4. – С. 50-57; Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37; Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15; Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.; Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. – 349 с.

установлений закрепляет принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Она определяет самостоятельность органов указанных видов власти. Принцип разделения власти – одно из ключевых конституционных установлений демократических государств, декларированный в большинстве современных конституций.

По конституции США, судебная власть принадлежит судебной системе, олицетворением которой является Верховный Суд. Однако самостоятельность судебной власти и Верховного Суда США, как ее главного выразителя, весьма относительна. Компетенция этого суда сводится к функции проверки конституционности законов и нормативно-правовых актов по запросам президента, конгресса, высших должностных лиц исполнительной власти в пределах их полномочий. Кроме того, Верховный Суд вправе проверить соответствие конституции заключение под стражу лица, подвергнутого аресту по подозрению в совершении преступления согласно принципу habeas corpus. Этот принцип предоставляет любому арестованному право подать жалобу на проверку законности ареста. Однако такое право является больше абстрактностью, чем реальностью. Верховный Суд обладает исключительным правом реализации указанной нормы. Он вправе оставить без рассмотрения жалобу арестованного, рассмотреть и удовлетворить ее в какой-то части. Судьи всех судебных инстанций, включая и Верховный Суд, назначаются на должности исключительно по представлению исполнительных органов государства. Компетенция судов строго дифференцируется и максимально ограничивается сугубо формальными, юридическими вопросами. Помимо Верховного Суда, как высшей судебной инстанции, имеются другие апелляционные судебные органы.

Исполнительная власть, особенно в лице президента, имеет практически неограниченные возможности влиять на формирование, функционирование судебной власти, судебные решения, не говоря уже о направлении деятельности и решениях всех институтов и учреждений исполнительной власти. Это влияние оказывается посредством кадровой политики, использования института лоббирования в конгрессе, в судах, а также путем использования своего права утверждать решения судов в случаях, предусмотренных законом.

Принцип разделения властей в Конституции РФ, как и в конституциях большинства других западных стран, в российской юридической литературе, как правило, абсолютизируется тем, что:

- его сущность сводится к формально-нормативному смыслу создания системы «сдержек и противовесов», на практике

означающих лишь принципиальную возможность влияния одной ветви власти на другую и не имеющих никакого отношения к фактическим взаимоотношениям между этими ветвями;
- равенство властей, декларируемое этим принципом, на практике весьма условно и его реальное содержание весьма далеко от юридических постулатов и ожиданий;
- сущность разделения властей не сводится к формально-юридическим признакам. Она заключает в себе единство и противоречие социально-политического, государственно-правового и методологического аспектов.

Социально-политический аспект проблемы разделения властей сводится к выяснению взаимосвязи и взаимозависимости соотношения основных движущих сил российского общества, их основополагающих целей и интересов, противоречий между ними, влияния последних на сущность и механизм взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной видов власти.

Взаимодействие видов власти тесно связано с экономическими, политическими и духовными процессами в обществе, со всеми фундаментальными устоями российской государственности, диалектикой экономики, политики, права, экономической, политической и правовой систем.

Нельзя согласиться с попытками свести сложную проблему соотношения социально-политических сил в России или мире к ее сугубо социально-психологическому аспекту, подменить экономические и политические факторы, определяющие это соотношение, их социально-психологическим содержанием. Разумеется, социально-психологический аспект имеет место в отношениях между различными социальными общностями. Существует и массовое перемещение людей из одной «социальной ниши» в другую, но вряд ли такое перемещение следует называть социальным течением. Делать глобальный вывод о том, что «впервые на планете установилась (с оговорками) единое общество с единой системой ценностей и норм». То, что именуется социальным течением, есть не что иное, как бесконечный процесс изменения, смены исторического типа социальной системы, социальной структуры общества, борьбы важнейших движущих сил в мире, стране.

Глобальные изменения в мире, в России, смена исторического типа, экономического базиса и политической надстройки в ней, изменения ее места и роли в мировой политике, превращение из сверхдержавы в рядовое государство есть неизбежное следствие конгломерата внутренних и внешних противоречий, разрушивших некогда мощную

мировую державу – Советский Союз. И социальные процессы в современной России, отношения между ее основными движущими силами отнюдь не характеризуется термином «единство», а хлестким понятием «кризис», употребляемым даже с высоких официальных трибун.

Несмотря на различия и противоположность мировоззренческих позиций и взглядов разных авторов, на обилие высказываемых точек зрения, все они сводятся в признании наличия системного кризиса в РФ. Среди причин и факторов кризиса указываются глубокие застойные процессы внутри бывшего Советского Союза, непоследовательность, слабость, несостоятельность и даже коллаборационизм, его отдельных руководителей, последовательно антикоммунистическая и антироссийская политика стран НАТО во главе с США. Характерна в этом отношении позиция одного из самых влиятельных и сведущих политиков и идеологов США З. Бжезинского. Последний о политике США в отношении России прямо пишет, что её целью является не допустить превращения России в мировую сверхдержаву, использовать для этого все имеющиеся у Америки и НАТО ресурсы, силы и средства.

Кризис российского общества является системным, многоуровневым, длящимся. Он характеризуется резким дисбалансом производства, доходящими до антагонизма социально-политическими противоречиями, внутренней нестабильностью, острой борьбой противостоящих сил, духовной разобщенностью, деградацией, нравственным оскудением, нищетой значительной части населения, ростом количественных и качественных показателей преступности, масштабностью и глубиной социальных язв и пороков.

Основными движущими и противостоящими силами российского общества, генерирующими и сохраняющими его системный кризис и противоречия, являются:

- небольшой (максимум до 1 – 2% населения) слой очень богатых людей, называемых «олигархами», осуществляющих основные функции социального управления, которым принадлежит более 50% всех богатств страны и которые оказывают решающее значение на формирование государственного аппарата и политики государства, в том числе на избирательный механизм, на ход и исход избирательного процесса;
- значительный (до 16%) слой населения, стоящий на более низкой социальной ступени, занимающийся средним и малым бизнесом, располагающий до 30% совокупного общественного продукта и составляющий социальную базу существующей власти, оказывающий мощную морально-политическую поддержку существующему политическому режиму;

- значительная часть населения (до 40% его численности), живущая за счет собственного труда или иного дохода, имеющая небольшую долю (не более 10%) общественного богатства; представляющая собой весьма разнородную по составу и социально инертную массу людей, и находящаяся на обочине политической жизни; являющаяся социальным «болотом» и объективно способствующая проведению угодной власти политики;
- остальная, более чем треть, часть населения, объединяющая в своих рядах наиболее обездоленных и вместе с тем достаточно осознающих своё социальное положение граждан; являющаяся относительно организованной оппозиционной силой, противостоит последней в тех или иных формах протестного движения.

Сложная противоречивая и разнородная социальная структура общества обусловливает аналогичный характер ее воздействия на сущность, процесс формирования, функционирования и развития власти в целом и ее структурных элементов, в том числе на все ветви власти, на судебную власть, правоохранительные органы, их деятельность и на уголовную политику в целом.

Механизм воздействия социальной структуры общества на государственную власть состоит в том что, она, эта структура:

- составляет существенную (определяющую) часть политической надстройки общества;
- является источником, движущей силой, социальной, организационной основой и носителем государства, власти, политики, её составляющих, политико-правовых отношений, политической и правовой систем;
- определяет сущность, характер и социальную (в том числе классовую) направленность и структуру государственности, власти, политических отношений и политической (правовой) системы общества;
- формирует непосредственный кадровый (персональный) состав государственного аппарата и всего государственного механизма, включая аппарат правовой и правоохранительной систем.

В конечном счете, механизм воздействия социальной структуры сводится к тому, что она, эта структура, определяет и формирует власть как таковую, политику, политические и иные, в том числе правовые, уголовно-правовые и смежные с ними отношения.

Разделение властей присуще и характерно лишь достаточно зрелому капитализму, создающему свой тип и свои формы демократии, обеспечивающие пределы и формы участия граждан в управлении делами государства. Судебная власть – исключительное детище социальной

структуры общества, а главным образом – формы правления, политического режима и политики государства. Поэтому несостоятельны концепции и точки зрения, абсолютизирующие независимость, самостоятельность судебной власти, игнорирующие ее связь с политикой и идеологией государства.

Наличие в ряде крупных стран (например, в Китае) политических режимов и форм правления, качественно отличных от западных, также влияет на глобальные процессы демократизации всей социальной системы и ее политической надстройки, неотъемлемой частью которой являются судебная власть, судебная система, суд и правосудие, а также правоохранительная деятельность и борьба с преступностью.

Развитие, взаимосвязь и взаимодействие судебной системы, судебной власти, правоохранительной, правозащитной деятельности и уголовной политики является объективной потребностью и необходимостью развития современной государственности. Эта необходимость вызвана, во-первых, тем, что усиливаются различные формы протестного движения и для их устранения требуются демократические, законные, то есть судебно-процессуальные формы принуждения. Во-вторых, уровень развития демократических институтов современных государств стал достаточно развитым, совершенным и эффективным, что позволяет правящим классам укреплять свое господство достаточно мягкими способами, методами и средствами (формами). Суд и судебная власть, их деятельность, правосудие, как и сопряженная с нею правоохранительная деятельность, являются наиболее благоприятными и достаточно мягкими государственно-правовыми инструментами социального управления и достижения социального мира (партнерства).

Акцент на судебные формы и способы разрешения существующих противоречий связан и с качественными изменениями культуры современного общества, его общественного сознания, его форм[264], в том числе правовой культуры[265] и правовой идеологии[266], глубокими

---

[264] Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191; Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 47-50.

[265] Исаев И.А. Правовая культура России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 96 с.; Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6. – С. 8-9; Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.

[266] Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред.

изменениями законодательства, возникновением новых политических и правовых концепций. В их основе лежат глубинные процессы научно-технического прогресса, компьютеризации, развития средств массовой информации.

Процессуальными формами правосудия устанавливаются конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. ГПК РФ в качестве одного из субъектов правосудия предусматривает третейский суд, не являющийся государственным органом и, следовательно, в конституционном смысле не правомочным осуществлять правосудие.

Противоречивы и теоретические позиции по этому вопросу. А.Я. Сухарев полагает, что суд является органом судебной власти, осуществляющим не только функции правосудия, но и иные, смежные с ними функции[267]. В.В. Ершов отстаивает в основном правозащитные функции суда[268].

Авторы и сторонники концепции судебной реформы в России Б.А. Золотухин, С.Е. Вицин, А.М. Ларин, И.Б. Михаиловский, Т.Г. Морщакова, Р.В. Назаров, С.А. Пашин, И.Л. Петрухин, Ю.И. Стецовский придерживаются правозащитной концепции суда и судебной реформы. Отстаивают «реальное разделение властей», децентрализацию властных функций, «подлинный плюрализм, затрудняющий узурпацию современных прав народа»[269]. По их мнению, «Необходимо, чтобы на арену общественной жизни вышел независимый, свободный от корыстных интересов и политических симпатий суд, выступающий гарантом законности и справедливости, играющий для государства ту же роль, какая в человеке принадлежит совести». Ядро судебной реформы – преобразование суда и процесса, «под знаком и во имя которых изменяется предназначение и деятельность других органов и институтов». Они допускают, что по гражданским делам не исключено существование негосударственной, альтернативной системы правосудия и урегулирования разногласий в виде третейских судов и правового сотрудничества третьих лиц. Предлагают отказаться от «обыкновенного для советской юриспруденции взгляда,

---

В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.

[267] Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: Дис.... докт. юрид. наук, в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – М., 1996. С. 36-39.

[268] Ершов В.В. Место и роль суда в правовом государстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1991. – № 5. – С. 18.

[269] Золотухин Б., Пашин С. Концептуальные основы судебной реформы в РСФСР // Советская юстиция. – 1991. – № 21/22. С. 2-3.

будто закон является источником права», активизировать систему института суда присяжных, пересмотреть нормы УПК по разрешению дел на досудебных стадиях и т.п.[270].

Судебная реформа в современной России проводится вот уже, наверное, более двадцати лет[271]. А если вести речь о судебной реформе в целом в России, то ей недавно отметили 150 лет[272].

Некоторые исследователи полагают, что реформа, начавшаяся с 90-х годов прошлого века и длящаяся с начала XXI века – это продолжение судебной реформы 1864 года. У той и другой реформы есть как сторониики, так и противники[273]. Это нормальная ситуация. Но вряд ли нормально то, что судебную реформу в нашей стране вот уже много лет мы никак не можем завершить.

Правосудие, как деятельность судебной власти, суда, – неотъемлемый элемент уголовной политики, одна из высших правовых форм её реализации. И как таковое оно является не только творением, производным элементом политики государства, включая уголовную политику, но и её прямым продолжением, особой формой, самостоятельным институтом функционирования и развития демократического правового государства [274], существенной гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Подлинное, демократическое, истинное правосудие возможно в условия легитимной и легальной власти. Только лишь легальная и легитимная власть способна обеспечить истинно справедливую

---

[270] Золотухин Б., Пашин С. Концептуальные основы судебной реформы в РСФСР // Советская юстиция. – 1991. – № 21/22. С. 2

[271] Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.

[272] Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123; Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994; Победоносцев К.П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по всему предмету кассацион. Дел., Сената. – СПб., 1872.

[273] Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 143-150.

[274] Сальников В.П. Советское правовое государство и юридическая наука: (круглый стол, выступление) // Государство и право. – 1989. – № 3. – С. 65; Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2. – С. 17.

уголовную политику.

Легитимность – это общечеловеческая ценность. И она «обеспечивает такой уровень отношений в обществе, когда наблюдается способность и готовность участников политико-правовых отношений добровольно и осознанно следовать определенным долженствованным правилам и принятым обязательствам, когда государственная власть принимается членами общества, на которых она распространяется»[275]. Если в обществе существует легитимная власть, то «наблюдается картина, – *пишут В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – добровольного подчинения граждан законам и другим установлениям государственной власти. Оцениваются правовые предписания населением как справедливые, морально оправданные и приемлемые.

Публичная политическая власть признается легитимной тогда, когда наблюдается социальное признание ее права на руководящую роль в обществе. Власть чрезвычайно необходима для достижения государственных целей, ибо государственное функционирование вряд ли будет эффективным, если не соблюдаются соответствующие правила. Именно потому, что легитимность играет важную роль, властвующий или претендующий на власть субъект стремится обосновать свою власть, опираясь на определенные принципы. Он пытается создать социальную ситуацию, в которой властные предписания исполнялись и соблюдались инициативно, или по крайней пере с «пониманием», с верой в нравственную правоту решений и законов, так как власть не может рассчитывать на длительное и эффективное функционирование, полагаясь только на аппарат государственного принуждения»[276].

Здесь можно привести позицию известного западноевропейского социолога, француза Пьера Бурдье. Он обращает внимание на то, что легитимная власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет… Это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует»[277]. В.П. Сальников и М.В. Сальников добавляют к тезису Пьера Бурдье: «Верит не только в то, что власть существует, но и в то, что она справедлива, полезна и необходима для него. Без этой власти он не может решить свои повседневные жизненно необходимые вопросы. Без нее он не сможет жить, работать, иметь семью, растить и воспитывать своих

---

[275] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86. С. 78.

[276] Там же. С. 78.

[277] Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – 336 с. С. 208, 209.

детей, давать им образование, иметь достойное медицинское обслуживание, победить коррупцию, да и просто чувствовать себя комфортно. И данное обстоятельство власть должна постоянно помнить, чтобы не утратить своей легитимности»[278].

Что же касается справедливости власти, то это отдельный вопрос, он будил умы мыслителей на протяжении всей истории цивилизации, он продолжает будировать интерес и сегодняшних исследователей[279].

Говоря о политических интегрантах в правовом механизме уголовной политики, нельзя обойти вниманием проблему легальности (законности) государственной власти. Легальность «свидетельствует, – *пишут В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – о способности и желании всех членов общества, участников правоотношений, соблюдать существующие законы, иные нормативно-правовые акты, действовать в пределах, определенных государством, брать на себя необходимые государственные обязательства и не нарушать их. При этом указанные требования в одинаковой степени обязательны для физических и юридических лиц, в том числе для самой власти и ее носителей. Отказ носителей государственной власти от данного принципа ломает элементарную упорядоченность социально-правовых отношений, предопределяет неэффективность и неприемлемость такой власти для общества, усиливают ее деструктивный потенциал. Власть, не ограниченная законом, оказывается неэффективной и нежелательной, лишенной ценностного смысла и просто опасной для людей»[280].

Говоря о легальности, нельзя забывать необходимость соблюдения законов всеми без исключения субъектами правовых отношений, в том числе и со стороны носителей власти всех уровней, включая главу государства. «И глава государства должен, – *подчеркивают В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – постоянно помнить о легитимности своей деятельности, в каких бы сложных ситуациях он бы не оказывался, выполняя свои государственные обязанности. Он не может забывать о правовой и просто об общечеловеческой ответственности перед своим народом, населением, исторической памятью, парламентом, единомышленниками, своей семьей, наконец, перед своей совестью, то есть перед самим собой» [281].

---

[278] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей.. С. 78.

[279] Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.

[280] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей С. 79.

[281] Там же. С. 80.

Другими словами, речь идет об ограничении государственной власти[282]. Необходимость этого ограничения сегодня для всех очевидна». С этим соглашаются не только ученые, но и сами носители политической власти. Важно найти и использовать все возможные институты гражданского общества для решения этих задач. Вместе с тем можно наблюдать, с одной стороны, недооценку важности изучения и практического обеспечения легальности правоотношений применительно к государственной власти и ее носителям. Очень часто о законности ведут речь применительно к тем, кто обязан подчиняться власти, и реже – к тем, кто ее представляет. С другой стороны, можно встретить взгляды, которые демонстрируют ситуации, когда о необходимости правового ограничения высшей власти судить очень трудно и сложно»[283].

В предлагаемой статье мы хотим лишь подчеркнуть данную мысль, не стремясь ее детально аргументировать. Однако очень важно помнить всем и каждому, что безграничной власти не должно быть ни у кого. Власть всегда должна быть ограничена. И здесь важная роль принадлежит не только Конституции, другим законам, но и активно функционирующим институтам гражданского общества, и самое главное – совести властедержателя.

Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики характеризуют ее наряду с политическими составляющими, о чем мы уже писали[284]. Сущность, структура, основное содержание, место и функции правовых, а также организационно-административных элементов уголовной политики и их соотношение в общем механизме этой политики в целом рассмотрены[285]. Более рельефно следует выделить их соотношение друг с другом и с политикой государства.

---

[282] Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Социальная власть как феномен и проблема правового ограничения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 11-27; Артамонова Г.К., Султыгов М.М., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. Режим исключения как правовая категория // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 17-19.

[283] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей. С. 80.

[284] Третьяков И.Л. Политические интегранты в правовом механизме уголовной политики // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 64-81.

[285] Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205; Третьяков И.Л. Уголовная политика: сущность и политико-правовое содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 210-221.

По отношению к политике они являются её производными. Политика, политическая деятельность и политические интересы являются источником, движущей силой, основным мотивом и главным объективно-субъективным фактором формирования, развития, функционирования и реализации правовых и организационно-административных элементов уголовной политики. В свою очередь правовые и организационно-административные элементы этой политики – необходимые и неотъемлемые относительно-самостоятельные составляющие этой политики.

Право, правовые нормы, правоотношения и правосознание[286], особенно правовая идеология[287] и культура[288] – самостоятельные и основные содержательные элементы формирования, функционирования и реализации формально-нормативной стороны уголовной политики. Они – необходимые объективно обусловленные формы реализации как общей, так и уголовной политики. Они – суть естественноисторического демократического развития общества, важное социальное достижение и основная форма проявления современной демократии. Будучи производными, зависимыми и определяемыми политикой, право и его атрибуты оказывают обратное воздействие на общую и уголовную политику, вплоть до изменения их сущности. Хотя такое воздействие всецело определяется соотношением и приоритетом прогрессивных демократических сил общества[289].

---

[286] Грошев А.В. Правосознание и правотворчество (уголовно-правовой аспект). – Екатеринбург, 1996; Сальников В.П. Концептуальные принципы философского обоснования права // Философия права. – 2002. – № 2. – С. 15-19.

[287] Исмагилов Р.Ф, Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. , Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129; Реуф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 67-72.

[288] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.; Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.; Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.

[289] Малько А.В. Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 456 с.; Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – Ноябрь; Российская правозащитная политика: теория и практика: Монография / Под

Основой сущности и содержания организационно-административных элементов уголовной политики являются её субъекты и направления, формы и способы их деятельности по обеспечению законности, борьбы с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению её причин и условий[290], соблюдению прав и свобод и законных интересов человека и гражданина[291]. Эти элементы составляют основную сущностную, то есть объективно-субъективную сторону уголовной политики. Они определяют её характер, социальную сущность, направленность, стратегию, тактику и эффективность. Эта сторона уголовной политики есть её решающий элемент. Будучи зависимым и определяемым общей политикой, он составляет основное действительное содержание уголовной политики и её социальные результаты. Оказывает самостоятельное существенное воздействие на общую политику государства и способен изменить её сущность и содержание.

Характер, социальная сущность и социальная направленность такого изменения опять таки определяется соотношением социально-политических сил общества, степенью сплоченности, организованности и активности ведущих социальных общностей и социально-политических сил.

Связь и взаимозависимость власти, уголовной политики, политики, правовой культуры и правовой идеологии, организационно-административные элементы, которые формируют и реализуют уголовную политику, проявляются в том, что все указанные составляющие общественной жизни представляет собой специфические самостоятельные формы отражения глубоких изменений современной

ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.

290 Гомонов Н.Д. Криминологические понятия «преступность» и «преступник» // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 89-97; Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87; Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110; Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних: материалы междунар. науч.-практ. конф. (9 дек., 2002 г.) / Редкол.: Числов А.И. и др. Тюмень, 2003; Романовская В.Б. Личность, безопасность и право: история и современность // Безопасность человека и преступность: Матер. межвуз. научпракт конф. / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.

291 Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.; Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-99; Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.

государственности. Механизм этой связи состоит в том, что:

- политические, правовые и организационно-административные элементы уголовной политики являются, с одной стороны, её относительно самостоятельными элементами, а, с другой стороны, они представляют собой диалектическое единство и противоречие этой политики[292];
- эти элементы порождены и определяются государственной властью, государством, его политикой[293];
- они являются относительно самостоятельными элементами и формами формирования и функционирования единого информационного поля;
- как элементы и как формы этого поля они обладают относительной самостоятельностью и активностью, то есть оказывают активное обратное воздействие на само информационное поле и на породившие их власть, государство, его политику, на преступность, как неизбежную производную острых социальный противоречий и антагонизмов данной социальной системы и данной государственности, а также друг на друга, вызывая во всех составляющих уголовной политики и в ней в целом глубокие количественные и качественные изменения в ту или иную сторону в зависимости от сущности и социальной направленности власти, от интересов субъектов государственности.

Выводы:

1. Политические, нормативно-правовые и организационно-административные элементы уголовной политики представляют собой единство и противоречие как сущности, содержания, так и функционирования, а также развития и эффективности всего механизма уголовной политики. В свою очередь эти элементы, их взаимосвязь и взаимодействие являются производными составляющими государственной власти и государственного механизма её функционирования.

---

[292] Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 448 с.; Философия права. Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 552 с.

[293] Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998; Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. – М., 2000; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.

Государственная власть и государственный механизм составляют первооснову, основной источник и решающий фактор возникновения, развития, функционирования и взаимодействия всех составляющих элементов уголовной политики.

2. Сложная противоречивая и разнородная социальная структура общества обусловливает аналогичный характер ее воздействия на сущность, процесс формирования, функционирования и развития власти в целом и ее структурных элементов, в том числе на все ветви власти, на судебную власть [294], правоохранительные органы, их деятельность [295] и на уголовную политику в целом.

Механизм воздействия социальной структуры общества на государственную власть состоит в том что, она, эта структура:

- составляет существенную (определяющую) часть политической надстройки общества;
- является источником, движущей силой, социальной, организа-

[294] Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномене в логосе: Монография. – М.: Юрист, 2005. – 560 с.; Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Право, закон, судебный прецедент: российский вариант: Монография. – М.: Юрист, 2008. – 94 с.; Лысов П.К. Правосудие как основная функция судебной власти: понятие и формы реализации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 132-137; Лысов П.К. Судебный контроль как механизм "сдержек и противовесов" в системе разделения властей // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 67-71; Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Реализация принципа федеративной организации судебной власти и судебной деятельности в Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 79-88.

[295] Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.; Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.; Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150; Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64; Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18.

ционной основой и носителем государства, власти, политики, её составляющих, политико-правовых отношений, политической и правовой систем;
- определяет сущность, характер и социальную направленность и структуру государственности, власти, политических отношений и политической (правовой) системы общества;
- формирует непосредственный кадровый (персональный) состав государственного аппарата и всего государственного механизма, включая аппарат правовой и правоохранительной систем.

3. Политика – решающий фактор разделения, функционирования, взаимодействия и деятельности властей, включая их деятельность по обеспечению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин, её порождающих, охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан, ибо она:
- обусловливает сущность, характер, направленность и содержание интересов носителя или носителей власти;
- формирует самого носителя или носителей власти;
- определяет необходимость и социальную потребность такого разделения;
- составляет его сущность, характер, социальную направленность;
- формирует формы правления, политический режим, определяющие власть и властные структуры, демократические институты общества [296];
- создает соответствующие ветви власти, в том числе судебную и исполнительную власть;
- решает вопрос об организации, персональном (кадровом) составе судебной и других видов власти, объеме и пределах компетенции, направлениях, формах, способах их деятельности;
- обеспечивает необходимые условия, силы и средства деятельности всех видов власти;
- вырабатывает соответствующие данному этапу и уровню развития общества политическое сознание, политическую и правовую идеологию; дает тем самым идейно-теоретическое обоснование самой политике и всем элементам политической надстройки – государству, его механизму, государственной власти и ее ветвям, в том числе и принципу разделения властей, функционированию и развитию судебной власти,

[296] Гук А.И., Евдеева Н.В., Клюкина Е.А. Тоталитарный политический режим: положительные последствия // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 11-20; Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М., 1995.

правоохранительным органам как существенного элемента исполнительной власти.

4. Право, правовые нормы, правоотношения и правосознание, особенно правовая идеология и культура – самостоятельные и основные содержательные элементы формирования, функционирования и реализации формально-нормативной стороны уголовной политики. Они – необходимые объективно обусловленные формы реализации как общей, так и уголовной политики. Они – суть естественноисторического демократического развития общества, важное социальное достижение и основная форма проявления современной демократии. Будучи производными, зависимыми и определяемыми политикой, право и его атрибуты оказывают обратное воздействие на общую и уголовную политику, вплоть до изменения их сущности. Хотя такое воздействие всецело определяется соотношением и приоритетом прогрессивных демократических сил общества.

5. Правосудие, как деятельность судебной власти, суда, – неотъемлемый элемент уголовной политики, одна из высших правовых форм её реализации. И, как таковое, оно является не только творением, производным элементом политики государства, включая уголовную политику, но и её прямым продолжением, особой формой, самостоятельным институтом функционирования и развития демократического правового государства, существенной гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

6. Связь и взаимозависимость политических, правовых и организационно-административных элементов уголовной политики проявляется в том, что все указанные составляющие этой политики представляют собой специфические самостоятельные формы отражения глубоких изменений современной государственности. Механизм этой связи состоит в том, что они, эти составляющие, являются, с одной стороны, её относительно самостоятельными элементами, а, с другой стороны, они представляют собой диалектическое единство и противоречие этой политики.

7. Как элементы и как формы единого информационного поля они обладают относительной самостоятельностью и активностью, то есть оказывают активное обратное воздействие на само информационное поле и на породившие их власть, государство, его политику, на преступность, а также друг на друга, вызывая в себе и в уголовной политики в целом глубокие количественные и качественные изменения в ту или иную сторону в зависимости от сущности и социальной направленности власти, интересов её субъектов.

2. Юридическая база уголовной политики и ее противоречия

Исследование правового регулирования уголовной политики РФ требует раскрыть: 1) сущность правового механизма уголовной политики и его зависимость от основополагающих факторов общественного развития – экономики, политики, идеологии и культуры; 2) юридическую базу этого регулирования; 3) противоречия правового регулирования уголовной политики.

Правовой механизм уголовной политики Российской Федерации – это система общественных отношений, юридических норм, характеризующих направления, способы и средства деятельности государства, общественных организаций и граждан по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин и условий, порождающих или способствующих преступности, соблюдению конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Как известно, Конституция России во главе угла закрепила положение о том, что именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью. А государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Это обязанность государства. В том числе оберегать и от преступных посягательств. Эта конституционная обязанность государства довольно тщательно изучается российскими исследователями с разных позиций и сторон, мы имеем довольно обширную научную литературу по этой проблеме[297].

Данное положение Конституции основывается на концепции естественного происхождения прав и свобод человека и гражданина, которые не даруются государством, а появляются у человека от рождения. Об этом прямо заявил в своей лекции, прочитанной в Государственной Думе в апреле 2013 года, один из разработчиков Конституции профессор С.М. Шахрай[298].

Доктрина естественного происхождения прав и свобод человека начинает свои истоки от средневековья и проходит свою эволюцию

---

[297] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.; Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.

[298] Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 160.

вплоть до наших дней[299]. Она находит свое отражение в абсолютном большинстве демократических конституций мира и считается либеральной. Безусловно, она оказывает определенное влияние через конституционное закрепление и на правовой механизм уголовной политики.

Сущность правового механизма уголовной политики составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по осуществлению и обеспечению этой политики. Содержательной основой этого механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих уголовную политику[300].

Определяющими элементами содержания правового механизма уголовной политики являются правовое регулирование этого механизма и административно-организационная деятельность органов государства, среди которых особая роль принадлежит силовым структурам. Определяющее место указанных элементов в системе правового механизма реализации уголовной политики обусловлено сущностью и социальной ролью права, правового регулирования в системе социального управления, а также деятельности субъектов, реализующих и обеспечивающих укрепление законности, борьбу с преступностью, выявление и устранение её причин и условий. Правовое регулирование обеспечивает юридическую базу уголовной политики, а деятельность силовых структур государства составляет его внутренний источник и движущую силу. Вместе взятые, указанные элементы правового

---

[299] Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80; Куницын А.С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 5-11; Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.

[300] Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.; Проблемы девиантного поведения молодежи: Монография / Н.В. Блажевич и др.; под общ. ред. А.И. Числова, Н.В. Блажевича. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007; Числов А.И., Юзиханова Э.Г. Основы оперативно-тактического прогнозирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1. – С. 92-96; Вихров А.А., Александров С.Г. Правовые основы борьбы полиции с коррупцией: Монография / Под ред. В.П.Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.

механизма уголовной политики образуют диалектическое единство и противоречие формально-нормативной стороны этого механизма и его существенной предметно-деятельной стороны.

Единство этих элементов состоит в том, что они:

- являются сторонами единой системы – системы правого механизма уголовной политики;
- взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, создавая необходимые правовые формы реализации уголовной политики, её юридическую базу, с одной стороны, и придавая ей жизненную динамику и функциональную механику, с другой стороны;
- изменение правового регулирования механизма уголовной политики неизбежно влечет за собой изменение его предметно-деятельной стороны и, наоборот, изменение направлений, форм, способов и средств деятельности по укреплению законности и борьбе с преступностью вызывает объективную потребность в изменении правовых основ и правовых форм этой деятельности;
- приоритетная роль предметно-деятельной стороны правового механизма уголовной политики по отношению к его формально-юридической, нормативной стороне, состоящая в сущности и социальной роли практики, являющейся источником, движущей силой, конечной целью и критерием истинности (достоверности) всяких изменений указанного механизма;
- внутренняя связь и взаимозависимость правового регулирования механизма уголовной политики и организационно-правовых форм деятельности силовых структур по укреплению законности и борьбе с преступностью придают этому механизму определенную пространственно-временную стабильность, устойчивость, жизнеспособность и функциональную эффективность.

Противоречие между указанными элементами правового механизма регулирования уголовной политики состоит в том, что:

- они являются разными сторонами системы, имеют свою сущность;
- реализуют только присущие им социальные функции;
- их единство относительно, временно и неустойчиво;
- взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие между ними являются сущностью как всей системы правового механизма уголовной политики, так и реализации ими её социальной роли;
- взаимосвязь и взаимодействие между ними неизбежно влечет изменение всей системы этого механизма, его сущности и всех составляющих;
- конечным результатом их взаимодействия являются изменения

как преступности её качественных признаков и характеристик, так и самой уголовной политики, а также изменение всей социальной атмосферы и даже системы общественных отношений и механизма, реализующих или обеспечивающих уголовную политику, укрепление законности и борьбу с преступностью;

- процесс взаимосвязи и взаимодействия между ними всецело подчиняется принципам, законам и категориям диалектики: количественные изменения каждого из них в определенные временные исторические промежутки влекут качественные изменения исторического типа, форм и способов деятельности по укреплению законности, борьбе с преступностью, обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан. Процесс этот является непрерывным и прогрессирующим. Его можно отнести к предмету философии права[301].

Правовое регулирование механизма укрепления законности, борьбы с преступностью, выявления и устранения причин и условий, является не только определяющим, но и существенным первичным и неотъемлемым элементом этого механизма.

Под правовым регулированием механизма уголовной политики в настоящей статье понимается систематизированное воздействие норм права на правоотношения, составляющие сущность деятельности субъектов реализации уголовной политики по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин и условий, способствующих преступности, обеспечению и защите прав и свобод личности. Сущность правового регулирования механизма уголовной политики составляет воздействие закона, норм права на отношения в сфере укрепления законности, борьбы с преступностью, выявления и устранения причин и условий, порождающих преступность.

---

[301] Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.; Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.; Исмагилов Р.Ф., Романовская Л.Р., Сальников П.П. Предпосылки формирования и институционализации гражданского общества в России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 51-59; Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190; Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с. – (Толкование источников права); Сальников М.В., Романовская Л.Р. Пушкина Н.А. Нетипичные формы правления как результат поиска наиболее оптимальных моделей организации государственной власти // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 76-86.

Составляющими признаками такого регулирования являются: специфический объект воздействия – преступность. Правовой источник и средства воздействия – нормы российского законодательства и международного права. Характер воздействия – системность, повторяемость, относительно длительные пространственно-временные рамки. Цель – укрепление законности, борьба с преступностью, выявление и устранение причин и условий, её порождающих, обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, национальной, экономической, финансовой и иной безопасности[302]. Субъекты и носители общественных отношений в сфере реализации уголовной политики – народ, органы государства в лице законодательной, исполнительной и судебной власти, общественные организации и граждане. Государство и его органы исполнительной власти, особенно органы судебной власти и правоохранительные органы – суды и судебная система, судейское сообщество, органы внутренних дел, следственный комитет, прокуратура, пограничные войска, служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, федеральная служба безопасности, таможенная служба и др., все те, кто участвует в реализации уголовной политики[303].

Правоохранительные органы занимают существенное приоритетное место в системе субъектов уголовной политики. Содержанием

---

[302] Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Автоматизированные системы финансовых расследований: Учебное пособие: – М.: Московский университет, 2015. – 235 с.; Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в современном мире. Теоретико-методологические аспекты: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФОРУМ, 2010. – 176 с.; Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109; Хабибулина А.А. Научное обоснование обеспечения финансовой безопасности России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 106-113; Числов А.И., Цишковский Е.А. Защита и реализация экономических интересов России как основные направления обеспечения ее экономической безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2006. – № 1. – С. 13-25; Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия.

[303] Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12; Лопащенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб., 2004. .

такого регулирования являются права, обязанности и правосубъектность субъектов указанных отношений[304].

Общественные отношения не могут признаваться правоотношениями без юридической формы своего закрепления и реализации. Факт закрепления общественных отношений в нормах права и их охрана позволяет, во-первых, придать общественным отношениям официальный, государственно-нормативный статус; во-вторых, обеспечить неотвратимость и обязательность их функционирования и реализации, с одной стороны, и их стабильность, устойчивость, относительную длительность, пространственно-временную протяженность функционирования, с другой стороны. В-третьих, юридическая форма правоотношений даёт принципиальную возможность и реальность создавать, сохранять и развивать объективно сложившуюся структуру и систему общественных отношений. В-четвертых, она, эта форма, выражает реально достигнутый уровень и качество уголовной политики. В-пятых, именно она предопределяет характер, степень, направления и формы дальнейшего совершенствования этой политики[305].

Правовые нормы – необходимый и объективно обусловленный элемент любого правоотношения, включая и правоотношения в сфере уголовной политики. Во-первых, вне воздействия нормы права общественное отношение остаётся самим собой, то есть обычным, хотя и социально значимым, но не порождающим субъективные права и юридические обязанности субъектов отношений. Во-вторых, вне нормы права такое отношение не получает своего статуса официального государственного установления. Оно теряет свою сущность обязательного публичного веления. В-третьих, без воздействия нормы права общественное отношение не приобретает своей необходимой нормативной формы. И без этой формы современное государство не способно осуществлять свои социальные функции. В-четвёртых, на практике игнорирование нормативной (правовой) формы правоотношения неизбежно ведёт к административному усмотрению и даже произволу, к преданию забвения общественных отношений, имеющих несомненное существенное социальное и государственное значение. В конечном же счете это забвение ведет непосредственно к коррупции, явлению,

---

[304] Концепция правоохранительной политики Российской Федерации (проект) / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2012.

[305] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Т. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.; Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.

которое сейчас беспокоит не только Россию, но и многие страны[306].

Юридическая база уголовной политики – это система законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере укрепления законности, борьбы с преступностью, выявления и устранения причин и условий, порождающих или способствующих преступности[307].

С учетом того, что указанные отношения являются сложными, разнородными, многоуровневыми и интегративными, регулируются целостной совокупностью нормативно-правовых актов, имеющих определенную внутреннюю связь, единство и определенную логику иерархии, то она, совокупность этих актов, образует систему законодательства, составляющего юридическую базу правового регулирования сущности, содержания и механизма уголовной политики, которая включает разноуровневые законодательные и подзаконные нормативно-правовые акты. В их числе:

Конституция Российской Федерации, конституции и уставы субъектов Российской Федерации, конституционные федеральные и федеральные законы; указы Президента Российской Федерации; постановления Правительства Российской Федерации; приказы МВД России, Генеральной прокуратуры, министерства юстиции и других министерств и ведомств, участвующих в реализации уголовной политики;

---

306 Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141; Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.; Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М., КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.; Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, В.П. Кашепов и др.; отв. ред. О.И. Тиунов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012; Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 310 с.; Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.

307 Вихров А.А., Александров С.Г. Правовые основы борьбы полиции с коррупцией: Монография / Под ред. В.П.Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004; Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16; Числов А.И., Аксенов Р.Г. Понятие криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2007. – № 1. – С. 112-115.

международные декларации и договоры, международные конвенции и протоколы; соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами других государств; международные соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и министерствами внутренних дел других государств, между другими правоохранительными органами России и правоохранительными органами иностранных государств; заявления и другие международные акты, а также решения, касающиеся государств – участников Содружества Независимых Государств. Сюда же можно отнести постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда, иные нормативные акты и официальные документы. Таких законов, указов, постановлений, распоряжений, договоров, соглашений и других нормативно-правовых актов, имеющих отношение к реализации уголовной политики, великое множество, и только лишь перечисление их займет несколько десятков страниц, поэтому мы посчитали возможным в данной статье указать их групповую принадлежность и наименование. Каждый в отдельности из них и все вместе, безусловно, имеют очень важное значение для обеспечения эффективной реализации уголовной политики в нашей стране.

Анализ нормативно-правовых актов позволяет сделать основные обобщения об особенностях правового регулировании и правовых норм, регулирующих правоотношения в сфере уголовной политики:

- множественность, обилие, разнородность нормативно-правовых актов и правовых норм, регулирующих правовой механизм уголовной политики;
- отсутствие системности и внутренней связи между различными нормативно-правовыми актами и правовыми нормами, имеющими единый предмет правового регулирования;
- приоритет предписывающих, разрешительных, запретительных и ограничительных правовых норм и нормативно-правовых актов, составляющих правовую базу уголовной политики;
- дефицит легитимности правовых актов, регулирующих основополагающие принципы и составляющие элементы механизма уголовной политики;
- декларативность нормативно-правовых актов, регулирующих правовой механизм формирования укрепления и деятельности правоохранительных органов, обеспечивающих законность и борьбу с преступностью;
- приоритет законов непрямого действия;
- второстепенность и производность государственно-правовой роли силовых структур государства – Вооруженных сил РФ,

Федеральной службы безопасности, правоохранительных органов, органов полиции и милиции в борьбе с преступностью; отсутствие нормативно-правовых актов и норм права, непосредственно устанавливающих обязанность и полномочия этих органов в этой сфере;

- существенные множественные и разнородные противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих указанный механизм;
- излишнее упование и даже признание верховенства норм международного права в сохранении и развитии уголовной политики Российской Федерации.

Приведем некоторые наиболее характерные примеры, подтверждающие указанные особенности. Из более 250 законодательных актов, регулирующих проблемы уголовной политики, нет ни одного закона, который бы непосредственно регламентировал правовой механизм борьбы с организованной преступностью, коррупцией[308]. Это же характерно и для нормативно-правовых актов, на первый взгляд, непосредственно регулирующих правоотношения в сфере уголовной политики. Законов, которые бы устраняли коренные причины и условия преступности в Российской Федерации, то есть законов, регулирующих экономические и социально-политические основы формирования и развития уголовной политики, нет. Подавляющее число норм, предусматривающих конкретные аспекты правового механизма укрепления законности, борьбы с преступностью, выявления и устранения причин и условий, порождающие её, обеспечения и защиту прав и свобод личности страдают декларативностью, недостаточной предметностью и четкостью[309].

---

[308] Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130; Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 9-10 сентября 1999 г.). – М.: ЮристЪ, 2001. – 429 с.; Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59; Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.

[309] Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.; Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В.

К примеру, Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[310] предусматривает, казалось бы, необходимые нормы о целях, мерах, силах и средствах противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем[311]. Это – один из ключевых законов, казалось бы, направленных на борьбу с теневой экономикой, организованной преступностью, коррупцией. Однако цели борьбы, устранения теневой экономики, организованной преступности и коррупции, которые составляют «раковую опухоль» российской экономики и являются важнейшей составляющей её кризиса, закон даже не декларирует. Он провозглашает отвлеченные от указанной задачи цели – защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [312]. В качестве мер противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма Закон предусматривает лишь меры внутреннего, обязательного контроля, запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах легализации доходов, полученных преступным путем, а также «иные меры, принимаемые в соответствии с федеральными законами». Иные меры контроля включают и негласный контроль, оперативно-розыскную деятельность, а также уголовное преследование, о котором Закон не упоминает[313].

Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.

[310] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. (Часть I). – Ст. 3418.

[311] Зуева А.С. Легализация доходов, полученных незаконным путем, на рынке ценных бумаг // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 94-106.

[312] Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.

[313] Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности (Издание 2-е); Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П.

Обратим внимание, что внутренний контроль рассматривается в качестве приоритетной меры, в то время как обязательный государственный контроль является как бы второстепенным. Кроме того, этот контроль существенно ограничивается лишь операциями с денежными средствами или иным имуществом, равными или превышающими сумму 600 000 рублей. Операции с денежными средствами или имуществом на меньшую сумму Закон выводит из-под контроля и фактически превращает его в фикцию. Он не предусматривает конфискации доходов, полученных преступных путем, упоминая о конфискации вскользь и не рассматривая тем самым её в качестве самостоятельной и существенной меры борьбы с теневой экономикой. Добавим к этому, что конфискация не предусмотрена и в качестве уголовного наказания. На выходе Закона получается «борьба с отмыванием путем отмывания».

Такой вывод подтверждает и огромные масштабы теневой экономики, организованной преступности и коррупции. Специалисты считают, что годовой оборот взяток в стране составляет 33 миллиарда долларов. Нецелевое и неконтролируемое расходование государственных (бюджетных) средств и государственного имущества

Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности; Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под ред В.П. Сальникова. – СПб., 2003; Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика / Под ред В.П. Сальникова. – СПб, 2004; Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004; Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб: Фонд «Университет», – 2006. – 320 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»); Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс / Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101; Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Наука ОРД: некоторые дискуссионные вопросы содержания // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 141-148; Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187-192; Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности; Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010.

– обычная распространенная практика. Специалисты утверждают: значительная доля средств от «оборонки» предназначена «на кадровую перемену уже на самом высоком уровне – на выборы в президенты личности, известной в массах под кличкой «Миша два процента». В последние годы в невыплате заработной плате Ульяновской областной Прокуратурой было уличено 72 руководителя разных рангов. Все они были осуждены, то есть, признаны виновными, но реально лишен свободы был лишь один осужденный.

Основной причиной слабости и фактического упадка правового механизма реализации уголовной политики в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования (нормативно-правовой стороны) этого механизма, с одной стороны, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования, с другой стороны.

Противоречия, декларативность и бессистемность правовых актов и норм, регулирующих проблемы укрепления законности, борьбы с преступностью и уголовной политики в целом обусловлены в свою очередь непониманием или нежеланием законодателя (государственной власти) понять диалектическую взаимозависимость реализации уголовной политики от основополагающих факторов общественного развития – экономики (экономического базиса), политики (политической надстройки), общественного сознания (идеологии)[314] и культуры (правовой ее разновидности) данного общества и государства[315].

При анализе понятия и сущности уголовной политики лаконично указывалось на закономерную связь и взаимозависимость уголовной политики от указанных факторов общественной жизни. Для конкретизации этой зависимости кратко изложим основные элементы и логику взаимосвязи и взаимодействия основных элементов правового

---

[314] Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.

[315] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.; Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.; Насурдинов Э.С. Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.; Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.

регулирования этого механизма и основополагающих факторов общественного развития, образующих в своем единстве, целостности и концептуальной направленности систему правового регулирования механизма уголовной политики.

Этот механизм включает две основных стороны – социально-политическую, отражающую социальную сущность, направленность и содержательные характеристики системы правового регулирования уголовной политики, и формально-нормативную (правовую) сторону этой системы, выражающую роль права и правовых институтов в её реализации.

Как указывалось, социально-политическая сторона уголовной политики, то есть экономика (экономический базис), политика (политическая надстройка), общественное сознание и особенно идеология[316], а также культура, включая правосознание[317] и правовую культуру[318]:

- вместе взятые, образуют единую социальную систему данного общества и государства, характеризуют эту систему как систему отношений и правоотношений конкретно-исторического типа, вида, содержания и формы;
- составляют социальную среду, формирующую источники, основания, целеуказание и социальную направленность уголовной политики;
- определяют единство объективного и субъективного в сущности, содержании и форме правового механизма уголовной политики как диалектически взаимосвязанных элементов правовой системы, образующих правовой механизм её реализации;
- являются коренной причиной и объективно-субъективным основанием возникновения, изменения и развития сущности, исторического типа, вида, динамики, содержания и формы уголовной политики;

---

316 Реуф В.М. От принципов права к государственно-правовой идеологии (Теоретические аспекты формирования правового сознания общества): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 116 с.; Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 28-35.

317 Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. – Волгоград, 2000; Сергий (митрополит). Права человека, духовность и нравственность // Права человека в истории человечества и в современном мире / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: ИГП АН СССР, 1989.

318 Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.

- отражают противоречивый характер сущности уголовной политики, правового механизма её регулирования;
- характеризуют сложность, разный уровень, единство и противоположность связей и закономерностей развития правового механизма регулирования уголовной политики, всего процесса и всей системы этого механизма.

Связь и зависимость правового механизма регулирования уголовной политики от фундаментальных основ общественной жизни (экономики, политики, права, идеологии, культуры) проявляется по-разному. Она, эта связь и зависимость, определяется сущностью и закономерностями функционирования и изменения (развития) каждого из указанных составляющих этих основ. Функциональная роль указанных основ в обобщенном интегрированном виде состоит в том, что:

- экономика, экономический базис, экономические интересы субъектов и носителей уголовной политики являются материальной базой, социально-экономической причиной, инициирующей и вызывающей социальную потребность и необходимость формирования, развития и совершенствования уголовной политики и механизма её правового регулирования;
- социально-экономические факторы определяют социально-политическую и политико-правовую сущность уголовной политики, единство, взаимодействие социально-политической и правовой сторон уголовной политики и механизма её регулирования;
- политика и политические элементы являются необходимыми и существенными элементами сущности и содержания, а также динамики уголовной политики и правового механизма её регулирования;
- они, эти элементы, определяют правовую сущность и социальную направленность, а также количественно-качественные характеристики уголовной политики и правового механизма её укрепления;
- идеология, культура и наука в их разнообразных видах и формах служат идейно-теоретическим и научным обоснованием процесса формирования и развития уголовной политики, правового механизма её укрепления;
- они, идеология, культура и наука, выявляют закономерности динамики этого процесса, с одной стороны, и служат субъективным (социально-психологическим, пропагандистским) прикрытием социальной сущности и направленности уголовной политики и всех системных элементов её регулирования, с другой стороны.

Покажем механизм проявления взаимосвязи и взаимодействия указанных факторов и правового механизма уголовной политики хотя бы на отдельных характерных примерах. Возьмем экономическую, то есть самую внешне удаленную сторону правового регулирования механизма уголовной политики.

Существенным правовым актом, регулирующим внешнеэкономическую деятельность государства, является Федеральный Закон «О валютном регулировании и валютном контроле» [319]. Этот Закон, как и многие другие законы, о чем говорилось, не ставит задачу укрепления и защиты законности, борьбы с преступностью, коррупции, хотя по его смыслу он, вроде бы, направлен на это. Основными принципами валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации провозглашаются:

1) приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования;
2) исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов;
3) единство внешней и внутренней валютной политики Российской Федерации;
4) единство системы валютного регулирования и валютного контроля;
5) обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций.

Необходимость этого закона не вызывает сомнения. Не вызывает удивления и его содержание, социальная направленность. Этот закон вызван к жизни рыночной, то есть капиталистической природой современного способа производства в России, где господствует основной закон этого производства – закон прибавочной стоимости, производство прибыли как его главная цель. И провозглашенные в Законе принципы валютного регулирования полностью соответствуют экономическим законам капитализма. Главный акцент Закон делает на недопустимости или самом минимальном участии государства во внешнеэкономической деятельности. Политическую сторону этой деятельности и в частности – сохранение и укрепление законности, борьбы с преступностью – Закон тихо оставляет «за кадром».

На практике Закон открывает широкую дорогу господству доллара, иностранной валюты в РФ. Он распахивает дверь теневой экономике,

[319] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ "О валютном регулировании и валютном контроле" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

организованной экономической преступности, коррупции[320]. Доля теневой экономики в структуре российской экономики, как говорилось, доходит до 40%.

В этой связи нелишне вспомнить, что в СССР, когда господствовал противоположный капиталистическому тип производственных отношений, законодательство, в том числе на уровне Конституции устанавливало строгую монополию внешней торговли. Оно ставило под строгий контроль финансовые потоки как своей страны, так и зарубежных стран. Основой валютного регулирования был рубль, имевший свободное валютное конвертирование. Устанавливалось строгое соотношение рубля и иностранной валюты.

Завершая свои размышления по поводу противоречий юридической базы уголовной политики, хочется подчеркнуть, что каждый из приведенных в данной статье факторов, свидетельствующих об особенностях правоотношений в сфере уголовной политики, нередко показывает ее тонкие места, нерешенные проблемы. Будь то невероятная множественность, исключительное обилие, совершенная разнородность нормативно-правовых актов или отсутствие хотя бы какой-то их системности и внутренней связи между собой. Безусловно, такое положение дел не способствует эффективности борьбы с преступностью, ее профилактике, да и научной разработке. Одно лишь перечисление нормативно-правовых актов, регламентирующих уголовную политику в нашей стране, занимает несколько десятков страниц. Хорошо ориентироваться в них оперативному уполномоченному полиции, помощнику прокурора, следователю или какому-то другому рядовому сотруднику правоохранительных органов – нереально. А количество этих актов с каждым днем все растет и увеличивается.

К особенностям нормативно-правового регулирования уголовной политики относится, как мы указывали, и приоритет предписывающих, разрешительных, запретительных и ограничительных правовых норм. Мало законов прямого действия. А ведь это уголовная политика. Данные нормы очень часто предполагают обвинительный уклон анализируемой политики, забывают, а порой просто игнорируют профилактику правонарушений, «заставляют» сотрудников

[320] Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16; Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15; Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 160 с.

забывать о презумпции невиновности и справедливости при привлечении к уголовной ответственности, производстве предварительного и судебного расследования. Из поля зрения сотрудников правоохранительных органов и судей просто выпадают те демократические новеллы, которые отличают любое цивилизованное общество при решении любых общезначимых дел, в том числе и реализации уголовной политики.

Суды в нашей стране давно уже забыли, когда выносили оправдательные приговоры, это при сегодняшнем повсеместно низком качестве предварительного расследования. А прокурорские работники вынуждены думать только о том, как больше привлечь к уголовной ответственности граждан в результате надзорных мероприятий прокуратуры за квартал, полугодие или год с учетом показателей аналогичного периода прошлого года. В соответствии со статьей 37 УПК РФ они обязаны направлять материалы проверки в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании граждан. И если уголовных дел, в данном случае, возбуждено сегодня меньше, чем вчера, то работа прокуратуры оценивается как неудовлетворительная.

Здесь мы уже сталкиваемся с проблемами более высокого уровня. Требуются рекомендации методологического, философского порядка. На помощь должна придти уже философия права[321]. Наверное, не случайно в крайние годы наблюдается повышенное внимание к проблемам философии уголовной политики, философии преступности и наказания, философии уголовного процесса со стороны представителей уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки. Достаточно назвать имена известных в юридической науке докторов юридических наук, профессоров, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Александрова, опубликовавшего такие интересные книги как «Философия зла и философия преступности»[322], «Уголовная политика и уголовной процесс в российской государственности»[323] и

---

[321] Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.; Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.

[322] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.

[323] Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской

Заслуженного юриста Азербайджанской республики И.М. Рагимова, подготовившего и издавшего глубокие монографии «Философия преступления и наказания»[324] и «Преступность и наказание»[325]. Уместно здесь вспомнить и недавно вышедшую книгу Р.А. Ромашова и Е.В. Пеньковского «Философия права и преступления»[326].

Авторы указанных работ предлагают глубокие философские исследования уголовной политики и преступности, влияние их на осуществление власти. Ведут речь о законности, правопорядке, значении их для каждого человека, ставят проблему легитимности и легальности государственной власти.

Легитимность и легальность – это те вопросы, вокруг которых возникают проблемы, связанные с противоречиями юридической базы уголовной политики. Мы обозначили их как дефицит легитимности правовых актов и их декларативность с позиций обеспечения законности в борьбе с преступностью.

Постараемся подойти к легитимности и легальности с позиций философии права.

Представители философии права ведут речь о становлении в науке института базовых политико-правовых ценностей, которые, по их мнению, носят общечеловеческий характер. Они полагают, что эти ценности выступают в качестве универсального начала любой современной правовой культуры и политико-правовой традиции[327]. Их-то исследователи и объединяют термином «общечеловеческие ценности» и называют абсолютными ценностями. К этим ценностям сторонники философии права относят: жизнь и здоровье личности; безопасность; благосостояние; прогресс; легитимность; легальность; свободу;

государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.

[324] Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.

[325] Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.

[326] Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).

[327] Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66; Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.

равенство[328].

Нетрудно заметить, что перечисленные ценности вытекают из концепции естественных прав человека, предложенной европейскими мыслителями[329]. В России родоначальником школы естественного права признается профессор А.П. Куницын[330].

Легитимность – одна из общечеловеческих ценностей. Она обеспечивает такое состояние отношений в обществе, когда все его члены способны и готовы участвовать в политико-правовых отношениях, добровольно и осознанно выполнять свои обязательства и установленные правила, соблюдать законы, правовые требования, признавать существующую власть. Государственная власть признается теми, на кого она рассчитана. Она имеет, как и сама легитимность, ценностную окраску, ценностную природу. Политические действия власти соотносятся с господствующей в данном обществе системой ценностей, и они же отвечают интересам индивидов этого сообщества. «Когда в обществе политический режим признается легитимным, – *пишут В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – то наблюдается картина добровольного подчинения граждан законам и другим установлениям государственной власти. Оцениваются правовые предписания населением как справедливые, морально оправданные и приемлемые.

Публичная политическая власть признается легитимной тогда, – *продолжают исследователи,* – когда наблюдается социальное признание ее права на руководящую роль в обществе. Власть чрезвычайно необходима для достижения государственных целей, ибо государственное функционирования вряд ли будет эффективным, если не соблюдаются соответствующие правила. Именно потому, что легитимность играет важную роль, властвующий или претендующий на власть субъект стремится обосновать свою власть, опираясь на определенные принципы. Он пытается создать социальную ситуацию, в которой властные предписания исполнялись и соблюдались инициативно или по крайней мере «с пониманием», с верой в нравственную

---

[328] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86. С. 71

[329] Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001; Романовская В.Б., Воротилина Т.Л. Проблемы правопонимания в современной отечественной юриспруденции // Право как явление культуры: Сб. научн. трудов. – Краснодар: Кубанский ун-т, 2002.

[330] Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.

правоту решений и законов, так как власть не может рассчитывать на длительное и эффективное функционирование, полагаясь только на аппарат государственного принуждения»[331].

К сожалению, российская уголовная политика до сих пор ориентирована на силовой метод ее обеспечения, а материальные средства принуждения отличает, как мы уже указывали, обвинительный уклон. Уголовной политике не хватает легитимности.

Заставлять соблюдать уголовный закон важно не угрозами, не жестоким уголовным наказанием, не стремлением за маленькую провинность помещать людей в тюрьму, а с помощью иных воздействий. Среди которых особое место принадлежит культуре, образованию, интеллекту, интеллигентности, духовности и патриотизму. Никогда нельзя забывать, в том числе определяя или проводя в жизнь уголовную политику, о том, что высшей ценностью в нашей стране является человек, его права и свободы (статья 2 Конституции РФ), а государство обязуется Конституцией признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, в том числе и в процессе реализации уголовной политики. Очень отрадно, что отечественные ученые этой проблеме уделяют очень серьезное внимание[332].

Обеспечить повседневное соблюдение законов гражданами с помощью аппарата принуждения нельзя. Граждане должны быть убеждены в легитимности власти и легитимности законов. В этом случае они добровольно исполняют правовые предписания.

Очень известный французский политолог и социолог Пьер Бурдье так понимает легитимность власти. Он пишет: легитимная власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет… Это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует»[333]. Люди должны верить во

---

[331] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 78.

[332] Булатов Р.Б, Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122; Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / Под ред проф. С.А. Комарова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 538 с.; Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2007. – 384 с.; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

[333] Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл.

власть. Они должны верить «не только в то, что власть существует, но и в то, что она справедлива, полезна и необходима для него. Без этой власти он не может решить свои повседневные жизненно необходимые вопросы. Без нее он не сможет жить, работать, иметь семью, растить и воспитывать своих детей, давать им образование, иметь достойное медицинское обслуживание, победить коррупцию, да и просто чувствовать себя комфортно. И данное обстоятельство власть должна постоянно помнить, чтобы не утратить своей легитимности»[334].

Если власть и законы в государстве будут легитимными, то и уголовная политика будет эффективной, она обеспечит те цели, которые перед ней ставят, а государство и общество будет отличать такое свойство, как справедливость[335].

Еще одна общечеловеческая ценность, без которой немыслима уголовная политика – это легальность (законность).

В философии права легальность понимается как способность и желание всех членов общества соблюдать существующие законы и другие нормативно-правовые акты, «действовать в пределах, определенных государством, брать на себя необходимые государственные обязательства и не нарушать их. При этом указанные требования с одинаковой степенью обязательны для физических и юридических лиц, в том числе для самой власти и ее носителей. Отказ носителей государственной власти от данного принципа ломает элементарную упорядоченность социально-правовых отношений, предопределяет неэффективность и неприемлемость такой власти для общества, усиливает ее деструктивный потенциал. Власть, не ограниченная законом, оказывается неэффективной и нежелательной, лишенной ценностного смысла и просто опасной для людей»[336].

Легальность предполагает ограничение власти, наличие сдержек и противовесов ей, обеспечение контроля со стороны гражданского общества[337]. Она опирается не только на право, но и другие соци-

---

Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – С. 208-209.

[334] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей. С. 78.

[335] Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992; Экимов А.И. Юридическая наука и правопорядок // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 13-22.

[336] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 79.

[337] Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовой запрет как способ ограничения публичной политической власти: исторические предпосылки возникновения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 11-20;

альные регуляторы, «на более широкие, – *пишут В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – моральные и ценностные основания, традиции, стереотипы поведения. Очень важно, характеризуя легальность как общечеловеческую ценность, еще раз подчеркнуть необходимость соблюдения законов со стороны носителей власти всех уровней, включая наивысший – главу государства. И глава государства должен постоянно помнить о легитимности своей деятельности, в каких бы сложных ситуациях он не оказывался, выполняя свои государственные обязанности. Он не может забывать о правовой и просто об общечеловеческой ответственности перед своим народом, населением, исторической памятью, парламентом, единомышленниками, своей семьей, наконец, перед своей совестью, то есть перед самим собой»[338].

В правовом государстве[339] власть должна ограничиваться во всех ее проявлениях институтами гражданского общества, в том числе и в процессе разработки и осуществления уголовной политики. В этом случае уголовная политика будет отвечать интересам не только власти и ее носителей, но и всего народа, тем, кто власти подчиняется.

Выводы:

1. Реализация уголовной политики Российской Федерации – это система общественных отношений и юридических норм, характеризующих направления, способы и средства деятельности государства, общественных организаций и граждан по всестороннему совершенствованию уголовной политики, повышению её эффективности, достижению реальности и созданию гарантий укреплений законности, соблюдения конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Сущность правового механизма регулирования уголовной политики составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по её осуществлению и

Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.

338 Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей. С. 80.

339 Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.; Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3. – С. 3-14.

обеспечению. Содержательной основой этого механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих уголовную политику.

2. Правовое регулирование уголовной политики – это систематизированное воздействие норм права на общественные отношения, составляющие сущность деятельности субъектов реализации уголовной политики по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин и условий, порождающих или способствующих преступности. Оно, это регулирование, является основой системы мер по совершенствованию уголовной политики.

3. Основными особенностями правового регулирования механизма уголовной политики РФ являются:

- множественность, обилие, разнородность нормативно-правовых актов и правовых норм, регулирующих правовой механизм уголовной политики;
- отсутствие системности и внутренней связи между различными нормативно-правовыми актами и правовыми нормами, имеющими единый предмет правового регулирования;
- приоритет предписывающих и разрешительных правовых норм и нормативно-правовых актов, составляющих правовую базу уголовной политики;
- малозначительность законодательных актов, регулирующих борьбу с нарушениями законности, правопорядка и посягательствами на них, приоритет правового регулирования этой борьбы подзаконными, исключительно ведомственными нормативно-правовыми актами;
- дефицит легитимности правовых актов, регулирующих основополагающие основы уголовной политики;
- декларативность нормативно-правовых актов, регулирующих правовой механизм государства в борьбе с преступностью;
- приоритет законов непрямого действия;
- второстепенность и производность государственно-правовой роли правоохранительных органов, органов внутренних дел, силовых структур государства;
- существенные множественные и разнородные противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих указанный механизм;
- излишнее упование и даже признание верховенства норм международного права в сохранении и укреплении национально государственного суверенитета Российской Федерации.

4. Основной причиной слабости и ограниченности правового

механизма уголовной политики РФ в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования этого механизма, с одной стороны, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования, с другой стороны. Эта причина обусловлена непониманием или нежеланием государственной власти понять диалектическую взаимозависимость сущности, содержания и эффективности уголовной политики от основополагающих факторов общественного развития – экономики, политики, общественного сознания (идеологии) и культуры данного общества и государства.

3. Преступность как противоречие и эффективность уголовной политики

Для понимания сущности настоящей статьи необходимо определить используемые в ней основные понятия, каковыми являются понятия противоречие и преступность. Для этого нам придется прибегнуть к помощи философии права, ибо это ее предмет исследования[340].

Противоречие – это любое взаимодействие противоположностей. Противоположности как категории основного закона диалектики – закона единства и борьбы противоположностей – это внутренние стороны, связи, элементы или тенденции развития предмета, которые взаимно предполагают, обусловливают и вместе с тем отрицают, исключают друг друга[341]. Противоположности находятся в единстве и борьбе. Единство противоположностей выражает их принадлежность к одному предмету, к одной системе, их временную адекватность, тождество. Такое единство является неустойчивым, временным. Борьба противоположностей означает непрерывное взаимоотношение, взаимодействие сторон, связей, свойств, тенденций предмета. Именно такое взаимодействие обусловливает его изменение, направленное движение, то есть развитие. Противоречия как отношение, взаимодействие противоположностей по своему характеру и внешним формам проявления могут быть внутренними и внешними, основными и не основными, антагонистическими и неантагонистическими.

Определяющее методологическое значение имеют основные

[340] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. – М.: Статут, 1999. – 712 с.; Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.; Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997.

[341] Вяккерев Ф.Ф., Марахов В.Г., Ляхова Л.Н., Кайдалов В.А. Развитие: процесс возникновения, развёртывания и разрешения противоречий // Материалистическая диалектика. В пяти томах. Т. I. – М., 1981. С. 300-301

внутренние противоречия. Основные противоречия – это противоречия, которые определяют сущность и направленность развития предмета, системы. Не основные противоречия – те, которые не определяют развития, но влияют на него. Внутреннее сущностное противоречие выступает как самопротиворечивость предмета, как взаимодействие его внутренних сторон, связей, свойств, тенденций. Внешние – это противоречия между внешними сторонами предмета, явления, системы или же между различными предметами, явлениями или системами.

Внутренние противоречия выражают главный источник развития – самодвижение, самоотрицание. Самодвижение не ограничивается взаимодействием внутренних элементов предмета. Источником его совокупного изменения является взаимодействие как внутренних, так и внешних детерминант, в которых определяющая роль принадлежит внутренним детерминантам. Неантагонистические противоречия – это противоречия, разрешение которых не предполагает устранение одной из противоположностей. Антагонистические противоречия – это непримиримые противоречия, их разрешение предполагает устранение одного из противоположных элементов. Эти противоречия являются основой для понимания преступности как антагонистического противоречия[342].

Понимание сущности преступности как социального противоречия имеет важное методологическое значение[343]. Во-первых, оно позволяет отойти от традиционного криминологического определения преступности, согласно которому преступность рассматривается как социально-правовое явление, представляющее собой совокупность всех преступлений, совершаемых в данном обществе в данный период[344]. В данном определении указываются существенные признаки преступности: его социальные причины, связь с уголовным законом, внешние формы проявления, множественность, массовость совершаемых преступлений, определённые социальные и пространственно-временные характеристики. Однако в нём социальная сущность

---

[342] Курс марксистско-ленинской философии: Учебное пособие. Издание второе, дополненное / Под ред. Е.А. Хоменко, М.И. Ясюкова. – М., 1974. С. 119-121.

[343] Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999; Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 464 с.

[344] Савюк Л.К. Преступность и её основные характеристики // Криминология и профилактика преступлений: Учебник / Под ред. А.И. Алексеева. – М., 1989. С. 41; Спиридонов Л.И. Феномен преступности // Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. С. 70, 75.

преступности раскрывается лишь, в общем, абстрактно, не указывается конкретно-исторический характер возникновения преступности, её причин, связь преступности с исторически определённым типом общества. Во-вторых, подчёркивание связи сущности преступности с социальными противоречиями даёт возможность выработать взвешенное отношение к так называемой критической криминологии, получившей распространение в Германии, США и других странах, в том числе в России. Российские сторонники критической криминологии в целом не разделяют взгляд немецких криминологов на преступность как на этикетку, точнее сказать, ярлык, навешиваемый преступнику судом[345]. Они рассматривают преступность как свойство общества воспроизводить преступления, как внутреннюю предрасположенность индивида к совершению преступления, сформировавшееся у него свойство поступать в определённых ситуациях преступно. Указывают на важность критического подхода к традиционному понятию преступности, выделяя в немецкой критической криминологии не традиционность понимания преступности как «этикетирования преступников»[346]. Сама по себе попытка более глубоко разобраться в любом понятии, несомненно, важна и необходима. Но вряд ли можно оценивать как углубление понятия преступности использование одного лишь семантического метода, логического анализа смысла слова преступность[347].

Семантический метод – один из методов научного исследования, получивший широкое распространение. Этот метод не новый. Его корни уходят в начало XIX века, когда появился позитивизм в его логическом и семантическом видах. Позиции, усматривающие сущность преступности в самом преступнике, его субъективных индивидуальных качествах, ограничиваются его сознанием. Они не раскрывают

---

[345] Английское выражение «Label approach», употребляемое для обозначения немецкой теории критической криминологии, буквально означает «ярлыковый подход». В российской криминологии он получил наименование стигматизации, то есть клеймения.

[346] Шестаков Д.А. Понятие преступности в зарубежной и российской критической криминологии: Доклад на теоретическом семинаре в Санкт-Петербургском международном криминологическом центре при юридическом факультете СПбГУ. 1998. 5 марта. – СПб., 1998.

[347] Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – С. 114-115; Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 38-46

всей сложности преступности именно как социального явления, присущего только исторически определённому обществу.

Элемент «клеймения» присутствует в понятии преступности. Он выражается в уголовно-правовом регулировании преступного поведения. Уголовно-правовой характер преступности один из существенных признаков понятия преступности, но он не определяет всю эту сущность. Сами термины «клеймо», «ярлык» не выражают даже формально-правового аспекта понятия преступности. Они подчёркивают больше моральную, нравственную оценку преступности обществом, общественным мнением. Роль государства в установлении сущности и пределов преступного в этих терминах не отражается.

Сущность преступности заключается в диалектическом единстве и противоположности противоречий исторически определённого общества, порождающих преступления, в их массовости, государственно-правовом регулировании, особенностях переживаемого обществом периода развития. Место и роль признаков, составляющих сущность преступности, неодинаковы. Они определяются характером и сущностью каждого из них, их диалектическим соотношением, взаимосвязью. Главное в них – их единство и противоречивость.

Единство социальных противоречий, массовости совершаемых преступлений, их правового регулирования государством, особенностей конкретного периода развития общества заключается в их принадлежности к единому социальному явлению и понятию, во внутренней логике и подчинённости общей идее, концептуальности. Их противоречие состоит в различиях сущности, качественной определённости, множественности внутренних противоположностей каждого из них, в непрерывном взаимодействии и изменении связей между ними.

Определяющим признаком преступности являются противоречия общества данного исторического типа и этапа развития [348]. Противоречия современного российского общества – это противоречия переходного периода, соединяющие в себе остатки прежних коллективистских общественных отношений и приходящие к ним на смену рыночные отношения. Иерархическая структура этих противоречий понятна. Основное противоречие – противоречие между трудом и капиталом, обусловленное развитием частнособственнических производственных отношений, изменением социальной структуры общества,

[348] Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. Сер. Безопасность человека и общества.

его резким социальным расслоением и вытекающими из него глубокими социальными потрясениями, получившими в гуманитарных науках наименование системного кризиса. Многочисленные социологические опросы и статистические данные показывают прямую зависимость состояния и динамики преступности в современной России от происходящих в ней социальных перемен, крайней нищеты и униженности огромных по своей массе социальных слоёв населения[349]. Если в 1986 году в СССР было зарегистрировано 1987293 преступления, или 713,7 деяний на 100 тыс. населения, то в 1991 году, когда СССР фактически и юридически перестал существовать, учтённая преступность по абсолютным показателям впервые достигла уровня в 3.224273 преступлений (1115,3 деяний на 100 тыс. населения)[350]. В течение 2005 г. было зарегистрировано 3.554 738 преступлений, что на 22,8% больше, чем в 2004 г. (2477,6 деяний на 100 тыс. населения)[351]. В январе-ноябре 2006 г. зарегистрировано – 3543,9 тыс. преступлений, или на 9,5% больше, чем за январь-ноябрь 2005 года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 68 субъектах Российской Федерации, снижение – в 20 субъектах. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных снизился с 30,5% за январь-ноябрь 2005 г. до 28,0% за январь-ноябрь 2006 г.[352].

В 2013 году в России в органы МВД РФ поступило более 28 млн. сообщений о преступлениях, происшествиях и административных правонарушениях. Этот показатель вырос на 7,6% по сравнению с 2012 годом, что может свидетельствовать как о росте доверия к правоохранительным органам, так и о росте фактических поводов для обращений, либо о снижении показателя укрываемости обращений от учета.

За 2013 год было раскрыто 1 238 251 преступление, средний показатель раскрываемости составил 56,13%. Однако, раскрываемость сильно варьируется в зависимости от категории дела. Очевидно, что раскрываемость по делам о преступлениях коррупционной направленности

---

[349] Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 3-4

[350] Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 64-65

[351] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 3

[352] http: // www.mvdinform.ru/stats/1100162/4526/.

достигает 96,5% по причине того, что дела этих категорий возбуждаются обычно при задержании граждан с поличным при даче или получении взятки. Напротив, можно отметить преступления, связанные с кражами транспортных средств, практически всегда совершаемые профессиональными преступниками в условиях неочевидности – уровень их раскрываемости достигает лишь 21,09%[353].

По официальным источникам по уровню убийств Россия по-прежнему занимает лидирующее место в мире – 21,5 на 100 тыс. населения. В США этот показатель равен 5,7, во Франции – 3,6, в Германии – 3,1[354].

Экономические, социальные, политические, идеологические, нравственно-этические и другие противоречия олицетворяют собой внутреннее нездоровье общества, его социальную болезнь. Клубок, разнообразие, разнородность этих противоречий порождают необходимость социальной нестабильности, разнородности, социального антагонизма. Преступность есть не что иное, как внешняя, стихийная форма проявления социальных антагонизмов. Она не есть сущность по отношению к преступлению, не есть свойство общества, порождённое духовным состоянием антисоциального индивида, как полагают сторонники критической криминологии. Она есть социальный антагонизм. Последний и составляет её сущность как главную определяющую внутреннюю сторону явления, состоящего в массе совершаемых преступлений. Социальные противоречия как сущность преступности включают в себя и противоречия между человеком и природой. Они выражаются в физических и психических аномалиях индивида-преступника, недостатках его наследственного механизма. Масштабные социальные пороки в виде алкоголизма, наркотизма есть тоже проявление социальных, в первую очередь экономических противоречий. Это разные формы одного явления. Поэтому несостоятельными являются попытки некоторых авторов представить преступность как вечное неискоренимое явление, заложенное в самой природе человека[355].

Массовость совершенных преступлений, их протяжённость во времени и пространстве – важная составляющая сущности преступности. Она выражает её количественную, внешнюю сторону. Будучи

---

[353] http://www.garant.ru/infografika/521220/#ixzz3guiXiwHi

[354] Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 9

[355] Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992. С. 5

противоположностью по отношению к социальным противоречиям, она связана с ними как явление и сущность. Именно в количественных показателях, выражающихся в объёме, множественности и масштабах совершаемых преступлений, протяжённости во времени и пространстве, в масштабах и объёме причиняемого социального вреда, преступность проявляет себя как социальное явление, то есть явление, присущее всему обществу, составляющее одно из системообразующих сторон и качественных характеристик его функционирования и развития. Чем выше количественные показатели преступности, тем больше они указывают на противоречия в обществе, подчёркивают их антагонистический характер.

Государственно-правовое регулирование – формально-юридический признак преступности. Оно выражает неразрывную связь преступности с политической системой общества, с государством как ядром этой организации, правом как юридической формой признания и разрешения социальных противоречий. Вне уголовно-правового запрета преступного поведения, наложения на преступность официального юридического табу, создания целой системы государственного механизма противостояния преступности как мощной враждебной государству социальной силы, преступности не существует. Государственно-правовое регулирование – противоположная сторона сущности преступности как социального антагонизма. В этом регулировании государство посредством закона, норм права официально признаёт исторически неразрешимое противоречие между ним и обществом, между государством и личностью (индивидом). Применение государством насильственно-карательных (репрессивных) способов и институтов устранения преступности выражает и её негативную общественную морально-политическую оценку, и его бессилие перед грозной социальной силой, и неспособность добиться социального партнёрства с обществом и своим гражданином.

Особенности переживаемого обществом периода развития – не второстепенный, а существенный признак преступности. Он характеризует преступность как естественноисторическое и конкретно-обусловленное социальное явление. Преступность присуща только обществу, в котором существуют противоположные социальные силы (общности), имеющие противоположные социальные интересы и цели. Она – неизбежный спутник антагонистического общества, возникновение которого обусловлено развитием производительных сил, особенно орудий и средств производства, разделением общественного труда. Как средоточие социальных противоречий преступность имеет свои конкретно-исторические социальные корни, причины, параметры

и свои социальные последствия. Преступность не есть логическая абстракция. Она имеет своё «лицо» в каждый конкретно-исторический период или отрезок времени. Преступность в её методологическом аспекте – это количественно и качественно выраженная определённость. Её причины, количественные и качественные характеристики, социальные последствия имеют сугубо конкретное выражение. Они неповторимы и специфичны в своих масштабах, формах, структуре, носителях (субъектах) и социальных последствиях.

Уголовная политика имеет общие сущностные признаки с преступностью[356]. Последняя является объектом первой. И в этом смысле сущность преступности как социального антагонизма неизбежно обусловливает аналогичную сущность уголовной политики. Другое дело, что противоречия, заключённые в уголовной политике, в правоприменительной и правоохранительной деятельности её субъектов[357], не являются зеркальным отражением противоречий преступности. Противоречия уголовной политики являются производными от противоречий преступности, вторичным отражением последних (отражением отражения). Эти противоречия выражают собственную природу уголовной политики как относительно самостоятельной системы составляющих её элементов.

Производный характер противоречий уголовной политики

---

[356] Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32; Третьяков И.Л. Уголовная политика: сущность и политико-правовое содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 210-221.

[357] Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.; Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.; Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150; Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64; Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18.

выражается в том, что преступность есть воплощение социальных противоречий, основными из которых являются противоречия между обществом и государством, личностью и обществом, личностью и государством. Они, эти противоречия, в свою очередь являются проявлением глубинных социальных противоречий – экономических и социально-политических[358]. Уголовная политика в аспекте её противоречивой сущности является внешней формой проявления социально-политических противоречий. Она порождена ими. И, будучи составной частью политики государства, в первую очередь – правовой политики[359] её относительно самостоятельным видом и направлением, воплощает в себе единство и борьбу социально-политических элементов, её образующих. Противоположностями в уголовной политике являются все её системообразующие составляющие: политико-правовые отношения, юридические нормы, систематизированные идеи и взгляды, субъекты, их деятельность. Каждый из указанных составляющих имеет свои сущность, характер, место в общей системе, функции. Составляющие уголовной политики в совокупности образуют две её основных стороны – идейно-теоретическую, доктринальную и деятельно-практическую.

Её доктринальная сторона включает юридические нормы, систематизированные идеи и взгляды (правовые теории, концепции, оценки, целевые и программные установки). Правовые нормы как составная часть доктринальной стороны уголовной политики в форме юридических понятий, суждений, умозаключений воплощают в себе преемственность, непрерывность, лучшие модели опосредованного социального опыта, практики уголовной политики и моменты нового знания, то есть элементы её прерывности в виде достижений правовой идеологии и теории всех отраслей юридических наук. Правовые нормы как формально-логические элементы доктринальной стороны уголовной политики, как её опосредованный социальный опыт, практика и новые концептуальные подходы в свою очередь являются противоположностями по отношению к друг другу, непрерывно взаимодействуют между собой. Вместе взятые элементы доктринальной стороны

---

[358] Исмагилов Р.Ф. Деловой климат в России: сегодняшнее состояние и перспективы развития (политико-правовой и экономический анализ) // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 11-19.

[359] Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.; Малько А.В. О необходимости формирования правовой политики в регионах // Правовая политика в Российской Федерации: региональный уровень / Под ред. А.В. Малько. – Тамбов, 2008; Малько А.В. Правовая политика: понятие, принципы, виды // Правовая политика: учебное пособие / Под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова. – Тамбов, 2012.

уголовной политики в пределах её сущности как системы элементов составляют субъективные факторы, определяющие её сущность и развитие. Они находятся одновременно и в единстве, и противоречии между собой.

Деятельно-практическая сторона уголовной политики как противоположность её доктринальной стороны охватывает политико-правовые отношения, субъектов, их деятельность. В совокупности они образуют объективные, предметно-материализованные факторы, определяющие сущность и развитие уголовной политики. Как и элементы её доктринальной, то есть субъективной стороны, по отношению друг к другу они так же находятся и в единстве, и в противоречии.

Как элементы противоположных сторон единой системы (уголовной политики) они находятся в диалектической взаимосвязи, в единстве и противостоянии; одновременно и образуют относительно устойчивую, сохраняющую в течение определённых пространственно-временных рамок сущность, и обусловливают её изменчивость, развитие в определённом направлении.

Составляющие уголовной политики в пределах определённых исторических условий, конкретной социальной системы, взаимодействуя между собой, остаются относительно неизменными, они не меняют свою внутреннюю сущность. Относительность их устойчивости, стабильности означает, что в каждой из них происходят эволюционные, количественные изменения. Эти изменения в своей совокупности являются частными, поскольку главный внутренний элемент уголовной политики – её субъект с его интересами и целями – остаётся самим собой. Он в рамках данной социальной системы не меняется. Принципиально не меняются направления, формы, способы, средства, механизм уголовной политики. Это можно проследить на любом примере исторического развития России.

В эпоху Петра I и после неё, вплоть до Октябрьской социалистической революции сущность уголовной политики изменялась лишь в своих частностях. Её социальная направленность, стратегическая целевая установка – охрана абсолютизма, частной собственности, привилегий помещиков и капиталистов – оставалась относительно неизменной. Даже буржуазно-демократическая революция в феврале 1917 г. означала только смену фасада, формы уголовной политики. Временное правительство сохранило юридическую силу основополагающих для уголовной политики нормативно-правовых актов. С февраля по октябрь 1917 г. в России продолжало действовать Уголовное уложение 1903 года. Относительно прежними оставались и противоречия уголовной политики. Несмотря на Декларацию

Временного правительства от 3 марта 1917 года[360], закреплявшую права и свободы граждан, они, эти права и свободы, реально гарантировались только власть имущим. В Циркулярной телеграмме заместителя министра внутренних дел С.Д. Урусова комиссарам Временного правительства об охране частной земельной собственности указывалось на необходимость создания условий для охраны частной собственности[361]. Постановлением Временного правительства от 12 июля 1917 года вводилась смертная казнь на фронте[362], хотя в марте того же года она формально была отменена.

Функции правоохранительных органов на всем протяжении исторического развития Российской Империи и даже в период Временного правительства менялись очень несущественно, по существу оставались неизменны[363]. Это касалось всех сторон общественной жизни, даже такой далекой от реалий борьбы с преступностью, как медицинская деятельность[364].

---

[360] От Временного правительства // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 1(46). – 5 (18) марта.

[361] Циркулярная телеграмма заместителя министра внутренних дел С.Д. Урусова комиссарам Временного правительства об охране частной земельной собственности от 3 апреля 1917 года // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. – М., 1990. С. 464-465.

[362] Постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении «военно-революционных» судов от 12.07.1917 г. // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. – М., 1990. С. 467.

[363] Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»);; Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – 608 с.

[364] Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4. – С 219-230; Сальников В.П., Стеценко С.Г. Нормативно-правовое обеспечение здравоохранения в

Только кардинальная смена политической системы общества, исторического типа государства и его политики приводит к кардинальной смене противоречий данной системы и изменению сущности её уголовной политики. Противоречия социальной системы порождают и определяют противоречия уголовной политики. Главным противоречием советского периода развития России была несовместимость его экономики и политики. Основная цель производства – развитие производительных сил на основе плановости, ускорения научно-технического прогресса, создание материально-технической базы общества в интересах формирования всесторонне развитой личности – находилась в глубоком противоречии с процессом бюрократизации государственного аппарата, неспособностью государства создать эффективный экономический механизм хозяйствования. В совокупности с внешними противоречиями, стремлением противостоящей социальной системы затормозить или повернуть вспять развитие советской системы в СССР и дружественных ему странах социальные противоречия советского общества имели устойчивую тенденцию к обострению и под воздействием губительного субъективного фактора привели сначала к антагонизму, а затем и к разрушению советской системы.

Противоречия социальной системы порождали и выражались в противоречиях уголовной политики советского государства [365]. Последняя стала постепенно менять свою сущность. В уголовный кодекс вносились всё новые изменения и поправки. В основном они были направлены на расширение пределов и усиление карательно-репрессивного характера уголовной ответственности. Стратегическая установка уголовной политики на предупреждение и искоренение преступности наталкивалась на общую слабость государственного механизма, на командно-административные методы управления,

---

советский период // Журнал российского права. – 2002. – № 1. – С. 152-161; Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X – XVII вв.) // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 143-151; Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – (Серия: «Право и медицина»); Стеценко С.Г., Сальников М.В. Правовое регулирования оказания медицинской помощи в Российской империи (II четверть XVIII в. – 1917 г.) // История государства и права. – 2004. – № 6. – С. 50-54.

[365] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. – Л.: ЛГУ, 1963; Загородников Н.И. Первая Советская Конституция и советское уголовное законодательство // Труды научной сессии ВИЮН, посвященной 40-летию Конституции РСФСР 1918 года. – М., 1959.

на использование преимущественно жёстких, принудительно-репрессивных методов, способов и средств борьбы с преступностью.

В результате с середины 60-х годов XX века резко усилилась тенденция к росту преступности, изменению её структуры в направлении совершения тяжких и особо тяжких экономических, а также насильственных преступлений[366]. Если с 50-го по 60-й годы преступность находилась на уровне 570 – 650 тыс. преступлений в год, то с 60-го по 80-е годы этот уровень непрерывно повышался и достиг громадной отметки, превышающей 2 млн. преступлений[367]. В 2005 году эта отметка достигла астрономических размеров, то есть более 3 млн. преступлений в год[368]. Так называемая перестройка, начатая президентом М.С. Горбачёвым в 1986 году и означавшая насаждение теневой криминальной экономики, дала резкий и всё убыстряющийся рост преступности. К середине девяностых годов, когда был закончен процесс разрушения основ советского строя, смены сущности социальной системы, завершился и процесс смены сущности уголовной политики России, превратившейся из советской уголовной политики в уголовную политику России переходного периода.

Этот процесс означал изменение сущности всех составляющих уголовной политики, прежде всего характера и природы её объекта, субъекта и юридической базы. Он означал и изменение характера, сущности, структуры противоречий уголовной политики. По характеру эти противоречия стали системными, структурными, иерархичными и антагонистичными.

Система противоречий уголовной политики может быть представлена следующими их основными группами, отражающими многообразие и многоуровневость противоречий социальной системы.

I группа – внутренние противоречия, характеризующие социальную сущность уголовной политики, её стратегию и целевые установки:

- несоответствие интересов и социальных ценностей, поставленных под охрану законодательством, реально защищаемым интересам и ценностям на практике;
- несоответствие декларированных стратегических целей и установок уголовной политики реальным возможностям их

[366] Побегайло Э.Ф. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. – М., 1985.

[367] Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 64-65.

[368] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 3.

достижения;

- несоответствие объективной необходимости государственной стратегии, программы борьбы с преступностью их фактическому состоянию;
- несоответствие объективно-необходимых целей уголовной политики её законодательным целям;
- противоречивость и отсутствие системной методологии и концепции уголовной политики.

II группа – противоречия, характеризующие механизм уголовной политики:

- явное несоответствие достигнутой степени эффективности уголовной политики объективным потребностям общества по охране прав и свобод личности, обеспечению интересов общества и государства, предупреждению и устранению преступности;
- несоответствие юридической базы уголовной политики её объекту, то есть состоянию, уровню, структуре и динамике преступности;
- несогласованность целей и интересов различных субъектов уголовной политики, недостаточность взаимодействия, ведомственность и бюрократизм в их деятельности;
- недостаточная четкость, неопределённость приоритетов в направлениях, формах, способах, силах и средствах уголовной политики;
- недостаточность, ограниченность и несоответствие ресурсов и материальной базы уголовной политики её фактическим потребностям;
- недостаточность и несоответствие уровня подготовки кадров правоохранительных органов, научных исследований в сфере борьбы с преступностью возрастающей необходимости повышения этого уровня;
- несоответствие и отсутствие единых принципов и критериев оценки эффективности уголовной политики в законодательстве, в юридической науке и в органах власти.

III группа – противоречия, характеризующие непосредственную связь и зависимость уголовной политики от её социальных основ (экономики, политики, идеологии, культуры):

- отсутствие морально-политического единства общества, должной политической и правовой идеологии государства, политической и правовой культуры общества, то есть духовных основ уголовной политики;

- противоречивость, элементы антагонизма социально-экономических, политических и духовных основ общества – его экономики, производительных сил и производственных отношений, политики, политической и правовой систем общества, его социальной структуры, общественного сознания;
- противоречивость, противостояние международных связей и отношений, ограниченность международного сотрудничества и отсутствие единых международных структур и механизмов борьбы с преступностью на международном уровне.

В данной статье нет необходимости аргументировать изложенные тезисы и посылки о противоречиях современной уголовной политики Российской Федерации. Многие из них видны невооруженным глазом. Возьмем хотя бы статью 2 и главу вторую Конституции Российской Федерации. Вряд ли кто будет спорить с тем, что на практике в России не обеспечена ситуация, когда человек, его права и свободы является главной ценностью[369], хотя аргументов по этому поводу в юридической литературе вполне достаточно. Мы попытаемся показать наиболее характерные обобщения, факты и данные в предлагаемом контексте в самостоятельной статье.

Несмотря на комплексность и системность различных противоречий, все они, в конечном счёте, сводятся к противоречиям доктринальной и деятельно-практической сторон уголовной политики, её теорией и практикой. Системность противоречий уголовной политики всецело обусловлена системностью, комплексностью, многоуровневым и интегрированным характером противоречий социальной системы[370].

Созданный в 1996 году Совет по судебной реформе при Президенте Российской Федерации изучил уголовную политику РФ, разработал и представил соответствующие выводы, предложения и рекомендации. В стенографическом отчете о работе этого Совета в той или иной форме отмечены практически все указанные противоречия уголовной политики России.

В докладах и выступлениях эта политика характеризуется такими

---

[369] Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.; Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51; Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.

[370] Третьяков И.Л. Преступность как диалектическое единство и противоположность противоречий исторически определенного общества // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 185-200.

терминами, как «катастрофа», «затяжной, глубокий, тотальный кризис России», «эрозия государственной власти», «дестабилизация социального порядка», «резкое социальное расслоение», «тюремное население»[371] и т. п. В решении Совета записано: «Одной из серьёзных проблем в жизни российского общества является затянувшийся и всё углубляющийся кризис правопорядка в стране. Наряду с объективными трудностями переходного периода этот кризис вызван отсутствием реалистической, научно-обоснованной концепции стратегии и тактики укрепления правопорядка, противодействия преступности»[372]. Совет признал необходимость доработки разработанного его членами проекта концепции, отметил его реалистичность и научную обоснованность, что противоречило заключительному резюме о необходимости «разработки проекта Концепции уголовной политики»[373].

Указанные выше противоречия российской уголовной политики подтверждаются и результатами проведенного социологического анализа, включавшего разработку анкеты, её утверждение руководством Санкт-Петербургского университета МВД России, проведение опроса среди депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, опытных сотрудников органов МВД, судей, сотрудников прокуратуры и профессорско-преподавательского состава указанного университета и других вузов, обобщение и оформление данных опроса. Всего было опрошено 280 человек. На вопрос: «Как Вы оцениваете уголовную политику России?» из предложенных пяти вариантов ответа только одиннадцать респондентов (3, 9%) ответили, что в целом эта политика отвечает современному состоянию преступности и криминогенной ситуации в стране. Остальные указали, что она или не отвечает этим критериям, или таковой фактически нет: она не имеет четкой целевой установки, стратегии, системы, соответствующего механизма и базы.

Динамика преступности – количественные и качественные изменения преступности за определённый промежуток времени. Ранее была обоснована сущность преступности как социального антагонизма. Последний имеет как внутренние (качественные), так и внешние (количественные) формы проявления. Качественные параметры социальных антагонизмов (противоречий) выражаются в характере, структуре (видах), криминологических и уголовно-правовых характеристиках

---

[371] Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997.

[372] Решение Совета по судебной реформе при Президенте Российской Федерации от 12.03.1996 года № 3 // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997. С. 31.

[373] Там же.

совершенных преступлений. Характер и степень остроты общественных противоречий всегда соответствуют характеру, видам и юридическим признакам совершенных преступлений, являющихся внешними формами разрешения этих противоречий. Количественные показатели противоречий общества проявляются как количественная определённость преступности, её численных величин. При этом и качественные и количественные показатели социальных противоречий находятся в диалектическом единстве и непрерывном изменении, взаимодействии[374]. Изменения количественных и качественных показателей социальных противоречий есть непосредственное следствие социальных изменений в единстве их количественных (внешних) и качественных (внутренних) сторон. Бесконечность социальных изменений не может не порождать бесконечность и единство изменений количественных и качественных показателей преступности[375].

Динамика преступности есть не что иное, как правовая форма выражения единства, прерывности (относительной стабильности) и изменчивости социальных процессов. Она, эта динамика, не может ограничиваться только количественной стороной. В противном случае преступность оставалась бы фактически неизменной в своих числовых величинах, криминологических и уголовно-правовых параметрах. Фактически, как свидетельствует статистика, количественные и качественные параметры преступности находятся в строгой взаимосвязи и взаимозависимости, с одной стороны, и непрерывном изменении, с другой стороны[376].

Нарастание социальных антагонизмов в период так называемой «перестройки» и либерально-демократических реформ с неизбежностью породило сначала резкий скачок в количественных, а затем и качественных показателях преступности в Российской Федерации и

---

374 Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.

375 Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218; Хабибулин А.Г. Особенности преступности экономической направленности в кредитно-финансовой сфере // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 11. – С. 5-11.

376 Жалинский А.Э. Уголовный закон и генезис преступности // Российской криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С 188-192; Хабибулин А.Г. Особенности организованной преступности экономической направленности в сфере внешнеэкономической деятельности России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 10-13.

странах бывшего СССР[377]. По данным Госкомстата РФ, доля теневой экономики в стране составляет 20-25%, а по некоторым оценкам – более 40%[378]. По оценкам специалистов, доля вышедшего из поля зрения государства массива средств прогнозируемого бюджета РФ 2000 г. составит 1070 млрд. рублей, что в 13,5 раз превышает выделенные бюджетные средства на финансирование правоохранительной деятельности в указанном году[379]. Как следствие экономических потрясений и недостаточности правоохранительной деятельности, уровень преступности в РФ в 1999 г. зашкалил отметку в 3 млн. преступлений[380]. Этот уровень не только сохранялся, но и увеличивался в последующем[381]. Соответственно скачкообразно изменились и качественные показатели динамики преступности. Они выразились в кардинальных изменениях её структуры. С 1991 г. стала быстро формироваться и расти организованная, то есть имеющая свою сущность, структуру, иерархию и всероссийские масштабы преступность. При этом эта преступность обнаруживает устойчивую тенденцию к возвышению своих количественных и качественных показателей. В 1997 г. по сравнению с 1990 г. число осуждённых за совершение преступлений в составе организованных групп увеличилось более чем в 30 раз, тогда как общее число осуждённых – на 88,4%[382].

Качественными показателями организованной преступности в те времена являлись её способность к саморазвитию, самодетерминации и целенаправленному изменению социальной среды в своих интересах, латентность. По оценкам специалистов, число реально совершаемых организованными формированиями преступлений превы-

---

[377] Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.

[378] Бушков А.Ф. Факторы угроз теневой экономики и антитеневая политика // Вестник Юридического института МВД РФ. – 1999. – Выпуск 3. С. 42.

[379] Мальков М.А. Финансирование правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Преступность и власть: Материалы конференции. – М., 2000. С. 17.

[380] Борьба с преступностью в России: январь – декабрь 1999 года // Щит и меч. – 2000. – 20 января. С. 4.

[381] Состояние преступности в Российской Федерации в 2005 году: Статистический обзор МВД РФ. – М.: МВД РФ, 2006 (февраль).

[382] Ванюшкин С.В. Организованная преступность как угроза национальной безопасности // Преступность и власть: Материалы конференции. – М., 2000. С. 18-19.

шает официально регистрируемое число в 12-15 раз. Число действующих организованных преступных формирований, по данным С.В. Ванюшкина, равняется 60-70 тысячам, а численность вовлечённых в них лиц – 5-6 млн.[383]. По официальным и, надо сказать, явно заниженным данным, на оперативный контроль в 2005 г. было поставлено 415 организованных преступных формирований общей численностью свыше 10 тыс. активных участников[384].

К сожалению, ситуация ненамного улучшилась и в десятые годы. Например, в 2012 году организованными группами или преступными сообществами было совершено 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений. Рост составил 2,4%, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,2% в январе-декабре 2011 года до 5,7%. В 2013 году таких преступлений наблюдалось чуть меньше (16,6 тыс.). Сокращение на 4,3%, хотя удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне аналогичного периода прошлого года (5,7%). За январь-декабрь 2014 года организованными группами или преступными сообществами было совершено тяжких и особо тяжких преступлений меньше (13,5 тыс.) на 18,7%, причем удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий сократился с 5,7% в 2013 году до 5,1%.

За 9 месяцев 2015 года наблюдалась незначительная тенденция сокращения тяжких и особо тяжких преступлений (-0,7%), совершенных организованными группами и преступными сообществами (11,4 тыс.). Удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне января-сентября 2014 года и составил 5,6%.

Как видим, ощутимых успехов в борьбе с организованными группами и преступными сообществами в крайние годы мы не достигли. Удельный вес совершенных ими тяжких и особо тяжких преступлений продолжает оставаться еще высоким.

Эффективность уголовной политики – это интегрированное слагаемое воздействия всех её составляющих на преступность, причины и условия последней, обеспечивающего меру и степень защиты

---

[383] Ванюшкин С.В. Организованная преступность как угроза национальной безопасности // Преступность и власть: Материалы конференции. – М., 2000. С. 18-19.

[384] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 14

личности, общества, государства от преступных посягательств. В научной литературе эффективность уголовной политики, с одной стороны, получила определённое освещение[385]. С другой стороны, в работах учёных, в той или иной мере касающихся этой проблемы, такое освещение в силу её сложности, комплексности и нечеткости критериев носит фрагментарный характер. Оно сводится или к эффективности и совершенствованию уголовного законодательства[386], или правоохранительного механизма, его элементов[387]. Некоторые ученые рассматривают её в аспекте факторов, определяющих эффективность функционирования органов внутренних дел. К таковым они относят политико-правовые, экономические, техногенные, социокультурные, этнопсихологические, конкурентные факторы, а также преступность и правонарушения. В такой постановке эффективность уголовной политики остаётся вне самостоятельного анализа и видится как частная проблема. И, несмотря на исключительную важность и социальную роль правоохранительных органов, они, эти органы, являются составной части единой системы уголовной политики. Эффективность их функционирования определяется эффективностью уголовной политики как единой и целостной системы.

Проблема эффективности уголовной политики не является частной. Сущность этой проблемы органически связана с её объектом и функционально-целевой установкой. Она отражает такой уровень воздействия уголовной политики на преступность, её причины и условия, который гарантирует сохранение и защиту основополагающих социальных ценностей – безопасность личности, общества, государства от преступных посягательств[388]. Безусловно возвышенный

---

[385] Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы; Васькин В.В., Сальников В.П., Хон Г.Н. О некоторых вопросах теории эффективности правовых норм // Вопросы профилактики преступлений. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 94-103.

[386] Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона / Отв. ред. Н.Ф. Кузнецова, И.Б. Михайловская. – М.: Юрид. лит., 1973. С. 21-52;Совершенствование законодательства о борьбе с преступностью в период становления рыночной экономики: Сб. ст. – Тюмень: Рутра, 1995.

[387] Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия // Эффективность применения уголовного закона. – М., 1973. – С. 181-191; Совершенствование правоохранительной деятельности органов внутренних дел: Сб. тр. молодых учёных. – М.: ВЮЗШ, 1990.

[388] Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»);

характер функционально-целевой установки уголовной политики, противоречия в реализации этой установки превращают вопрос о её эффективности в актуальную самостоятельную социальную проблему.

Существенными признаками эффективности уголовной политики являются её связь и обусловленность состоянием преступности, количественными и качественными характеристиками всех составляющих этой политики.

Характер, структура политико-правовых отношений, мера адекватности отражения последних в соответствующих юридических нормах, внутренняя логика, взаимосвязь юридических норм, характер, социальная направленность, уровень научности правовых идей и взглядов, идейно-теоретический и профессиональный уровень субъектов, единство и взаимообусловленность направлений, форм и способов их деятельности, пространственно-временные рамки, глубина, сила и интенсивность воздействия на антисоциальные, преступные проявления – необходимые внутренние параметры и критерии эффективности уголовной политики.

Критерии эффективности уголовной политики не ограничиваются каким-либо одним признаком. Она, эта эффективность, является интегрированной производной всех слагаемых уголовной политики, взятых как единое целое, с одной стороны, и каждое в отдельности – с другой. Комплексность, системность составляющих уголовной политики, их единство и противоречивость обусловливают множественность, системность и противоречивость критериев её эффективности.

Тем не менее, не все критерии имеют равнозначное значение. В их совокупности можно выделить основополагающие. Таковыми являются: динамика преступности и мера достижения стратегических целей уголовной политики, то есть реально достигнутый уровень защиты от преступных посягательств личности, общества, государства. Приоритет указанных критериев обусловлен рядом факторов.

Во-первых, это многоуровневый и иерархичный характер системообразующих признаков уголовной политики. Они являются разнородными. Каждый из них имеет свою сущность, реализует только присущие ему функции. Скажем, если политико-правовые отношения составляют сущность уголовной политики и её онтологический (объективно-материальный) аспект[389], а правовая идеология

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.

[389] Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.

образует субъективную сторону, являющуюся идеальным отражением объективно-материальной стороны этой политики[390], то правовые нормы являются формализовано внешним проявлением и производным детерминантом последней. Субъекты уголовной политики, в том числе правоохранительные органы, их деятельность синтезируют в себе все её названные компоненты и функции, выступают в качестве источника, носителя, движущей силы, практического критерия и гарантий её реальности[391]. Поэтому, нельзя обособлять эффективность функционирования правоохранительных органов и эффективность уголовной политики, не подчёркивать взаимосвязь, взаимодействие и соподчинённость всех слагаемых и критериев эффективности уголовной политики. Тем более, неправомерно говорить об эффективности функционирования правоохранительных органов, не подчёркивая её обусловленность эффективностью уголовной политики в целом.

Во-вторых, интегрированность качества уголовной политики. Оно, это качество, не тождественно арифметической сумме качественных характеристик каждого её слагаемого. Качество уголовной политики есть интегрированное производное качества её каждого слагаемого, синтезированного с качеством всех других составляющих. Как подчёркивалось, качество целого (всех составляющих уголовной политики) содержит лишь моменты качества части (каждого слагаемого) и является качеством более высокого порядка.

В-третьих, иерархичность и неравнозначность места каждого слагаемого в системе элементов уголовной политики означает и соответствующую иерархичность качества каждого её слагаемого. На практике какой-то составляющей или нескольких составляющих вообще не оказывается в наличии или она может иметь отрицательное значение. В этом случае совокупное качество уголовной политики даже в своей сущности будет отличаться от запланированного его уровня вплоть до того, что данная уголовная политика может иметь не позитивное, а негативное воздействие на преступность, то есть она может способствовать её изменению в худшую сторону, что мы и встречаем в действительности.

---

[390] Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и государственность: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.

[391] Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

Проведённое автором социологическое исследование показало явно низкую эффективность современной уголовной политики России. На вопрос, как Вы оцениваете существующую уголовную политику России, респонденты отвечали, что: она не отвечает современному состоянию преступности и криминогенной ситуации в стране (31,7%); этой политики фактически нет, так как она не эффективна, не имеет четкой целевой установки, стратегии, продуманной системы, организационно-правовой базы и механизма (24,9%); она противоречива, не имеет чёткой концепции (20%); она недостаточно отвечает современному состоянию преступности и криминогенной ситуации в стране (17,6%). Таким образом, 94,2% опрошенных негативно оценили существующую уголовную политику России. Лишь 5,8% считают, что в целом она отвечает современному состоянию преступности. Не забудем, что респонденты исследования – высокопрофессиональные люди, видные учёные, представители органов законодательной, судебной или исполнительной власти, сотрудники МВД России.

В-четвёртых, именно в динамике преступности наиболее наглядно отражаются и количественные и качественные её изменения. Динамика преступности олицетворяет собой причины, состояние, структуру преступности, равно как и эффективность уголовной политики в целом и каждого её составляющего в отдельности. Об этом свидетельствовали статистические данные о динамике преступности за 1976 – 1999 гг., когда еще действовал УК РСФСР и уже начал действовать УК РФ.

Переход на рыночную экономику, начатый в середине 80-х годов, дал резкий и возрастающий рост всей массы преступлений и особенно преступлений против собственности и преступлений экономической направленности[392]. В 1976 г. в России зарегистрировано 834. 998 преступлений, в 1991 г. – 2. 167964 [393], 1994 г. – 2. 632708[394], 1997 г. –

---

[392] Быков В.Н., Колесников В.В. Коррупция и экономическая безопасность // Проблемы деятельности хозяйствующих субъектов современной России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / Под ред. С.Б. Смирнова. – СПб.: Диалог, 2007. – С. 18-25; Рубцов И.В. Анализ структуры и динамики экономической преступности в России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 3. – С. 53-60; Хабибулин А.Г. Особенности преступности экономической направленности в топливно-энергетическом и лесопромышленном комплексах // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 10. – С. 5-12.

[393] Преступность и правонарушения. 1991: Статистический сборник / МВД РФ, МЮ РФ. – М., 1992. С. 4-12.

[394] Борьба с преступностью в России: январь – декабрь 1994 г. Экспресс-информация МВД РФ // Щит и меч. – 1995. – № 2. С. 14.

2.397 311[395], 1998 г. – 2.581.940 [396], 1999 г. – 3.389 696[397]. Корыстные преступления увеличивались в процентном отношении к общей массе совершенных преступлений соответственно 60-е гг. – 40-45%, 1990 г. – 70%[398]. В докладе МВД РФ «О состоянии и мерах усиления борьбы с экономической преступностью и преступностью в Российской Федерации» (1996 г.) было отмечено: «Внедрение преступных капиталов в экономику сопровождается нарастанием темпов роста финансовых, хозяйственных и должностных преступлений, главным образом наиболее опасных, групповых, которые в свою очередь обусловили рост других имущественных, а также значительной части насильственных преступлений, связанных с борьбой криминальных группировок за овладение каналами незаконного обогащения, установление и передел сфер влияния, перераспределение собственности, приобретённой в результате противоправной хозяйственной деятельности». В нём сообщается, что за 1993-1996 гг. выявлено около 800 тыс. преступлений экономической направленности. Среднегодовой прирост регистрируемой преступности в сфере экономики составил 12,5%, а с учётом латентности этой преступности – 90%. Каждое четвёртое регистрируемое в экономике преступление относится к категории тяжких, причём наблюдается тенденция постоянного увеличения их доли. Объём теневой экономики достиг 40% ВВП[399]. Тяжкие и особо тяжкие преступления составляют 63% (1999 г.), в том числе убийства, включая убийства по найму, – 1,15% (1999 г.)[400]. Почти половина всех зарегистрированных преступлений в начале десятых годов составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи, грабежа, разбоя; высок удельный вес преступлений экономической направленности.

Динамика преступности – существенный критерий причин преступности. В названном докладе МВД РФ кардинальными причинами роста

---

[395] Состояние преступности в Российской Федерации в 1997 году // Российская юстиция. – 1998. – № 3. С. 52.

[396] Состояние преступности в России за январь – декабрь 1998 года. – М.: МВД России, Главный информационный центр, 1999. С. 4.

[397] Борьба с преступностью в России: январь – декабрь 1999 года // Щит и меч. – 2000. – 20 января. С. 4.

[398] Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997. С. 68.

[399] О состоянии и мерах усиления борьбы с экономической преступностью и коррупцией в Российской Федерации: Доклад МВД России // Щит и меч. – 1997. – № 11-12. – С. 3-14.

[400] Борьба с преступностью в России: январь – декабрь 1999 года // Щит и меч. – 2000. – 20 января. С. 4.

экономических преступлений указываются либерализация экономической деятельности, передача государственной собственности в частные руки в процессе её разгосударствления, допуск в экономику теневого капитала, неизбежность совпадения, переплетение интересов и устремлений криминально-ориентированных социальных групп, нечёткость позиции законодателя в определении пределов контроля за экономикой. Теневая экономика и криминальное предпринимательство оцениваются как важнейший фактор дестабилизации экономической и социальной жизни. Вышеприведённые статистические данные о теневой экономике, росте экономической преступности полностью согласуются с выводами МВД РФ об основных причинах роста этой преступности анализируемого исторического периода.

В то же время, сама по себе динамика преступности не может служить основополагающим критерием эффективности уголовной политики и мерой усилий по борьбе с преступностью:

1. Официальная статистика регистрации и учёта совершённых преступлений далека от совершенства. По данным МВД РФ, в 1999 г. поступило материалов о совершённых преступлениях 3. 389696, зарегистрировано преступлений 3.001748, раскрыто – 2.159124[401].

В начале десятых годов наблюдается следующая картина. В январе-декабре 2012 года органами внутренних дел рассмотрено 26,24 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 6,6% больше, чем за 12 месяцев 2011 года. Всего возбуждено 1861,4 тыс. уголовных дел, что на 6,1% меньше показателя аналогичного периода прошлого года. За этот период зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, раскрыто – 1252,8 тыс. преступлений, что на 4,5% меньше аналогичного периода прошлого года. В 2013 году рассмотрено 28,35 млн. заявлений, что на 7,5% больше, чем за 12 месяцев 2012 года. Возбуждено 1761,5 тыс. уголовных дел, то есть на 5,4% меньше, чем в 2012 году. Зарегистрировано 2206,2 тыс. преступлений, раскрыто 1238,3 тыс. преступлений, что на 1,2% меньше предыдущего года.

В 2014 году рассмотрено 29,28 млн. заявлений (сообщений), что на 3,3% больше, чем в 2013 году. Возбуждено 1728,6 тыс. уголовных дел, что на 1,9% меньше показателя аналогичного периода прошлого года. Зарегистрировано 2166,4 тыс. преступлений, раскрыто 1176,4 тыс., т.е. на 5% меньше, чем в 2013 году.

За январь-сентябрь 2015 года зарегистрировано 1750,4 тыс. преступлений, и на 6,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Раскрыто 937 тыс. преступлений, т.е. на 1,4% больше, чем за

[401] Борьба с преступностью в России: январь – декабрь 1999 года // Щит и меч. – 2000. – 20 января. С. 4.

аналогичный период прошлого года.

Нетрудно заметить, что в крайние годы сотрудники органов внутренних дел из года в год рассматривают все больше и больше заявлений, сообщений и иной информации о правонарушениях, но возбуждают из года в год все меньше и меньше уголовных дел, раскрывают, как правило, также все меньше и меньше преступлений. Данное обстоятельство вызывало еще тогда определенную тревогу.

В официальных материалах и данных МВД России скупо говорится о латентной преступности, которая по оценкам специалистов составляет 50-70% от всей массы совершаемых преступлений[402]. Многие потерпевшие, особенно от насильственных бытовых преступлений, не обращаются к органам власти по различным мотивам, в том числе из-за недоверия к последним. Во многих случаях уголовные дела не возбуждаются даже при наличии заявления потерпевшего, когда имеются все юридические основания для этого. По данным социологического исследования, подавляющее большинство респондентов не считает количественные и качественные показатели преступности оптимальными критериями эффективности уголовной политики.

2. Динамика преступности лишь косвенно характеризует социально-политическую и морально-психологическую атмосферу общества, остроту противоречий в стране. Она мало выражает реально достигнутый уровень защиты законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства. К примеру, в составе МВД РФ были созданы и действовали специальные (VI-е) управления по борьбе с организованной преступностью, в обязанность которых входила и борьба с преступностью во властных структурах[403]. В материалах МВД России от 20.05.1997 г. к заседанию Правительства РФ сущность организованной преступности характеризовалась как процесс создания, накопления, легализации и обращения криминального капитала в легальной и теневой экономике людских и материальных ресурсов. Отмечалась неготовность правоохранительных структур к противодействию этой преступности, её рост и выход на качественно новый уровень. На оперативном учёте состояли свыше 9 тыс. организованных преступных формирований, насчитывающих 100 тыс. активно

---

[402] Акутаев Р.М., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л. Латентная преступность // Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. С. 91; Щеглова Т.К. Латентная преступность и её значение для определения эффективности уголовно-правовых норм: Дис.... канд. юрид. наук. – М., 1973. С. 56.

[403] Письмо Начальника РУОП по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МВД РФ от 04.04.1997 г. № 6/1-1651.

действующих членов. Там же говорилось об отсутствии единой государственной политики борьбы с организованной преступностью, слабом взаимодействии субъектов правоохранительной деятельности, о задержке в принятии законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с преступностью», «О противодействии легализации доходов, полученных незаконным путём» и др., о необходимости разработки государственной концепции борьбы с этой преступностью[404].

Несмотря на острую необходимость подразделений по борьбе с организованной преступностью, тем не менее они были ликвидированы. По мнению руководителей, генералитета этих подразделений, эта служба была ликвидирована несвоевременно и поспешно. Они сожалеют о том, что не имели возможности выразить свое мнение по этому поводу, так как их никто не спрашивал[405].

В-пятых, решающим критерием эффективности уголовной политики является реальный уровень достижения её стратегических целей – мера защиты прав, свобод и интересов личности, общества и государства. Данный тезис подтверждается всеми аргументами, которые характеризуют эту меру. Они приводились во введении, во всех разделах работы. Данные статистики о динамике преступности тоже свидетельствуют о крайне низком уровне охраны высших конституционных ценностей. Большинство респондентов социологического исследования оптимальными критериями эффективности уголовной политики считают состояние и уровень безопасности населения (44,7%), а также уровень охраны прав и свобод человека и гражданина (27%). Количественные и качественные характеристики преступности в качестве таких критериев выделили лишь 9,4% респондентов. На важность учёта морально-психологической атмосферы общества и уровня затрат на правоохранительную деятельность указали соответственно 8,2% и 10,5% опрошенных. 24,7% респондентов высказались за системный подход в оценке эффективности уголовной политики и определении её критериев.

Если же посмотреть лишь на один показатель – гибель людей в результате преступных посягательств и причинение тяжкого ущерба здоровью людей, например, за крайние четыре года, начинаешь понимать, как наша жизнь и здоровье слабо защищены от преступления. Ежегодно от преступлений погибают примерно 35,5 тыс. человек, и

---

[404] О неотложных мерах по повышению эффективности деятельности правоохранительных и других органов исполнительной власти в борьбе с организованной преступностью: Материалы к заседанию Правительства Российской Федерации от 20.05.1997 г. № 1/ 9186 МВД РФ.

[405] 25 лет РУБОП. Воспоминания остаются… – СПб.: КОСТА, 2013. – 712 с.; ил.

более 50 тысяч получают тяжкий вред здоровью.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, определила человека, его права и свободы высшей ценностью нашего общества и государства. Она базируется на доктрине естественного происхождения прав и свобод человека, которые ему не дарованы государством, а принадлежат от рождения, по самому этому факту[406]. Данная доктрина своими корнями уходит в античность[407] и Средневековье[408], дальнейшее развитие получает в Новое время в Западной Европе[409]. В имперской России ее связывают в именем профессора А.П. Куницына[410]. Она была присуща классической немецкой философии[411], ее чтили и в постклассической философии[412].

---

[406] Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 160.

[407] Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77; Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.

[408] Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и К°, 2014. – 656 с.; Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63. – в кн. 656 с. ; Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.

[409] Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999; Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.

[410] Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.

[411] Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.; Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с. – (История философии в памятниках).

[412] Идеи права в постклассической философии (Шопенгауэр, Ницше, Диннель, Дильтей (А.Н. Сотникова), Кухта, Иеринг, Еллинек) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, А.И. Пешков, Л.А. Чеговадзе. Глава IV // История

После некоторого забвения она вновь возрождается[413]. Эта концепция находила свое место и в русской религиозно-нравственной философии права в конце XIX – начале XX века[414]. В конце же XX – начале XXI века она очень бурно развивается в России и на постсоветском пространстве и находит закрепление в Основных законах государств[415]. Однако, как видно из приведено выше материала, данная конституционная ценность обеспечивается, к сожалению, не в должной мере.

Выводы:

1. Преступность – это социальные антагонизмы, выраженные в совокупности совершённых преступлений, преследуемых государством в уголовном законе. Антагонистический характер противоречий общества, массовость порождённых ими преступлений, их протяжённость во времени и пространстве, социально значимый характер причиняемого вреда для общества, резко негативная морально-политическая оценка государством, преследование в соответствии с нормами уголовного закона, количественная и качественная определённость в данный исторический период – существенные составляющие преступности.

философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 260-402; Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – Москва, 1886. – 98 с.; Пухта Г. Обычное право. – М., 1907; Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 379-422.

[413] Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014; Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48; Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.

[414] Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.; Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В, Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7. – в кн. 438 с.; Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4.

[415] Конституция Российской Федерации. – М.: 2015; Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014.

2. Уголовная политика является политико-правовой формой реакции государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов[416].

3. Противоречия уголовной политики являются многоуровневыми, комплексными и включают противоречия, характеризующие её сущность, стратегию и целевые установки, механизм, внутреннюю связь и зависимость от социальных основ общества – экономики, политики, идеологии, культуры[417]. Основным противоречием уголовной политики является противоречие между её доктринальной и деятельно-практической сторонами, её теорией и практикой[418].

4. Идеальные и материализованные элементы уголовной политики, составляющие её доктринальную и деятельно-практическую стороны, находятся в единстве и противостоянии, мера которого придаёт ей качественную определённость в рамках конкретного исторического периода развития данного общества.

5. Частные изменения социальных условий обусловливают и частный характер изменений уголовной политики в пределах исторического типа социальной системы. Только смена социальной системы влечёт за собой и смену сущности, исторического типа уголовной политики.

6. Количественные и качественные показатели преступности наиболее выражаются в её динамике, представляющей собой единство и противоречие как количественных, так и качественных изменений этого социального явления. Единство таких изменений проявляется в их единых численных показателях, совпадении характера и тенденций изменений; противоречие – во взаимодействии в соответствии с законом диалектики о переходе количественных изменений в

---

[416] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса).

[417] Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.; Сальников В.П., Явич Л.С., Янгол Н.Г. Н.М. Кейзеров. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М., «Юридическая литература», 1983. – 232 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 3. – С. 107-109; Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 7 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: Санкт-Петербургский юридический университет МВД России, 1996.

[418] Номоконов В.А. Причинный комплекс преступности в современной России // Уголовный закон и генезис преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 201-209; Теминов В.Е. Правовой и нравственно-психологический причинные комплексы преступности // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 193-200.

качественные. Качественные изменения, как решающая сторона динамики преступности, наиболее чётко выражаются в резком, скачкообразном увеличении доли наиболее опасных (тяжких и особо тяжких) преступлений, среди которых доля преступлений экономической направленности является определяющей.

7. Количественные изменения, как определяющая сторона динамики преступности, адекватно отражают состояние последней, то есть её направленность, объём, характер, уровень и структуру. Динамика преступности характеризуется возвышением её количественных и качественных показателей, астрономическим значением численных величин, резким ростом удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, приоритетом роста преступлений в сфере экономики и насильственных преступлений. Она является существенным критерием, отражающим масштабы, социальные последствия, причины преступности и направления их устранения. Но она не является определяющим показателем эффективности уголовной политики.

8. Качество уголовной политики есть интегрированное производное качества её каждого слагаемого, синтезированного с качеством всех других составляющих. Комплексность, системность составляющих уголовной политики, их единство и противоречивость обусловливают множественность, системность и противоречивость критериев её эффективности[419].

9. Эффективность уголовной политики есть интегрированное слагаемое воздействия всех её составляющих на преступность, причины и условия последней, обеспечивающего меру и степень защиты личности, общества, государства от преступных посягательств. Решающим критерием эффективности уголовной политики является реальный уровень достижения её стратегических целей – мера защиты прав, свобод и интересов личности, общества и государства, наших конституционных ценностей.

[419] Панченко П.Н. Философия бандитизма и бандитизм философии (или о чем думает преступник, совершая свое преступление, и о чем думает государство, противодействуя ему) // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 210-217.

4. Совершенствование правового регулирования уголовной политики и предупреждение преступности

Совершенствование правового регулирования и правоохранительного механизма уголовной политики – это процесс количественных и качественных изменений её нормативно-правовых составляющих, обусловливающий возвышение уровня или меры их эффективности[420]. Совершенствование законодательства и правоохранительного механизма предполагает изменение объёма, характера, структуры соответствующих правовых норм и элементов организационной структуры этого механизма. Оно включает также систематизацию, кодификацию, толкование юридических норм, регулирующих уголовные и смежные с ними правоотношения, а также все правоотношения криминологического характера. Определяющим критерием совершенствования законодательства, правоохранительного механизма является изменение качества и эффективности этих составляющих уголовной политики.

Совершенствование правового регулирования уголовной политики, правоохранительного механизма не ограничивается только изменениями норм уголовного и административного законодательства. Оно охватывает изменения всей юридической базы уголовной политики. Системный, интегрированный характер уголовной политики предполагает и комплексность, системность совершенствования её юридической базы, правоохранительного механизма.

Правоохранительный механизм – это внутренняя структурная организация и функционирование элементов правоохранительной системы[421]. Правоохранительная система – система охранительных правоотношений[422], юридических норм, государственно-правовых институтов, средств, методов и гарантий, реализующихся в деятельности её субъектов по охране интересов личности, общества и государства от противоправных нарушений и предупреждению последних. Определение указанной системы как совокупности государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защищённость человека от противоправных нарушений[423] не раскрывает таких

---

[420] Васькин В.В., Сальников В.П., Хон Г.Н. О некоторых вопросах теории эффективности правовых норм // Вопросы профилактики преступлений. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 94-103.

[421] Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.

[422] Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. С. 410.

[423] Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном

сущностных признаков этой системы, как её объективно-субъективный характер, сущность составляющих элементов, нормативно-правовую основу и социальную роль.

Правоохранительная система – это не просто совокупность составляющих её элементов. Она предполагает её целостность, единство составляющих элементов, подчиненность определённой связующей идее (концептуальность), внутреннюю логику. Она не ограничивается такими элементами, как методы, средства и гарантии. Последние не являются определяющими составляющими этой системы. Таковыми являются её субъекты, правовые нормы и институты. Именно они определяют объективно-субъективный характер и сущность правоохранительной системы. Без субъектов, их компетенции, деятельности, её специфического (правоохранительного) характера, нормативно-правовой базы этой деятельности правоохранительная система не существует. Без субъектов и правового регулирования их деятельности не существуют никакие методы, средства и гарантии. Методы, средства и гарантии важны и существенны. Но они производны от субъектов и нормативно-правовых форм их деятельности.

В субъектах этой системы, в деятельно-практической стороне их функционирования, в заключенных в нормах права социальном опыте, его лучших моделях и образцах выражается её объективная сторона. Институты этой системы, мировоззрение, правосознание, мораль субъектов, их правовая идеология, вооружённость определённой концепцией, программой деятельности – субъективная сторона указанной системы. Она играет решающую роль в функционировании правоохранительной системы.

Требует уточнения в указанной трактовке и определение круга субъектов, а также функционально-целевой установки правоохранительной системы. Такая трактовка включает в число субъектов правоохранительной системы государство, правоохранительные органы, правоохранительные организации и физических лиц (личности)[424]. Государство в целом – это конкретные органы, организации, физические и юридические лица, граждане. Фактически государство включает те элементы политической системы общества, которые в соответствии

механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 12;Теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1997. С. 225.

[424] Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998. С. 15.

с Конституцией и законом наделены властными или представительными полномочиями и функциями. Однако не все элементы государства в таком его понимании наделены правоохранительными функциями. Правоохранительная деятельность невозможна без права применять предусмотренные законом формы ограничения, принуждения[425]. Они предполагаются в любой норме права и в компетенции любого правоохранительного органа. Но компетенцией их установления и применения в разной степени обладают только властные и правоохранительные органы. Поэтому неосновательно включать в число субъектов правоохранительной системы все общественные организации и объединения. Ими являются только те лица, общественные организации, объединения, которые по закону выполняют определённые правоохранительные функции.

В уточнении нуждается целевая установка указанного понятия. Охрана личности – важная функция правоохранительной системы.

Вопросам охраны прав и свобод человека и гражданина посвящено достаточно много публикаций в России[426] и за рубежом[427], в том числе

---

[425] Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Запреты в механизме управления обществом и государством: историческая ретроспектива места и роли // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 11-16; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., дополн. и перераб. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 205-214; Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.

[426] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.; Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213; Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.

[427] Бабаджанов И.Х. Возникновение правосубъектности человека: некоторые дискуссионные вопросы истории и современности // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 122-129; Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27; Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 124-133; Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127; Диноршоев А.М. Административное судопроизводство в Республике Таджикистан как способ защиты прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 175-178; Диноршоев А.М. Механизм

и на постсоветском пространстве[428]. И это не случайно. Человек, его права и свободы определяется Конституцией России (ст. 2) и других государств[429] как высшая ценность. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, ибо они носят естественный характер, а не даруются личности государством.

Конституция РФ базируется на доктрине естественного права, которая прошла сложный исторический путь развития, начиная с Античности[430], Средневековья[431], потом Нового времени как в России[432], так и в Западной Европе[433]. Она нашла свое отражение в творчестве классических немецких философов[434] и в постклассической философии права[435]. В конце XIX – начале XX века концепция

защиты прав человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.; Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.; Диноршоев А.М. Права человека: Учебник для вузов. – Душанбе, 2010. – 336 с.; Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.; Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе, 2003; Искандаров Э.Х. Права человека и национальные механизмы их защиты (на тадж. яз). – Душанбе, 2007; История таджикского народа / Под ред. Н.Н. Негматова. – Душанбе, 1999; Ойев Х.О., Сафаров Б.А. Механизм защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж. яз). – Душанбе, 2013; Права человека: Учебник для 10-го класса / Под ред. Т.Н. Зиёева (на тадж. яз.) – Душанбе, 2008; Холиков А.Г. Кратко об истории прав человека (на тадж. яз.) – Душанбе, 2007.

428 Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.

429 Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014.

430 Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.

431 Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis.

432 Романовская В.Б, Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.

433 Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.

434 Кант и кантианство. – М., 1978.

435 Кареев Н. Два взгляда на процесс правообразований (1889) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 315-350;

естественного права широко обсуждалась в творчестве представителей русской религиозно-нравственной философии права[436]. Были у этой доктрины и трудные времена, она подвергалась определенному забвению, но потом вновь наблюдалось ее возрождение[437]. В конце XX – начале XXI века она переживала и переживает свой триумф, на ней базируются Конституции многих государств Европы и Азии.

Проблемы прав и свобод человека и гражданина тщательно исследуются во всем мире. Человек, гражданин, личность определяется как главная, высшая ценность общества и государства, в то же время и очень значимая и важная составляющая функционирования данной системы.

В философско-правовой литературе под ценностями понимаются специфические социально определенные свойства объектов окружающего мира. Благодаря им определяется положительное или отрицательное значение для человека и общества оцениваемых объектов. Феномен «ценность» обладает уникальным свойством – выступает в качестве особого критерия позитивного и негативного. Именно поэтому он и имеет важное значение для общества и человека.

В качестве ценностей выступают и определенные явления общественного сознания, выражающие социальные интересы в идеальной

Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).

[436] Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633; Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.

[437] Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.; Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. .. канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.

форме. Это – субъективные ценности. По мнению В.П. Сальникова и М.В. Сальникова: «К ним можно отнести понятия добра и зла, справедливости и несправедливости, идеалы, моральные и этические нормативы и принципы. Указанные формы сознания не просто фиксируют те или иные действительные или воображаемые явления политико-правовой реальности, а оценивают их, одобряют или осуждают, требуют их реализации, другими словами – выступают нормативными по своему характеру»[438].

Благодаря субъективным ценностям проявляется мир ценностей различных людей. Разные люди очень часто в исходных социально-экономических или исторических обстоятельствах, несмотря на то, что относятся к одному слою или группе людей, исходят из общих интересов, а ведут себя по разному. В этом проявляется мир ценностей людей. «Это их субъективные предпочтения, – *пишут В.П. Сальников и М.В. Сальников,* – представления о желательных или нежелательных событиях и предметах, значимости для человека и его жизни. Именно ценности выступают значимостью главных направляющих компонентов правотворческой, правореализующей, правоохранительной и другой социально значимой деятельности в правовой жизни общества и государства»[439].

В философско-правовых исследованиях обращают внимание на становление «института базовых политико-правовых ценностей, носящих общечеловеческий характер. Эти ценности выступают в качестве универсального начала любого современного общества. «Их можно объединить термином «общечеловеческие ценности» и назвать абсолютными ценностями. К таким ценностям мы можем отнести прежде всего, жизнь и здоровье личности, безопасность, благосостояние, прогресс, легитимность, легальность, свободу и равенство» [440]. Отсюда понятно, почему охрана социальных ценностей, хотя и не единственная, но очень важная цель правоохранительной системы. Возможно, из этой цели вытекают и все иные ее цели.

Однако личность, несмотря на всю её социальную ценность, есть производное от общества. Более того, она есть и определённое

---

[438] Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей. С. 70.

[439] Там же. С. 71.

[440] Там же. С. 71.

творение государства, его экономики[441], политики, идеологии[442], культуры[443]. Не создав соответствующей системы общественных отношений, не обеспечив интересы государства и общества, никакие методы, средства и гарантии прав личности невозможны. Сказанное не умаляет роли личности как единичного элемента и носителя всей системы общественных отношений, как активного члена общества и гражданина государства. Но сущность личности (гражданина) не есть сущность общества и государства.

Поэтому роль личности, гражданина в реализации и обеспечении собственных интересов, прав и свобод, в их охране и защите может быть и является различной и даже крайне противоречивой: позитивной, социально-полезной, созидательной или негативной, антисоциальной, разрушительной, или сочетать разные варианты указанных социальных ролей.

Охрана социальных ценностей – не единственная цель правоохранительной системы. Для правоохранительной системы характерна и цель предупреждения преступности. Она обусловлена её сущностью, функциональным предназначением[444]. Охрана социальных ценно-

---

[441] Исмагилов Р.Ф. Кадры, интеллектуальная атмосфера, малый и средний бизнес: актуальные проблемы современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 74-81; Исмагилов Р.Ф., Рябова А.С. Экономика предприятия и отрасли промышленности: Учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. Проф. образования «Уфим. Гос. нефтяной техн. ун-т». – Уфа, 2006.

[442] Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33; Сальников С.П. Российские правоведы об идеальном гражданском обществе дореволюционной России // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 28-33.

[443] Маркарян Э.С. Гуманизм XXI столетия: Идеология самосохранения человечества. – Ереван: РАУ, 2008; Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. – Ереван, 1978; Маркарян Э.С. Наука о культуре и императивы эпохи. – М., 2000; Маркарян Э.С. Проблема целостного исследования культуры в антропологии США // Этнология в США и Канаде / Под ред. Е.А. Веселкина, В.А. Тишкова. – М., 1989; Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 80-86; Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 1; Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.

[444] Политический режим и преступность: проблема политической криминологии

стей невозможна без такого важного социального условия (фактора), обеспечивающего их реальность, как предупреждение преступности. Эта цель является прикладной по отношению к цели охраны социальных ценностей. Но она является столь же необходимой, как и основная цель правоохранительной системы[445].

Правоохранительная система и правоохранительный механизм соотносящиеся, однопорядковые, но не тождественные явления и понятия. Они соотносятся между собой как часть (правоохранительный механизм) и целое (правоохранительная система). Часть имеет свою собственную сущность, которая воплощает в себе определённые элементы сущности целого. Но часть, не имея всей совокупности элементов целого, не обладает тем качеством, которое имеет целое. При этом качество целого – это качество более высокого порядка, чем качество части. Структурные элементы правоохранительного механизма одновременно являются и структурными элементами правоохранительной системы.

Единство и противоречивость совершенствования уголовного законодательства и правоохранительного механизма – существенная особенность функционирования и развития уголовной политики. Эта особенность выражает её системный, комплексный характер, закономерную взаимную связь и зависимость всех направлений, форм и способов этой политики, всех составляющих правоохранительной системы. Единство уголовного (других отраслей) законодательства и правоохранительного механизма определяется их принадлежностью к единой системе (уголовной политики), единством их объективно-субъективных сторон, носителей, субъектов правоотношений, социальной сущности, направленности и функционального предназначения. У них имеются существенные общие признаки – социальные ценности, объект, субъекты, правоотношения. Противоречие этих элементов уголовной политики составляет их взаимодействие.

/ Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.

[445] Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.

Изменение одного элемента или его части неизбежно вызывает изменение другого элемента (части). Будучи противоположностями, законодательство и правоохранительный механизм под воздействием единых источников и движущих сил имеют единые характер и направленность изменения, развития. В течение определённого временного отрезка их сущность, характер, содержание существенно не меняются. Они остаются относительно стабильной, сбалансированной системой, взаимодействуют друг с другом как содержание (правоохранительный механизм) и форма (законодательство). При этом законодательство является более консервативным элементом. Правоохранительный механизм подвержен непрерывным количественным изменениям.

Качественные характеристики правоохранительного механизма не копируют параметры правоохранительной системы, но они имеют существенные общие моменты с последними. Изменение правоохранительной системы неизбежно означает и изменение правоохранительного механизма. Но изменение правоохранительного механизма не означает изменение всей правоохранительной системы.

Необходимость совершенствования законодательства и правоохранительного механизма выражает их закономерную зависимость от потребностей практики, от объекта, который находится в непрерывном изменении. Изменение социальных условий, противоречий – бесконечный процесс изменения количественных и качественных параметров преступности, что в свою очередь означает изменение потребностей и интересов личности, общества, государства. В социальной системе, имеющей неоднородную, противоречивую и даже антагонистичную структуру, не может быть единства интересов различных элементов социальной системы – социальных общностей, сил, национальных, государственных образований. Потребности и интересы личности являются ещё более противоречивыми и даже антагонистичными, равно как и средства, способы их достижения.

Источником развития интересов, потребностей является развитие производительных сил. Создавая новые товары, предметы потребления, производители, члены общества меняют свои потребности и интересы. Однако сохраняющиеся прежними в рамках существующей социальной системы принципы распределения не позволяют создать равные возможности удовлетворения изменяющихся потребностей и интересов. Возникающие социальные противоречия в зависимости от меры несовпадения интересов и потребностей неизбежно выливаются в социальные антагонизмы, внешним проявлением которых является преступность. Изменения преступности, её показателей неизбежно вызывают изменения в элементах правоохранительной системы и,

следовательно, в юридической форме её закрепления – в законодательстве.

Особое значение в функционировании и развитии правоохранительного механизма имеет уголовное законодательство. Этому законодательству принадлежит определяющая роль в функционировании и развитии правоохранительной системы, правоохранительного механизма, уголовной политики в целом. Это обусловлено сущностью уголовного законодательства (права), его предметом и методом правового регулирования, социальными функциями[446]. Уголовное право определяет пределы и формы преступного поведения, уголовной ответственности, наказуемости общественно-опасных деяний[447]. В конечном счёте оно определяет структуру преступности, её формальные криминологические параметры[448]. Это право оказывает существенное воздействие на сущность, предмет, метод правового регулирования, социальную роль других отраслей права, законодательства криминологического цикла, особенно уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, а также на судоустройство. Определённое воздействие оно оказывает на изменение административного, гражданского, трудового и других отраслей права.

Совершенствование уголовного законодательства и правоохранительного механизма, равно как и других направлений уголовной политики, предполагает строго определённые изменения как их отдельных сущностных, содержательных элементов, так и их совокупности, взаимосвязи, взаимодействия, вместе взятых как единый процесс и целостная система. На практике совершенствование составляющих

---

[446] Гришаев П.И. Понятие, предмет и задачи советского уголовного права // Советское уголовное право. Часть Общая / Под ред. М.А. Гельфера, П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М., 1972. С. 7-8; Дурманов Н.Д. Учение об уголовном законе // Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. I. – М., 1970. С. 150-155; Здравомыслов Б.В. Понятие, предмет, задачи и принципы уголовного права // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1996. С. 8-12; Кригер Г.А. Понятие, предмет и задачи советского уголовного права // Советское уголовное право. Часть Общая / Под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М., 1981. С. 4-7

[447] Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон // Советское уголовное право. Часть Общая / Под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М., 1981. С. 36-41;Здравомыслов Б.В. Понятие, предмет, задачи и принципы уголовного права // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1996. С. 3

[448] Спиридонов Л.И. Феномен преступности // Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб., 1999. С. 40-41

уголовной политики осуществляется как единый и противоречивый процесс изменения системы этой политики.

Примером единого процесса изменения уголовного законодательства и правоохранительного механизма является правовая реформа в России, начавшаяся в 90-х годах[449]. Её источником и движущей силой стало изменение сущности, исторического типа, формы производственных отношений, экономического базиса, политической надстройки. Социальные перемены вызвали всплеск преступности, кардинальные изменения её состояния, уровня, динамики, структуры. Это вызвало качественные изменения всей правоохранительной системы, правоохранительного механизма, теории и практики правоохранительной деятельности. В конечном счёте это изменило сущность уголовного и смежных с ним отраслей законодательства. А изменение законодательства неизбежно повлекло соответствующие изменения сущности, характера и структуры правоохранительного механизма. В то же время частные, количественные изменения правоохранительного механизма, например, в средствах борьбы с преступлениями, вызвали соответствующие изменения уголовного законодательства. Например, с января 1997 года по февраль 2000 года были внесены изменения в главы 3, 5, 10, 16-20, 22, 24-27, 29, 31- 33 УК РФ, то есть в 17 из 34-х глав. Изменены или дополнены ст.ст. 14, 24, 69, 111, 126, 134, 136, 152, 188, 189, 194, 198, 199, 205, 220-223, 234, 237, 238, 249, 251, 264, 280, 283, 325, 348 УК РФ, введены ст.ст. 145.1, 171.1, 215.1, 327.1. Кардинальными стали изменения в уголовном законодательстве, внесенные Федеральным законом от 08 декабря 2003 года, который внес поправки в 159 статей УК РФ. Этот процесс продолжается и по сей день.

---

[449] Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 67-71; Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.; Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. – М.: Республика, 1992; Ларин А.М. Что будет с судебной реформой? // Государство и право. – 1994. – № 10; Марогулова И.Л. Некоторые вопросы судебной реформы // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. – М., 2001; Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998; Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.

Решающая роль в совершенствовании законодательства и правоохранительного механизма принадлежит субъектам уголовной политики. Их иерархия, социальная роль и функции в формировании и реализации уголовной политики раскрывались. Разумеется, не все субъекты уголовной политики в равной мере являются субъектами совершенствования законодательства и правоохранительного механизма. Таковыми в соответствии с законом являются законодательные, исполнительные и судебные органы государственной власти, прежде всего в лице Федерального Собрания, Президента, Правительства, Конституционного, Верховного судов, органов государственной власти её субъектов в пределах их компетенции.

Совершенствование законодательства, правоохранительного механизма – ключевые содержательные направления функционирования, развития, системы, механизма уголовной политики. Приоритетный характер этих направлений определяется их сущностью, социальными функциями, местом в системе направлений развития уголовной политики. В этом и заключается сущность и социальная роль правового регулирования и правоохранительного механизма уголовной политики.

Рассмотрим основные направления развития современной уголовной политики России и место каждого из направлений в их общей системе.

В работах последних лет рассматривается ряд моделей уголовной политики, касающихся важнейших направлений её функционирования и развития[450]. В основном эти работы носят прогностический, а точнее гипотетический характер. Ю.Е. Пермяков предлагает модели уголовной политики, именуемые им «внесудебный террор», «репрессивная модель» и «гуманистическая модель». Согласно его концепции, модели «внесудебный террор» и «репрессивная модель» характерны преимущественно для советской уголовной политики, хотя основы модели «внесудебного террора» заложены в эпоху Ивана Грозного введением такого феномена внесудебной расправы, как опричнина, и воспроизведённого И.В. Сталиным. Суть этих моделей заключается в отказе от законности, от практики субъективного вменения, в

[450] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М., 2008; Третьяков И.Л. Некоторые вопросы сущности правового механизма уголовной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 125-137; Третьяков И.Л. Преступность как социальное противоречие и антагонизм общества: некоторые проблемы эффективности уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 140-153; Третьяков И.Л. Уголовная политика: правовое регулирование и правоохранительный механизм // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 149-162.

наказании как легальном террористическом акте, в опоре на насилие, верховенстве политики по отношению к праву, в оценке правосудия как политического заказа государственной власти, криминализации деяний на основе политических и идеологических пристрастий, в отрицании возможности рассматривать личность преступника в качестве центральной фигуры в судебном разбирательстве. Гуманистическая модель уголовной политики – это такая модель, в которой целью уголовной политики является духовное и социальное освобождение человека[451]. Духовное освобождение – освобождение человека от «ложных форм сознания». Социальное освобождение – укрепление независимости человека.

М.П. Клейменов классифицирует модели уголовной политики на «войну», «борьбу», «компромисс», «сотрудничество». В его понимании «война» – это максимально жёсткая и непримиримая карательная политика с использованием всех возможных средств в интересах обеспечения контроля над преступностью, в том числе: вынесение заочных приговоров, объявление преступников вне закона, широкое применение смертной казни, сведение к минимуму процедуры назначения наказания, превентивное заключение, привлечение к участию в карательных акциях армейских подразделений и т. п. Эта модель, «характерная черта которой – произвол, апробирована многолетней практикой тоталитаризма как в нашей стране, так и за её пределами». «Борьба» – это воздействие на преступность «законными средствами на определённой правовой основе», использование ограничений (принуждения) с соответствующим социологическим и юридическим обоснованием. «Компромисс» – достижение соглашений с преступниками, не охватывающее коррумпированность органов, осуществляющих уголовную политику. «Сотрудничество» – осуществление уголовно-политических функций представителями криминалитета. Эту модель автор оценивает в качестве «сугубо практической, поэтому признаки её оформления следует искать в реальной действительности».

Не анализируя в деталях указанные направления уголовной политики, следует выделить следующие их общие характерные особенности:

- отрицание естественного, конкретно-исторического характера и понимания социального процесса, преступности, уголовной политики;
- эклектическое смешение реальных фактов, исторических

[451] Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.

событий, правовых явлений и норм разных эпох и периодов истории;
- отсутствие чётких критериев конструирования концептуальных моделей уголовной политики, выверенного понятийно-категориального аппарата, выражающего сущность выдвигаемых моделей уголовной политики;
- противоречивость основополагающих теоретических посылок, оценок и суждений;
- односторонность и тенденциозность в оценке исторического прошлого и национальных традиций уголовной политики России, в том числе традиций полиции[452];
- недостаток научных фактов и аргументов в обоснование своей позиции.

Изложенные позиции, несмотря на, казалось бы, внешние различия в предлагаемых моделях, сходны в их фактически произвольном построении. С одной стороны, эти модели не имеют чёткого (российского) адреса, конкретно-исторического периода развития России; адресованы различным странам. С другой стороны, они удивительно точны в адресате своих посылок в случаях, относящихся к советскому периоду России, сохраняя стабильно критический тон. Ю.Е. Пермяков, анализируя модель внесудебного террора, связывает её только с именами Ивана Грозного и И.В. Сталина. Опричнина Ивана IV, «тройки», «особые совещания» и им подобные несудебные репрессивные органы времён культа личности И.В. Сталина, отрицавшие законность, применялись не только в России, их аналоги известны и в

[452] Алиев Я.Л. Традиции и традиционализм в системе правовых ценностей сотрудника полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2014. – № 12-1. – С. 185-187; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 25-33; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальные проблемы) // Мир политики и социологии. – 2012. № 1. – С. 88-96; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 7-19; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 7-19; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: некоторые особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 7-15; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции, кадры полиции и юридическая наука // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 142-158; Вихров А.А. Алиев Я.Л. Традиции полиции: основные противоречия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 15-22.

других странах, что признаёт и сам автор концепции. Вряд ли опричнина в принципе отличалась в правовых основаниях от инквизиции, маскировавшейся под религиозно-судебной личиной и господствовавшей в западно-европейских странах более двух веков. И можно ли отрывать факты и процедуру таких расправ от конкретных исторических процессов, протекавших в те эпохи? Научно ли не видеть связи сущности, методов и способов уголовной политики того времени с экономикой, политикой и идеологией? Имеют ли отношение к юридической науке употребляемые авторами политические понятия «внесудебный террор», «репрессивная модель», «война», «борьба», «компромисс» и т.п.? Создаётся впечатление, что авторы не желают видеть разницы в понятиях «политика» и «уголовная политика», ибо называют уголовной политикой сугубо политические формы борьбы. М.П. Клейменов говорит о политических силах, реализующих уголовную политику, не поясняя, что вне принадлежности к государству и к правовому регулированию уголовная политика как категория уголовного права не имеет смысла. Ю.Е.Пермяков не указывает, что конкретные модели уголовной политики обусловлены экономикой, политикой и идеологией государства, и что таковые будут сохраняться до тех пор, пока не будет изменён исторический тип государства, осуществляющего уголовную политику.

Направления уголовной политики многообразны, носят разноуровневый, иерархичный, системный характер в силу комплексности, сложности и структурности преступности и причин, её порождающих. Они обусловлены конкретно-историческими экономическими, социально-политическими, духовными процессами данного общества, его противоречиями. Система направлений этой политики, как показывают практика и опыт борьбы с преступностью разных стран, охватывает минимум следующие блоки направлений уголовной политики, составленные по критерию нисхождения от общего к частному.

Первый блок – направления, представляющие собой наиболее общие требования, принципы уголовной политики. Важнейшие принципы сформулированы и закреплены в УК РФ: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм, обоснованность уголовной ответственности. Указанные принципы обладают внутренним единством, логикой, самодостаточностью. Они являются уголовно-правовой основой принципов, непосредственно характеризующих направления, формы и способы борьбы с преступностью[453].

[453] Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132.

В научной литературе имеются разные точки зрения на принципы уголовной политики. Различия в позициях сводятся к системе, классификации, объёму, сущности, содержанию этих принципов.

Многие авторы в качестве таковых указывают законность, гуманизм, научность, демократизм, предупреждение преступлений. Некоторые авторы классифицируют принципы на общие и специальные, относя к первым связь с практикой, нравственность, единство социальных и правовых, социально-экономических и культурно-воспитательных мер, предупредительно-воспитательный характер правовой основы, планирование борьбы с преступностью, координацию взаимодействия государственных органов и общественности, сочетание мер предупреждения, сдерживания и пресечения преступности, взаимосвязь планирования, организации и координации, сочетание мер убеждения и принуждения[454], к последним – неотвратимость, дифференциацию уголовной ответственности, субъективное вменение, индивидуализацию наказания. А.А. Герцензон в числе принципов уголовной политики указывал неизбежность отмирания преступности, первостепенность её предупреждения, необходимость применения строгих мер наказания к лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления, применение мер общественного воздействия к лицам, совершившим менее опасные преступления и иные правонарушения.

Не вдаваясь в детали анализа указанных точек зрения, отметим следующие их наиболее характерные моменты:

- наличие в них элементов, отражающих общие закономерности или существенные связи функционирования и развития уголовной политики с учётом конкретно-исторического периода развития общества;
- отсутствие единых критериев выделения и классификации принципов.

Закрепление принципов уголовной политики в УК РФ в значительной мере устраняет существующее многообразие точек зрения на них. Но оно не означает окончательность и завершённость процесса их дальнейшего научного анализа и разработки. В уголовном законе изложены принципы, являющиеся преимущественно принципами уголовной ответственности. Они отражают уголовно-правовую базу уголовной политики, но не все аспекты, направления, формы и способы борьбы с преступностью. Поэтому необходимы их научный анализ и

[454] Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.

разработка. Поскольку принципы уголовной политики не составляют основной предмет данного исследования, ограничимся замечаниями об их критериях и системе.

Принципы уголовной политики отражают сложность, системность, иерархичность и структурность её составляющих элементов, направлений, форм, способов. В своей совокупности они характеризуют как уголовную политику в целом, так и каждый её отдельный элемент. Следовательно, принципы уголовной политики, критерии их построения как единой и цельной системы являются одновременно принципами и критериями построения её отдельных направлений, форм и способов.

Можно выделить следующие основные критерии выявления и классификации принципов уголовной политики:

- характер и сущность её составляющего элемента, направления, формы или способа;
- уровень, степень (мера) обобщения и отражения сущности, сферы и правовой формы общественных отношений, характеризующих эту политику.

На основе указанных критериев можно указать на систему следующих групп принципов уголовной политики.

Первая группа – принципы, выражающие стратегию, тактику и функционально-целевую установку уголовной политики:

- необходимость и разработка научно-обоснованной перспективной стратегии, функционально-целевой установки уголовной политики;
- определение её стратегических и тактических целей, единых принципов формирования, функционирования и развития;
- единство и взаимосвязь охраны интересов личности, общества и государства, предупреждения и устранение преступности и стратегии, тактики и целевой установки.

Вторая группа – принципы, выражающие зависимость (связь) уголовной политики от экономических, социально-политических и духовных факторов и противоречий общественного развития:

- определение социальных приоритетов уголовной политики;
- единство и недопустимость разрыва экономики, политики, права, науки, идеологии, уголовного права (законодательства);
- приоритет и оптимизация общесоциальных мер воздействия на преступность над карательными при строгом учёте конкретной криминогенной ситуации;
- необходимость и разработка взвешенной, активной, реальной государственной, законодательно оформленной программы

борьбы с преступностью;
- необходимость и разработка государственной правовой методологии и идеологии, в том числе правовой идеологии, недопустимость смешения идеологии и пропаганды;
- уважительное отношение к отечественной истории независимо от общественно-государственного строя, формы правления, политического режима и переживаемого этапа развития;
- опора на национальные традиции уголовной политики и использование международного опыта борьбы с преступностью, исключающее простое (механическое) заимствование законодательства и судебной практики других стран;
- системная научно-исследовательская работа по выявлению и прогнозированию устранения действительных причин преступности; свобода научного творчества, недопущение односторонности и идеологических штампов в оценке его результатов;
- всестороннее ресурсное обеспечение правоохранительной системы (в том числе политическое, административно-организационное, кадровое, материально-техническое, технологическое, юридическое, информационное, идеологическое и т.п.).

Третья группа – принципы, выражающие юридическую (уголовно-правовую) базу и правоохранительный механизм уголовной политики:
- принципы, закреплённые в ст.ст. 3-8 УК РФ: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм, обоснованность уголовной ответственности;
- сбалансированность и оптимальность уголовного и других отраслей законодательства, обеспечивающих функции предупреждения и устранения преступности;
- единство, согласованность и непрерывность совершенствования юридической базы и правоохранительного механизма уголовной политики;
- единство и системность, комплексность направлений, форм и способов в борьбе с преступностью;
- гибкость и способность к смене разных направлений, форм и способов борьбы с преступностью;
- единство, непрерывность взаимодействия, активность, наступательность и профессионализм в деятельности субъектов уголовной политики по предупреждению и устранению преступности;
- централизм, единоначалие и строгая дисциплина в организации и управлении правоохранительными органами и другими

силовыми структурами, осуществляющими предупреждение и устранение преступности;
- возвышение уровня, масштабов и форм участия граждан и общественных организаций в предупреждении преступности, устранении её причин и условий.

Анализ и характеристика каждого из принципов требует самостоятельного исследования и в силу ограниченности объёма работы не осуществляются. Заметим лишь, что каждая последующая группа принципов вытекает из их предыдущей группы и является её развитием и конкретизацией. Представляя собой единую систему, разные группы принципов обладают относительной самостоятельностью и реализуют свою функциональную роль. Их концептуальная основа направлена на достижение реальной эффективности уголовной политики, создание гарантий охраны интересов личности, общества, государства, предупреждение и устранение преступности.

Блок № 2. Совершенствование уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, обеспечивающего борьбу с преступностью. Анализ практики борьбы с преступностью позволяет выделить следующие наиболее актуальные направления совершенствования уголовного законодательства.

1. Устранение противоречий в действующем УК РФ. В данной статье нет возможности раскрыть имеющиеся в нём противоречия. На главное из них – противоречие между декларацией закона об охране прав и свобод личности и реальностью их гарантирования. Несомненно, социально возвышенная норма ст. 2 УК РФ о его задачах находится в вопиющем противоречии с действительностью. В настоящее время государство не способно в необходимой мере защитить ни одну из социальных (личностных) ценностей, в том числе жизнь человека. Насильственные преступления, включая убийства при особо отягчающих обстоятельствах, занимают существенную и не уменьшающуюся долю в структуре преступности. В самом УК РФ имеется немало явных несоответствий как в Общей так и в Особенной частях, противоречащих социальному предназначению уголовного закона.

2. Реконструкция ряда уголовно-правовых институтов и норм. Важнейшей проблемой уголовного законодательства была и остаётся проблема принципов и оснований уголовной ответственности, криминализации и декриминализации деяний, системы и видов наказания, заменяющих их мер государственного принуждения. В серьёзных научных исследованиях российских учёных содержатся немало указаний на узкие места УК РФ.

Предлагаются важные изменения в нём. В частности, необходимо

разработать механизм криминологического обоснования уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, провести тщательную криминологическую экспертизу всей совокупности уголовно-правовых норм и внести по её результатам изменения и дополнения в УК РФ. Примером явного противоречия в УК РФ могут быть нормы ст. 1, п. 1, ст. 3, п. 1, устанавливающие преступность и наказуемость деяний только по кодексу, и ст. 331, п. 3, фактически предусматривающие чрезвычайное законодательство за преступления, совершённые в военное время или в боевой обстановке. Столь же противоречивыми в свете конституционных положений о человеке как высшей социальной ценности являются и статьи кодекса о чрезмерно суровых наказаниях (пожизненное лишение свободы, лишение свободы на срок до 30 лет по совокупности приговоров).

3. Систематизация уголовного законодательства на основе чётких единых критериев, изучения современной криминологической обстановки и коренных тенденций её изменения в будущем. Для этого важно:

- реконструировать ряд уголовно-правовых институтов и норм Общей части УК РФ (действие уголовного закона в пространстве, вина, неоконченное преступление, множественность, соучастие, необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, обоснованный риск, условное осуждение) и уточнить правовую природу отдельных видов наказания (смертная казнь, пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определённый срок, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, штраф, конфискация имущества и др.);
- привести приоритеты системы Особенной части УК РФ в соответствие с потребностями современного российского общества по охране важнейших общественных отношений, обеспечивающих целостность и безопасность государства, определяющих меру защиты интересов личности;
- пересмотреть родовой и видовой объекты, а также место ряда составов преступлений в системе Особенной части УК РФ;
- согласовать положения конституционного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, семейного и других отраслей права, нормативных актов высших органов государственной власти РФ, субъектов РФ, министерств и ведомств по вопросам, связанным с предупреждением и устранением преступности.

По каждому из названных направлений можно проводить и реально осуществляются специальные исследования. Ограничимся некоторыми

примерами, иллюстрирующими актуальность указанных направлений.

В юридической литературе сильна критика ряда важнейших институтов Общей части, относящихся к учению об уголовном законе, к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, к учению о наказании, его видам, назначению, к другим институтам этого учения.

Серьёзные сомнения вызывает положение ч. 1 ст. 12 УК РФ, ограничивающее российскую юрисдикцию в отношении граждан РФ и лиц без гражданства, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации, условиями: а) совершенные указанными лицами деяния должны быть признаны преступлением в государстве, на территории которого они были совершены; б) эти лица не должны быть осуждены в иностранном государстве. Совершенные такими лицами действия, которые по УК РФ признаются государственной изменой и не признаются преступными по законодательству других стран, в чью пользу были совершены изменческие действия, причиняют порой невосполнимый вред России, но в силу названных ограничений не образуют состава преступления.

Подобная ситуация возможна и в отношении других преступлений против государственной власти и интересов государственной службы, установленного порядка экономической деятельности. Было бы целесообразно возвратить редакцию частей 2 и 3 ст. 12 УК РФ, за исключением условия неосуждения за данное деяние иностранным судом, в редакцию ст. 5 УК РСФСР.

Обоснованными представляются предложения С.Ф. Милюкова об изменении редакций ст. ст. 16-18, 24-27, 29, 30, 33, 36-38, 41, 46, 47, 52, 56, 57, 59, 73 УК РФ.

Глубокого научного обоснования и нового подхода требуют положения УК РФ в отношении субъектов уголовной ответственности, особенно несовершеннолетних Предложения о снижении возраста уголовной ответственности до 12 – 13 лет фактически упрощают проблему, видя корни преступлений несовершеннолетних в их личностной психологии, а не в социальных условиях их формирования и жизнедеятельности. Проблема преступлений несовершеннолетних есть скорее проблема социальная, чем уголовно-правовая, и её решение возможно именно на пути участия государства в специальной заботе о лицах, совершивших преступления в возрасте 12-13 лет, о чём необходимо предусмотреть норму в специальной статье УК РФ.

Аналогичной является проблема лишения свободы на определённый срок, смертной казни. В условиях скачкообразного роста количественных и качественных показателей насильственных преступлений у государства не остается других средств борьбы с ними, кроме

как применения суровых, в том числе указанных наказаний. Для этого следует изменить редакцию ст. ст. 15 и 57 УК РФ путем ввода понятия «исключительно тяжкие преступления», предусмотрев за их совершение возможность назначения наказания в виде смертной казни.

Однако вряд ли есть смысл изменять правовой статус пожизненного лишения свободы, сделав его основным, а не альтернативным наказанием, устанавливать максимальный срок лишения свободы свыше двадцати лет. Борьба с преступностью путём усиления уголовной или иной репрессии не имеет перспективы. Практика назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров по принципу сложения наказаний, распространённая в США и некоторых других странах, свидетельствует о том, что суровость кары, наказания практически не влияет на рецидив преступлений в них и ничего не даёт обществу, кроме увеличения расходов государства на содержание преступников[455].

Проблема социальных приоритетов – важнейшая проблема уголовного законодательства. В целом не вызывает сомнения стратегическая

[455] Быков А.В. Американский опыт установления контроля над преступностью // Российский следователь. – 2013. – № 13. – С. 45-47; Быков А.В. Децентрализованная (фрагментарная) модель полицейской системы государства. На примере Соединенных Штатов Америки // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 110-112; Быков А.В. Организационные основы деятельности полицейской системы США // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 5. – С. 21-24; Быков А.В. Основы организации деятельности современной системы обеспечения внутренней безопасности США // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 38-40; Быков А.В. Особенности пенитенциарных систем США, ФРГ, Франции, Великобритании // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самар. юр. ин-т. ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 30-34; Быков А.В. Правовые основы деятельности полицейской системы США // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 136-138; Кондрат И.Н. Безопасность участников уголовного судопроизводства: понятие и некоторый зарубежный опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 158-168; Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 224 с. – (Серия: «Полицеистика: прошлое, настоящее и будущее»); Сальников В.П., Денисов Е.А., Морозова Л.А. Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел России. Межвузовская конференция // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 18-40; Спасенников Б.А. Использование зарубежного опыта в оптимизации деятельности уголовно-исполнительной системы России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 153-158; Щендригин Е.Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 85-90.

позиция УК РФ[456] на абсолютный приоритет охраны прав и свобод личности. Однако вряд ли этот приоритет будет обеспечен, если преступления против личности будут поставлены в I главе Особенной части УК. Ранее уже говорилось о том, что вне реализации интересов общества и государства интересы личности реализованы быть не могут. Гарантии интересов личности создаются и зависят не только и не столько от усилий и труда самой личности, сколько от совокупных усилий и труда личности, общества и государства. Только государство и общество обладают достаточным механизмом, способным защитить и гарантировать интересы личности[457].

Кроме того, в современных условиях злободневным является вопрос сохранения целостности, безопасности, мощи государства, его суверенитета[458]. В условиях обострения и усиления центробежных тенденций, политического, национального и религиозного экстремизма, разжигаемого внешними силами, опасность территориального раздробления российского государства не перестает оставаться актуальной. Напряженность на Северном Кавказе, крупнейшие техногенные и военно-оборонные катастрофы, значительный рост террористической опасности в мире, террористический акт против российского пассажирского самолета, террористические акты в Бейруте, Париже, Мали и т.д. выдвигают на передний план вопросы безопасности государства [459]. ставят на повестку дня безопасность государства.

---

[456] Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

[457] Захаренков В.В., Сальников В.П., Колокольцев В.А., Тищенко А.Г., Биктасов О.В., Щербаковский Г.З. Государственная деятельность как политико-правовая форма обеспечения единства и разделения государственной власти // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4.

[458] Атаманчук Г.В. Суверенитет: чей и для кого? // Союз. – 1991. – № 8(60); Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25; Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Понамарев А.Г. Суверенитет в науке конституционного права. – М.: Манускрипт, 1998; Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внешних качеств суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 174-181; Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69; Мирзоев А.К. Юридические средства обеспечения государственного суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 27-41; Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.

[459] Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т

В этой связи было бы целесообразным сохранить подход УК РСФСР 1960 года, в соответствии с которым преступления против государства были поставлены в первую главу (первый раздел) его Особенной части.

Новый Уголовный кодекс к преступлениям против общественной безопасности относит терроризм[460], захват заложник[461], заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, организацию преступного сообщества[462], угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовые беспорядки. Контрабанду он считает преступлением в сфере экономики[463]. В УК РСФСР многие из названных преступлений относились к иным преступлениям против государства, что представляется обоснованным.

Указанные общественно опасные деяния посягают не столько на безопасность общества, сколько на безопасность именно государства. В силу их особой опасности по критерию подрыва основ государственной безопасности перечисленные составы следовало бы отнести в раздел 10, глава 29, поместив составы терроризма, заведомо ложного сообщения об акте терроризма, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, организации преступного сообщества (преступной организации), угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовых беспорядков после ст. 279, а состав контрабанды – после ст. 281 УК РФ. Туда же по критерию посягательства на финансовую систему государства, после состава контрабанды, отнести состав

МВД России, 2000; Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50; Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.

460 Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 135-139.

461 Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2011. – 372 с.

462 Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.; Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.

463 Исмагилов Р.Ф. Экономическая организованная преступность (теоретико-криминологический аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук.. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1997. – 22 с.

изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В разделе преступления против личности, глава преступления против жизни и здоровья, в ст. 105, п. 2 целесообразно предусмотреть новый квалифицирующий состав – массовая гибель людей. Его редакция могла бы быть следующей: «То же деяние, повлекшее массовую гибель людей, наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо смертной казнью» (примечание: массовой считается гибель пяти или более человек).

Столь же актуальной остаётся проблема диспозиций и санкций практически всех разделов Особенной части УК РФ. Автор не считает возможным анализировать её в деталях и полагает допустимым присоединиться к оценкам и предложениям других исследователей.

Особую сложность составляет согласование уголовного и других отраслей законодательства, нормативных актов различного уровня, сопричастных к правовому регулированию острейших социальных противоречий, проявляющихся в разных сферах жизнедеятельности и правоотношений. Не вдаваясь в конкретизацию и детальный анализ этой сложнейшей юридической проблемы, являющейся предметом специального научного исследования, есть смысл обратиться к опыту других стран. Например, в США для реализации серьёзной реформы ряда отраслей законодательства или одной отрасли установлена и действует практика создания и функционирования постоянно или временно действующих межотраслевых и межведомственных комиссий на государственном уровне, призванных решать эту проблему. В обязанности таких комиссий входит изучение законодательства и опыта национального и других стран, его обобщение, разработка соответствующих законопроектов и их представление в соответствующие инстанции заинтересованных ведомств и комиссии конгресса.

Чтобы сформулировать более или менее конкретные направления совершенствования правоохранительного механизма, важно хотя бы кратко проанализировать состояние и функционирование этого механизма в современных условиях [464].

В Постановлении Правительства РФ от 17 мая 1996 года № 600 «О Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью

[464] Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18; Хлусов Т.М. Правоохранительная деятельность: функции государства, государственных органов и негосударственных структур // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 170-180.

на 1996-1997 годы» отмечалось существование криминогенного потенциала, накопленного за предыдущие годы «перестройки», фактическое отсутствие борьбы с такими новыми формами преступного поведения как коррупция, организованная преступность, отмывание преступно нажитых капиталов и других, рост тяжких и особо тяжких преступлений, составляющих более 60% в структуре преступности. Причинами этих явлений указывалось снижение престижа правоохранительных органов, ухудшение их материально-технического оснащения и ослабление кадрового ядра. В этом постановлении определялись следующие программные направления уголовной политики России:

- защита жизни, здоровья и достоинства граждан;
- повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений;
- совершенствование профилактики правонарушений;
- защита конституционного строя, целостности и безопасности государства, борьба с терроризмом, незаконными вооружёнными формированиями;
- противодействие организованной преступности и коррупции;
- защита экономической безопасности государства;
- предупреждение преступлений со стороны военнослужащих;
- совершенствование уголовно-исполнительной системы;
- обеспечение правопорядка, общественной безопасности;
- развитие и укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью;
- кадровое обеспечение правоохранительной системы;
- государственная поддержка финансового и материально-технического обеспечения этой системы.

В указанном постановлении излагались функционально-целевые установки уголовной политики, однако самой программы реализации этих установок фактически не содержалось. Кроме фиксирования кризисного состояния и недостатков правоохранительной системы, конкретные направления и меры реализации указанных целевых установок не определялись.

Более конкретной в свое время выглядела Программа борьбы с преступностью в Санкт-Петербурге на 1993-1994 годы. В программе была проанализирована криминогенная ситуация в регионе, которая оценивается с учетом политической обстановки, сложных социально-политических процессов. В ней предлагались конкретные направления и меры предупреждения и усиления борьбы с преступностью. Оперативно-розыскное бюро было реорганизовано в региональное

управление по борьбе с организованной преступностью. В его составе созданы роты быстрого реагирования для захвата вооруженных преступников и освобождения заложников. В службе криминальной милиции ГУВД создан отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, разработаны меры взаимодействия различных служб и подразделений ГУВД, Министерства безопасности РФ, Северо-Западным таможенным управлением, Северо-Западным УВДТ, прокуратурой, налажены контакты со скандинавскими государствами по вопросам борьбы с наркобизнесом. В регионе проведены широкомасштабные операции по изобличению торговцев наркотиками и др. Увеличена штатная численность ведущих управлений и служб ГУВД за счет бюджета города. Укреплены дежурные части горрайорганов внутренних дел группами оперативного выезда на заявления и сообщения граждан о преступлениях и происшествиях, организовано постоянное патрулирование по территории города. Основные направления предупреждения преступности в регионе охватывают конкретные меры профилактики насильственных, корыстных преступлений, преступлений несовершеннолетних, организованной экономической преступности, антинаркотической профилактики. Важнейшими мероприятиями совершенствования правоохранительного механизма определены общие административно-управленческие меры специальной профилактики. Разработаны и внедрены новые формы участия общественности в охране общественного порядка. Увеличено количество и расширены функции опорных пунктов охраны правопорядка с превращением их в центры профилактики правонарушений и преступлений. Разработана программа привлечения средств массовой информации к их профилактике. Организована серия общегородских мероприятий профилактической направленности. Созданы общественные организации по содействию работе правоохранительных органов, в том числе внебюджетный фонд поддержки правоохранительных органов, общественно-муниципальная Антикриминальная ассоциация. Создана нормативно-правовая база социальной профилактики, в том числе по вопросам технического укрепления объектов, содержащих товарно-материальные ценности, строительства торговых палаток, курения в общественных местах, торговли с рук, регистрации негосударственных коммерческих структур и т. п.

В последующем на федеральном и региональном уровнях были разработаны некоторые программы по борьбе с преступностью в целом и с отдельными видами весьма опасных и трудноискоренимых преступлений – с коррупцией, наркоманией, преступностью несовершеннолетних и др.

К сожалению, все эти меры ощутимых результатов не дали. В крайние годы положение дел с преступностью в России выглядит не самым благоприятным образом. Например, как отмечалось выше, в 2012 году организованными группами или преступными сообществами было совершено 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений. Рост составил 2,4%, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,2% в январе-декабре 2011 года до 5,7%.

Начало десятых годов характеризовалось тем, что почти половина всех зарегистрированных преступлений (2012 г. – 48,7%, 2013 г. – 46,7%, 2014 г. – 45,3%, 2015 г – 45,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи, грабежа, разбоя. Высок удельный вес преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами.

С учётом федерального и локального опыта борьбы с преступностью на основе анализа научных разработок можно выделить следующие основные направления совершенствования правоохранительного механизма:

- организационно-административные меры – создание и укрепление федеральных и региональных правоохранительных органов, органов и служб общественной безопасности, общественных органов и организаций охраны правопорядка и предупреждения преступности;
- расширение и активизация социализаторской, воспитательно-профилактической деятельности среди различных слоёв и групп населения с акцентом на профилактику правонарушений несовершеннолетних, в том числе организация лагерей труда и отдыха для подростков, летних детских оздоровительных лагерей (ДОЛов), стимулирование музеев по работе с детьми и подростками, создание передвижных культурно-просветительных центров на линейных станциях железных дорог;
- активизация патриотического воспитания населения, в том числе и на опыте Великой Отечественной войны[465], историче-

[465] Ашик М.В. 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941-1945 г.г. – СПб., 2015. – 411 с.; Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.; Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.; Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9;

ского прошлого нашей Родины[466], в том числе и национальных политико-правовых традиций[467];

Интересную в этом плане инициативу предприняло Представительство – Общественная приемная в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации Комитета Государственной Думы по обороне накануне празднования Дня Защитника Отечества. Был подготовлен специальный номер Вестника представительства, посвященный патриотическому воспитанию[468]. В нем поместили информацию председателя комитета адмирала В.П. Комоедова «В Госдуме обсудили патриотическое воспитание молодежи», доклад руководителя Представительства, кандидата юридических наук К.П. Лысова «Основные задачи военно-патриотического воспитания на современном этапе», «Мнение эксперта о военно-патриотическом воспитании населения» Л.П. Савина, интересные статьи генерального директора завода «Буревестник» А.Я. Назаренко «Роль руководителя предприятия в патриотическом воспитании», руководителя Общественной приемной А.В. Писарева «Взаимодействие с учебными заведениями по военно-патриотическому воспитанию» и Галины Лысовой «Почему петербургская молодежь не знает историю своего города». Кроме того, совершенно уместно в Вестнике были представлены интересные материалы, связанные с Крымской войной и адмиралом П.С.Нахимовым: «Крымская война. Победа при Синопе»; «Павел Степанович Нахимов: биография»; «Памятник П.С. Нахимову в Петербурге»; «186 лет со дня Наваринского морского сражения»; «Монументы в память адмиралу Нахимову»; «Орден Нахимова. История появления награды»; «Нахимовское военно-морское училище». Вестник хорошо иллюстрирован цветными фотографиями. Он вызвал большой интерес и у молодежи, и у взрослого населения, и безусловно способствовал патриотическому воспитанию российских граждан.

Солдатами Победы гордится университет. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 40 с.; Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М.: Буки-Веди, 2015. – 240 с.

[466] Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7; Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.

[467] Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.

[468] Вестник Комитета Государственной Думы по обороне. Представительство – Общественная приемная в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации. – 2013. – № 2. – Декабрь. – 8 с.

Здесь важно подчеркнуть, что представительство не ограничилось выпуском одного номера Вестника. Вскоре (февраль 2014 г.) вышел очередной номер, в котором существенное место также отводилось вопросам патриотического воспитания[469]. Председатель комитета В.П. Комоедов поместил обращение: «23 февраля – День защитника Отечества». В издании нашел место обширный материал под рубрикой: «23 февраля – День защитника Отечества. Как появился праздник?». В данной публикации представлены позиции нескольких исследователей, документальные и архивные материалы. Вызывает интерес предлагаемая информация руководителя представительства К.П. Лысова, эксперта Комитета по обороне доктора юридических наук, профессора, академика генерал-лейтенанта В.П. Сальникова, командующего Западным округом Министерства обороны России генерал-полковника А.А. Сидорова, помощника председателя Комитета по обороне вице-адмирала Г.А. Радзевского и др. Интерес вызвали итоги основных направлений работы Комитета Госдумы по обороне в 2013 году.

Что касается патриотического воспитания, отмечалась организация и проведение более 40 экскурсий в здании Государственной Думы для слушателей и курсантов военно-учебных заведений и студентов юридических факультетов вузов Москвы. Обращено внимание также на фотовыставку, посвященную современным армии и флоту, образцам перспективных моделей вооружения, боевой и специальной техники и экипировки. Кроме, то, в коридорах 7 и 10 этажей старого здания Думы размещена постоянная фотовыставка агентства «Военинформ» о Вооруженных Силах Российской Федерации, экспозиция, которая регулярно обновляется. Специально подчеркивалось, что Комитетом ведутся законопроектные работы, связанные с патриотическим воспитанием населения страны;

- строительство и укрепление материальной базы правоохранительной деятельности, в том числе открытие специальных медико-педагогических школ для детей с недостатками психического развития, районных муниципальных центров досуга молодежи, молодёжных центров информационно-правовой и психолого-педагогической помощи;
- трудоустройство незанятых слоёв и групп населения, особенно несовершеннолетних или, например, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, уволенных в запас в результате проводимых в России реформ, в том числе путем стимулирования льгот государственным предприятиям и коммерческим

[469] Там же.

структурам, выделяющим квоты рабочих мест для подростков по направлениям комиссий по делам несовершеннолетних, а для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов – соответствующих органов военного управления и охраны правопорядка. В том числе используя для этого уже имеющийся опыт. Так, Представительство – Общественная приемная в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации Комитета Государственной Думы по обороне совместно с Общественной палатой Российской Федерации разработали программу «Трудоустройство военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, уволенных с военной и правоохранительной службы в результате реформ» и успешно реализуют данную программу. Она дает свой положительный результат[470].

- создание специальных городских служб социальной скорой помощи «Ребёнок в опасности», приютов кратковременного пребывания в них несовершеннолетних;
- увеличение штатной численности инспекторов ГУВД, особенно участковых и по делам несовершеннолетних;
- оказание медико-психологической помощи путем создания подростковых наркологических служб, специальных общественных органов по проблемам борьбы с наркоманией, незаконным оборотом и контрабандой наркотиков; упорядочения реализации лекарственных и наркотических средств[471].

В медико-психологической помощи нуждаются не только подростки, но и взрослое население страны. И в этом вопросе есть также положительная инициатива Представительства – Общественной приемной в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации Комитета Государственной Думы по обороне. В 2014 году Представительством была проведена большая работа по разработке и внедрению «Программы совершенствования охраны здоровья и реабилитации работников, сотрудников и ветеранов оборонно-промышленного комплекса СЗФО РФ». Этой программе был посвящен специальный выпуск Вестника Комитета Государственной Думы по

---

[470] Там же.

[471] Захарцев С.И. Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // Наркоконтроль. – 2014. – № 4. – С. 34-37; Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195; Федоров А.В. Дискуссионные вопросы уголовно-правового обеспечения безопасности оборота продуктов питания и фармацевтической продукции // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 83-88.

обороне[472].

В Вестнике помещено Решение Председателя Комитета Государственной Думы по обороне адмирала В.П. Комоедова по данной проблеме, статья К.П. Лысова «Выздоравливающей обороне – здоровые рабочие руки», доклад проекта «Программа совершенствования охраны здоровья и реабилитации работников, сотрудников и ветеранов оборонно-промышленного комплекса СЗФО РФ», который предложила руководитель рабочей группы этой программы, генеральный директор компании «КЕЛЕАНЗ Медикал» Елена Андреевна Кириленко, выступления участников и экспертов Программы Г.А. Радзиевского, С.В. Васильева, В.П. Сальникова, С.А. Вострецова.

На сегодняшний день можно отметить, что Программа полностью реализована на базе завода «Буревестник» (г. Гатчина Ленинградской области), реализуется на предприятиях ВПК, расположенных в Ленинградской области, и дает значительные результаты в плане улучшения оперативной обстановки в соответствующем регионе. Совместная деятельность законодателей, военной администрации, общественных формирований и инициативных граждан дает свои положительные результаты;

- ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в том числе путем создания центров социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью оказания им помощи в трудоустройстве получения жилья, регистрации, обучения новым специальностям; устройство специальных приемников распределителей для лиц без определенного места жительства; установление муниципальных квот рабочих мест, организация подготовки и приобретения новых специальностей безработными; регистрация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, регистрация их в центрах занятости, создание специализированных предприятий для указанной категории лиц. Хотелось бы и здесь подчеркнуть необходимость использования исторического отечественного опыта и опыта зарубежных стран по данным вопросам[473];

---

[472] Вестник Комитета Государственной Думы по обороне. Представительство – Общественная приемная в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации. – 2014. – № 4(2). – Май. – 8 с.

[473] Брылева Е.А. Особенности исправительных учреждений России и Западной Европы в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 154-157; Брылева Е.А. Совершенствование пенитенциарной системы России как продолжение реформ 60-70-х годов XIX века // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 62-66; Быков А.В. Пенитенциарные системы США, ФРГ, Франции,

- координация усилий и взаимодействие государственных, общественных, предпринимательских структур и средств массовой информации в их деятельности по предупреждению и устранению причин и условий преступности[474];
- финансовое и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов;
- проведение организационных мер стабилизации криминогенной обстановки, в том числе путем: создания научно-исследовательских центров борьбы с преступностью, организации муниципальной системы защиты населения и собственности от преступных посягательств, межрегиональных постоянно действующих координационных совещаний органов исполнительной власти; создание и более точное распределение функций подразделений полиции на местах, региональных подразделений ОВД, межрайонных, межгородских и межобластных структур ОВД [475];
- кадровое обеспечение правоохранительного механизма, в том числе путем: разработки и реализации научно обоснованной перспективной кадровой политики; расширения подготовки сотрудников ОВД в системе высших и средних учебных заведений, учебных центров и подразделений федеральных

Великобритании: особенности организации и деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 165-174; Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В., Ященко П.В., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. – М.: Юриспруденция, 2009. – 303 с.; Сальников М.В., Сальников С.П., Реуф В.М. Эволюция законодательства о преступлениях против государства в России до начала XX века: теория и практика // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 145-152; Фумм А.М. Из истории развития трудоиспользования заключённых в российском государстве XVI–XVIII вв. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 122-126.

474 Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.

475 Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.

и региональных структур МВД и других силовых ведомств РФ; обеспечения профессионализма, высоких морально-политических и деловых качеств кадров правоохранительных органов и силовых ведомств [476];

- организация и реализация системы социализации, информации и морально-психологического воздействия на население, в том числе путем: организации широкой правовой пропаганды на федеральном и региональном уровнях; использования средств массовой информации; групповой и индивидуальной профилактической работы[477];
- проведение системной научно-исследовательской работы по всем направлениям борьбы с преступностью и функционирования правоохранительного механизма.

Выводы:

1. Совершенствование уголовного законодательства и правоохранительного механизма осуществляется как единый системный процесс их количественных и качественных изменений, обусловливающий возвышение уровня или меры их эффективности. Изменения объёма, структуры, характера, формы и функций правоотношений, юридических норм, государственно-правовых институтов, средств, методов и гарантий, образующих правоохранительный механизм, являются основой направлений функционирования и развития уголовной политики и достижения её целей.

2. Направления уголовной политики представляют собой сложную,

---

[476] Безрядин В.И., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Сальников М.В. Профессиональный отбор кадров в органы прокуратуры (исторический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 33-36; Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников П.П. Юридическое образование России от Ивана Калиты до наших дней. Можно ли его модернизировать? // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 203-213; Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Российское образование – переворот с падением // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 59-75; Сальников В. Своих мы помним // Российская Федерация сегодня. – 2003. – № 24. – Декабрь. – С 42-43; Сальников В.П. Образование и кадровая политика в органах внутренних дел: инновационные процессы и проблемы реформирования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 1. – С. 14-16; Сальников В.П. Учат так, как жизнь учила // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 11. – Июнь. – С. 78-81; Сальников В.П., Масленников Д.В. Истоки, реальность и перспективы университетского образования // Юридические образование и наука. – 1999. – № 2. – С. 12-17.

[477] Исмагилов Р.Ф, Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.

комплексную и иерархическую систему элементов, включающую направления-принципы, направления развития уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, а также направления совершенствования правоохранительного механизма.

3. Гипотетические модели уголовной политики, предлагаемые некоторыми авторами, не могут служить доктринальной основой современной уголовной политики России из-за их абстрактности, внутренней противоречивости, отсутствия в них единых критериев, методологии и научного аппарата их построения.

4. Основополагающими направлениями развития уголовного законодательства являются: устранение противоречий в криминализации и декриминализации деяний, реконструирование ряда институтов и норм Общей и Особенной частей УК РФ, пересмотр системы и видов наказания.

5. Важнейшими направлениями изменения правоохранительного механизма являются: организационно-административные меры; расширение и активизация социализаторской, воспитательно-профилактической деятельности среди различных слоёв и групп населения с акцентом на профилактику правонарушений несовершеннолетних; строительство и укрепление материальной базы правоохранительной деятельности, повышение её эффективности и профессионализма; финансовое и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов; проведение организационных мер стабилизации криминогенной обстановки; разработка и реализации научно обоснованной и перспективной системы кадровой политики.

РАЗДЕЛ III.

ОБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Единство материального и духовного в уголовной политике

В понимании диалектического материализма объективный фактор развития общественного процесса – это те обстоятельства и отношения, при которых люди творят историю и которые не зависят от их сознания[478]. К таковым обстоятельствам и отношениям относятся: экономические отношения и условия конкретно исторической практики[479]; совокупность природных условий, а именно элементов окружающей природы, вовлечённых в сферу деятельности человека[480]. К ним относятся также социально-политические, идеологические отношения, социальная практика, то есть деятельность больших масс людей по реализации своих интересов. В объективное могут входить не только материальные, но и идеальные по своей природе отношения – идео-

[478] Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.

[479] Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография. – М.: Мос. ун-т, 2014. – 352 с.; Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Финансово-правовые проблемы реализации социально-экономических реформ в России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 141-153.

[480] Антонов И.А., Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 59-66; Дзейтов С.А., Сальников В.П., Соболь И.А., Шапиев С.М. Региональная экология и право // Региональная экология. – 1998. – № 2. – С. 31-36; Лукьянцев В.П., Очередько В.П., Соболь И.А., Сальников В.П. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям / Под общей редакцией В.П. Сальникова; МВД России, Санкт-Петербургский университет; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Московская академия экономики и права. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 168 с. Сер. Учебник для вузов. Специальная литература; Соболь И.А. Эколого-правовой комплекс как научная основа формирования целевых экологических программ // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 125-131; Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 67-75.

логические[481], нравственные[482], эстетические[483] и др. Общественное сознание формируется в духовном общении и связях людей, реализуется в практической деятельности индивидов, социальных общностей, приобретая объективную форму существования[484].

Субъективный фактор – это совокупность социально-политических и духовных сторон деятельности исторического субъекта, направленной на осуществление тех или иных целей и исторических задач общественного развития[485]. Он имеет сложную структуру, включающую все компоненты сознания, которые в ходе активного действия людей превращаются в материальную силу. Элементами его содержания являются также такие формы социальной психологии (потребности, интересы, настроения, традиции[486], и т.п. психологические состояния, образования, социально-психологические элементы), которые непосредственно влияют на степень сознательности, организованности и решительности общественного (массового) действия, поведения.

Объективный фактор является определяющим по отношению к

---

[481] Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.

[482] Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003; Матузов Н.И. Право и мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969; Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: СГУ, 1987.

[483] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 383 с.; Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 432 с.; Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.

[484] Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984. С. 127-128; Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.

[485] Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984. С. 133

[486] Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197; Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004; Сальников М.В., Курзенин Э.Б. Интеллектуальная гуманистическая политико-правовая традиция в Европе XV-XVII вв. // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 117-124.

его субъективному антиподу. Объективные обстоятельства, отношения и условия общественной жизни выступают в качестве исходной материальной основы субъективного фактора. Они определяют его характер, конкретный источник, сущность, место и социальную роль его элементов в социальном процессе. Субъективный фактор является производным, но относительно самостоятельным фактором. Он оказывает обратное воздействие на объективный фактор, изменяя его в том или ином направлении. Объективный и субъективный факторы находятся в постоянном единстве и взаимодействии. Будучи противоположностями, они выступают как соотносительные категории. Их структура, сила и степень воздействия друг на друга определяются конкретно историческими условиями общественного развития. Нередко субъективный фактор, в зависимости от конкретно исторической ситуации, играет решающую роль в историческом процессе. Эта роль зависит от его носителей, их интересов, от наличия у носителей личностей, способных отразить в своём сознании и в своей деятельности объективные закономерности и тенденции (интересы) данной социальной общности[487].

Проблема соотношения, взаимосвязи объективного и субъективного в уголовной политике в своей сущности есть проблема возникновения и формирования человека, его сознания, общества, общественных отношений, общественного сознания (идеологии). Объективная логика связи уголовной политики с базисом, экономикой, политикой и идеологией неизбежно ведёт к основному вопросу философии, к сущности феномена человека[488]. Именно так ставил вопрос

---

[487] Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. – М., 1933. С. 67-133

[488] Абрамсон М.Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. – М.: РГГУ, 2005; Артамонова Г.К. Человек и система государственного управления (теоретический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2007. – 46 с.; Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М., 1977; Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34; Вербицкая Л.А., Лисовский В.Т., Пуляев В.Т. Человек и образование в современной России. – СПб., 1998; Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. – М., 2008; Джегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002 – 73 с.; Зинченко В.П., Моргунов Е.В. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. – М., 1994; Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30; Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской

о соотношении объективного и субъективного, о происхождении и сущности сознания один из крупных учёных своего времени П. Тейяр де Шарден, палеонтолог и философ. Он писал: «Изучаемый сам по себе в узком плане антропологами и юристами, человек – нечто весьма малое и даже умаляющее. Слишком выделяющаяся индивидуальность человека маскирует собой целостность, и наш рассудок... склонен дробить природу и забывать о её глубоких связях и безграничных горизонтах...»[489]. Не будучи марксистом, соблюдая каноны и запреты католицизма, Тейяр де Шарден одним из первых естествоиспытателей задумался о единстве и взаимодействии объективного и субъективного, утверждая, что «объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте сознания»[490].

Впервые проблему диалектики субъективного и объективного на уровне объективного идеализма поставил и разрешил Г.В.Ф. Гегель. Он писал: «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны»[491]. На научном, диалектико-материалистическом уровне эту проблему разработали классики марксизма-ленинизма. Правда,

---

культуры, 1999. – 464 с.; Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 219-229; Рагулина А.В., Спасенников Б.А. Человек (физическое лицо) как субъект преступления // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 323-327; Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204; Силуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 1998; Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 416 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита. Теоретические проблемы. – СПб., 1996; Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1996. – 55 с.; Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 360 с.; Фромм Э. Человек для себя. – Минск: Харвест, 2003. – 352 с.; Человек и война (Война как явление культуры): Сборник статей / Под ред. И.В Нарского, О.Ю. Никоновой. (Серия: «АИРО – первая публикация)». – М.: АИРО – XXI, 2001; Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. – М., 1995; Человек. Наука. Цивилизация. (К семидесятилетию академика В.С. Степина). – М., 2004.

489 Тейяр де Шарден П.. Феномен человека: преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь. – М., 1987. С. 40.

490 Тейяр де Шарден П.. Феномен человека: преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь. – М., 1987. С. 38.

491 Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. В трёх томах. Т. I. – М., 1974. С. 384.

после классиков даже на Родине «научного социализма» уровень этой разработки ненамного продвинулся вперёд. Особенно это касается современных прикладных, юридических наук, где господствующие высоты занимает формально-догматическая или субъективно-идеалистическая методология.

Гегель указывал на объективное не как на некую абстракцию, а на вполне реальное и единичное понятие, но, в конечном счете, сводил его к абсолютной идее, к богу, то есть к абстракции, существующей лишь в воображении людей и, по его представлению, являющейся первоосновой всего сущего[492]. По В.И. Ленину, «метод Маркса состоит, прежде всего, в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке... » (курсив – В. И. Ленина)[493].

Применительно к уяснению объективно-субъективного содержания уголовной политики её проанализированные признаки требуют выяснения их системной принадлежности к определенным сферам, уровням и формам общественного бытия или общественного сознания, к правовой реальности[494] к различным сторонам уголовной политики, а также их роли в формировании этого содержания.

Общественные отношения, составляющие сущность уголовной политики, являются органической составной частью политической надстройки общества, относительно самостоятельным видом политических отношений и политики как самостоятельной сферы общественной жизни[495]. Они – основа сущности объекта уголовной политики (преступности) и основа сущности и содержания деятельности по борьбе с преступностью[496]. И, как таковые, эти отношения реализуют системообразующие функции в формировании, развитии, функциональном предназначении и реализации уголовной политики.

---

[492] Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. В трёх томах. Т. I. – М., 1974. С. 383-385.

[493] Ленин В.И. Под чужим флагом // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26. – М., 1973. С. 139.

[494] Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

[495] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002; Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.; Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).

[496] Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.

Несмотря на разнородность, различия в своей сущности, принадлежности и функциональной роли, они образуют самостоятельный интегрированный и решающий фактор в формировании, развитии, функционировании и реализации уголовной политики[497]. И эти отношения, вместе взятые, диалектически противоречивые и взаимодействующие, составляют содержательную основу объективной стороны уголовной политики[498].

Их объективность состоит в том, что они, во-первых, не только не зависят от воли и сознания людей как индивидов и субъектов политики, права, политической и правоохранительной деятельности[499], но и сами выступают как основной источник, коренная причина, фактор и движущая сила всех социально-политических и правовых явлений, процессов и систем.

Во-вторых, и в своей самостоятельной различающейся и противоречивой сущности, и в своем взаимодействии как единое целое имеют свои внешние формы проявления и реализации. Каждый в отдельности они проявляются как самостоятельные, относительно обособленные виды отношений, политико-правовых явлений, процессов и систем. Образуют уголовную политику как реальную сферу, направление, вид, систему и процесс реализации политики.

В-третьих, уголовная политика, ее объект (преступность), формирование и развитие, субъекты преступлений (преступности), правовой механизм, субъекты правоохранительной деятельности и сама эта деятельность представляют собой самостоятельные политико-правовые явления общественной жизни. Как явления они выражаются в разнообразных формах связи и взаимодействия между её субъектами, актах их поведения, действиях, в результатах воздействия друг на друга, в изменениях социальной среды, её состояния, динамики и формы.

Наглядным примером объективности проявления общественных отношений в сфере уголовной политики и её влияния на социальную среду является возникновение, развитие и социальные последствия организованной преступности в Российской Федерации в условиях

---

[497] Бойко А.И. Уголовная политика. – Ростов-на-Дону, 2008.

[498] Баранов В.М., Сальников В.П., Милюков С.Ф. Эффективность уголовно-правовой политики: Рецензия на монографию Коробеева А.И., Усса А.В., Голика Ю.В. «Уголовная политика: тенденции и перспективы». Красноярск, 1991. – 240 с. // Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны экономической системы. – Н. Новгород, 1993. – С 208-213.

[499] Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.

так называемой «перестройки», фактически означавшую смену исторического типа всей политической надстройки, системы и их социальной направленности[500].

Перестройка означала коренную смену исторического типа всего способа производства, его производительных сил и производственных отношений, изменила сущность и социальную направленность самого общественного бытия. Его составным и неотъемлемым элементом стали не только социально необходимые перемены всех сторон и форм общественных отношений, в первую очередь политических и правовых, но и их антисоциальный ингредиент – преступность, а также уголовная политика как форма и способ противодействия преступности. Организованная преступность стала самостоятельным и грозным феноменом социального организма, общества, государства, их «Левиафаном» и неизбежным спутником, угрожающим поглотить все то, что её и породило. В десятки и сотни раз возросли количественные и качественные показатели и характеристики преступности. С 1991 г. стала быстро формироваться и расти организованная, то есть имеющая свою сущность, структуру, иерархию и всероссийские, а также международные масштабы преступность[501]. Число действующих преступных формирований (по официальным данным) с 1991 по 1997 гг. увеличилось почти в 26 раз, число участников этих формирований – в 5 раз.

К сожалению, отрицательные тенденции для общества, связанные с организованной преступностью, продолжаются и в современных условиях. Так, в 2012 году организованными группами или преступными сообществами совершено 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений; рост составил 2,4%.

Качественными показателями организованной преступности являются её способность к саморазвитию, самодетерминации и целенаправленному изменению социальной среды в своих интересах, латентность.

Правовые нормы как необходимая и неотъемлемая составляющая уголовной политики составляют содержательную основу правовой

---

[500] Зюганов Г.А. Империалистическая глобализация: генезис, установление нового мирового порядка // Ленинская теория империализма и современная глобализация: Коллективная глобализация / Под ред. А.И. Субетто. В 2-х кн.: Кн. I. – СПб.: Астерион, 2003. С. 77-100.

[501] О перечне статистических показателей результатов работы по борьбе с организованной преступностью на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств за 2000 год: Решение Совета глав правительств СНГ (Принято в г. Минске 31.05.2001) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2001. – № 1(37). С. 113-116.

системы[502], права и социально-правовой политики[503]. Занимают промежуточное и вместе с тем самостоятельное положение в системе составляющих объективно-субъективного содержания уголовной политики. Образуют формально-нормативную сторону этого содержания. По своему характеру и сущности они являются воплощением объективно существующих интересов и потребностей личности, общества и государства. И поскольку интересы и потребности являются самостоятельными элементами субъективной стороны и антиподом общественного бытия – общественного сознания, его уровней, видов и форм, то и нормы права являются прежде всего элементом субъективной стороны уголовной политики. В тоже время правовые нормы

---

[502] Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России. – Нижний Новгород, 2002; Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Давид Рене. Основные правовые системы современности. – М., 1988; Карташов В.Н. Правовая система общества – приоритетные и перспективные направления юридической науки и практики // Правовая система общества: проблемы теории и практики: Материалы междунар. науч-практ. конф. Санкт-Петербург, 12 ноября 2010 года. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 3-21; Карташов В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. Ежегодник. № 5. – Н.Новгород, 2011. – С. 10-18; Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. – Саратов, 2010; Правовая политика. Право. Правовая система: Монография / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 384 с.; Правовая система социализма: функционирование и развитие. В 2-х книгах / Отв. ред. А.М. Васильев. – М., 1986 (Том 1); Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994; Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995; Скворцова Ю.В. Теоретические основы модернизации правовой системы Российской Федерации // Право и политика. – 2010. – № 3. – С. 537-542; Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 4-13; Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003; Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб., 1991.

[503] Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010; Родионова А.Г. Понятие и признаки правовой политики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 61. – Тольятти, 2006; Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2009; Рыбаков О.Ю., Юрьева Ю.С. Правовая политика: сущность, основные черты // Вестник Саратовский государственной академии права. – 2009. – № 6. – С. 17-20.

имеют и объективное содержание. Объективное содержание норм уголовной политики составляют разнообразные формы их проявления, выражения и реализации, основной из которых является система их правоприменения[504].

По форме они представляют собой символы и правила, систематизированные и оформленные в виде вполне объективных форм – нормативно-правовых актов, регулирующих общественное бытие и общественное сознание. И как регуляторы общественных отношений они выступают как связующее звено между объективной и субъективной сторонами уголовной политики. Они охватывают и подвергают воздействию и изменению все составляющие этой политики. Выполняют социально необходимую и действительную роль регуляторов реально существующих социальных противоречий, конфликтов и проблем. Служат средством и мерой преобразования интересов и потребностей субъектов права и уголовной политики как основных ингредиентов их субъективной стороны в объективные формы поведения и деятельности этих субъектов, то есть в объективную сторону уголовной политики. Они аккумулируют в себе требования различных социальных регуляторов: права, морали, корпоративных норм и

[504] Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. – М.: Юридическая литература, 1980. – 159 с.; Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Саратовский университет, 1983. – 184 с.; Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001; Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. – Саратов: СаратГУ, 1976. – 267 с.; Лазарев В.В. Применение советского права / Науч. ред. Б.С. Волков. – Казань: Казанский университет, 1972. – 200 с.; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. – Казань: Казанский университет, 1995. – 207 с.; Морщакова Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном. – М., 2010; Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.; Правоприменение: теория и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 432 с.; Проблемы совершенствования законодательства и правоприменения в сфере предпринимательской деятельности: Материалы Международного круглого стола (Москва, 27 сентября 2011 г.) / Отв. ред. В.В. Астанин, В.И. Радченко. – М.: РПА Минюста России, 2011; Тверитин С.А. Правоприменение как особая форма реализации права: Лекция. – Домодедово, 2002. – 18 с.; Хабриева Т.Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М., 2009; Шадринова Л.А. Правоприменительная технология: понятие и структура // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. Вып. 9. – Ярославль, 2009. – С 137-142; Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2007.

религиозных догм, и выступают в качестве синкретизма права и правовой культуры. В этом также проявляется единство объективной и субъективной сторон уголовной политики.

В крайние годы все чаще стали писать о синкретизме правовой культуры[505]. Действительно, трудно сегодня представить себе «чистые» право и правовую культуру без оказания воздействия на них нравственности, духовности, соборности и других проявлений как объективного, так и субъективного мира человека.

Деятельность субъектов уголовной политики, её направления, способы, средства и формы – основа основ содержания объективной стороны этой политики. Концентрируя и воплощая в себе потребности и интересы субъектов уголовной политики, она выступает в качестве её решающей составляющей. Именно деятельность обеспечивает достижение и реализацию её целей, то есть она является источником и движущей силой превращения объективной стороны уголовной политики в её субъективную сторону. Характеристика и особенности деятельности, определяемые различными социальными регуляторами и составляющие сущность культуры вообще и правовой ее разновидности[506] как составляющей уголовной политики очень значимы. Её главная характерная черта и особенность – специфические объект, субъект, предмет, способы, средства и формы своего приложения и применения. Не забудем также, что и объективная сторона уголовной политики имеет и свою субъективную сторону – субъективные цели, потребности и интересы её субъектов.

Политико-правовые знания, идеи и взгляды являются составной частью и важнейшими формами и составными элементами общественного сознания и особенно таких ее видов и уровней, как юридическая наука, социальная психология и идеология [507]. В своем

---

[505] Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.

[506] Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983; Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.

[507] Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую

систематизированном, осмысленном и теоретически-научно выраженном виде они являются основой основ науки, идеологии и их правовых форм – юридической науки и государственно-правовой идеологии[508]. Государственно-правовая идеология в совокупности ее элементов – правовых взглядов, понятий, оценок, теорий, доктрин – составляет теорию права, то есть основополагающий уровень общественного сознания, которую следует различать с философией права[509]. Именно в науке и идеологии выражается и оформляется вся субъективная сторона уголовной политики[510].

Основными, определяющими формами субъективной стороны уголовной политики являются политическое и правовое сознание[511]. Их определяющий характер обусловлен сущностью и социальными функциями этих форм сознания. Политическое сознание отражает коренные интересы, потребности общества (социальной общности), основополагающие общественные отношения, экономические и политические интересы и потребности. Политическое сознание определяет политическую культуру их носителей, их самосознание, понимание ими своего положения и места в данной социальной системе, определить им свое отношение к другим носителям общественного сознания, найти способы и средства своего самоутверждения[512]. Оно определяет характер, направленность и социальную эффективность других форм сознания, в том числе правосознания[513].

идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.

[508] Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.

[509] Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права как философско-специализированная наука // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 195-203.

[510] Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996. С. 42-52.

[511] Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991; Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. .. докт. юрид. наук. – СПб., 2006.

[512] Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М.,1983.

[513] Байниязов Р.С. Роль правосознания в гражданском обществе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 7. – С. 5-12; Захарцев С.И.

Правосознание[514] непосредственно связано с политическим сознанием. Эта связь определяется единством их сферы отражения – все существенные общественные отношения, в том числе, отношения в сфере уголовной политики. Различаются они, прежде всего способами и формами отражения. Если политическое сознание отражает действительность в виде политических программ, установок, платформ или в виде массовых политических представлений, то правовое сознание делает это в виде определенных правовых взглядов, понятий, теорий и идей, а также в виде правовых норм и актов. В норме права, в нормативном акте диалектически синтезированы ощущения, восприятия, представления, то есть основные формы социальной психологии как обыденного уровня общественного сознания, а также понятия, суждения, умозаключения (теории, концепции, доктрины), равно как и обобщенный в них социальный опыт, не говоря уже о том, что законотворческая деятельность тоже синтезирует в себе все ступени уровни и формы познания и практики.

Все формы сознания функционируют как на обыденном, так и на теоретическом уровне, то есть в виде социальной психологии или идеологии[515].

Функциональная роль правовой психологии определяется первичностью, массовостью, необходимостью и сущностью, а также определяющим характером чувственно-эмоциональной сферой сознания. В своем повседневном поведении люди руководствуются, прежде всего, своими чувствами, эмоциями, настроением. И если чувства, эмоции и настроение не имеет под собой основательной твердой и прочной идейной базы, то поступки, совершаемые людьми, зачастую носят случайный, неорганизованный и нередко антисоциальный характер[516].

Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53; Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л,, ВПУ МВД СССР, 1986; Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. – Ростов-на-Дону, 1969.

514 Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. С. 9, 18, 40, 96.

515 Злотников Ю.А. Общественное сознание и особенности идеологической борьбы в современных условиях // Марксистко-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики. – М., 1982. С. 199-207.

516 Аминов И.И. Юридическая психология: Учебник для вузов. – М., 2011. – 415 с.; Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-на-Дону, 2004; Дулов А.В. Введение в судебную психологию. – М.: Юрид. литература, 1976; Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. – Минск, 1989; Пискарев Д.П. Социально-психологические стереотипы

Социальная роль идеологии определяется ее функциями, которые выражают основательность, осмысленность целеустремленность поведения и деятельности ее носителей. Только идеология позволяет осознать социальную принадлежность, место в социальной иерархии, социальные интересы, цели и способы их достижения. Направленность социальной роли идеологии определяется социальной направленностью данной идеологии, и она может быть, в зависимости от своего носителя, прогрессивной [517], реакционной, промежуточной (нейтральной) [518].

Мощь и сила и социальной психологии, и идеологии заключается в их мере. А их мера – это такой характер и уровень противоречий между ними, при которых достигается их гармония, то есть такое сближение, когда психология в результате воздействия на неё идеологии поднимается до уровня последней, а последняя, наоборот «опускается» до чувственно-эмоциональных (психологических и потому самых глубинных и эффективных) элементов общественного сознания. Такая мера – идеал, трудно достижимый на практике. Противоречия между носителями идеологии являются причинами неоднородности,

---

противоправного поведения молодежи. – М.: Кострома, 1999; Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2008. .

[517] Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 113-121.

[518] Аврутин Ю.Е., Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998; Азаров Н.И. Ленинское учение о политике и современность: Автореферат дис.. докт. филос. наук. – М., 1971; Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996. С. 44-47;Конституция Российской Федерации. – М., 2015; Джегутанов Б.К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: Автореф. дис. … докт. филос. наук. – СПб: Санкт-Петербургский технический ун-т «Военмех», 2003; Злотников Ю.А. Общественное сознание и особенности идеологической борьбы в современных условиях // Марксистко-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики. – М., 1982; Золотухин Б., Пашин С. Концептуальные основы судебной реформы в РСФСР // Советская юстиция. – 1991. – № 21/22; Капитализм на исходе столетия / Под ред. А.Н. Яковлева. – М., 1987; Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. – М., 1933; Третьяков М. Когда слова расходятся с делами // Правда. – 1999. – 22-25 октября; Уледов А.С. Структура общественного сознания. – М., 1968; Cadoppi A. Towards a European Criminal Code? // European Journal of Crime, Criminal law and Criminal Justice. 1996. С. 379-380.

плюрализма, противоречивости идеологии любого современного общества, отражающей противоположность или существенное различие их интересов и устремлений[519].

К объективным элементам содержания уголовной политики относятся:

- объект этой политики, то есть преступность со всеми его количественными и качественными атрибутами;
- субъекты уголовной политики, основой которых являются правоохранительные органы и силовые структуры, в той или иной мере связанные с выявлением, расследованием преступлений, причин и условий, их порождающих, с борьбой с преступностью, её устранением и предупреждением;
- экономические, социально-политические, идеологические отношения и условия конкретно исторической практики [520];
- совокупность природных условий, а именно элементов окружающей среды [521], вовлечённых в сферу деятельности человека;

---

[519] Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996. С. 47.

[520] Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.

[521] Артамонова Г.К., Сальников В.П., Соболь И.А., Уханов И.С. Экологическое право: сборник задач. – СПб., 2002. – Сер. Учебники для вузов, специальная литература; Боголюбов С.А. Экологическое право. – М., 2004; Защита прав на природные ресурсы. – М., 2009; Московская академия экономики и права. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 168 с. Сер. Учебник для вузов. Специальная литература; Очередько В.П, Сальников В.П., Соболь И.А., Тарайко В.И. Внегосударственные институты и охрана окружающей среды в дореволюционной России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 97-102; Региональные аспекты теории и практики природопользования. Разумовский В.М., Арефьев Н.В., Баденко В.Л., Осипов Г.К., Литовка О.П., Федоров М.Н., Сальников В.П., Соболь И.А., Егоров Ю.А., Павлов К.В., Воробьев О.Г., Донченко В.К., Бугаев В.К., Голубецкая Н.П., Макаров О.Н. Утверждено к печати Ученым советом Института проблем региональной экономики Российской Академии Наук (ИРЭ РАН). Печатается по решению редакционно-издательского совета ИРЭ РАН. Редколлегия: Ответственные редакторы: О.П. Литовка, М.П. Федоров, Ученый секретарь И.А. Заир-Бек, Ответственный секретарь М.Н. Федоров, Рецензенты: И.Я. Блехцин, А.Н. Петров, А.Л. Гольдин. – СПб., 2000; Тарайко В.И. Социальная профилактика экологической преступности: вопросы теории и практики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 126-133; Эколого-экономическое обоснование сбалансированных форм регионального развития в системе «общество – природа». Литовка О.П., Федоров М.М., Павлов К.В., Воробьев О.Г., Арефьев Н.В., Баденко В.Л., Дмитриев В.В., Осипов Г.К., Макаров О.Н., Голубецкая Н.П., Сапунов В.Б.,

- социальная практика, то есть деятельность больших масс людей по реализации своих интересов, включая антисоциальные и преступные формы поведения субъектов преступлений[522];
- естественные и рукотворные ресурсы и предметы внешнего мира, а также материальные ценности, вовлеченные в преступные акты поведения и антисоциальной деятельности.

В объективное содержание уголовной политики могут входить не только материальные, но и идеальные по своей природе отношения – идеологические, нравственные, эстетические, материализованные в реальные материальные и духовные ценности[523].

Субъективные элементы содержания уголовной политики – это совокупность социально-политических и духовных сторон деятельности её субъектов, направленные на осуществление тех или иных целей и задач укрепления законности, борьбы с преступностью, выявлением и устранением причин, её порождающих[524]. Они имеют сложную структуру. Включают все компоненты сознания, в том числе уровни, формы, виды общественного и индивидуального сознания, которые в ходе активного действия людей превращаются в материальную силу.

К субъективным элементам содержания уголовной политики относятся также все формы социальной психологии, в том числе потребности, интересы, настроения, духовные и иные традиции[525], психологические состояния, образования, социально-психологические элементы, которые непосредственно влияют на степень сознательности, организованности и решительности общественного (массового) действия, поведения.

Ростов К.Т., Сальников В.П., Соболь И.А., Малинин А.М., Исмагулова А.А., Бугаев А.К., Анохин А.А., Айларов А.Е., Плиев Г.И. и др. Цели, задачи, решения / Редколлегия: ответственный редактор О.П. Литовка, ответственный секретарь М.Н. Федоров – СПб, 2001. Том, Часть 1.

522 Сергеев К.А., Сергеев А.Б., Числов А.И. Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия криминальному рейдерству // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1. – С. 81-86; Смирнов А.М. Латентная преступность в России: Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.

523 Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984. С. 127-128.

524 Там же. С. 133

525 Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099; Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.

Объективные элементы уголовной политики являются определяющими по отношению к её субъективным элементам. Объективные обстоятельства, естественная окружающая среда, общественные отношения и условия общественной жизни выступают в качестве исходной материальной основы субъективного фактора. Они определяют его характер, конкретный источник, сущность, место и социальную роль его элементов в социальном процессе.

Субъективные элементы уголовной политик являются производными, но относительно самостоятельными её ингредиентами. Они оказывают обратное воздействие на объективные элементы, изменяя их в том или ином направлении. Объективное и субъективное содержание уголовной политики находятся в постоянном единстве и взаимодействии всех её составляющих элементов. Будучи противоположностями, они выступают как соотносительные категории. Их структура, сила и степень воздействия друг на друга определяются конкретно историческими условиями общественного развития. Нередко субъективный фактор, в зависимости от конкретно исторической ситуации, играет решающую роль в историческом процессе. Эта роль зависит от его носителей, их интересов, от наличия у носителей личностей, способных отразить в своём сознании и в своей деятельности объективные закономерности и тенденции (интересы) данной социальной общности[526].

Особое значение в объективно-субъективном содержании уголовной политики имеют экономика, политика, наука и идеология с их необходимыми составляющими количественными и качественными компонентами, которые находятся в единстве, противоположности, постоянной связи и диалектическом взаимодействии между собой, реализующихся в сложной системе общественных отношений, факторов, субъектов и социальных сил[527].

В юридической научной литературе вопрос о взаимосвязи

---

[526] Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. – М., 1933. С. 153.

[527] Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75; Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.

уголовной политики, экономики, политики, идеологии и других факторов общественного развития в его прямой системной постановке не рассматривается. Он анализируется фрагментарно, особенно при определении места уголовной политики в системе социальных явлений и отношений. Большинство авторов признают приоритет экономики и уголовной политике[528]. Ряд современных авторов не признают связи уголовной политики и идеологии, призывают к деидеологизации права[529]. Последняя точка зрения не соответствует объективным реалиям общественной жизни.

Уголовная политика формируется, определяется и изменяется сложным соотношением объективных и субъективных факторов общественного развития. Объективные и субъективные факторы общественного развития находятся в сложной взаимосвязи с уголовной политикой. Представляя собой единство и противоречие различных сторон общественной жизни, они, с одной стороны, находятся в единстве с уголовной политикой.

Это единство состоит в том, что уголовная политика является частью этих факторов, имеет и объективное, и субъективное содержание, представляет собой неразрывную часть политики государства. Она есть производное от объективных и субъективных факторов, которые в своей совокупности и диалектической взаимосвязи генерируют социальные противоречия, одной из форм разрешения которых является преступность. Преступность в свою очередь является источником уголовной политики, представляющей собой особую реакцию общества, государства на массовые антисоциальные, преступные проявления. С другой стороны, уголовная политика находится в противоречии, постоянном взаимодействии с объективными и

---

[528] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986. С. 15;Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989; Городецкий А.Е., Хоминич И.И. Экономическая безопасность: новые вызовы и угрозы в условиях глобализации // Вестник Академии налоговой полиции: Вып. 3. – М.: АНП ФСНП России, 2003; Горшкова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. – 2008. – № 23(301); Митрофанов Протоиерей Георгий. Соотношение церкви и государства: история и современность // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 5-13.

[529] Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992. С. 6.

субъективными факторами общественной жизни. Последние, вместе взятые, сами представляют собой процесс непрерывного взаимодействия, возникновения, развития и разрешения социальных противоречий. Уголовная политика является одной из форм их внешнего проявления и разрешения.

Преступность как форма разрешения социальных противоречий и как объект уголовной политики выступает по отношению к последней не только как её источник, движущая сила, но и как внутреннее противоречие уголовной политики. Уголовная политика в силу своего объекта оказывает обратное противоречивое воздействие на социальную систему в целом, её составляющие элементы, на каждый объективный и субъективный фактор развития социальной системы. Поэтому взаимосвязь уголовной политики с объективными и субъективными элементами её содержания имеет сложный, системный, иерархичный и противоречивый характер. Каждый фактор общественной жизни оказывает своё воздействие на направления, формы и способы деятельности государства по предупреждению и устранению преступности.

В свою очередь уголовная политика, её системообразующие элементы (политико-правовые отношения, правовые нормы, правосознание, правовая идеология, правовая культура, деятельность субъектов по борьбе с преступностью) имеют адекватный характер воздействия на все объективные и субъективные социальные факторы, вместе взятые, и на каждый из них в отдельности. Сила такого взаимодействия определяется характером, сущностью и местом каждого из элементов социальной системы, с одной стороны, и уголовной политики – с другой.

Особым объективным элементом содержания уголовной политики являются социальные противоречия. Социальные противоречия – это любое взаимодействие всех составляющих элементов уголовной политики, включая как её материальные, объективные, так и субъективные элементы. Противоречия уголовной политики в виду их разнородности, разных уровней, сфер и степени проявления, а также форм разрешения требуют специального исследования.

Объективные факторы, несмотря на их различную сущность и социальную роль в их соотношении и взаимосвязи с уголовной политикой, вместе взятые и каждый в отдельности, не являются необходимыми факторами, порождающими преступность и уголовную политику. Их определённые (противоречивые, антагонистические) характер и сущность фактора, определяющего и преступность, и уголовную политику являются факторами, порождающими социальные противоречия.

Последние в своей совокупности и взаимодействии с субъективными факторами создают непосредственную, принципиальную объективную возможность преступности и уголовной политики. Система социальных противоречий всех социальных сфер выступает в качестве главного самостоятельного источника, то есть коренной причины возникновения, формирования и функционирования преступности.

Примером прямой зависимости преступности, уголовной политики от экономики, политики и идеологии может служить статья 680 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 года. Статья устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил варения домашнего мёда, пива и браги. Приготовление медовухи, браги и пива на Руси известно с далёкой древности, откуда идёт употребление и самих терминов «мёд», «пиво», «брага», «пивоварение». Но как признаки преступления против имущества и доходов казны эти понятия стали употребляться в уголовном законодательстве России только в условиях капиталистических производственных отношений. Государство в целях наведения порядка в важной в то время сфере хозяйственной деятельности и пополнения казны установило порядок пивоварения, поставило его под охрану уголовного закона[530]. Основой для этого послужила Судебная реформа в Российской империи 1864 года[531].

---

[530] Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С дополнениями по 1 декабря 1879 года. – СПб., 1880. С. 337.

[531] Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43; Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: исторический опыт формирования и структурирования: Монография: СПб.: Астерион, 2008. – 384 с.; Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: теоретические и ретроспективные аспекты анализа: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2008. – 228 с.; Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69; К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 264 с.; Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914; Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990; Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная

Основными субъективными факторами, определяющими преступность и уголовную политику, являются:

- интересы, потребности субъектов уголовной политики и субъектов правоотношений;
- личностные качества, психические процессы, свойства, состояния и образования общественно-политических и государственных лидеров, субъектов правоотношений;
- политические решения и действия субъектов уголовной политики;
- общественное сознание, его уровни и формы, включая правосознание, правовую психологию и правовую идеологию.

Субъективные факторы, имея идеальные формы выражения, в той или иной мере отражают объективные общественные отношения, деятельность по предупреждению преступности, сущность, содержание, объект уголовной политики, которые являются составными элементами объективных факторов. В силу этого они, субъективные факторы, имеют несомненное объективное содержание и в конкретно-исторической ситуации могут выступать в качестве объективных факторов, определяющих деятельность по предупреждению и устранению преступности.

Политические и правовые идеи, взгляды, теории и концепции, наиболее адекватно отражающие социальные процессы, в том числе преступность, в силу многократного повторения и применения

статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16; Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.; Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999; Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей и проблема реформирования аппарата государственного управления в России в первой трети XIX века: Автореф. дис. … докт. ист. наук. – СПб., 2013. – 54 с.; Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50; Победоносцев К.П. «Будь тверд и мужествен…». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873-1876. Письма / Под ред. В.В. Ведерникова. – СПб., 2010. – 388 с.; «Утвердить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех…». К 150-летию Судебной реформы 1864 года: Экспозиция, развернутая в выставочных залах Президентской библиотеки, 20 ноября 2014 – 26 января 2015 гг. – СПб.: Президент. биб-ка, 2014. – 6 с.; Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014.

подтвердившие на практике свою социальную справедливость[532], превращаются в объективный фактор, определяющий преступность и уголовную политику. В этом случае они принимают формы политических и правовых традиций[533], обычаев[534], логических моделей накопленного социального опыта, становятся основой дальнейшего развития теории и практики уголовной политики[535].

Субъективные факторы уголовной политики находятся в непрерывном взаимодействии с её объективными факторами и выступают по отношению к последним как социальная сила, превращающая потенциальную и реальную возможность преступности, создаваемую объективными факторами, в её действительность. Они являются *решающей силой*, приводящей в движение объективные факторы преступности и уголовной политики [536]. Особое значение в этом плане имеют элементы социальной психологии и идеологии.

Решающую роль в формировании антисоциальной психологии имеют социальные интересы, потребности, чувства, настроения, привычки. Они по отношению к преступности и уголовной политике выполняют следующие функции:

- мотивационную – формируют мотивы социального поведения субъектов правоотношений; антисоциальные интересы

---

[532] Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893; Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.; Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.

[533] Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.

[534] Артамонова Г.К, Бабаджанов И.Х, Горбашев В.В, Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75-92; Дашин А.В., Сальников М.В. Страны англосаксонской семьи: обычай в национальной правовой системе // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 52-70.

[535] Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический уголовно-правовой и информационный аспекты. – М., 1999; Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: Материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). – М., 2012.

[536] Комаров В.Д. Философское содержание и методологическое значение принципа партийности (опыт разработки в трудах Б.А. Чагина) // Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании: Сборник статей. – Л., 1986. С. 56.

и потребности обусловливают антисоциальные, в том числе преступные мотивы поведения и мотивы поведения субъектов уголовной политики по нейтрализации и устранению антисоциальных мотивов и актов поведения[537];

- динамическую – выступают в качестве движущей силы, своеобразного социального фермента по отношению к экономическим и другим объективным негативным социальным факторам, создающим возможность преступности, приводя эти факторы в действие;
- кумулятивную – накапливают негативный социальный опыт в виде антисоциальных потребностей, привычек, моделей и правил (норм) поведения[538];
- криминогенно-ориентирующую и направляющую – придают качествам личности, её поведению определённую антисоциальную направленность, тем самым изменяют её социальный тип, социальную направленность, превращают в личность преступника; вызывают мобилизующую реакцию общества, государства, субъектов уголовной политики[539].

Ключевым субъективным фактором, определяющим преступность и, особенно уголовную политику, является идеология и её правовая форма – правовая идеология[540]. Сущность механизма воздействия идеологии на преступность и уголовную политику всецело зависит от её взаимосвязи и взаимодействия с социальной психологией[541].

Социальная психология и идеология находятся в диалектическом единстве и противоречии. Их единство – в источниках; носителях; в системе общественного (в том числе, политического, правового) сознания, где они являются лишь разными сторонами этого сознания

---

[537] Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004; Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 122-133.

[538] Лунеев В.В. Глобализация мира и наднациональное право.// Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 17-27; Третьяков И.Л. Противоречия юридической базы уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 177-194.

[539] Лебедев С.Я., Иванцов С.В. Об обеспечении системности в криминологической оценке организованной преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 234-238.; Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Том 1. – М.: Юрайт, 2011. – 880 с.

[540] Теория права и государства. Учебное наглядное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.

[541] Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.

[542]; в их взаимосвязи и взаимодействии, состоящем, с одной стороны, в их переходе друг в друга, с другой – в их взаимном возвышении от одного качества и уровня к другому. Их основное противоречие – в степени, глубине проникновения в сущность вещей. Социальная психология не проникает в эту сущность с силу неспособности своих сущностных элементов (чувств, эмоций) познать глубинные связи и закономерности общества. Последнее – посильная задача только юридической науки и научной идеологии.

Мощь и сила и социальной психологии, и идеологии заключаются в их мере. А их мера – это такой характер и уровень противоречий между ними, при которых достигается их гармония, то есть такое сближение, когда психология в результате воздействия на нее идеологии поднимается до уровня последней, а последняя, наоборот, «опускается» до чувственно-эмоциональных (психологических и потому самых глубинных и эффективных) элементов общественного сознания. Такая мера – идеал, трудно достижимый на практике. Противоречия между носителями идеологии являются причиной неоднородности, плюрализма, противоречивости идеологии любого современного общества, отражающей противоположность или существенные различия их интересов и устремлений[543]. Они могут усугубляться естественно-природными факторами.

Сущность, характер, уровень, структура социально-психологических и идейных противоречий в общественном сознании его носителей оказывают решающее воздействие на характер, уровень, структуру и, что особенно важно, на социальную сущность, содержание и направленность всей системы объективных факторов общественной жизни, прежде всего на экономику, политику и право[544].

Именно экономика и политика, а также право являются основополагающими уровнями социальной системы, её «китами», на которых эта система строится и функционирует. Но без субъективного фактора –

---

[542] Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972; Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.

[543] Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996.

[544] Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья вторая // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 24-33; Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья третья // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 29-43; Сальников В.П., Рохлин В.И., Финансовая безопасность и финансовые расследования // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 145-152.

социальной психологии и идеологии – экономика, политика и право не только не способны функционировать, но и просто быть как таковые.

Самостоятельными существенными формами проявления и реализации правовой идеологии являются право, правовые отношения и нормы. В них в присущих им формах закрепляется, определяется, осуществляется уголовная политика государства, его правовая идеология. Правовые нормы в гносеологическом аспекте воплощают в себе теоретические формы познания права[545], правоприменительной[546] и правоохранительной деятельности[547]. Содержащиеся в них понятия, суждения и умозаключения олицетворяют собой опосредованный опыт борьбы с преступностью, лучшие национальные и международные правовые традиции[548] и модели уголовной политики.

Уголовная политика является источником, движущей силой и основой развития правовой идеологии, изменения которой всецело определяются политикой. Специфическими формами правовой идеологии являются правовые теории, концепции, доктрины, которые в совокупности составляют сугубо теоретическую (доктринальную) часть правовой идеологии. Её практическую часть составляют законодательство, правоприменительная и правоохранительная деятельность. Последние в свою очередь оказывают обратное воздействие на развитие и правовой идеологии, и уголовной политики в целом, выполняя в этом случае функции источника, движущей силы и основы

---

[545] Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199; Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210; Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211; Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-аксиологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.

[546] Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: Монография. – Волгоград, ВолГУ, 2004. – 205 с.; Карташов В.Н. Применение права: Учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 1980. – 74 с.; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. – Казань: Казанский университет, 1975. – 206 с.

[547] Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.

[548] Алиев Я.Л., Сальников П.П. Демократизация и укрепление связи с народом – ведущая традиция в прогрессе полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 37-52.

изменений как в правовой идеологии, так и в уголовной политике[549].

Позитивная социальная роль правовой идеологии как части и инструмента уголовной политики возможна только в таких социально-исторических условиях, которые создают реальную возможность формирования этой идеологии и создания механизма её воздействия на социальную, в том числе правовую психологию. Только посредством формирования правовой психологии идеология способна реализовать свои конструктивные функции. Идеология, правовая идеология посредством их распространения обеспечивают необходимую обществу и государству социальную сущность, направленность, характер, содержание и форму социальной психологии.

В юридической научной литературе вопрос о взаимосвязи уголовной политики, экономики, политики, идеологии и других факторов общественного развития в его прямой системной постановке не рассматривается. Он анализируется фрагментарно, особенно при определении места уголовной политики в системе социальных явлений и отношений[550]. Большинство авторов признают приоритет экономики и политики по отношению к уголовной политике[551]. Ряд современных авторов не признают связи уголовной политики и идеологии, призывают к деидеологизации права[552]. Последняя точка зрения

---

[549] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.; Современные проблемы уголовной политики: Материалы II Международной научно-практической конференции (23 сентября 2011 г.). В 2-х томах. – Краснодар, 2011.

[550] Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.

[551] Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона / Отв. ред. Н.Ф. Кузнецова, И.Б. Михайловская. – М.: Юрид. лит., 1973. С. 15; Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989. С. 9; Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979. С. 8; Религия и право: российское и международное законодательство о свободах совести и о религиозных объединениях: Сб. нормативно-правовых актов / Сост. К.Б. Ерофеев, И.М. Вербицкий. – СПб.: Невская Лавра, 2006. – 375 с. (Православие и право).

[552] Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып.

не соответствует объективным реалиям общественной жизни.

Уголовная политика формируется, определяется и изменяется сложным соотношением объективных и субъективных факторов общественного развития[553]. Объективные и субъективные факторы общественного развития находятся в сложной взаимосвязи с уголовной политикой. Представляя собой единство и противоречие различных сторон общественной жизни, они, с одной стороны, находятся в единстве с уголовной политикой. Это единство состоит в том, что уголовная политика является частью этих факторов, имеет и объективное, и субъективное содержание, представляет собой неразрывную часть политики государства[554]. Она есть производное от объективных и субъективных факторов, которые в своей совокупности и диалектической взаимосвязи генерируют социальные противоречия, одной из форм разрешения которых является преступность[555].

Преступность в свою очередь является источником уголовной политики. Представляет собой особую реакцию общества, государства на массовые антисоциальные, противоправные проявления. С другой стороны, уголовная политика находится в противоречии, постоянном взаимодействии с объективными и субъективными факторами общественной жизни[556]. Последние, вместе взятые, сами представляют собой процесс непрерывного взаимодействия, возникновения, развития и разрешения социальных противоречий. Уголовная политика является одной из форм их внешнего проявления[557].

---

1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992. С. 6.

553 Третьяков И.Л. Единство материального и духовного в уголовной политике // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 190-202; Третьяков И.Л. Объективное и субъективное в уголовной политике: к началу рассуждений // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 173-185.

554 Матузов Н.И. Правовая политика как важнейшая проблема российской юридической науки // Правовая политика: от концепции к реальности. – М., 2004; Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Норма, 2003.

555 Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: проблема продолжает оставаться актуальной // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 140-159.

556 Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007. – 272 с.

557 Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.; Лунеев В.В. Глобализация и преступность // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 115-118.

Преступность как форма разрешения социальных противоречий и как объект уголовной политики выступает по отношению к последней не только как её источник, движущая сила, но и как внутреннее противоречие уголовной политики. Уголовная политика в силу своего объекта оказывает обратное противоречивое воздействие на социальную систему в целом, её составляющие элементы, на каждый объективный и субъективный фактор развития социальной системы. Поэтому взаимосвязь уголовной политики с объективными и субъективными факторами имеет сложный, системный, иерархичный и противоречивый характер. Каждый фактор общественной жизни оказывает своё воздействие на направления, формы и способы деятельности государства по предупреждению и устранению преступности[558]. В свою очередь уголовная политика, её системообразующие элементы (политико-правовые отношения, правовые нормы, правосознание, правовая идеология, деятельность субъектов по борьбе с преступностью) имеют адекватный характер воздействия на все объективные и субъективные социальные факторы, вместе взятые, и на каждый из них в отдельности. Сила такого взаимодействия определяется характером, сущностью и местом каждого из элементов социальной системы, с одной стороны, и уголовной политики – с другой.

Факторами, определяющими преступность и уголовную политику, и обратное воздействие последней на экономические, политические, идеологические и иные социальные отношения, являются экономика, политика, идеология, включая правовую идеологию. Рассмотрим взаимодействие указанных элементов более подробно.

Объективными факторами, определяющими преступность и уголовную политику, являются.

1. Исторический тип способа производства, производственных отношений, противоречия между производительными силами и производственными отношениями являются базовыми факторами, порождающими преступность и уголовную политику. Непрерывный и скачкообразный процесс развития производительных сил, особенно орудий и средств производства, а также главной производительной силы – человека, на определённой ступени вступает в противоречие с относительно неизменной формой производственных отношений. В

[558] Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника 154-169 // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113; Лебедев С.Я., Иванцов С.В. Об обеспечении системности в криминологической оценке организованной преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 234-238.

различных способах производства эти противоречия носят различный характер. Во всех современных типах производственных отношений, включая капиталистические отношения, противоречия носят достаточно острый, и даже антагонистический характер[559]. Они определяют отчуждённость значительного социального слоя от общества, вызывают в нём антисоциальную направленность его социальной психологии. Социальная несправедливость, изначально присущая капитализму, рождает потенциальную возможность преступности как массового социального явления. Она превращается в реальную возможность преступных проявлений только при наличии объективных политических и, особенно, субъективных социальных факторов[560].

2. Политические отношения как отношения между социальными общностями по достижению, организации и функционированию государственной власти, государство, его политика, их исторический тип являются главными объективными факторами, создающими потенциальную возможность преступности[561]. Именно социальные носители государственной власти, их политика определяют характер и сущность политического режима, методы и способы социального управления, в том числе реальное содержание принципа распределения производимого обществом продукта[562].

3. Правовые отношения и нормы как юридические формы реализации общественных и, прежде всего производственных, политических и морально-этических отношений являются главным элементом государственного механизма разрешения или, наоборот, обострения

---

[559] Капитализм на исходе столетия / Под ред. А.Н. Яковлева. – М., 1987. С. 435.

[560] Батышев А.С., Сальников В.П., Сергевнин В.А., Шушкевич И.Ч., Задорская Д.А, Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 224 с. – (Серия: «Полицеистика: прошлое, настоящее и будущее»); Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202; Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В., Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157; Николайчик В.М. Организованная преступность в США // США – экономика, политика, идеология. – 1990 – № 4; Оливер Стоун, Питер Кузник. Нерассказанная история США. – М.: КоЛибри, 2015; Шур И.М. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977.

[561] США: преступность и политика / Отв. ред. Б.С. Никифоров. – М.: Мысль, 1972. С. 5-11.

[562] Шестаков Д.А., Данилов А.П. О политических убийствах, в том числе неочевидных – постановка проблемы // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 296-300.

социальных противоречий[563].

4. Другие виды социальных отношений – идеологические, морально-этические и иные социальные отношения, среди которых особое значение имеют нравственные межличностные отношения, не являются основными факторами, определяющими преступность и уголовную политику. Но это не умаляет их социальной роли. Будучи производными от экономических и политических отношений, они выступают в качестве непосредственной социальной атмосферы, формирующей определённую структуру социальной психологии, в том числе её антисоциальные формы. Морально-этические отношения и нормы выполняют передаточные, связующие функции между объективными и субъективными факторами, выступают в качестве связующего и цементирующего их связь звена.

5. Географические, демографические, наследственно-биологические и иные природные условия создают принципиальную возможность или способствуют возможности преступных проявлений[564].

6. Правовая культура общества как единство его материальных и духовных ценностей, выражающих характер и уровень правосознания социальных общностей и индивидов, их отношение к закону, правопорядку и соблюдению ими норм права и морали[565] служит

---

[563] Бабаев В.К. Правовые отношения // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. С. 405-409.

[564] Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: Автореф. дис....докт. юрид. наук. – СПб., 1998. С. 3-10.

[565] Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. – М.: Академия МВД СССР, 1980; Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ). Дис. … докт. юрид .наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999; Европейская Конвенция от 13.12.1957 г. «О выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml; Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989; Состояние преступности в Российской Федерации в 2005 году: Статистический обзор МВД РФ. – М.: МВД РФ, 2006 (февраль); Столяров А.И. Российский финансовый рынок: современное состояние и перспективы развития // Финансы. – 2004. – № 2; Чагин Б.А. Объективные и субъективные факторы общественного развития // Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1984; Congressional Research Service. The Library of Congress. U.S.A.-Russia Summit, October 23, 1995 // SRS Report for Congress, November 2, 1995 / By Jim Nichol. P. CRS-1 – CRS-6; Tsitsoura A. Faut-il un droit penal europeen? // Pouvoirs. No. 55, 1990.

непосредственным связующим звеном в системе всех социальных отношений, включая уголовно-правовые и иные криминологические отношения[566]. Относительно самостоятельным элементом правовой культуры, определяющим преступность и уголовную политику, являются политические и правовые традиции, обычаи и нравы общества, его социальных слоёв и групп[567]. Противоречия правовой культуры, её недостаток или отсутствие создают реальную возможность совершения преступлений.

Взаимосвязь, взаимодействие экономики, политики, права, идеологии и преступности, а также уголовной политики выражаются в том, что:

- только исторически определённые экономические, политические и правовые отношения и противоречия порождают соответствующие идеологические и иные отношения и противоречия общественного сознания[568];
- политические, юридические и идеологические (психологические) отношения и противоречия являются ступенями отражения и формами проявления экономических отношений и противоречий[569];
- все социальные отношения и противоречия в своей совокупности образуют иерархическую систему отношений и противоречий, в которой каждая её последующая ступень и форма является ступенью и специфической формой отражения отношений и противоречий предыдущего уровня и формы;
- идеологические, как и иные духовные, отношения и противоречия являются производными и самостоятельными формами отражения отношений и противоречий самого высокого порядка (отражением отражения) и в силу своей сущности являются идеальной формой синтезирования и интегрирования всех

---

[566] Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М., 1985; Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. – М., 1967; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М., 1986.

[567] Алиев Я.Л., Сальников П.П. Правовая реальность и формирование традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 61-75; Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции как связь и преемственность истории российской государственности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 7-18.

[568] Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.

[569] Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономическая амнистия – иллюзия и реальность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 97-113.

социальных отношений и противоречий[570];

- совокупность, наложение и синтез всех социальных противоречий неизбежно порождают множественность, разнородность, различия и поляризацию общественных отношений и общественного сознания данного общества, возникновение в их структуре антисоциальных, в том числе преступных форм общественных отношений и общественной психологии;
- заключённые в экономических, политических и правовых отношениях и противоречиях коренные интересы и цели их социальных носителей являются высшим уровнем достижения одновременно и единства, и противоречивости объективных и субъективных факторов общественного развития;
- как теоретический систематизированный уровень осознания и реализации интересов и целей своих носителей идеология вынуждена раздваиваться и обосновывать разнородные интересы и цели исключительно с учётом места и социального положения своего носителя в социальной системе;
- как официальная позиция образующих государство социальных сил, их идеология и правовая идеология в особенности являются доминирующими формами идеологии любого современного общества; в самой идеологии это может выражаться по-разному, а именно в виде отрицания связи и роли идеологии с объективными социальными факторами, с политикой и правом, отрицания идеологических форм общественных отношений и общественного сознания или в виде открытого их признания и обоснования;
- преступность, право, его нормы, уголовная политика являются необходимыми различными формами проявления, реализации объективных экономических и политических отношений антагонистического общества, формами разрешения его противоречий[571];
- идеологические отношения, идеология обусловлены необходимыми, закономерными социальными процессами, в первую очередь экономическими и политическими, составляют их неотъемлемую и относительно самостоятельную часть, выполняют социально-необходимые функции;

---

[570] Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.

[571] Толстых В.И. Общественное сознание: социальная природа, функции, формы // Общественное сознание и его формы. – М., 1986. С. 66.

- основными функциями идеологии и правовой идеологии, в частности, являются: социально-ориентирующая, то есть мировоззренческая, нравственно-этическая, методологическая функции; регулятивная (регулирование общественных отношений); принудительно-направляющая (оказание психологического воздействия и давления с целью вытеснения нежелательной идеологии и психологии); кумулятивная; прогностическая.

Социальная роль идеологии определяется её носителями и может быть в зависимости от её социальной направленности – прогрессивной[572], реакционной, нейтральной. Её функции распространяются на все общественные отношения, социальные явления, в том числе на преступность, уголовную политику. Характер и направленность этой роли зависят от исторического типа и социальной сущности государства, его политики[573].

По отношению к преступности и уголовной политике идеология, её правовая форма выступают в качестве идейно-теоретической базы предупреждения и устранения преступности, формирования у их адептов правовой культуры[574], правосознания[575], конструктивной, социально-полезной жизненной позиции и резко негативного отношения (осуждения) преступных проявлений. Правовая идеология является составной частью доктринальной стороны уголовной политики, правовой системы, права и законодательства. Она служит обоснованием и формой реализации стратегии, тактики, направлений, форм, способов и средств уголовной политики. В силу противоречивости, глубокого кризиса социальных процессов в современной России её идеология, правовая идеология страдают теми же противоречиями,

---

572 Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004; Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.

573 Злотников Ю.А. Общественное сознание и особенности идеологической борьбы в современных условиях // Марксистко-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики. – М., 1982. С. 199-207.

574 Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58; Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22. .

575 Олейников В.С. Правосознание личности: социально-правовой аспект: Монография. – СПб., 2004; Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.

что и вся духовная сфера общества. Противоречива, если не сказать, минимальна, её роль в предупреждении и устранении преступности.

Правовая пропаганда, многие средства массовой информации вместо целенаправленных усилий по предупреждению преступности распространяют культ насилия, стяжательства, оправдания лиц, подозреваемых в совершении опасных преступлений. А порой навязывают России пропагандируемые Западной Европой и США чуждые нам так называемые ценности, а на самом деле антиценности[576].

Чрезмерная нацеленность на скандал, всякого рода разборки, пренебрежение «рутинными» делами, например, уборкой урожая – «непростительный грех за российскими СМИ», порождающий «дополнительную нервозность в обществе», а то и способствующий «его нравственной деградации»[577].

Выводы:

1. Общественные отношения, составляющие сущность уголовной политики, являются органической составной частью политической надстройки общества, относительно самостоятельным видом политических отношений и политики как самостоятельной сферы общественной жизни. Они – основа сущности объекта уголовной политики (преступности) и основа сущности и содержания и деятельности по борьбе с преступностью, а также предмета юридической науки. И как таковые эти отношения реализуют системообразующие функции в формировании, развитии, функциональном предназначении и реализации уголовной политики. Несмотря на разнородность, различия в своей сущности, принадлежности и функциональной роли, они образуют самостоятельный интегрированный и решающий фактор в формировании, развитии, функционировании и реализации уголовной политики. И эти отношения, вместе взятые, диалектически противоречивые и взаимодействующие, составляют содержательную основу

---

[576] Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198; Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.

[577] Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.; Потолокова М.О. Манипулирование в рекламе // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 63-65; Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014; Кошванец В. «Кристалл» на пьедестале // Санкт-Петербургские ведомости. – 2000. – 12-18 августа. С. 1-2.

объективной стороны этой политики.

2. Правовые нормы как необходимая и неотъемлемая составляющая уголовной политики составляют содержательную основу правовой системы, права, юридической науки и социально-правовой политики. Занимают промежуточное и вместе с тем самостоятельное положение в системе составляющих объективно-субъективного содержания уголовной политики. Образуют формально-нормативную сторону этого содержания. По своему характеру и сущности они являются воплощением объективно существующих интересов и потребностей личности, общества и государства. И поскольку интересы и потребности являются самостоятельными элементами субъективной стороны и антиподом общественного бытия – общественного сознания, его уровней, видов и форм, то и нормы права являются прежде всего элементом субъективной стороны уголовной политики. В тоже время правовые нормы имеют и объективное содержание. Как регуляторы общественных отношений они выступают как связующее звено между объективной и субъективной сторонами уголовной политики. Они охватывают и подвергают воздействию и изменению все составляющие этой политики. Выполняют социально необходимую и действительную роль регуляторов реально существующих социальных противоречий, конфликтов и проблем[578]. Служат средством и мерой преобразования интересов и потребностей субъектов права и уголовной политики как основных ингредиентов их субъективной стороны в объективные формы поведения и деятельности этих субъектов, то есть в объективную сторону уголовной политики.

3. Право, правовые отношения и нормы являются самостоятельными существенными формами проявления и реализации как правовой идеологии, так и юридической науки. В них в присущих им формах

[578] Баранов В.М., Худойкина Т.Р. Теория юридического конфликта: философские и социологические аспекты // Юрист-правовед. – 2000. – № 1. – С. 22-28; Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003; Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14; Лапаева В.В. Социально-политические конфликты и право // Драма российского закона. – 1996. – С. 88-105; Основы конфликтологии: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрист, 1997. – 197 с.; Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.; Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: природа, виды, преодоление // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 6. – М., 1994. – С. 49-61; Шайков В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение: Научно-практическое издание. – Минск: Амалфея, 1997. – 288 с.

закрепляется, определяется, осуществляется уголовная политика государства, его правовая идеология. Правовые нормы в гносеологическом аспекте воплощают в себе теоретические формы познания права[579], правоприменительной[580] и правоохранительной деятельности[581]. Содержащиеся в них понятия, суждения и умозаключения олицетворяют собой опосредованный опыт борьбы с преступностью, лучшие национальные отечественные и международные правовые традиции[582] и модели уголовной политики.

4. Деятельность субъектов уголовной политики, её направления, способы, средства и формы – основа основ содержания объективной стороны этой политики. Концентрируя и воплощая в себе потребности и интересы субъектов уголовной политики, она выступает в качестве её решающей составляющей. Именно деятельность обеспечивает достижение и реализацию её целей, то есть она является источником и движущей силой превращения объективной стороны уголовной политики в её субъективную сторону.

5. Объективные факторы не ограничиваются только материальными элементами, а сочетаются с такими идеальными формами жизнедеятельности, которые выступают в качестве опосредованного её образца и модели. Генерируемые этими факторами социальные противоречия создают принципиальную возможность преступности, формирования

---

[579] Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216; Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209; Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.

[580] Григорьев Ф.А. Акты применения права: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995. – 65 с.; Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – 633 с.; Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. – М.: Юрид. лит., 1979. – 136 с.

[581] Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

[582] Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32; Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.

и функционирования уголовной политики.

6. Субъективные факторы, определяющие преступность и уголовную политику, как факторы, зависящие от воли и сознания людей, охватывают различные идеальные формы, психические процессы, свойства, состояния и образования, основополагающими среди которых являются потребности и интересы субъектов правоотношений, их личностные качества, а также правовая психология[583] и правовая идеология[584]. Эти факторы находятся в диалектической связи с объективными факторами уголовной политики и воздействуют на них как социальная сила, превращающая возможность преступности, создаваемую объективными факторами, в её действительность.

7. Социальная психология и идеология, включая их правовые формы, являются решающей силой, приводящей в движение объективные факторы преступности и уголовной политики.

8. Особая роль в формировании уголовной политики, механизма её воздействия на преступность принадлежит идеологии. Последняя в силу её сущности и социально незаменимых функций выступает необходимой теоретической базой, составной частью доктринальной стороны уголовной политики, правовой системы, права и законодательства. Она служит обоснованием и формой реализации стратегии, тактики, направлений, форм, способов и средств уголовной политики.

9. Конструктивная социальная роль идеологии реализуется только посредством её воздействия на социальную психологию, являющуюся первоосновой мотивации и направленности социального поведения.

---

583 Байниязов Р.С. Правосознание: Психологические аспекты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. –1998. – № 3. – С. 16-21; Бандурк А.М., Бочаров С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: Учебник. – Харьков, 2002. – 596 с.; Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб., 2003; Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179; Кузьмин Р.П. Психология предварительного расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях: Дис. … канд. псих. наук. – СПб, 2003; Нурпеисов Е.К. Психология правомерного поведения. – Алма-Ата, 1984; Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 2010; Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учебник для вузов. – М.: Зерцало-М, 2002.

584 Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18; Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.

2. Диалектика теории и практики уголовной политики

Уголовная политика невозможна без ее методологии и общетеоретических принципов. Методология уголовной политики предполагает: 1) уяснение сущности этой политики с позиций принципов, законов и категорий диалектики; 2) определение сущности, понятия, теории и практики уголовной политики; 3) анализ единства и противоречий между её теорией и практикой.

Любая методология, включая методологию уголовной политики, опирается на определенные мировоззренческие принципы и постулаты. Применительно к правовым отношениям, характеризующим теорию и практику уголовной политики, она включает единство логического, научно-теоретического и эмпирического, предметно-практического анализа уголовной политики с позиций определенного мировоззрения. Основой методологии и теории этой политики является система диалектических, общенаучных (общеправовых) и специальных принципов познания, среди которых основополагающим является принцип единства и противоположности теории и практики вообще и теории и практики уголовной политики в частности. Основой основ любой методологии является мировоззрение.

Мировоззрение (как система идей, взглядов на мир, на место и роль человека в нем, на отношение людей к окружающей действительности и самим себе, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности[585]) служит важнейшим фактором как теории, так и практики права, уголовной политики. По отношению к праву и уголовной политике мировоззрение выступает в качестве:

- идеальной основы познания права, его норм, уголовной политики и всех её составляющих, в том числе материалов конкретного уголовного дела;
- мотива и движущей силы этого познания;
- фактора, определяющего социальный характер, механизм, направленность и результаты познавательной и практической деятельности;
- принципиального подхода к теории и практике уголовной политики;
- нравственной и научной позиции всех её субъектов;
- идеального критерия оценки познавательной, теоретической и

[585] Иллюстрированный энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина, А.А. Гусева, М.Н. Ланда и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 457.

практической деятельности субъектов уголовной политики.

Основой мировоззрения является его теоретический уровень в виде юридической науки, правосознания и правовой идеологии. Мировоззрение тесно связано с наукой, идеологией, включая их правовые формы. Идеология – это система взглядов, идей, теорий, оценок, идеалов и директив действий, организованных в определенные формы и отражающих интересы и устремления определенной социальной общности[586]. В данном определении подчеркиваются такие признаки идеологии, как системность, теоретически выраженный характер, идеальность, определенность форм выражения, социальная направленность.

Идеология и наука – соотносимые понятия, их нельзя «ни отождествлять, ни противопоставлять. Эти категории перекрещиваются, их содержание и объем совпадают в одном отношении и не совпадают в другом»[587]. Их совпадение состоит в характере и уровне адекватности отражения действительности, в возможности и способности давать относительно достоверное представление о мире; несовпадение – в различных сферах (объектах) отражения, способах и формах такого отражения.

Идеология отражает социальную сферу общественной жизни: потребности, интересы, социальные устремления социальных общностей, их производственные, социально-политические, правовые, морально-этические, философские, эстетические и любые другие духовные отношения, закономерности общественного развития[588]. Наука, как систематизированное, относительно достоверное знание, выражает законы и закономерности природы, общества, мышления.

Идеология отражает общественную жизнь в форме политических, правовых, философских, религиозных, нравственных, эстетических воззрений, взглядов, идей, оценок, установок. Наука делает это в форме законов, научных фактов. Наука в любом случае содержит относительную истину. Идеология делает это с обязательным учетом интересов, потребностей, устремлений своего носителя, то есть она как бы вольно или невольно препарирует истину.

---

[586] Котенко В.П. Критика идеологии современного милитаризма (Философско-социологический критический анализ идеологии империалистического милитаризма). – Л., 1981. С. 35; Уледов А.С. Структура общественного сознания. – М., 1968. С. 187.

[587] Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. – Л., 1961. С. 40.

[588] Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13..

Идеология не существует вне ее носителя, его интересов. Последние всецело определяют характер, направленность идеологии, уровень ее научности. Если интересы данной социальной общности требуют или диктуют необходимость скрыть истину, идеология делает это, подавая истину в таком виде, который способен превратить истину в свою противоположность. Уровень научности идеологии определяется также характером и достигнутым уровнем научного знания. При отсутствии такового или при его минимальном уровне идеология не может быть научной, являясь иллюзорным, искаженным отражением действительности.

Наука, идеология и особенно такие их формы, как юридическая наука и правовая идеология, законодательство, правоприменительная деятельность, вместе взятые в их сложном диалектическом единстве и взаимодействии, образуют теорию и практику любой деятельности, в том числе деятельности в сфере правосудия. При этом наука и идеология, а также содержащиеся в законодательстве понятия, категории, суждения и умозаключения, весь его информационный и категориально-понятийный аппарат, используемые в правоохранительной деятельности и в деятельности по осуществлению правосудия в целом, образуют теорию уголовной политики, а законодательство, как опосредованный конкретно-исторический социальный опыт, и правоприменительная, а также правоохранительная деятельность в сфере борьбы с преступностью – его практику.

Теория предполагает достоверное, истинное знание. Существенными признаками теории являются системность, относительная достоверность знаний, подтверждение их соответствия действительности практикой[589].

Уголовная политика и её составная часть – правоохранительная деятельность, будучи частью и формой политики государства[590], представляют собой теорию и практику борьбы с преступностью, теорию и практику охраны и защиты интересов личности, общества, государства[591].

Теория уголовной политики представляет собой систему относительно достоверных знаний о политико-правовых отношениях, нормах,

---

[589] Меркулов И.П. Теория как метод познания // Вопросы философии. – 1983. – № 3. С. 39.

[590] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986. С. 5.

[591] Гришман П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики. Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989. С. 3.

идеях, взглядах и понятиях, реализуемых в политико-правовых и административно-организационных формах деятельности его субъектов по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих, охране законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства.

Характерными признаками теории уголовной политики являются: ее предмет – относительно достоверные систематизированные знания в сфере борьбы с преступностью, выявления, предупреждения и устранения причин и условий, её порождающих; объект познания – преступность, её причины, условия, направления, формы и способы деятельности субъектов уголовной политики в данной сфере; относительная достоверность знаний о направлениях, формах и способах деятельности в указанной сфере, их системность.

Практика уголовной политики – это предметно-чувственная, естественноисторическая деятельность её субъектов по борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих. Практика уголовной политики не ограничивается каким-то одним актом деятельности, например, по конкретному уголовному делу. Она представляет собой как весь совокупный опыт такой деятельности предыдущих поколений, так и бесконечность ее процесса. При этом ее субъектами являются бесконечные множества бывших, действующих и будущих поколений профессионалов, осуществляющих эту политику. Эта практика предполагает устоявшиеся модели и стереотипы, направления, формы и способы деятельности, подтвердившие свою необходимость, обоснованность и состоятельность[592].

Существенной составляющей практики уголовной политики является предметно-чувственный характер и целенаправленность деятельности её субъектов. Предметно-чувственный характер деятельности в сфере правосудия предполагает:

- конкретные, динамичные и личные, а также личностные физические акты поведения его субъектов;
- включенность в процесс деятельности всей интеллектуальной и эмоциональной сферы их сознания;

[592] Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89; Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.

- использование совокупного социального опыта в сфере укрепления законности, правопорядка, борьбы с преступностью предыдущих поколений его участников в виде эмпирических знаний и теории;
- непосредственный чувственный контакт с объектом и предметом деятельности;
- воздействие на объект и предмет деятельности;
- затраты психической и физической энергии;
- определенные внутренние и внешние изменения в объекте и предмете деятельности.

Целенаправленность деятельности в сфере уголовной политики выражает ее системный, строго упорядоченный, направленный, согласованный по времени и месту, а также последовательный, имеющий четкие и конкретные формы характер.

Так, статья 17 УПК РФ, регулируя свободу оценки доказательств, говорит о том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью[593].

В статье речь идет об интеллектуальной, теоретической деятельности субъектов уголовной политики. Но она, эта деятельность, является, с одной стороны, элементом всей практики уголовной политики, и охватывает характерные признаки и особенности этой практики – с другой.

Приведенный пример характеризует и сложный диалектический характер взаимосвязи теории и практики уголовной политики. Этот характер можно определить как конкретное проявление одного из законов диалектики – закона о единстве теории и практики[594], об определяющей роли практики[595], решающей роли теории в познании. Существенным аспектом этого закона является и его требование о противоречивости теории и практики.

Единство теории и практики уголовной политики состоит в том, что они в своей сущности имеют ряд важных единых признаков, а именно:

- единый предмет и объект правового регулирования – уголовная политика как система правоотношений, правовых норм, понятий,

---

[593] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

[594] Ленин В.И. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 29. – М., 1974.

[595] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полн. Собр. соч. Т. 18. – М., 1973.

идей и взглядов, разнообразных направлений, форм и способов деятельности;

- единый объект уголовно-правовой охраны – правоотношения в сфере борьбы с преступностью, выявления, предупреждения и устранения причин и условий, её порождающих ;
- единые субъекты правового регулирования – законодательные, исполнительные (правоохранительные) и судебные органы государства;
- единые субъекты преступных посягательств – лица, совершившие преступления;
- единый процесс реализации, в том числе общие (единые) законы и формы познавательной и предметно-практической деятельности – применение норм права, регулирующих правоотношения в сфере уголовной политики; принципы, законы и категории диалектики, общенаучные и специальные принципы, методы и формы познания, применения и осуществления норм права, в том числе: на уровне обыденного сознания – ощущение, восприятие, представление; на теоретическом уровне – понятие, суждение, умозаключение, а также все формы предметно-практической деятельности субъектов уголовной политики;
- деятельность как единство объективного (практика) и субъективного (теория) – абстрактно-логические формы мышления, теоретические (аналитические) и предметно-чувственные акты (формы) поведения.

Особенностью деятельности в сфере уголовной политики является органическое единство её абстрактно-логической, предметно-теоретической и предметно-деятельной сторон. Это единство обусловлено сущностью этой политики, структурой и логикой его содержания, составом и сугубо специальным (юридическим) характером как профессионального мышления, потребностей и интересов юристов, мотивов их поведения, так и их деятельности.

Будучи теорией, они являются системой категорий, понятий, доктрин, концептуальных установок, оценок, выводов, прогнозов и планов, относительно достоверно отражающих источники, причины, сущность, состояние, структуру, динамику преступности, стратегию и тактику борьбы с ней. В равной мере они отражают сущность, механизм, стратегию и тактику правоохранительной деятельности.

Как практика уголовная политика есть деятельность по изучению, организации и осуществлению мер контроля, ограничения и устранения преступности, её причин и условий. Одновременно она является деятельностью по осуществлению охраны и защиты высших

социальных приоритетов – прав и свобод личности, интересов общества и государства.

Любая теория прежде всего выполняет методологическую функцию. И теории уголовной политики не являются исключением. Они, эти теории, являются формами и методами научного познания уголовной политики, научно-исследовательской деятельности её субъектов, так как:

- аккумулируют, обобщают накопленные знания, сохраняя в них достоверные, проверенные практикой элементы знания;
- в гносеологическом отношении являются одной из форм активного отражения действительности, представляя собой определенным образом организованную концептуальную систему;
- ее концептуальные структуры и модели, в том числе полученные экспериментальным путем, описывают сущностные характеристики соответствующих идеализированных объектов; такое теоретическое (вторичное) отражение действительности обязательно предполагает наличие опосредующего звена в виде соответствующих концепций, моделей и т.п.;
- практическое применение концептуальных теорий обязательно требует разработки соответствующих частных теорий и специальных моделей исследуемых объектов;
- будучи формой воспроизведения сущностных характеристик идеализированных структур, научная теория уголовной политики выступает как способ организации, способ существования таких структур, что в свою очередь порождает необходимость специальных методов построения теоретических систем научного познания уголовной политики;
- выступая в качестве метода построения теоретического знания, теории этой политики являются способом оптимизации проверочных свойств частных научных теорий, что достигается как наглядными научными доказательствами (иконическими) моделями, графиками, чертежами), так и концептуальными средствами развертывания «скрытой» информации (логико-математическими теориями и моделями, диалектико-логическими законами и т.п.);
- позволяют выделить и построить научные гипотезы о возможных сущностных характеристиках непознанных сторон и явлений уголовной политики и сделать возможные допущения с целью их описания и углубления в их сущность;
- делают возможным сравнение таких допущений непосредственно с результатами экспериментов и наблюдений и в этом

смысле они выступают в качестве гипотетико-дедуктивных теорий, опирающихся на комплекс эмпирических данных и социальных экспериментальных закономерностей [596].

Применительно к теории и практике уголовной политики методологическая функция теории этой политики позволяет:

- выделить гипотетико-дедуктивные теории уголовной политики на основе критерия степени адекватности (приближенности) отражения ею действительных связей этой политики с фундаментальными основами общественной жизни, её противоречиями, с преступностью как следствием и производной этих противоречий, с пространственно-временными факторами их проявления;
- оценить современные уголовно-правовые теории и доктрины с точки зрения глубины их проникновения в сущность социальных процессов, законодательства, в организацию, функционирование всей правоохранительной деятельности и борьбы с преступностью;
- классифицировать эти теории и доктрины по названным критериям на соответствующие виды;
- использовать их в качестве теоретического метода познания уголовной политики в смысле определения их связи с экономикой, политикой, идеологией, выявления их места и роли в механизме этой политики, их морально-политической и правовой оценки, выработки определенного социального отношения к уголовной политике в целом и её составляющим.

Практика уголовной политики является относительно самостоятельным направлением и существенной составляющей общей социальной практики. Социальная практика – это деятельность человечества по преобразованию природы, производству и воспроизводству материальных и духовных благ, самих людей и человечества в целом[597].

Деятельность по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин и условий, порождающих или способствующих преступности, – основополагающая, определяющая и решающая составляющая практики уголовной политики. Сущность этой деятельности, её направления, формы и способы в основном раскрыты.

---

[596] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2015. С. 40-47.

[597] Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 21; Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Ред. коллегия В.И. Бородулин, А.П. Горкин и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 581.

Однако сама эта деятельность является многоуровневой, разнородной и многогранной. Она не сводится к деятельности государства, «осуществляемой на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющей основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания, целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на неё), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами»[598].

Важнейшими существенными сторонами этой деятельности являются её предметно-деятельная, предметно-аналитическая и предметно-ресурсная стороны. Эти стороны охватывают разработку и осуществление стратегии и тактики борьбы с преступностью, изучение сущности, состояния, причин и условий, порождающих или способствующих преступности, подготовку кадров, создание и использование материально-технической базы, реализацию системы мер укрепления законности, борьбы с преступностью, обеспечению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Такой подход к теории и практике уголовной политики позволил отечественным исследователям (А.И. Александров, В.П. Сальников, А.Ф. Федоров, С.И. Захарцев, М.В. Сальников и др.) предложить свой подход к пониманию уголовной политики и рассмотрению ее элементов[599].

---

[598] Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика: актуальные проблемы организации борьбы с преступностью. – Баку: Азернешр, 1990. С. 124.

[599] Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110; Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14; Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15; Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97; Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108; Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58; Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85; Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент

Особенности предметно-деятельной стороны уголовной политики обусловлены и связаны с характером и сущностью её объекта, а также с преломлением общих закономерностей, выражающих сущность любого вида социальной практики, в специфические виды, формы и способы деятельности субъектов уголовной политики по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению её причин и условий.

Уголовная политика, правосудие, правоохранительная деятельность, включая деятельность по борьбе с преступностью, ее предупреждению и устранению, непосредственно связаны с формированием и функционированием всей социальной системы, её противоречиями. Противоречия социальной системы имеют решающее значение для формирования, развития и функционирования уголовной политики как единства её теории и практики. Они, противоречия, во-первых, обусловливают *необходимость* практики уголовной политики. Во-вторых, они являются неотъемлемыми социально-политическими и правовыми элементами условий возникновения, функционирования и развития этой практики. В-третьих, они составляют необходимые элементы создания и развития её *механизма*. Правосудие, например, само по себе является правоохранительной деятельностью, в которой предметно-деятельная сторона является не только устоявшейся формой и эффективным способом разрешения социальных противоречий, но и как проверенное средство воспитания граждан в духе уважения к существующему общественному порядку и закону. Оно проявляет себя как специфическая государственно-правовая традиция[600].

Предметно-деятельная сторона практики уголовной политики – это конкретно-исторические концентрированные формы поведения, общения и деятельности субъектов этой политики как между собой, так и с другими субъектами данной социальной системы. В правоохранительной деятельности предметно-деятельная сторона уголовной

уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107; Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97; Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 260-283; Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.

[600] Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.

политики выражается в устоявшихся и наиболее эффективных формах общения, поведения, моделях и стереотипах деятельности с учетом действующих социально-политических сил, их интересов, места, времени и конкретной социально-политической ситуации.

Предметность уголовной политики выражает ее непосредственность, прямую связь общения, поведения и деятельности с их конкретными объектами, формами, способами, средствами и целями, а также их оплодотворенность социальными потребностями, интересами, волей, чувствами ее субъектов и условиями реальной жизненной ситуации. В правоохранительной сфере она характеризует конкретные проверенные практикой, доказавшие свою эффективность направления, формы, способы, средства и результаты общения, поведения и деятельности.

Существенными слагаемыми предметности правоохранительной деятельности и уголовной политики являются:

- опосредованность и включенность в объективных формах этой деятельности всех социально-психологических, идеологических и научных составляющих сознания ее субъектов – их профессиональные и личностные потребности, интересы, взгляды, интеллект, убеждения, знания, навыки, умения. А также – уровень и формы мышления, чувства, волю, эмоции, привычки, настроения, психические и психологические состояния и образования, включая накопленный жизненный опыт и унаследованные природные особенности психики;
- социально-психологические, идеологические и научно-теоретические и иные духовные социальные состояния, образования профессиональных групп и коллективов сотрудников правоохранительных органов;
- привязанность деятельности сотрудников правоохранительных органов к месту, времени, обстановке, условиям, целям, задачам и функционально-целевым установкам этой деятельности;
- характер, содержание и социальная направленность указанной деятельности с учетом ее конкретных целей и задач;
- строгая определенность форм, способов и средств деятельности;
- ее всестороннее социально-психологическое, научно-теоретическое сопровождение и материально-техническое обеспечение.

Определяющими и решающими составляющими предметности правоохранительной деятельности являются ее социально-политические, идеологические, психологические функционально-целевые установки, с одной стороны, и конкретно-содержательные профессионально-технические компоненты, с другой стороны.

Механизм взаимосвязи теории и практики уголовной политики выражается в их функциональном взаимодействии между собой, в постоянном и непрерывном взаимном влиянии друг на друга. Оно, это взаимодействие и взаимное влияние, проявляется в том, что:

Теория по отношению к практике уголовной политики:

- является ее идейно-теоретическим обоснованием, объяснением и идеологическим прикрытием;
- логической моделью выражения;
- выполняет по отношению к ней социально-ориентирующую (мировоззренческую), методологическую, информационную, регулятивно-охранительную, кумулятивную, прогностическую и иные функции. Она всегда выступает как кладезь знания, опосредованного социального опыта и логической модели деятельности. Главным функциональным предназначением теории уголовной политики является обоснование её необходимости, сущности, закономерностей функционирования и развития. Без теории практика слепа, незряча и аморфна. Теория всегда характеризует уровень и качество уголовной политики.

Практика по отношению к теории уголовной политики:

- формирует и обусловливает факторы, определяющие потребность и необходимость теории правосудия;
- является основой и движущей силой развития теории;
- ставит перед теорией новые задачи;
- определяет ее социальную сущность, направленность, содержание и форму проявления;
- характеризует социальное положение и роль носителя и субъекта развития;
- выявляет противоречия теории уголовной политики;
- создает необходимые материальные условия, средства и механизмы развития;
- предопределяет правовые источники и юридический инструментарий правового регулирования функционирования и развития теории, а также процессуальные формы закрепления, обобщения, аккумулирования, распространения и реализации ее лучших достижений;
- служит одновременно и абсолютным, и относительным критерием истинности, социальной состоятельности и справедливости теории;
- олицетворяет собой единство и противоречие абстрактно-логического, теоретического и чувственно-эмпирического уровней познания объекта уголовной политики.

Для обоснования указанных тезисов ограничимся краткими отдельными иллюстрациями.

Наглядным подтверждением этому являются события, факты и оценки борьбы с актами терроризма, имевшими место практически в одно и тоже время в разных странах и на разных концах земного шара[601]. Если, скажем, акты терроризма, совершенные в сентябре 2001 года в США, в Америке и в большинстве стран официальная политика и общественное мнение оценивали как таковые, то есть именно как акты терроризма, то сами террористы и силы, стоявшие за ними, так не считали. Они их оценивали как акты справедливого возмездия по отношению к политике США и других стран НАТО[602], проводивших и проводящих политику полного приоритета интересов своих стран над интересами других стран.

Иными словами, предметно-деятельная сторона уголовной политики, как и все другие её стороны, представляют собой диалектическое единство и противоречие объективного и субъективного, конкретного и опосредованного, реального и мнимого. Наличие в практике уголовной политики значительной, а порой и определяющей доли субъективных элементов вносит в эту политику существенные моменты стихийности, спонтанности, субъективности, неопределенности и непредсказуемости. Наглядным примером данного вывода может служить возникновение, особенно, в конце XX – в начале XXI веков так называемой «информационной преступности», то есть преступности, связанной с совершением преступлений, сущность которых составляют противоправные способы использования информации.

Информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления или существования. «Информационные преступления» – общественно опасные деяния, совершенные в области информационных правоотношений и запрещенные уголовным законом под угрозой наказания[603]. К таким преступления относятся преступления, предусмотренные стст. 129 (клевета), 138 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений), 146 (нарушение авторских и смежных прав), 159 (мошенничество), 173

---

601 Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 3-8.

602 Там же. С. 3-8.

603 Жиляев А.И., Данилин С.Н. Нетрадиционные методы совершения преступлений и их учет в борьбе с преступностью // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы / Ред. коллегия: А.И. Долгова, В.В. Астанин и др. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 50.

(лжепредпринимательство), 176 (незаконное получение кредита), 180 (незаконное использование товарного знака), 182 (заведомо ложная реклама), 183 (незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну), 207 (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ), 276 (шпионаж), 307 (заведомо ложное показание, заключение эксперта или неправильный перевод), 324 (приобретение или сбыт официальных документов или государственных наград), и некоторые другие преступления.

Статистика показывает, что удельный вес информационных преступлений имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Если в 1997 году таких преступлений было совершено 110 208, то в последующем их число неуклонно увеличивалось: 1998 г. – 128 795, 1999 г. – 157 744, 2000 г. – 177 537, 2001 г. – 184 642. Прирост с 1997 г. по 2001 г. составил + 67, 6%[604].

Кардинальные социально-политические, идеологические и иные изменения в общественном строе, экономическом базисе, политической и правовой надстройке выявили несовместимость многих теоретических и концептуальных построений советской и современной (российской) теории и практики уголовной политики и обусловили необходимость их существенного пересмотра с учетом новых потребностей, целевых установок и задач современной России. Они, эти изменения, вызвали к жизни и новые мировоззренческие и правовые теории и взгляды на уголовную политику. Широкое распространение получили её субъективно-идеалистические, неопозитивистские концепции. Некоторые из них закреплены в новейших нормативно-правовых законодательных актах, регулирующих правосудие. В новом УПК РФ, например, ст. 5 содержит шестьдесят различных понятий, многие из которых являются относительно новыми и не отражают действительную сущность и существенные реалии современного правосудия. Нечеткими, неопределенными и малопонятными представляются такие понятия, как «уголовное преследование», «частный обвинитель», «свидетельский иммунитет», «розыскные меры», «неотложные следственные действия», «непричастность» и т.п.. Многие новации в УПК свидетельствуют о методологической непоследовательности его авторов и заключают в себе существенные противоречия в правовом регулировании и в правоприменительной практике правосудия,

[604] Там же. С. 51.

включая судебную практику квалификации преступлений[605].

Основными противоречиями теории и практики уголовной политики являются:

- существенные различия и даже антагонизм в интересах и отношениях её субъектов;
- несоответствие декларируемых целей, доктринально-концептуальных установок и реально достигнутых результатов уголовной политики;
- несовместимость объективно необходимой и реальной юридической базы (правового регулирования);
- несовпадение содержания и формы (между материальным и процессуальным законодательством, между установленным законом и реальным воплощением практики реализации правового статуса субъектов уголовной политики и всей системой сложившихся действительных правоотношений между ними);
- огромный разрыв между объективным и субъективным характером правоотношений в сфере уголовной политики; между объективно необходимой и действительной правовой культурой её субъектов; между теоретическим (научным) и обыденным уровнями правосознания; официально декларируемыми и пропагандируемыми нравственными установками на роль и место суда, правоохранительных органов, правосудия, правоохранительной деятельности в общественной жизни, в системе социальных отношений.

Исчерпывающая аргументация указанных противоречий не представляется необходимой в силу очевидности большинства из них. Ограничимся некоторыми примерами, раскрывающими решающую роль социальной направленности правосудия, социальных интересов его субъектов.

Например, верховный суд США, являющийся высшим органом судебной власти, о разграничении компетенции законодательной и исполнительной властей, занимает непоследовательную противоречивую позицию, которая в свою очередь является выражением противоречий внутри этого органа. Так, по делу Аугенблика (1969 г.) он признал, что Руководство для военных судов (основной источник законодательства о правосудии в вооруженных силах США, издаваемый президентом) «является руководящим документом, который обобщает правила доказывания, применяемые коллегиями пересмотра

[605] Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 143-150.

приговоров военных судов»[606]. То есть верховный суд фактически не признал «Руководство» законом. А по делу Noyd v. Bond (1969 г.) он постановил, что «Руководство... имеет силу закона, за исключением случаев, когда оно противоречит или не соответствует Единому кодексу военной юстиции...»[607]. Столь же «последовательна» хваленая американская Фемида и при вынесении приговоров по конкретным уголовным делам. Военные суды выносят наиболее суровые приговоры противникам войны и лицам, чье поведение расценивается как реальная угроза установленному правопорядку в вооруженных силах. «Одним из излюбленных методов приведения человека к послушанию, пишет Р. Шерилл, изучавший военно-судебную практику – является … произвольное назначение суда и наказания. Отказы от ношения военной формы (от военной службы) влекли за собой наказание в пределах от простого увольнения до трех лет тюрьмы. Неповиновение влекло тюремное заключение на срок от нескольких недель до 16 лет. Участие в антивоенном митинге, совершаемом на базе в военной форме, имело своим последствием все, начиная от административного увольнения и кончая 10 годами тюремного заключения[608]. Шерилл отмечает, что на его вопрос: «почему армия так произвольна в применении правовых норм и приговорах, выносимых военными судами?» в Пентагоне ему ответили, что «разная реакция командиров на инакомыслящих имеет свое целью не допустить их баланса»[609], то есть не дать им возможности сплотиться. Ссылаясь на официальные документы, Шерилл показывает, что наказание Пентагоном рассматривается как средство «улучшения» или «совершенствования» умов в лучшем духе. Обычно этот вид «совершенствования» применяется только к рядовым военнослужащим и младшим офицерам[610]. Среди казненных в армии ВВС по приговорам военных судов в 1930- 1965 г.г. не было ни одного офицера. За период с 1962 по 1969 г.г. в США было возбуждено всего 4 уголовных дела против высших офицеров (генералов и им равных), ни одно из которых не закончилось реальным исполнением наказания. Офицеры, подчас совершающие особо тяжкие злодеяния, остаются совершенно безнаказанными [611]. Военно-ревизионный суд армии (в настоящее время – уголовно-апелляционный суд армии, то есть сухо-

606 United States v. Augenblick, 393 U.S. 348 (1969).
607 Noyd v. Bond, 395 U.S. 683, 692 (1969).
608 Sherill R. Military Justice is to Justice as military music is to music. Homewood. 1969. P. 63-64.
609 Там же. P. 64-65.
610 Там же. P. 63-66.
611 Johnson E. Crime correction and society. Homewood, 1968 C. 442.

путных войск), подтверждая в 1945 г. смертный приговор рядовому Словику, совершившему дезертирство по политическим мотивам, указал: «рядовой Словик бросил открытый вызов власти, а будущее дисциплина зависит от решительного ответа на этот вызов. Если же смертная казнь и должна когда-то применяться за дезертирство, то она должна быть применена именно в данном случае, как средство поддержания дисциплины»[612]. Всему миру известен факт зверской расправы американских военнослужащих во главе с лейтенантом Колли во вьетнамской деревне Майлай (Сонгми), уничтоживших более 400 мирных граждан, в основном детей и стариков. Лейтенант Колли, признавший вину в том, что он лично расстрелял 109 человек, осужден военным судом лишь формально. По приказу главнокомандующего (президента) он фактически был освобожден от наказания. После увольнения написал книгу о своих зверствах во Вьетнаме, заработал более миллиона долларов. Военачальники, отдавшие приказ об «умиротворении» в деревне Сонгми, вообще не привлекались к уголовной ответственности, поскольку «выполняли приказ»[613].

Противоречивыми являются и современные, то есть самые последние приговоры и решения по уголовным делам судов и судебных инстанций общей и специальной юрисдикции США, в том числе их военных судов, вплоть до высшего суда вооруженных сил США, имеющего компетенцию, сходную с компетенций Верховного Суда США.

Богато противоречиями и российское правосудие. В этом отношении характерен новый УПК РФ. В качестве основополагающих целей УПК декларирует: «1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»[614]. В то же время он буквально переполнен нормами и ограничениями, которые ставят указанные цели уголовного судопроизводства в полную зависимость от имущественного положения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного. Он провозглашает суд как высший орган правосудия, утверждая принцип осуществления правосудия только судом. И в то же время он узаконивает частный и состязательный характер уголовного процесса, ставя адвоката на первое место в нем. УПК вообще отказался от принципа полного, всестороннего и объективного расследования уголовного дела. Объективная истина его не интересует. Существенные

---

612 Brodsky S., Egglston N.E. The Military Prison. – Harrisburg. 1967.

613 Вихров А.А. Военно-уголовное право США – орудие реакции и войны. – Л.: ВОЛАТТ, 1989.

614 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

противоречия имеются в правовом регулировании уголовных правоотношений в сфере борьбы с преступностью[615].

Выводы:

1. Уголовная политика есть единство и противоречие теоретической и практической деятельности её субъектов. И как таковое, оно, это единство и противоречие, определяет единство и противоречивость всех её составляющих, направлений, форм и способов, в том числе таких элементов уголовной политики, как правосудие, квалификация преступлений, методология и логика этой политики.

2. *Теория уголовной политики* представляет собой систему относительно достоверных знаний о политико-правовых отношениях, нормах, идеях, взглядах и понятиях, реализуемых в политико-правовых и административно-организационных формах деятельности его субъектов по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих, охране законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства. *Практика уголовной политики* – это предметно-чувственная, естественно-историческая деятельность её субъектов по борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих. Практика правосудия не ограничивается каким-то одним актом деятельности, например, по конкретному уголовному делу. Она представляет собой как весь совокупный опыт такой деятельности предыдущих поколений, так и бесконечность ее процесса.

3. Единство теории и практики уголовной политики состоит в том, что они имеют единые субъекты, объект, предмет правового регулирования; объект уголовно-правовой охраны; процесс реализации, в том числе общие (единые) законы и формы познавательной и предметно-практической деятельности; деятельность как единство объективного (практика) и субъективного (теория).

4. Противоречие между теорией и практикой состоит в том, что они, теория и практика:

- являются противоположностями по сущности, по идеальным (теория) и предметно-чувственным (практика) формам проявления;
- постоянно взаимодействуют друг с другом, превращаются одно

[615] Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012 – 320 с.; Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.

в другое по законам диалектики;
- влияют друг на друга как количество (практика) и качество (теория).

5. Противоречия между теорией и практикой уголовной политики имеют разнородный многоуровневый и сложный, системный характер. Они полностью соответствуют противоречиям в самой сущности уголовной политики как комплексного и системного явления и понятия. Решающую роль в них играют противоречия, характеризующие социальную сущность и направленность этой политики, интересы её субъектов.

РАЗДЕЛ IV.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью как необходимость

Сотрудничество государств в международной правоохранительной деятельности и укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью становится устойчивой и определяющей международной традицией и необходимостью[616]. Эта традиция вызвана к жизни, как это не парадоксально, с одной стороны, интеграционными экономическими, научно-техническими, политическими и культурными процессами. С другой стороны, именно противоречия интересов транснациональных корпораций и государств, стремление наиболее сильных из них навязать свою волю другим государствам и их погоня за максимальной прибылью неизбежно порождают противоправные и преступные способы и средства получения прибыли[617]. На международной арене плодятся, как грибы после дождя, многочисленные преступные международные группировки, маскирующиеся под международные экономические организации.

На Восьмом конгрессе ООН (Гавана, 1990 г.) отмечалось: «Организованная преступность создает прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности и представляет собой фронтальную атаку на политические и экономические власти, а также создает угрозу самой безопасности. Она нарушает нормальное функционирование социально-экономических институтов и компрометирует их, что приводит к утрате доверия к демократическим процессам.

---

[616] Долгова А.И. Правовые проблемы борьбы с организованной преступностью // Преступность и законодательство. – М., 1997; Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997; Федоров А.В. Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы. Сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / Составление и вступительная статья А.В. Федорова – М.: Астрея-центр, 2007; Чарльз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 2000. – 224 с.

[617] Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П. Социально-экономические реформы и проекты России: современные проблемы криминальных и финансовых угроз // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 173-179.

Она подрывает процесс развития и сводит на нет достигнутые успехи. Она ставит в положение жертвы население целых стран и эксплуатирует человеческую уязвимость, извлекая при этом доходы. Она охватывает, опутывает и даже закабаляет целые слои общества… и вовлекает их в различные и взаимосвязанные преступные предприятия»[618].

Рост организованной международной преступности и международная интеграция преступных группировок превращаются в устойчивую преступную традицию, антиподом которой является традиция международного сотрудничества в борьбе с международной преступностью[619]. Международное сотрудничество государств, общественности и граждан различных стран в борьбе с преступностью не только становится, но и является объективной потребностью и необходимостью.

Объективными факторами, обусловливающими необходимость международного сотрудничества в борьбе с преступностью, по данным официальных источников и материалов государственных органов,

---

[618] Руководство для дискуссии на Девятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. A / CONF. 169 / PM. 1 Corr. P. 39.

[619] Волженкина В.М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: Учебное пособие. – СПб, 1999; Захарцев С.И., Нахимов А.П., Числов А.И. Новый важный труд по финансовой безопасности России и зарубежных стран. Рецензия на монографию Е.Н. Кондрат «Международная финансовая безопасность в условиях глобализации. Основные направления правоохранительного сотрудничества государств» / Е.Н. Кондрат. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «Форум», 2013. 592 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 107-111; Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность в условиях глобализации. Основные направления правоохранительного сотрудничества государств. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Форум, 2013. – 592 с.; Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. – М.: ИНФРА-М, 2005; Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 105-115; Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР и совершенствование российского уголовного законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 163-184; Федоров А.В. К 100-летию системы международного контроля над наркотиками // Российский ежегодник международного права. 2008. – СПб.: Россия-Нева, 2009. – С. 89-102; Федоров А.В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 3. – С. 367-381; Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. – 2007. – № 4. С. – 37-43.

исследований авторов различных стран, являются разноуровневые и системные процессы, происходящие в современных международных отношениях, в различных странах, в различных сферах общественной жизни, в преступности и криминальном мире. По характеру, масштабам, уровням и сферам проявления эти факторы представляют собой систему причин, порождающих преступность как международное явление и борьбу с ней как социально необходимую реакцию международного сообщества на это явление[620]. Система этих причин включает:

- кардинальное изменение всей системы международных отношений, переход от многополярного к однополярному миру;
- существенные изменения международного положения России, ее внешней политики, отношений с другими странами;
- внутренние социальные противоречия, в том числе между государственными структурами и институтами и значительной частью общества (населением);
- внутренняя социальная политика многих стран, в частности России, в том числе: отсутствие стабильного повышения уровня жизни граждан, рост преступности, усиление преступных посягательств на имущественные и личные неимущественные права, свободы и интересы граждан и юридических лиц;
- противоречия в международно-правовых отношениях между государствами;
- значительные изменения социальной сущности, целевого предназначения, функций и содержания разных отраслей права и их институтов, в том числе норм и институтов международного права;
- малозначительность или отсутствие:
  - многоуровневой, эффективной и доступной большинству населения системы реализации конституционных прав и свобод;
  - четкого механизма реализации прав, гарантированных основным законом государства (конституцией);
  - достаточных экономических и социальных условий, материальной базы функционирования системы такой реализации;
  - взаимодействия государственных (правоохранительных) органов, осуществляющих борьбу с международной преступностью;
- слабая социальная активность населения в формировании,

[620] Эминов В.Е. Правовой и нравственно-психологический причинные комплексы преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 193-200.

становлении правового государства и управлении его делами, в борьбе с преступностью;

- разобщенность в деятельности органов и организаций, общественных объединений и граждан, занимающихся укреплением законности, борьбой с преступностью, выявлением, предупреждением и устранением причин и условий, порождающих преступность;
- низкий уровень правовой культуры и правосознания как представителей органов власти и управления, так и самих граждан;
- ограниченность теоретико-методологического и концептуального, то есть мировоззренческого, идеологического и научного обоснования сущности, содержания, особенностей механизма уголовной политики как в национально-государственных, так и международных границах;
- глобальные масштабы, высокий уровень, резкая динамика, иерархическая структура и глобальные, порой необратимые социальные последствия международной, прежде всего, организованной преступности.

Грандиозные социальные изменения второй половины XX века связаны в социальной эволюции человечества с началом перехода от эпохи отдельных обществ к эпохе «сверхобщества», которое становится все более важным объектом философских исследований[621].

На помощь к классическим юридическим наукам все чаще приходит философия права[622], без которой в современных условиях[623]

---

[621] Вехи российской истории / Под ред. проф. В.В. Привалова. – СПб., 1994; Герцензон А.А. Уголовное право и социология. – М., 1970; Джегутанов Б.К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: Автореф. дис. … докт. филос. наук. – СПб: Санкт-Петербургский технический ун-т «Военмех», 2003. С. 3-6; Джегутанов Б.К. Зов предков: Россия и гуманизация мирового сообщества (объективная необходимость реформирования международного права в ООН): Монография. – СПб.: 7-я Студия РИК, 2012. – 486 с.; Johnson E. Crime correction and society. Homewood, 1968.

[622] Баскин Ю.Я. Очерки философии права. – Сыктывкар, 1996; Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Философия права в начале XXI столетия через призма конституционализма и конституционной экономики / Сост. П. Баренбойм, А. Захаров. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2010. – С. 28-45; Философия права. Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Т. 2 / А.В. Аверин, И.А. Гобозев, А.Г. Гузнов и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.; Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203-209.

[623] Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: юридические позиции // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1(43). – С 19-

невозможно эффективное исследование проблем уголовной политики[624] и криминологии[625].

Проблемы мирового развития, зависящие от взаимосвязи народов и государств, от глобализации мировых геополитических, научно-технических, военных, экологических, демографических и межличностных отношений (на уровне государственного руководства), получают определяющее значение. Эти проблемы не могут быть решены человечеством без совместных интеллектуальных усилий международных организаций и использования интегрированных материальных средств человечества[626].

Социальные процессы в рамках человечества развиваются через различные отклонения и зигзаги, затрудняя глобализацию международных отношений и единение народов Земли в целях установления гуманизированных связей и принципов. Это нагляднее всего проявляется в том, что разрушение СССР привело к возможности создания всемирного хозяйства по меркам империализма, в более жестких условиях, объективно вызывая раскол общества на так называемый «золотой миллиард» и остальную часть мира.

В качестве наглядного примера предстают государства постсоветского пространства[627], которые, как известно, существенно отличаются друг от друга.

Углубились социальные противоречия между полюсами противостояния: развитие техногенной цивилизации ведет к обострению глобальных проблем современности, а «глобализм» по-американски актуализирует такие явления, которые могут по своему драматизму намного превзойти трагедии XX века с его двумя мировыми войнами,

---

26; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179; Шульц В.Л., Бочкарев С.А «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4(1). – С. 13-19.

624 Босхолов С.С. Основы уголовной политики. – М., 2004; Турбовской Я.С. Преступность. Необходимые извлечения из прошлого // Философские науки. – 2008 – № 5. – С. 12-57.

625 Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001.

626 Джегутанов Б.К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: Автореф. дис. … докт. филос. наук. – СПб: Санкт-Петербургский технический ун-т «Военмех», 2003. С. 3.

627 Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3 (15). – С. 9-14.

так как в условиях резкого неравенства сил и возможностей, как ответ на бесконтактные способы ведения войны, в социальную борьбу включаются различные формы терроризма, с его изощренными приемами и средствами[628].

Происходящий процесс глобализма, под видом объединения человечества в единое целое, является по существу очередной попыткой установления мирового господства американской нации, представляет своего рода американизацию человечества. Реализация данного проекта была задумана после завершения второй мировой войны, когда создавался Северо-Атлантический блок (НАТО) для сокрушения СССР и постепенного вовлечения в процесс глобализации всех остальных стран мира. В этих целях под главенством США осуществлялась интеграция западных стран в единое (военное, политическое, экономическое, идеологическое) «сверхобщество» для установления нового мирового порядка с разнообразными учреждениями, общеполитическими структурами, мощными вооруженными силами, секретными службами, планетарными средствами массовой информации, способными распоряжаться всеми ресурсами западных государств, а в будущем для руководства всем миром. После разрушения СССР в мире не осталось реального противодействия глобализму США, связанному с проявлением диктата силы, свержением неугодных режимов, навязыванием другим странам, выгодной для Америки, внутренней и внешней политики.

Однако идея возможной «универсальной цивилизации», на основе американской модели, находится в прямом противоречии с позицией и интересами большинства азиатских, африканских и латиноамериканских обществ, основанных на иных культурных ценностях[629], да и государств Восточной Европы, в том числе и России,

Политика и идеология глобализации и «универсальной цивилизации» коренным образом изменили международное положение России, ее внешнюю политику, обороноспособность, место в системе международных отношений. Разрушение Советского Союза, Варшавского договора коренным образом изменил геополитическую

---

[628] Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125; Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25.

[629] Джегутанов Б.К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: Автореф. дис. … докт. филос. наук. – СПб: Санкт-Петербургский технический ун-т «Военмех», 2003.

карту мира, превратил Россию из «сверхдержавы» в государство, которое уже не играет той роли в мировой политике, которую играл Советский Союз. Ведущие страны НАТО, на словах признают Россию как великую державу. На деле делают все, чтобы не допустить её былого влияния. России, да и по существу всем государствам постсоветского пространства, навязываются западные ценности[630], которые от наших политико-правовых традиций[631] и ценностей очень далеки, ничего общего с ними не имеют[632].

В США и странах НАТО на вооружение взята концепция нового мирового порядка, сущность которой состоит в сохранении лидирующего положения в мире наиболее развитых стран Запада во главе с США. Её составная часть – разработанная в США и принятая НАТО программа «Партнерство во имя мира» учитывает кардинальные геополитические изменения, укрепляет лидирующие позиции США и сохраняет их контроль во всем так называемом постсоциалистическом пространстве. Новая военная доктрина США (и НАТО) рассматривает Россию как источник военной угрозы. В военных штабах США и НАТО разрабатываются сценарии возможного развития событий, в результате которых Соединенные Штаты окажутся в состоянии войны с Россией. В документе Пентагона в области обороны на 1994 – 1995 гг. говорится: «Первейшая наша цель заключается в том, чтобы предотвратить возникновение такого противника..., который представлял бы угрозу, схожую с той, что исходила от СССР. Мы должны помешать тому, чтобы какая-то ни было сила доминировала в каком

---

630 Сальников В.П., Груздева М.Л Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22; Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.

631 Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44; Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.

632 Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3-14; Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987; Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108; Сауляк О.П. К вопросу о ценности правопорядка // Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития. – Сочи, 2004. – С. 97-101.

бы то ни было регионе..., чтобы этой силой мог быть обретен статус глобальной державы»[633].

Такой вывод был сделан в 1995 году. Но он делается и сегодня. По заявления бывшего президента США Б. Клинтона, США должны делать всё, чтобы «Россия не поднялась с колен»[634]. И это делается не на словах, а на деле. Существенный «вклад» в проведение такой политики внес и другой президент США – Барак Обама.

Основными направлениями укрепления мирового лидерства США считаются:

- проведение внешней политики, исключающей усиление экономической и военной мощи России и поддерживающей её статус «младшего партнёра»[635];
- создание системы европейской безопасности, устраняющей активную роль России в поддержании мира в Европе, в том числе путем принятия России в Совет Европы и закрепления в нем для США роли «опекуна»[636];
- сохранение, укрепление и расширение блока НАТО (прежде всего за счет бывших членов Варшавского Договора), для того чтобы «справиться с мощью и влиянием России»[637];
- дальнейшее сохранение и укрепление военной мощи США путем: а) поддержания на высоком уровне военного бюджета, численности вооруженных сил, всех элементов боевого потенциала, б) качественного совершенствования всех направлений боевой подготовки и боевого применения войск, в) военно-технической политики, всемерно нацеленной на поддержание и повышение боеготовности и боеспособности вооруженных сил, г) создание их благоприятного имиджа как у себя в стране, так и в глазах мирового сообщества, д) совершенствование для этого законодательства о национальной безопасности, в том числе военного.

---

633 Россия в системе международной безопасности // Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество. – М., 1995. С. 38.

634 Санкт-Петербургские ведомости. – 2001. – 14 апреля.

635 Congressional Research Service. The Library of Congress. U.S.A.-Russia Summit, October 23, 1995 // SRS Report for Congress, November 2, 1995 / By Jim Nichol. P. CRS-1 – CRS-6.

636 Заключительное коммюнике сессии Совета НАТО на уровне министров в Нордвейке. Голландия, 30 мая 1995 г. // НАТО: Коммюнике. Пер с англ. – 1995. С. 23.

637 Congressional Research Service. The Library of Congress. NATO Future: Beyond Collective Defense // CRS Report for Congress, September 15, 1995 // By Stanley R. Sloane. P. CRS-13, CRS-5 – CRS-12, CRS-19 – CRS-27.

Бывший ведущий сотрудник Совета национальной безопасности США при президенте Дж. Буше Р. Блэкуилл, говоря о взаимоотношении России с НАТО, заявлял, что вопрос о её вхождении в этот альянс «является теперь полностью теоретическим и останется таковым в течение десятилетий»[638]. В 1995 году военный бюджет США равнялся 265 млрд. долларов (самый большой военный бюджет США был в 1985 г. – 300 млрд. долларов)[639]. Численность вооруженных сил составляла 1 млн. 611 тыс. человек[640]. В настоящее время военный бюджет США превысил планку в 400 млрд. долларов. Численность вооруженных сил уменьшилась незначительно при качественно новых видах вооружения, включая новые виды оружия массового поражения, и военной техники[641]. Основная часть дополнений военного бюджета предназначена для создания новых видов оружия массового поражения, новых военных технологий, совершенствования боевого применения сил и средств, проведение с той же целью новых научных исследований[642]. С миром ли идут в мир США?

Что касается внутренней социальной политики, внутренних противоречий, социального положения населения, его культуры, правосознания, социальной активности и ответственности в различных странах мира, то они, с одной стороны, имеют много общего между собой. С другой стороны, эти составляющие существенно различаются друг от друга в силу существенных различий в характере и уровне развития разных стран. Россия вследствие все той же «перестройки» оказалась в ряду развивающихся стран[643], в то время как СССР по большинству критериев развития занимал вторые, а то и первые места[644].

Изменились международное положение и авторитет Российской Федерации. Страны НАТО строят свои отношения с Россией по принципу «партнер без партнера», то есть принимают и выполняют решения даже по ключевым международным вопросам «по личному разумению». США взяли за принцип допотопный по древности постулат «мой интерес – ваш интерес». Этот принцип они навязывают и России. Чего стоит, например, решение Правительства РФ хранить

---

638 Овчинников Р. Мир через 25 лет: каким видят его из Вашингтона // Правда. – 1996. – 22 июня.

639 Там же.

640 Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 2.

641 Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 4.

642 Зарубежное военное обозрение. – 2004. – № 1.

643 Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. Офиц. изд. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. С. 35, 297, 359, 567, 683-684, 698-699, 701, 710.

644 СССР в цифрах и фактах: Статистический сборник. – М.: Политиздат, 1981.

деньги стабилизационного фонда в частных зарубежных банках. А это не мало и не много, как триллионы долларов[645].

Внутренние и внешние факторы общественного развития, его противоречия имеют непосредственное отношение к формированию как международной преступности, её связей и закономерностей, так и к необходимости международного сотрудничества борьбы с нею. В этом отношении они выступают как:

- основная внутренняя причина, то есть источник возникновения и динамики, и других количественных и качественных показателей преступности, и борьбы с нею, и необходимости международного сотрудничества в борьбе с международной преступностью;
- объективный мотив и движущая сила этой борьбы;
- основной показатель возможности, реальности и критерий эффективности противодействия международной преступности;
- одно из основных направлений строительства и развития международных отношений, укрепления добрососедских отношений между различными странами;
- способ формирования и развития подлинно демократических устоев и принципов международной жизни.

Наглядным подтверждением данных тезисов являются международно-правовые акты, подтверждающие решающую роль внутренних и внешних факторов общественного развития как в формировании, динамике и структуре международной преступности, так и необходимости международного сотрудничества в борьбе с ней.

Одним из основных международно-правовых актов в сфере борьбы с преступностью выступает Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», которая была принята Конференцией ООН 19 декабря 1988 г.[646]. В качестве целей Конвенции в ней декларируется содействие сотрудничеству между Сторонами с тем, чтобы они могли более эффективно решать проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Эти проблемы носят международный характер, в том числе связанный с легализацией незаконных доходов.

В ст. 5 Конвенции закреплен важный принцип, в соответствии с которым лишение преступников возможности распоряжаться полученными ими от преступной деятельности доходами, является одним из эффективных методов борьбы с преступностью. В связи с этим

[645] Российская газета. – 2006. – 24 апреля.

[646] Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. – М., 1994. С. 133-157.

уголовное законодательство государств-участников этой Конвенции Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Туркменистана и Узбекистана предусматривает в качестве уголовно-наказуемых деяний легализацию («отмывание») доходов от преступной деятельности и конфискацию доходов, полученных в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков[647]. Статьи об уголовной ответственности за отмывание преступно добытых средств или имущества[648] в 2003 г. появились и в УК РФ[649].

Таким образом, из сказанного мы видим, что международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью выступает в качестве объективной необходимости.

Основными международно-правовыми актами, определяющими необходимость, основные направления и правовой механизм международного сотрудничества в борьбе с преступностью, являются:

Международные конвенции, в том числе:

- О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхайская Конвенция от 15.06.2001 г.[650];

---

647 Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с. С. 565.

648 Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.; Третьяков И.Л. Легализация «грязных денег» в России и меры борьбы с ней // Закон и право. – 2004. – № 7. – С. 16-17; Третьяков И.Л. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.

649 Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2015, ст.ст. 174, 174.1;Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – 624 с.

650 Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) (ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ, вступила в силу для

- Об уголовной ответственности за коррупцию: Конвенция Совета Европы от 27.01.1999 г.[651];
- О борьбе с захватом заложников: Международная конвенция ООН от 17.12.1979 г.[652];
- О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Международная конвенция ООН от 20.12.1988 г.[653];
- Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Международная конвенция ООН от 08.11.1990 г.[654];
- О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Европейская конвенция от 20.04.1959 г[655];
- О выдаче: Европейская Конвенция от 13.12.1957 г.[656];
- Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Конвенция ООН от 10.12.1984 г.[657];

Российской Федерации 29 марта 2003 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

651 Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 января 1999 г.) (вступила в силу 1 июля 2002 г.; Российская Федерация ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2394.

652 Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) (вступила в силу 3 июня 1983 г.; СССР присоединился к Конвенции согласно Указу Президиума ВС СССР от 7 мая 1987 г. № 6941-XI) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLIII. С. 99. – М., 1989. – С. 99-105. С. 99-105.

653 Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. (Принята Конференцией ООН на ее 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г.; ратифицирована СССР Постановлением ВС СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I; вступила в силу для СССР 17 апреля 1991 г) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. С. 133. – М., 1994. – С. 113-157. С. 113-157.

654 Международная конвенция ООН от 08.11.1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203.

655 Европейская конвенция от 20.04.1959 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.

656 Европейская Конвенция от 13.12.1957 г. «О выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

657 Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или

Международные многосторонние и двусторонние договоры и соглашения, в том числе:

- О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с преступностью: Соглашение государств – участников Содружества независимых государств от 25.11.1998 г.[658];
- О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией: Соглашение от 06.11.2003 г.[659];
- О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17.06.1999 г.[660];
- О сотрудничестве в борьбе с преступностью: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания от 17 мая 1999 г.[661];
- О сотрудничестве и обмене информацией в обрасти борьбы с нарушениями налогового законодательства и другими связанными с ними экономическими преступлениями: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Греческой Республикой от 12.12.2000 г.[662];

унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) (принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. № 39/46; подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI; вступила в силу, в том числе для СССР, 26 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747. С. 109-125

658 Соглашение государств – участников Содружества независимых государств от 25.11.1998 г «О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с преступностью» // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 4. – С. 3-8.

659 Соглашение от 06.11.2003 г. «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62.

660 Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17.06.1999 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – Ст. 4635.

661 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания от 17 мая 1999 г. «О сотрудничестве в борьбе с преступностью»// Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 8. – С. 50-54.

662 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Греческой Республикой от 12.12.2000 г. «О сотрудничестве и обмене информацией в области борьбы с нарушениями налогового законодательства и другими связанными с ними экономическими преступлениями» // Бюллетень международных договоров. – 2002. – № 6. – С. 75-79.

Протоколы и дополнительные протоколы к Международным конвенциями, договорам и соглашениям, в том числе:

- Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17.03.1978 г[663];
- Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о выдаче от 15.10.1975 г.[664];
- Второй дополнительный протокол к Европейской Конвенции о выдаче от 17.03.1978 г.[665];

Декларации, в том числе:

- О предотвращении ядерной катастрофы: Декларация Организации объединенных наций от 09.12.1981 г.[666];

Решения о совместных мерах борьбы с преступностью на определенный период, в том числе:

- О межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года: Решение Совета глав государств СНГ от 25.01.2000 г.[667];

Рекомендации по вопросам международного сотрудничества, в том числе:

- Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития от 14.12.1990 г.

Российская Федерация (как суверенное и независимое государство и как правопреемник Советского Союза) имеет около 600 действующих договоров разного уровня. Эти договоры регулируют различные аспекты борьбы с преступностью и обеспечения безопасности:

- многосторонние (в рамках ООН, СЕ, СНГ и др.) и двусторонние;

---

663 Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17.03.1978 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.

664 Дополнительный Протокол к Европейской Конвенции о выдаче от 15.10.1975 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.

665 Второй дополнительный протокол к Европейской Конвенции о выдаче от 17.03.1978 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000 г. – № 23. – Ст. 2350.

666 Декларация Организации объединенных наций от 09.12.1981 г. «О предотвращении ядерной катастрофы» // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 588.

667 Решение Совета глав государств СНГ от 25.01.2000 г. «О межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года» // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 1 (34). – С. 62-78.

- межгосударственные, межправительственные и межведомственные (между органами прокуратуры, внутренних дел, безопасности, налоговой полиции, таможни, юстиции и др.).

Только МВД РФ участвует в выполнении обязательств, вытекающих из более 300 международных договоров[668]. Существенное значение имеет международные конвенции по различным аспектам сотрудничества в борьбе с преступностью и взаимной помощи по уголовным делам в рамках Совета Европы. К настоящему времени из 179 Европейских Конвенций Россия подписала 42. Ратифицировала значительно меньше[669].

Приведенные международные правовые акты создают базу, основу для участия России в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью. Исходя из данных документов определяется необходимость, основные направления и правовой механизм обеспечения контроля над организованными[670], континентальными (транснациональными)[671], профессиональными[672] преступными

---

668 Цепелев В. Исполнение Россией международно-правовых обязательств в уголовно-правовой сфере // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 27-28.

669 Там же. С. 27-28.

670 Долгова А.И. Правовые проблемы борьбы с организованной преступностью // Преступность и законодательство. – М., 1997; Колесников В.В. Феномен организованной экономической преступности // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2002. – № 2; Коулз Джон. SO7 Отдел по раскрытию тяжких преступлений и борьбе с организованной преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»). – С. 231-235.

671 Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»); Ерохина Л. Два лика транснациональной организованной преступности: терроризм и торговля людьми // Российско-американские отношения в условиях глобализации: Доклады научно-практ. конференции. Москва, 2004. – М.: РОО «Содействие сотрудничеству инта Дж. Кеннана», 2005. – С. 296-305; Лопатин В.Н. Проблемы реализации в России Палермской конвенции против транснациональной организованной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»). – С. 263-265.

672 Нургалиев Б.М., Татарян В.Г. Основные признаки, определяющие организованную преступность // Российский следователь. – 2002. – № 10. – С. 30-32; Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. – М., 2008.

проявлениями, мы бы сказали – философия борьбы с преступностью[673], вся уголовная политика конкретного государства[674] и всего международного сообщества.

Здесь приведены далеко не все международно-правовые документы, регламентирующие место и роль России в борьбе с международными проявлениями. В этом нет необходимости, да это и невозможно сделать в рамках одной статьи. Важно было обозначить то обстоятельство что Россия не стоит в стороне от анализируемой международной деятельности, а активно в ней участвует. Данная ситуация обязывает исследователей изучать отечественный опыт, используя для этого возможности всех отраслей наук. Скажем, ограничиться здесь возможностями лишь криминологии нельзя. Тот же международный опыт свидетельствует о необходимости привлечения потенциала философских наук, в том числе, например, философии права[675]. Это касается как общей методологии исследования[676], так и изучения конкретных особенностей данной многогранной деятельности[677].

Наиболее принципиальными особенностями международно-правовых актов о сотрудничестве в борьбе с преступностью можно выделить следующие:

- многостороннее или двустороннее признание необходимости борьбы с преступностью;
- четкое заявление сторон договоров и соглашений о готовности к такому сотрудничеству, с одной стороны, и прилагать и использовать для этого необходимые усилия, меры и средства, с другой

---

673 Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса); Панченко П.Н. Философия бандитизма и бандитизм философии (или о чем думает преступник, совершая свое преступление, и о чем думает государство, противодействуя ему) // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 210-217.

674 Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовная политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991. – 240 с.; Третьяков И.Л. Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 169-178.

675 Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – 336 с.; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: вчера, сегодня, завтра // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 6-13; Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. – М., 2008.

676 Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.

677 Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.

стороны;

- максимально возможное согласование интересов сторон договора или соглашения без указания или подчеркивания имеющихся между ними противоречий;
- акцент в соглашении на актуальности, общественной опасности международной преступности, её глобальных антисоциальных последствиях, на точках соприкосновения и единства интересов, воли и действий сторон;
- стремление в максимально возможной степени 1) сосредоточиться на наиболее социально опасных для международного сообщества и заинтересованных сторон актах и видов преступных проявлений и 2) разработать взаимно приемлемый для сторон и предметный правовой механизм сотрудничества в борьбе с преступностью;
- отсутствие каких-либо указаний на социальную (экономическую, политическую, идеологическую и иную) сущность и направленность объекта, то есть конкретных общественно опасных деяний международной борьбы с преступностью;
- зависимость характера, объема и содержания мер борьбы с преступностью от характера, степени общественной опасности и социальной направленности конкретных актов преступных проявлений;
- ограниченность юрисдикции и юридической силы указанных международных актов, а также отсутствие указаний на какую-либо ответственность сторон за несоблюдение заключенных договоров и соглашений.

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие указанные особенности.

В Совместном заявлении Президентов РФ и США В.В. Путина и Дж. Буша «Об антитеррористическом сотрудничестве»[678] от 21 октября 2001 г. в императивном стиле и тоне выражается приверженность в борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях. Предлагаются согласованные действия, направленные на недопущение предоставления убежища террористам и разрушения их финансовой, организационной, информационной и иных сетей и привлечения к ответственности террористов. Приветствуется создание международной антитеррористической коалиции. Подчеркивается, во-первых, необходимость двустороннего, регионального и многостороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом. Предлагается, во-вторых, многоплановый

[678] Совместное заявление Президентов РФ и США В.В. Путина и Дж. Буша «Об антитеррористическом сотрудничестве» // Российская газета. – 2002. – 25 мая.

подход в этой борьбе, которая включает «действия в правоохранительной, разведывательной, дипломатической, политической и экономической областях». В Заявлении в частности говорится: «Мы подчеркиваем необходимость доведения до логического завершения усилий по уничтожению террористической инфраструктуры в Афганистане, связанной с У. бен Ладаном, организацией «Аль-Каида» и талибами. Афганистан никогда в будущем не должен стать прибежищем для террористов». Указывается связь между незаконным оборотом наркотиков[679] и терроризмом[680]. Подчеркивается «важность российско-американского сотрудничества в борьбе с наркобизнесом»[681].

В указанном заявлении ни слова не говорится о причинах, породивших У. бен Ладена, «Аль-Каиду», талибов и всю ситуацию в Афганистане. В нем однозначно выражается готовность к любым мерам противодействия террористам, которые, как известно, были предприняты против Афганистана при молчаливом согласии России и других стран. В российских и зарубежных источниках неоднократно указывались причины возникновения и развития терроризма в

---

679 Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 208 с. – (Серия: «Общество и наркомания: социальная опасность»); Каширин Р.М. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом аналогов и прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 122-125; Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58; Федоров А.В. Государственно-правовая антинаркотическая политика Российской Федерации и изменения в законодательстве о контроле за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и противодействии их незаконному обороту // Наркоконтроль. – 2007. – № 3. – С. 2-12; Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты: Сборник статей. – М.: Юрист, 2013. – 596 с.; Федоров А.В. Реализация уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. 2007. – № 4. – С. 2-7; Федоров А.В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль. – 2006. – № 2. – С. 6-12.

680 Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89; Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.

681 Совместное заявление Президентов РФ и США В.В. Путина и Дж. Буша «Об антитеррористическом сотрудничестве» // Российская газета. – 2002. – 25 мая.

Афганистане и других странах. В том числе и стремление США подчинить Афганистан и другие развивающиеся страны своим интересам. Это четко проявилось во время фактической оккупации Афганистана силами США, где был установлен режим, угодный США.

По Договору между РФ и США «О взаимной правовой помощи по уголовным делам»[682], определены цели, направления и меры сотрудничества в уголовно-правовой сфере. В Договоре отмечается стремление «к расширению и углублению российско-американского сотрудничества по предупреждению преступности и борьбы с ней». Подтверждается решимость совершенствовать взаимную всестороннюю правовую помощь по уголовным делам.

Под правовой помощью по уголовным делам понимается любая помощь, оказываемая Сторонами в связи с предупреждением, пресечением, расследованием преступлений и уголовным преследованием, а также с производством, имеющим отношение к таким уголовным делам.

Правовая помощь оказывается в соответствии с положениями Настоящего Договора, если деяние, в связи с которым поступил запрос, являются преступлением по законодательству обеих сторон. Запрашиваемая сторона может по своему усмотрению оказать правовую помощь и в случае, если деяние, в связи с которым поступил запрос, не является преступлением по её законодательству. Договор направлен «исключительно на достижение целей сотрудничества и взаимной помощи сторон». Положения Настоящего Договора не ведут к возникновению у каких-либо иных лиц права получать доказательства, добиваться исключения тех или иных доказательств либо препятствовать исполнению запроса. Для целей настоящего Договора термин «лица» означает как физических, так и юридических лиц…».

Договор определяет объем правовой помощи, которая включает: получение показаний и заявлений; предоставление документов, материалов и иных предметов; вручение документов; установление местонахождения и идентификацию лиц и предметов; исполнение запросов о проведении обысков и выемок; передачу лиц содержащихся под стражей, для дачи показаний или для других целей, предусмотренных Договором; установление местонахождения и арест имущества с целью его конфискации, возмещения ущерба и взимания штрафов; любую иную правовую помощь, незапрещенную законами запрашиваемой стороны».

---

[682] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17.06.1999 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – Ст. 4635.

Договор регулирует все необходимые вопросы взаимной правовой помощи по уголовным делам:

- учреждение центрального органа и порядок сношений;
- форму и содержание запроса о правовой помощи;
- язык и исполнение запроса; ограничение на использование результатов исполнения запросов;
- получение показаний на территории запрашиваемой Стороны или в запрашивающей Стороне;
- передачу лиц, содержащихся под стражей; предоставление официальных материалов;
- установление местонахождения и идентификация лиц и предметов; обыск и выемку;
- передачу документов, записей и других предметов, а также имущества, приобретенного преступным путем, орудий совершения преступления;
- консультации и иные вопросы сотрудничества.

В заключительной статье Договора определяются юридическая сила, вступление в силу и прекращение действия договора. В Договоре делается оговорка о том, что любая из сторон может прекратить действие Договора путем направления другой Стороне по дипломатическим каналам о своем намерении прекратить его действие. Договор прекращает действие по истечении 6 месяцев с даты получения уведомления[683].

Откровенно проамериканская направленность международного сотрудничества в борьбе с преступностью, особенно четко проявились в создании и деятельности международного уголовного трибунала по делу в отношении руководителей бывшей Югославии.

Председательствующий этого трибунала судья Р. Мэй оценивает результаты деятельности этого трибунала как «значительные достижения». Он полагает, что много было сделано в плане создания и функционирования трибунала, в том числе разработаны нормы материального права, элементы составов преступлений и виды наказаний. Создан Кодекс судебной процедуры и доказывания. Дано понятие «честной защиты прав» обвинения, обвиняемого и свидетелей. Создана система защиты потерпевших и свидетелей. Судья Р. Мэй, один из авторов и исполнителей «честного правосудия», не скупится на похвалы в свой адрес и в адрес своих коллег. И все же он вынужден признать тот факт, что многие решения Суда остались «за кулисами»[684]. Тем самым Р. Мэй

---

683 Там же. Ст. 2-22.

684 International criminal law developments in the Case Law of the ICTY / Ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. Foreword.

признает однополярность своей справедливости и честности. В объемистом издании, содержащем анализ сугубо юридических и некоторых социально-политических аспектов дела С. Милошевича, дается множество острых критических замечаний, нелестных оценок и характерных признаний о негативных сторонах деятельности Суда, включая нарушения прав человека, преступления, совершенные начальствующим составом оккупационных сил[685].

Решающим фактором, обусловливающим необходимость сотрудничества в борьбе с международной преступностью, является сама эта преступность. О её характере, масштабах, структуре и динамике вряд ли имеются достаточно основательные источники и данные. О них можно судить лишь по официальным отечественным и зарубежным публикациям.

Международная преступность – это именно организованная преступность, не имеющая ни национальных, ни государственных, ни социальных границ. Её масштабы и пространственные пределы охватывают весь земной шар, все континенты, страны и границы. По уровню организации и структурной иерархии международная организованная преступность представляет собой своеобразное государство в государстве.

Организованная преступность представляет собой систему организованных преступных формирований, ориентированных на многоаспектную и масштабную преступную деятельность[686]. Она проявляет себя не только в России, но и во всем мире в качестве опасного и широко распространенного явления, оказывающего негативное влияние на все сферы жизни общества[687] и, добавим, человечества. По уровню вооруженности и технической оснащенности эта преступность может состязаться с вооруженностью и оснащенностью армий самых

---

685 Chiflet P. The Role and Status of the Victim // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / Ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 75-110; McIntyre G. Defining Human Rights in the Arena of International Humanitarian Law: Human Rights in the Jurisprudence of the ICTY // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 193-230; Mundis D. Crimes of the Commander: Superior Responsibility under Article 7(3) of the ICTY Statute // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 239-250.

686 Долгова А.И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 3.

687 Там же.

развитых и сильных стран мира[688]. На вооружении международных преступников имеется самое современное стрелковое и артиллерийское вооружение, боевые корабли. Их обслуживают подготовленные специалисты и ученые[689].

Эта преступность порой стремится к захвату всей территории государства, да и государственной власти в целом, как это было в 2015 году в Сирии. Национальное государство порой не имеет возможности самостоятельно справиться с международной преступностью на своей территории, и вынуждено обращаться за помощью к международному сообществу или другому конкретному государству, как это имело место в конце 2015 года, когда легитимная государственная власть Сирии обратилась к России за помощью в обуздании международной преступности. И Россия была вынуждена использовать для борьбы с международным терроризмом на территории Сирии свои военно-космические силы. Совсем недавно трудно было представить себе такую необходимость в борьбе с международной преступностью. Но жизнь диктует сегодня то, что вчера еще казалось невозможным. Жизнь, ее практика богаче теоретических моделей. Вот почему, казалось бы для такого сугубо практического вопроса, как борьба с международной преступностью, важно использование философии вообще и философии права в частности. Это касается всего комплекса вопросов, начиная от проблем прогресса[690], конвергенции усилий[691], формирования общественного сознания[692], культуры и правовой ее разновидности [693] и т.д. И каждое из этих направлений влечет за собой огромный

---

[688] Ванюшкин С.В. Организованная преступность как угроза национальной безопасности // Преступность и власть: Материалы конференции. – М., 2000. С. 18-19

[689] Там же.

[690] Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.

[691] Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.

[692] Булатов Р.Б., Биктасов О.К., Ильичев В.В., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Состояние и проблемы правосознания современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 10-15; Олейников В.С., Джегутанов Б.К., Балахонский В.В. Философия права и правосознания: Монография. – СПб, 2009.

[693] Галиев Ф.Х. Правовая культура в цифровых показателях // Юридическая мысль. – 2012. – № 4(72). – С. 33-40; Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4(18). – С. 8-9; Галиев Ф.Х. Социальные нормы гражданского общества и правовая культура // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5(36). – С. 70-73; Галиев Ф.Х.

клубок философских аспектов проблемы.

Возьмем, например, правовую культуру общества[694] и личности[695]. Сегодня уже никто не будет возражать тому, что она играет важнейшую роль в том числе в деле борьбы с международной преступностью. Без правовой культуры общества, государства, лидера, руководителя и простого человека, населения государства и планеты побороть международную преступность невозможно. Но ведь и понимание, и отношение к правовой культуре в науке, в том числе и в философии права, меняется. Предлагаются новые новаторские научные исследования, обязывающие по иному посмотреть на правовую культуру, мир, преступность.

Так, совсем недавно в качестве самостоятельного научного направления обосновал интересную идею по поводу правовой культуры доктор юридических наук Ф.Х. Галиев, назвав ее (идею) «синкретизм современной правовой культуры»[696]. Смысл этой идеи заключается в том, что в современном обществе право, оказывая воздействие на общественные отношения, все активнее взаимодействует с различными иными социальными регуляторами. Это воздействие наблюдается и с

Социальные нормы и правовая культура в призме исторического развития // История государства и права. – 2010. – № 2. – С. 5-9; Галиев Ф.Х. Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 3(17). – С. 17-21; Галиев Ф.Х. Цифровые показатели правовой культуры // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 2(45). – С. 70-74; Землянский Д.А. Правовая культура в современной России // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 14-19; Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163; Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург: УрГЮА, 1996.

694 Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186; Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. – Свердловск, 1990.

695 Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.

696 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.

моралью[697], и с корпоративными нормами[698], и с политико-правовыми традициями[699], обычаями[700],

---

[697] Дворянкина Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006; Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996; Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000; Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе, 1987; Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. – СПб., 1887. .

[698] Алиев Я.Л., Сальников С.П. Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальность проблемы) // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 88-96; Соловых С.Ж. Некоторые аспекты содержания корпоративных прав // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 81-84.

[699] Глушаченко С.Б., Сальников М.В. Свобода совести в русской православной мысли во второй половине XIX века // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 83-86; Дурманов Н.Д. Учение об уголовном законе // Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. I. – М., 1970; Миньковский Г.М. О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР: Труды Академии МВД СССР. – М., 1982; Фионин М.В. О христианском понимании нравственной жизни // Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – С. 58-60.

[700] Анапских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95; Герчикова И.Н. Деловая этика и регулирование международной коммерческой практики: Учебное пособие. – М.: Консалтбанкир, 2002; Дашин А.В. «Обычное право» как феномен: генезис и эволюция // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 25-38; Дашин А.В. Источники права в дискурсе сравнительных и историко-правовых исследований // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 43-49; Дашин А.В. Обычное право в исследовании советских юристов // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 58-71; Дашин А.В. Обычное право и дореволюционная российская историография // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 38-47; Дашин А.В. Обычное право как объект исследования в постсоветской России // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 11-18; Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – 431 с.; Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование: Монография. – Томск, 1991; Ковалевский М. Закон и обычай

религиозными догмами[701] и т.д., то есть со всей совокупностью социальных норм [702].

В современном обществе все социальные регуляторы функционируют вместе. Ни одна из социальных норм не функционирует изолированно от других. «Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, – *замечает Ф.Х. Галиев,* – что правовая культура формируется и функционирует будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения в единстве с другими социальными регуляторами»[703]. Воздействие осуществляется на все стороны жизни общества, на всех его граждан, в том числе и на преступников. На преступность влияет не одно лишь право, а вся сово-

---

на Кавказе. В двух томах. – Майкоп: Афиша, 2006. – 528 с.; Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Московская Патриархия, 2010.

[701] Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Стратегия правового регулирования государственно-конфессиональных отношений (новый взгляд) // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 75-79; Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97; Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»); Жигулин С. Б. Роль права в сфере государство-церковных отношений // МВД России – 200 лет: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб, 28-29 мая 1998 г. Часть VI. / Под общ. ред. О.М. Латышева, В.П. Сальникова. – СПб., 1998; Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Книга I. – М.: Мысль, 1993; Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150; Butler A. The Growing Support for Universal Jurisdiction in National Legislation; Stolz B. Criminal justice policy making: federal roles and processes. – Westport, Connecticut, London, 2002.

[702] Бобнева М.И. Социальные нормы и мотивы поведения. – М., 1978; Фабричнова Т.Г. Содержание и структура социальных регуляторов предпринимательской деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 22-28; Шлафман А.И. Функциональное воздействие социальных регуляторов на социально-экономические процессы // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 19-21.

[703] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с. С. 23.

купность социальных регуляторов.

В современном «мире сложно найти юридическую норму, – *пишет Ф.Х. Галиев,* – которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей»[704].

Определяя и обосновывая анализируемую категорию, исследователь понимает под соответствующим общественным явлением естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости»[705].

Акцентирование внимания на добро и справедливость[706] нам представляется весьма показательным. Очень часто антипод добра – зло – связывают с преступностью[707], а когда идет речь о таких международных преступлениях, как терроризм, то о какой уж справедливости можно вести речь, когда гибнут и страдают от этих кошмарных преступлений совсем невинные люди. Об этом свидетельствует любой террористический акт, где бы он не произошел, будь то США или Россия, Париж или Лондон, Турция или Украина, Тель-Авив или какой-то город любой из скандинавских стран. Везде гибнут и страдают ни в чем не повинные люди. Это несправедливо. И конечно, для восстановления справедливости необходимо использовать возможности синкретизма современной правовой культуры. Ведь он выступает в качестве естественного результата «государственно-правового и духовно-нравственного развития общества, которое формируется на протяжении длительного отрезка времени в информационном пространстве и правовом поле государства и зависит от цивилизованного развития

---

[704] Там же. С. 12.

[705] Там же. С. 12.

[706] Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989; Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.

[707] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса).

общества, трансформируясь в соответствии со спецификой развития общества, обусловленной политическими, экономическими, социальными условиями, синкретизм правовой культуры изменяется, и эти изменения связаны с потребностями очередного этапа в исторической динамике общества»[708].

А раз это исторически обусловленный объективный процесс общественного развития, он должен работать на цивилизацию общества и права[709], противостоять международной организованной преступности.

В 2005 году, по данным национального центрального бюро (НЦБ) Интерпола при МВД России осуществлялось информационное сопровождение 16,4 тыс. уголовных дел и 11 тыс. дел оперативного учета. На учет в базы данных НЦП Интерпола при МВД России (2005 г.) было поставлено 41,5 тыс. лиц, что на 22% превышает средний статистический показатель международной преступности (АППГ) 2004 года[710]. На учете числилось 21 тыс. разыскиваемых обвиняемых и подозреваемых (+23%), около 547,3 тыс. автотранспортных средств (-36%), более 5,7 тыс. юридических лиц (-1,9%) [711]. К сожалению, картина в этом направлении из года в год резко не улучшается, а порой и усугубляется, а преступные кланы получают все большую и большую выгоду. Так, общий ежегодный мировой стоимостный объем операций на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века в наркобизнесе достигал 500 млрд. долларов США[712]. И он, этот оборот, не уменьшается, а возрастает.

Выводы:

1. Сотрудничество государств в международной правоохранительной деятельности[713], в борьбе с преступностью становится

---

[708] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с. С. 13.

[709] Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.; Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. – 2014. – 13 марта; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.

[710] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 67.

[711] Там же.

[712] United Nations. Department of Public Information. Drug trafficking and the world economy. Jan. 1990.

[713] Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое

устойчивой и определяющей международной традицией и необходимостью. Эта необходимость вызвана к жизни, с одной стороны, интеграционными экономическими, научно-техническими, политическими и культурными процессами. С другой стороны, именно противоречия интересов транснациональных корпораций и государств, стремление наиболее сильных из них навязать свою волю другим государствам и их погоня за максимальной прибылью неизбежно порождают противоправные и преступные способы и средства получения прибыли.

2. Огромные масштабы, рост организованной преступности создают прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности и представляют собой фронтальную атаку на политические и экономические устои власти и государственности[714]. Она нарушает нормальное функционирование социально-экономических институтов и компрометирует их, что приводит к утрате доверия к демократическим процессам. Она подрывает процесс развития и сводит его на нет. Ставит в положение жертвы население целых стран и эксплуатирует человеческую уязвимость, извлекая при этом огромные доходы. Она охватывает, опутывает и закабаляет целые слои общества и вовлекает их в различные и взаимосвязанные преступные предприятия.

3. Международная организованная преступность и её глобальные негативные социальные последствия вызывают объективную

обеспечение в США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.

[714] Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника 154-169 // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113; Бородушко И.В. Третьяков И.Л., Колокольцев В.А. Внутренние угрозы экономической безопасности России: анализ, профилактика, пресечение // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 2(22). – С. 122-126; Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000; Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 172-179; Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия прав, экономики и безопасности жизнедеятельности – СПб., 2001; Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.; Хабибулина А.А. Правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при обеспечении финансовой безопасности страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 79-84.

необходимость непримиримого противодействия этой преступности, укрепления международного сотрудничества в борьбе с нею[715].

4. Система факторов и причин, порождающих международную организованную преступность и необходимость международного сотрудничества в борьбе с нею включает:

- кардинальное изменение всей системы международных отношений, переход от многополярного к однополярному миру;
- существенные изменения международного положения России, ее внешней политики, отношений с другими странами;
- внутренние социальные противоречия, в том числе между государственными структурами и институтами и значительной частью общества (населением);
- внутренняя социальная политика многих стран, в частности России, в том числе: отсутствие стабильного повышения уровня жизни граждан, рост преступности, усиление преступных посягательств на имущественные и личные неимущественные права, свободы и интересы граждан и юридических лиц;
- противоречия в международно-правовых отношениях между государствами;
- значительные изменения социальной сущности, целевого предназначения, функций и содержания разных отраслей права и их институтов, в том числе норм и институтов международного права;
- малозначительность или отсутствие:
- многоуровневой, эффективной и доступной большинству населения системы реализации конституционных прав и свобод;
- четкого механизма реализации прав, гарантированных основным законом государства (конституцией);
- достаточных экономических и социальных условий, материальной базы функционирования системы такой реализации;
- взаимодействия государственных (правоохранительных) органов, осуществляющих борьбу с международной преступностью;
- слабая социальная активность населения в формировании, становлении правового государства и управлении его делами, в борьбе с преступностью;
- разобщенность в деятельности органов и организаций, общественных объединений и граждан, занимающихся укреплением

[715] Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации. Методологические основы геополитической доктрины России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.

законности, борьбой с преступностью, выявлением, предупреждением и устранением причин и условий, порождающих преступность;
- низкий уровень правовой культуры и правосознания как представителей органов власти и управления, так и самих граждан;
- ограниченность теоретико-методологического и концептуального, то есть мировоззренческого, идеологического и научного обоснования сущности, содержания, особенностей механизма уголовной политики как в национально-государственных, так и международных границах, отсутствие государственной идеологии[716].

2. Основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью

Под направлениями международного сотрудничества в борьбе с преступностью понимается совокупность взаимосвязанных путей международного сотрудничества международных полицейских и иных правоохранительных органов и организаций, осуществляющих совместную деятельность в борьбе с международной преступностью. Сущность этого сотрудничества составляет совместная деятельность международных правоохранительных органов и организаций по борьбе с международной преступностью[717]. Магистральные пути этого сотрудничества, предусмотренные соответствующими нормами международного права, и составляют сущность направлений указанного сотрудничества. Они, эти пути, предполагают:
- правовое регулирование международного сотрудничества в борьбе с преступностью;
- наличие системы международных органов и организаций, то есть субъектов, осуществляющих эту борьбу;
- их совместную деятельность;
- целевую установку этой деятельности;
- определенный правовой статус и основные функции указанных органов и организаций;

---

[716] Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196; Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. – М.: Эксмо, 2003. – 240 с. (Все на выборы).

[717] Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы борьбы с организованной преступностью, терроризмом и коррупцией: Специализированный курс лекций / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2006.

- объект борьбы – международная, прежде всего, организованная преступность[718],
- определенные формы, способы, средства и необходимые условия совместной деятельности.

Названные составляющие образуют и основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Раскроем основные из названных составляющих-направлений с учетом того, что некоторые из них, в том числе правовое регулирование международной организованной преступности, её характер, масштабы и основные особенности в той или иной мере раскрыты в предыдущих наших статьях[719]. Отдельные из таких направлений, а именно межгосударственные противоречия в борьбе с международной преступностью будут рассмотрены в самостоятельных публикациях.

Недостаточно ясным и определенным является вопрос о субъектах международной борьбы с преступностью. Определение круга этих субъектов связано с определением самого понятия международной преступности[720] и транснациональной уголовной юстиции[721].

---

[718] Гриб В.Г. Противодействие организованной преступности. – М., 2001; Долгова А.И. Правовые проблемы борьбы с организованной преступностью // Преступность и законодательство. – М., 1997; Пономарёв А.И. Организованная преступность: особенности противодействия на федеральном и региональном уровнях: Автореф. дис. .. канд. юрид. наук. – Саратов, 2009; Хабибулин А.Г. О научно обоснованных подходах в системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности в современных условиях: Научный доклад. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009. – 132 с.

[719] Третьяков И.Л. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: основные направления и субъекты // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 167-173; Третьяков И.Л. Необходимость, основные направления и правовой механизм международного сотрудничества в борьбе с преступностью в контексте международно-правовых актов // Мир политики и социологии. – 2016 – № 1. – С. 155-175.

[720] Кларк П. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля / Под ред. Б.С. Никифорова; пер. с англ. А.С. Никифорова. – М., 2002.

[721] Капустин А.А. Борьба с международной преступностью и терроризмом с системных позиций. В 3-х томах. – СПб.: Институт правоведения и предпринимательства, Том 1 – 2002; Том 2 – 2003; Том 3 – 2003; Капустин А.А. Концепция борьбы с международной преступностью и терроризмом. Системный подход. – СПб.: Институт правоведения и предпринимательства, 2004. – 52 с.; Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001; Кондрат И.Н. Международно-правовые нормы и национальное уголовно-процессуальное законодательство России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 7-12; Транснациональные

По мнению Г. Корстенса (Член Верховного Суда Нидерландов, бывший профессор уголовного права Ниджмедженского католического университета (Голландия)) и Дж. Прэделя (Профессор уголовного права Поитерского университета (Франция), бывший судья-консультант), давших определение понятия «европейская уголовная юстиция», последняя представляет собой «совокупность уголовно-правовых норм (стандартов – материальных, процессуальных, уголовно-исполнительных), являющихся общими для различных европейских государств и предназначенных для лучшей борьбы с уголовной преступностью вообще и транснациональной организованной преступностью в особенности»[722]. По их мнению, существует фактически три типа международного уголовного права.

Первый тип – уголовное право, которое относится только к двум государствам и которое решает только традиционные проблемы. Например, если гражданин Франции совершил убийство лица за пределами Франции, то в этом случае необходимо установить юрисдикцию суда определенного государства и законодательство, подлежащее применению. Решение этого вопроса возможно в соответствии с внутренним, национально-государственным правом или в соответствии с уголовно-правовой процедурой или, в соответствии с имеющимся двусторонним соглашением. Судом уголовной юрисдикции в этом случае будет суд одного из двух заинтересованных государств[723].

Второй тип международного права возник с образованием ООН. После Второй Мировой войны страны-победители создали международные суды для наказания тех, кто нарушил права человека, то есть совершил преступления против мира, военные преступления или преступления против человечества. По Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г. был создан Международный военный трибунал для привлечения к уголовной ответственности военных преступников европейских стран, «чьи преступления не могут быть отнесены к

преступные организации. Сферы деятельности. Характеристика и основные тенденции (по материалам Всемирной конференции по организованной преступности. Неаполь, 21-23 ноября 1994 г.) // Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып. 3. – М., 1995.

722 Bernardi A. Vers une europeanisation du droit penal des affaires? Limites et perspectives d' un ius commune criminale», RD pen. crim. 1997. P. 405;Bernardi A. Vers une europeanisation du droit penal des affaires? Limites et perspectives d' un ius commune criminale», RD pen. crim. 1997; Cadoppi A. Towards a European Criminal Code? // European Journal of Crime, Criminal law and Criminal Justice. 1996. P. 2; Tsitsoura A. Faut-il un droit penal europeen? // Pouvoirs. No. 55, 1990. P. 133

723 Corstens G., Pradel J. European Criminal Law. – The Hague, London, New York: Kluwer law international, 2003. P. 3.

преступлениям, совершенным на определенном географическом пространстве». И уже в XXI веке, можно сказать недавно, в связи с геноцидом, совершенным в бывшей Югославии по резолюции Совета Безопасности от 22 февраля 2003 года был создан «Международный Суд для привлечения к уголовной ответственности лиц, обвинявшихся в серьезных нарушениях международных прав человека в бывшей Югославии». Совет Безопасности ООН принял законы нового суда и установил правила его судебной процедуры и доказывания от 11 февраля 2004 года. Этот суд получил название Гаагский уголовный суд с дислокацией в Страсбурге.

Третий тип международного уголовного права – региональное уголовное законодательство, разработанное на симпозиуме Международной ассоциации уголовной юстиции в сентябре 2002 года в Хельсинки с целью «регионализации международного уголовного права». Термин «регионализация» означает развитие методов «международного сотрудничества между тремя независимыми государствами, расположенными в однозначно определенном географическом пространстве»[724].

С учетом позиции указанных авторов субъектами борьбы с международной организованной преступностью могут быть признаны суды, которые наделены судебной юрисдикцией в соответствии с международными двусторонними или трехсторонними соглашениями. При этом подлинно международными субъектами борьбы с международной преступностью, как представляется, являются лишь суды и правоохранительные органы, обладающие международной юрисдикцией в соответствии с международными соглашениями (договорами). К таким субъектам относятся:

- бывший Нюрнбергский военный трибунал, созданный в 1945 году в лице его судей, их помощников, представителей обвинения и защиты от всех государств антигитлеровской коалиции;
- Международный уголовный суд (по Югославии) в лице его судей, представителей обвинения и защиты, созданный по решению Совета Безопасности ООН в 2004 году;
- Международная полицейская ассоциация (Интерпол), созданная в соответствии с международным договором, членом которого является Россия;
- Европейская полицейская организация (Европол), созданная по решению Совета Европы, членом которого является Российская Федерация;

[724] Corstens G., Pradel J. European Criminal Law. – The Hague, London, New York: Kluwer law international, 2003. P. 2.

- национально-государственные суды и правоохранительные органы[725], осуществляющие борьбу с международной преступностью в соответствии с международными, региональными или двусторонними соглашениями по специальному постоянному или временному поручению (доверенности).

Круг субъектов борьбы с международной преступностью нельзя ограничивать только международными или региональными судебными органами, как это делают Г. Корстенс и Дж. Прэдель, по ряду причин.

- во-первых, международная преступность, как было сказано, потому и называется международной, что не знает ни государственных, ни национальных или иных границ.
- во-вторых, борьба с нею представляет собой огромную трудность в виду её колоссальных масштабов, организованности, оснащенности, участию в ней представителей государственной власти.
- в-третьих, эта борьба не сводится только к функциям уголовного преследования или судебного разрешения уголовного дела. Она, эта борьба, носит многосторонний и многофункциональный характер.
- в-четвертых, она представляет собой как единство, так и противоречие общего и особенного. В ней соединяются и добрая воля государств-участников этой борьбы, и их взаимные усилия, и сугубо частные интересы отдельных субъектов как на уровне государств, так и их представителей. Эти интересы могут быть и такими, которые не могут быть совместимыми с социально необходимыми и полезными интересами международного сообщества.

Диалектический закон единства и противоречия общего и

[725] Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М., Третьяков И.Л. Общественный порядок и его обеспечение правоохранительными органами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 38-45; Рахимзода Р.Х. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан как правоохранительный орган // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 110-117; Рахимзода Р.Х. Судебная система, прокуратура, органы национальной безопасности, министерство юстиции Республики Таджикистан и правоохранительная деятельность государства // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 110-117; Рахимзода Р.Х. Таможенные и налоговые органы, Национальная гвардия, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан в контексте правоохранительной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 196-204.

особенного, части и целого является методологической основой выявления и проявления соотношения и взаимосвязи международных полицейских и иных правоохранительных органов и их международного сотрудничества в борьбе с преступностью, в правоохранительной деятельности. Их соотношение и взаимосвязь характеризуются как единством, так и противоречивостью деятельности национально-государственных и международных полицейских и правоохранительных органов и организаций.

Единство национально-государственных и международных полицейских и правоохранительных органов и организаций, включая указанные органы и организации России, в международной правоохранительной деятельности состоит в том, что:

- в их сущности имеются единые элементы, а именно: они являются именно полицейскими, правоохранительными органами и организациями, выполняют единые или аналогичные функции[726];
- международная правоохранительная деятельность характеризует сущность международных отношений и международной правоохранительной деятельности в борьбе с преступностью как единую систему отношений, как единое целое, дают ему всестороннюю характеристику (социально-экономическую, политическую, научно-техническую, культурную и т.п.);
- все указанные виды борьбы с международной преступностью имеют единые существенные признаки, законы и закономерности их взаимосвязи и взаимодействия, реализующие всеобщие законы диалектики[727];
- они выражают и отражают единые (однопорядковые и однородные) противоречия всей системы международных отношений.

Противоречия международной борьбы с преступностью как взаимодействие различных субъектов, их отношений и видов деятельности состоят в том, что:

- они являются противоположностями по отношению друг к другу,

---

[726] Губанов А.В. Полиция Запада. – М.: ВНИИ МВД России, 1993; Ермолович Г.П. Население и полиция: противостояние преступности в США: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 284 с. (Серия: «Полицеистика; прошлое, настоящее и будущее»).

[727] Кларк П. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля / Под ред. Б.С. Никифорова; пер. с англ. А.С. Никифорова. – М., 2002; Кристи Н. Удобное количество преступлений / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2006 – 182 с.; Тайбаков А.А. Преступность в США (структурно-сравнительный анализ): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 104 с.

поскольку имеют различную сущность, разное содержание и отличные формы проявления;

- международная борьба с преступностью выражает сущность всей системы международных отношений, их структуру, виды и формы; в то время как международная правоохранительная деятельность Российской Федерации выражает интересы прежде всего властных структур России, её господствующих социальных общностей и слоёв;
- международная борьба с преступностью является синтезированными и интегрированными слагаемыми разных и множественных правовых систем, принципов и традиций международной правоохранительной деятельности, включая и правоохранительную деятельность субъектов борьбы с международной преступностью РФ;
- международные приоритеты борьбы с международной преступностью являются определяющими по отношению к национально-государственным приоритетам международной правовой деятельности правоохранительных органов России, выступая в качестве единого критерия, определяющего сущность, социальную (международную гуманитарную) направленность и роль международной правоохранительной деятельности России;
- приоритет международно-правовых принципов в борьбе с международной преступностью не может быть абсолютным, как это имеет место в сложившейся в настоящее время правоохранительной практике РФ, поскольку наиболее влиятельные государства в лице США и некоторых стран НАТО используют международные органы и организации для реализации своих односторонних интересов;
- сущность, принципы, направления, формы и способы международной борьбы с преступностью не являются простыми слагаемыми национально-государственных принципов, направлений, форм и способов этой борьбы; оно составляют новый уровень и качество правоохранительной и правозащитной деятельности – систему международной борьбы с международной преступностью;
- национально-государственные принципы, направления, формы и способы борьбы с международной преступностью оказывают активное воздействие на международные слагаемые этой борьбы, придавая ей российский национально-государственный колорит, меняя характер и структуру всей системы международной правоохранительной деятельности;

- характер, мера и эффективность национально-государственного воздействия на систему международной борьбы с международной преступностью зависят от социальной сущности и, особенно, социальной направленности этой борьбы.

О социальной сущности и направленности международного сотрудничества в борьбе с международной преступностью можно судить по тем социальным приоритетам, которые закреплены в ряде международных соглашений, в том числе в Соглашении «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года (г. Рим)[728].

Но это уже предмет другой, самостоятельной публикации.

Статья 4 Соглашения «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года[729] определяет, что Стороны (РФ и Европейская полицейская организация (Европол) взаимодействуют в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, в частности, в отношении следующих правонарушений:

- против жизни и здоровья человека[730];
- связанных с терроризмом и его финансированием[731];

---

[728] Соглашение «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года (г. Рим) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62.

[729] Там же.

[730] Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Ищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Законодательство России о праве человека на жизнь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 100-102; Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – Душанбе, 2014; Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27; Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20; Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. «Жизнь» как юридическая категория и явление природы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 63-67; Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. Право на жизнь: понятие, содержание и некоторые вопросы юридического закрепления // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 4. – С. 23-25; Стеценко С.Г. Жизнь и смерть человека как объект правовой науки // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 180-188; Стеценко С.Г. Право на жизнь: возникновение и проблемы реализации (медико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 160-169.

[731] Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. История международного и российского терроризма (от Древнего Рима до Нового времени): Монография.

- связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров[732];
- связанных с незаконным оборотом культурных ценностей[733];
- связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих веществ, ядерных и радиоактивных материалов[734];

– СПб.: Санкт-Петербургский госуд. морской техн. ун-т, 2010. – 216 с.; Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2011. – 372 с.

[732] Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности России. – М., 2006; Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005; Зоиров С.Д. Криминальный оборот наркотических средств: опасность для человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 134-147; Зоиров С.Д. Проведение отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств в России и Таджикистане // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 141-144; Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-криминалистический анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 148-165; Зоиров С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств в Таджикистане и России: сравнительно-правовой анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 35-38; Ролик А.И., Романова Л.И. Федоров А.В. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. – 336 с.; Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58; Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, международно-правовые аспекты. Сборник статей. – М.: Юрист, 2011. – 406 с.

[733] Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: Монография – М.: Юристъ, 2006; Приданов С.А., Щерба С.П. Преступления, посягающие на культурные ценности: квалификация и расследование. – М., 2002. – 520 с.; Гайдашев А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую исто- рическую, научную или культурную ценность: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 168 с.; Горбачев В.Г. Организация и тактика раскрытия краж культурных ценностей: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1983. – 176 с.; Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 25 с.

[734] Абызов Р.М., Власов В.П., Лебедев С.Я. Предупреждение незаконного оборота оружия: Монография. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2002; Бражников Д.А., Бычков В.В. Преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых

- в отношении имущества, добытого преступным путём, включая мошенничество, хищение и незаконный оборот автотранспортных средств[735];

веществ и взрывных устройств (уголовно-правовой и криминологический анализ): Учебное пособие. – Челябинск: Челяб. ин-т (филиал) ГОК ВПО «РГТЭУ», 2005; Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты). – М.: Юрлитинформ, 2008; Белоконь А.В. Исторические аспекты развития процесса правового оборота оружия в российском государстве // Российский следователь. – 2007. – № 16. – С. 38-39; Дмитриев С.А., Башилов В.В. Незаконный оборот оружия: факторы ему способствующие и способы борьбы с этим явлением // Закон и право. – 2002. – № 5. – С. 33-34; Кац Е.А. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконными действиями с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами // Уголовное право и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 195-209; Кравцов А.И. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств как криминогенный фактор насильственной преступности // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 34-35; Невский С.А., Сычев Е.А. О специальных мероприятиях по противодействию незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (история и современность) // Современное российское общество: актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей в трех томах. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – С. 128-139; Орлов В. Незаконный оборот ядерных материалов – новый вызов международной безопасности // Экспортный контроль в России: политика и практика. – М.: ПИР-Центр, 2000; Власов В.П. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001; Ковалева Р.Р. Уголовная ответственность за преступления, связанные с оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – 196 с.; Ширкин А.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия незаконному обороту оружия в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2008.

[735] Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134; Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86; Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104; Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51; Годунов В.С. Особенности автотранспортных преступлений, проявляющиеся в механизме их совершения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 61-65; Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и

- связанных с легализацией (отмыванием) доходов[736];
- связанных с незаконной миграцией, торговлей людьми и проституцией и эксплуатацией проституции третьими лицами[737].

уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130; Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 160-164.

[736] Алиев В.М., Третьяков И.Л. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Российский следователь. – 2002. – № 5; Третьяков И.Л. О законодательном регулировании вопросов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Законодательство и экономика. – 2004. – № 4. – С. 62-64.

[737] Абрамова С.Р., Усанов И.В. Раскрытие и расследование преступной торговли несовершеннолетними: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009; Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты): Дис. … канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005; Глонти Г. Торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации: реалии и перспективы (криминологический анализ проституции, порнобизнеса и трефикинга). – Тбилиси, 2004; Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие. С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.; Денисова Т.А. Торговля женщинами и детьми с целью их сексуальной эксплуатации: криминологический аспект // Правові проблеми боротьби зі злочинністю. – Харків, 2002. – Кн. 1; Дзьоник Д.В. Историко-правовой аспект реализации процедур иммиграционного контроля ФМС России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 176-186; Дзьоник Д.В. Привлечение к административной ответственности юридического лица, допустившего нарушение миграционного законодательства: проблемы и перспективы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 106-112; Кирьян Т., Маришка Н.Дж., Ван дер Линден. Торговля людьми и трудящиеся-мигранты из Украины: вопросы труда и сексуальной эксплуатации. Рабочий доклад. – Женева: МОТ, 2006; Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89; Козлова Л.Е. Административно-процессуальные формы реализации внешневластных функций Федеральной миграционной службой Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 35-37; Косарева В.В. Понятие и признаки миграции и миграционных отношений // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 118-122; Никитенко Е.Г., Синицын И.М. Приоритетные направления государственной политики в сфере управления кризисно-конфликтными ситуациями, обусловленными миграционными процессами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 36-44; Пиров М.Т. Работорговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134; Рязанцев С.В. Торговля людьми с целью трудовой эксплуатации и незаконная трудовая миграция в Российской Федерации: формы, тенденции,

Статья подчеркивает, что Европол осуществляет взаимодействие по вопросам, перечисленным выше, в рамках своего мандата, то есть согласия, полученного у Совета Европейского союза[738].

Основными формами сотрудничества устанавливаются:

1) обмен представляющей взаимный интерес стратегической и технической информацией[739], в частности информацией:

- о формах, методах и средствах совершения преступления;
- о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, обнаруженных в незаконном обороте, технологиях их изготовления и используемых при этом веществах, а также новых методах исследования и идентификации наркотических веществ и психотропных веществ;
- о каналах перевода денежных средств, полученных преступным путем;
- о состоянии и развитии преступности, оценках угроз её распространения;
- о новых формах и методах противодействия преступности;
- о мерах организационно-правового характера по совершенствованию основных направлений правоохранительной деятельности;
- о современных методах проведения полицейских расследований;
- о передовых формах и методах подготовки кадров, о высших учебных заведениях и центрах повышения квалификации кадров[740];

противодействие. – М., 2013.

738 Соглашение «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года (г. Рим) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. П. 2

739 Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.

740 Горожанин А.В. Кадры органов внутренних дел: современные проблемы обеспечения. – СПб., 1999; Лойт Х.Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (исторический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1998; Лойт Х.Х., Сальников В.П., Потапов Ю.А. Проблемы подготовки специалистов по связям с общественностью в системе МВД России // Взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов: Сб. Мат. науч.-практ. конф. – СПб., 2001. – С 64-70; Павлюк В.А., Сальников В.П. Инновационный подход к созданию лабораторных практикумов // Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки: Материалы межвузовской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Белгород: Белгородский ун-т кооперации, экономики и права, 2010. – С. 204-

- о методах обработки и анализа информации;
- о критериях оценки деятельности подразделений правоохранительных органов;

2) обмен опытом в правоохранительной сфере, в том числе проведение научно-практических конференций, стажировок и консультаций[741];

210; Сальников В. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. – № 7. – С. 47-59; Сальников В. Новый старый университет // Российская Федерация сегодня. – 2003. – № 19. – Октябрь. – С. 46-47; Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46; Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25; Сальников В.П., Масленников Д.В. Истоки, реальность и перспективы университетского образования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 3. – С. 27-34; Федоров В.И. Кадровое обеспечение системы МВД России: современные проблемы: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 192 с.; Шамаров В.М., Лойт Х.Х. Воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел: Пособие / Под ред. А.А. Прошина, В.П. Сальникова. 2-е изд., перераб. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 128 с. – (Серия «Современная кадровая политика и органы внутренних дел»).

741 Материалы международной научно-практической конференции «Компьютерная преступность: состояние, тенденции и превентивные меры ее профилактики». Санкт-Петербург, 12-13 февраля 1999 г. – СПб., 1999; Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996; Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66; Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: Матер. межд. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2008 г. / Под общ. ред. П.П. Глушенко, Б.П. Белозерова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия управления и экономики, 2008. – С. 98-104; Андреева И.А., Берекет В.М., Игнатенко Д.И., Сальников В.П., Сарсенов К.М. МВД России – 200 лет. История, современность, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4(223). – С. 189-199; Берекет В.М., Владимиров В.Ю., Жаркой М.Э., Игнатенко Д.И., Латышев О.М., Сальников В.П., Шустов Н.И. Перспективы использования зарубежных технических средств безопасности в России: Международный научно-практический семинар // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 3. – С 158-161; Берекет В.М., Мушкет И.И., Потапов Ю.А., Сальников В.П. МВД России – 200 лет: история, развитие, перспективы (Международная научно-практическая конференция) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1(234). – С. 233-243; Использование зарубежного опыта в деятельности органов

3) обмен нормативными правовыми актами, методическими пособиями, научно-технической литературой и другими материалами, касающимися правоохранительной деятельности;

4) подготовка кадров[742].

Непосредственными субъектами международного сотрудничества Соглашение определяет с российской стороны: МВД РФ – головной компетентный орган, ФСБ РФ, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Федеральная таможенная служба РФ, Федеральная служба РФ по финансовому мониторингу[743]. Здесь реально возникает вопрос о взаимодействии различных правоохранительных органов, силовых структур и власти внутри страны[744].

внутренних дел Российской Федерации: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27-28 мая 1993 г. (Часть 1) / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 46-50; Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 81-118; Потапов Ю.А.. Сальников В.П., Берекет В.М., Мушкет И.И. МВД России – 200 лет. История, развитие, перспективы. Международная научно-практическая конференция // Вестник Санкт-петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 181-190; Сальников В.В., Волкова С.В. Издательство «Юридическая литература» в Ленинграде // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1986. – № 5. – С 102-103; Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институционализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120. ; Сальников В.П. Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели. Круглый стол // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 3-22; Сальников В.П., Морозова Л.А. Полиция. Женщина. Гуманизм // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 133-146; Сальников В.П., Денисов Е.А., Морозова Л.А. Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел России. Межвузовская конференция // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 18-40; Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132; Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.

742 Соглашение «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года (г. Рим) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Ст. 5.

743 Соглашение «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» от 6 ноября 2003 года (г. Рим) // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Приложение 1.

744 Виноградова А.Н., Гаужаева В.А. Отдельные аспекты организации

Органы Европола, непосредственно осуществляющие сотрудничество между РФ и этой организацией, в соглашении не указываются. На практике это может означать прозрачность и открытость как исполнителей, так и конкретных действий субъектов сотрудничества с Российской стороны и закрытость, нелегальность субъектов и действий агентов Европола.

Примерно в том же ракурсе выдержано и Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств «О сотрудничестве в борьбе с преступностью» от 25 ноября 1998 г. (вступило в силу 14.09.1999 г.)[745]. Оно определяет фактически те же направления сотрудничества, что и Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией. В качестве приоритетов определяющих направления сотрудничества, это Соглашение определяет предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, особенно таких, как:

- преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности;
- незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих веществ, ядерных и радиоактивных материалов;
- международный бандитизм, терроризм, захват заложников;
- незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров;
- преступления в сфере экономической деятельности, в том числе в области налогообложения, легализация (отмывание) доходов от преступной деятельности, контрабанда, фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг;
- преступления против собственности, в том числе хищения автотранспортных средств и связанные с этим незаконные операции;
- торговля людьми, эксплуатация проституции третьими лицами;
- незаконный оборот культурных и исторических ценностей;
- экологические преступления;
- незаконная миграция.

взаимодействия при расследовании похищения человека // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 102-106; Хабибулина А.А. Актуальность административно-правового регулирования взаимодействия ФСБ России с иными федеральными органами исполнительной власти в сфере обеспечения финансовой безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 44-48.

[745] Соглашение государств – участников Содружества независимых государств от 25.11.1998 г «О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с преступностью» // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 4. – С. 3-8.

В Соглашении выражается озабоченность масштабами и тенденциями развития преступности, особенно в её организованных формах. Подчеркивается важность значения международного сотрудничества в области соблюдения законных прав человека[746]. Оно несколько расширяет направления и формы взаимного сотрудничества в борьбе

[746] Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23; Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37; Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение прав и свобод человека органами внутренних дел // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева): Материалы региональной науч-практ. конф., Санкт-Петербург, 21 мая 2015 года. – СПб., 2015. – С. 76-80. – в кн. 300 с.; Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32; Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5; Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164; Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 7-14; Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100; Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80; Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева): Матер. регион. науч.-практ. конф., 21 мая 2015 г. – 300 с.; Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42; Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.; Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109; Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.

с международной преступностью, предусматривая:

- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания, а также без вести пропавших;
- розыск и возвращение в установленном порядке похищенных предметов, имеющих номера или специфические признаки. В том числе автотранспорта и огнестрельного оружия, а также номерных ценных бумаг и паспортов (удостоверения личности);
- обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлений, и причастных к ним физических или юридических лицах;
- обмен информацией о новых видах наркотических средствах и психотропных веществах, появившихся в незаконном обороте, технологиях их изготовления, используемых при этом веществах, а также о новых методах исследования и идентификации наркотических средств, прекурсоров и психотропным веществ;
- обмен информацией о юридических лицах и объектах собственности, используемых для легализации (отмыванию) доходов от преступной деятельности;
- обмен опытом работы, в том числе проведение стажировок, семинаров и учебных курсов, а также информацией о новых способах и средствах совершения преступлений и опытом их расследования;
- обмен законодательными и иными нормативно-правовыми актами сторон, содействие в приобретении учебной и методической литературы;
- проведение совместных научных исследований по проблемам представляющим взаимный интерес;
- обмен на взаимовыгодной основе научной информацией;
- согласование действий по пресечению преступлений и деятельности лиц, совершивших преступления или готовящихся к их совершению [747].

Основным юридическим основанием и способом сотрудничества Соглашение указывает запрос компетентных органов Сторон об оказании содействия. Детально описывается все детали содержания запроса и порядка его проверки, подтверждения, исполнения или отказа об исполнении. В нем указываются все субъекты сотрудничества. Предусматриваются меры обеспечения лиц, а в случае

[747] Соглашение государств – участников Содружества независимых государств от 25.11.1998 г «О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с преступностью» // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 4. – С. 3-8. Ст. 2-3.

необходимости – и их близких родственников, показания или действия которых имеют или могут иметь важное значение для расследования или судебного рассмотрения уголовных дел. Соглашение действует в течение 5 лет со дня его вступления с силу и автоматически продлевается каждый раз на пятилетний период, если Стороны не примут иное решение.

Непосредственными субъектами сотрудничества указываются: Прокуратура (Генеральная прокуратура), МВД, Министерство (Комитет) национальной безопасности, Государственные таможенные органы (Комитет), Государственный комитет пограничных войск (В Грузии – Государственный департамент охраны государственной границы).

Сторонами Соглашения выступили: Азербайджанская Республика, Республика Армении, Республика Беларусь, Грузия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Украина.

На казанском саммите СНГ, состоявшемся 26 августа 2005 года, Туркменистан заявил о том, что будет участвовать в организации в качестве «ассоциированного члена». Украина не ратифицировала Устав СНГ, поэтому де-юре она не являлась государством-членом СНГ, относясь к государствам-учредителям и государствам-участникам Содружества. 19 марта 2014 года Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о прекращении председательства Украины в СНГ, а секретарь СНБО Украины Андрей Парубий заявил, что страна начинает процесс выхода из Содружества Независимых государств. 3 сентября 2014 года, исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев заявил, что Украина не вышла из состава СНГ. 8 декабря 2014 депутаты Верховной Рады начали обсуждать вопрос о выходе Украины из СНГ. Решения вынесено не было.

3 декабря 1993 года Грузия по решению совета глав государств была принята в содружество, а 9 декабря 1993 года присоединилась к уставу СНГ. 12 августа 2008 года президент Грузии Михаил Саакашвили заявил о желании выхода государства из состава СНГ, 14 августа 2008 года грузинским парламентом было принято единогласное (117 голосами) решение о выходе Грузии из организации. Согласно Уставу СНГ (статья 9 раздела I) государство-член вправе выйти из Содружества. О таком намерении оно извещает письменно депозитария настоящего Устава за 12 месяцев до выхода. При этом обязательства, возникшие в период участия в настоящем Уставе, связывают соответствующие государства до их полного выполнения. 9 октября 2008 года министр иностранных дел России РФ Сергей Лавров сообщил, что Совет глав

МИД стран СНГ принял формальное решение о прекращении членства Грузии в Содружестве с августа 2009 года. 18 августа 2009 года Грузия официально покинула СНГ[748].

Среди множества международных конвенций, договоров и соглашений о сотрудничестве в борьбе с международной (транснациональной) преступностью большей предметностью, полнотой и гарантиями соблюдения, содержащимися в них, отличаются Конвенции: «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS 141)» от 08.11.1990 г., «Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS 173)» от 27.01.1999 г., «О киберпреступности» от 23.11.2001 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) от 31.10.2003 г. и некоторые другие.

Следует обратить внимание на Европейскую Конвенцию «Об уголовной ответственности за коррупцию», которая объявляет борьбу с коррупцией самостоятельным направлением уголовной политики и самостоятельным направлением международного сотрудничества в борьбе с международной преступностью[749]. Конвенция предусматривает принятие законодательства, превентивных мер. Подчеркивает особую общественную опасность коррупции, которая «угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества». Конвенция требует расширения, активизации и надлежащего функционирования

---

[748] https://ru.wikipedia.org/wiki/Содружество_Независимых_Государств

[749] Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62; Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П, Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 113-127; Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59; Правовые инновации в сфере противодействия коррупции. – М., 2012; Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 310 с.; Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г.- М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 150-155.

международного сотрудничества в области уголовного права.

Указанная Конвенция, как никакой другой международный правовой акт, содержит подробную классификацию видов коррупции, в том числе: активный и пассивный подкуп национально-государственных должностных лиц; подкуп членов национально-государственных собраний, иностранных государственных должностных лиц, членов иностранных государственных собраний; активный и пассивный подкуп в частном секторе; подкуп должностных лиц международных организаций, членов международных парламентских собраний; подкуп судей и должностных лиц международных судов; использование служебного положения в корыстных целях; отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией; и преступления, касающиеся операций со счетами.

Конвенция обязывает руководствоваться общими принципами международного права и принимать признанные меры в области международного сотрудничества, оказывать взаимную помощь в борьбе с коррупцией, выдавать лиц, виновных в коррупции, активно обмениваться информацией[750].

Российская Федерация формально присоединилась к этой Конвенции, подписав её 27.01.1999 г. Распоряжением Президента от 25.01.1999 № 18-рп. 25 июля 2006 года Конвенция была ратифицирована Федеральным законом № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»[751]. 18 декабря 2008 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 1800 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, касающихся международного сотрудничества»[752].

Таким образом, было начало создание правовой базы борьбы с коррупцией в нашей стране в контексте международного сотрудничества. Вместе с тем это не значит, что все проблемы мы решили, что в России нет коррупции. Однако появилась законодательная возможность

---

[750] Европейская Конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию». Принята Советом Европы 27.01.1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2394. Преамбула, ст. 2-14.

[751] Федеральный закон № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3424.

[752] Указ Президента Российской Федерации № 1800 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, касающихся международного сотрудничества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 51. – Ст. 6141.

ведения эффективной борьбы с коррупцией. Важно реализовать эту возможность, но здесь возникает очень много вопросов как законодательного, так и доктринального плана. В частности, до сих пор ни законодатели, ни ученые не пришли к единому пониманию самого явления «коррупция», нет и единого понимания данной категории.

Существенными и представляющими интерес являются *доктринальные подходы* к международному сотрудничеству в борьбе с международной преступностью. Анализ этих походов позволяет выделить следующие основные тенденции в научно-теоретическом обосновании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Одна из них представляет собой не что иное, как проявление глобализма[753] и как правовая форма глобалистского понимания международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Данное обстоятельство может как способствовать повышению эффективности данной деятельности, так и вредить ей[754]. Особенно четко эта тенденция выражается в разработке новой правовой доктрины – концепции универсальной юрисдикции. Согласно этой концепции всеобщие угрозы миру, масштабы и рост международной организованной преступности находят все большее отражение в национально-государственном законодательстве и требуют безусловного объединения усилий международного сообщества в борьбе с этими угрозами и опасностями. Правовой формой реакции международного сообщества на эти угрозы и опасности должно быть создание некоего единого судебно-правоохранительного органа по типу Международного уголовного суда (в Страсбурге). Такая концепция фактически оправдывает создание международных карательных атрибутов под эгидой наиболее влиятельных держав. Международный уголовный суд, созданный в связи с событиями в Югославии, является слабо выраженным юридическим прикрытием агрессивности политики стран НАТО во главе с США.

Характерным в этом отношении является суждения профессора С. Мачедо (Macedo), который в этой связи пишет: «Когда бывший чилийский диктатор Пиночет был задержан в Лондоне на основании заявления Испании об его экстрадиции, внимание всего мира было впервые сосредоточено на идее универсальной юрисдикции… Победители в вооруженных конфликтах нередко инициировали привлечение к суду

---

[753] Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации. Методологические основы геополитической доктрины России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.

[754] Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые перспективы реформирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 281-288.

военного трибунала за военные преступления. Подобным же образом страны, натерпевшиеся от жестоких диктатур и гражданских войн, иногда решали привлечь угнетателей к уголовной ответственности, но Пиночет сражался на стороне победителей в «холодной войне». Более того, Правительство Чили объявило амнистию всем серьезным преступлениям, совершенным в годы жесточайшей диктатуры Пиночета. После сдачи им своей власти, бывшему генералу и президенту был предоставлен иммунитет от уголовного преследования как «пожизненному сенатору». Несмотря на это, «Пиночет заслужил, чтобы предстать перед судом» [755]. По мнению С. Мачедо, испанский суд обоснованно осудил Пиночета. Мачедо ссылается на общественное мнение, требовавшее предания суду ряда государственных и политических деятелей, совершивших тяжкие преступления против мира и человечества, в том числе обвинения в адрес Г. Киссинджера за массовые убийства, за бомбежку Камбоджи и другие преступления. Он приводит пример решения Верховного Суда Бельгии от 12.02.2003 г. о привлечении к суду за военные преступления А. Шарона и другие. Но Мачедо оставляет без ответа поставленные им же правовые вопросы: кто вправе привлекать к уголовной ответственности за пытки, военные преступления, преступления против человечества и другие серьезные преступления в соответствии с нормами международного права. И в тоже время он называет спектаклем судилище над С. Милошевичем в Гааге[756]. И с такой оценкой нельзя не согласиться.

С. Мачедо признает основные уязвимые места своей концепции: полную зависимость и приоритет политики над правом, отсутствие соответствующего международного договора о создании универсальной юрисдикции, верховенство силы и насилия над законом[757].

Более последовательно указанную концепцию отстаивают создатели и доктринеры Международного уголовного суда Р. Мэй, Г. Блуз, М. Бобландэр, П. Чиффлет, М. Джарвис, Г. Маккинтайер, Д. Мандис. Упор указанные авторы делают на сугубо юридические аспекты и атрибуты правового статуса и уголовно-правовой процедуры Международного уголовного суда в Гааге[758].

---

[755] Macedo S. Universal jurisdiction: national courts and the prosecution of serious crimes under international law. – University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2004. – 383 p. P. 1-3.

[756] Macedo S. Universal jurisdiction: national courts and the prosecution of serious crimes under international law. – University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2004. – 383 p. P. 3-4

[757] Там же. P. 5-7

[758] Boas G., Schabas W. International Criminal Law. Developments in the Case Law of the ICTY. – Martinus Nijhoff Publishers. – Leiden / Boston, 2003. – 309 p Pp. 1-35,

Другая тенденция стоит на легалистских позициях международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Сторонники этой тенденции полагают, что агрессивные войны, массовые насилия, применение внесудебной расправы над мирным населением, пыток, терроризм требует безусловного объединения членов международного сообщества в борьбе с указанными явлениями, однако для этого должна быть создана соответствующая социально-политическая и правовая база. Международные карательные органы следует создавать, прежде всего, на основе соответствующих соглашений, желательно международных. В правовом отношении эта тенденция выражается в доктринах и постулатах общего и обычного права. Она не исключает и даже оправдывает такие международные карательные органы как Международный суд в Гааге. Сторонники применения норм и принципов общего и обычного права в борьбе с преступностью считают обоснованным применять Четвертую Женевскую Конвенцию и Первый Дополнительный протокол к ней 1949 г., которые устанавливают уголовную ответственность за массовые насилия и тяжкие преступления против мирного населения в вооруженных конфликтах[759].

Подводя некоторые предварительные итоги, хотелось бы отметить следующее.

Сущность международного сотрудничества в борьбе с преступностью составляет совместная деятельность международных правоохранительных органов и организаций по борьбе с международной преступностью[760]. Магистральные пути этого сотрудничества, предусмотренные соответствующими нормами международного права, и составляют сущность направлений указанного сотрудничества. Они, эти пути, предполагают:

- правовое регулирование международного сотрудничества в борьбе с преступностью[761];
- наличие системы международных органов и организаций, то есть субъектов, осуществляющих эту борьбу[762];

113-156, 239-275

[759] Cassese A. International criminal law. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 472 p. Pp. 49-50, 110-130, 139-144, 157-170

[760] Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2011.

[761] Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2002.

[762] Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: Хрестоматия. – М.: Юрлитинформ, 2009; Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное

- их совместную деятельность;
- целевую установку этой деятельности;
- определенный правовой статус и основные функции указанных органов и организаций;
- объект борьбы – международная, прежде всего, организованная преступность,
- определенные формы, способы, средства и необходимые условия совместной деятельности.

Названные составляющие образуют и основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Международными субъектами борьбы с международной преступностью являются суды и правоохранительные органы, обладающие международной юрисдикцией в соответствии с международными соглашениями (договорами). К таким субъектам относятся:

- бывший Нюрнбергский военный трибунал, созданный в 1945 году в лице его судей, их помощников, представителей обвинения и защиты от всех государств антигитлеровской коалиции[763];
- Страсбургский международный суд в лице его судей, представителей обвинения и защиты, созданный по решению Совета Безопасности ООН в 2004 году;
- Международная полицейская ассоциация (Интерпол), созданная в соответствии с международным договором, членом которого является Россия[764];
- Европейская полицейская организация (Европол), созданная по решению Совета Европы, членом которого является Российская Федерация[765];
- национально-государственные суды и правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с международной преступностью в соответствии с международными, региональными или двусторонними соглашениями по специальному постоянному или временному поручению (доверенности).

Диалектический закон единства и противоречия общего и

уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 3(4). – С. 3-13.

763 Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала: семьдесят лет реализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 1(24). – С. 271-294.

764 Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 1990.

765 Волеводз А.Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009. – № 4. – С. 109-116.

особенного, части и целого является методологической основой выявления и проявления соотношения и взаимосвязи международных полицейских и иных правоохранительных органов и их международного сотрудничества в борьбе с преступностью, в правоохранительной деятельности. Их соотношение и взаимосвязь характеризуются как единством, так и противоречивостью деятельности национально-государственных и международных полицейских и правоохранительных органов и организаций[766].

Для обеспечения эффективности международного сотрудничества в борьбе с преступностью, в том числе и с позиций доктринального подхода усилий только лишь криминологов явно недостаточно[767]. Здесь необходимо использовать возможности философии вообще[768] и философии права в частности[769]. В данном случае перед

---

[766] Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 55-71; Рахимзода Р.Х. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан как правоохранительный орган // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 110-117.

[767] Фокс В. Введение в криминологию / Пер. с англ. Л.А. Нежинской и М.А. Тумановой; вступ. ст.: Б.С. Никифоров, В.Н. Коган. – М.: Прогресс, 1985.

[768] Кальной И.И., Сальников В.П., Чукин С.Г. Философия и право // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 379-401; Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – 544 с.: ил.; Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное / Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Лань, 2001. – 512 с. – Сер. Мир философии; Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова, В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 560 с. – (Серия: «Мир философии»); Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.П. Сальникова, В.В. Балахонского, Б.К. Джегутанова, Г.Н. Хона. Издание третье, испр. и доп. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 496 с.; Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. И.И. Кального, В.А. Карпушина, В.П Сальникова. – СПб.: Стикс, 1996.

[769] Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013; Ершов Ю.Г. Философия права. – Екатеринбург, 1995; Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1998. – 652 с.; Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202; Сальников В.П., Гуцериев Х.С.,

нами предстает самый широкий спектр возможностей использования философии права, начиная от компрехендного подхода в пониманию права[770], синкретизма современной правовой культуры[771] и завершая вопросами диалектики[772] и использования вненаучных знаний в оперативно-розыскной деятельности, то есть в борьбе с преступностью[773]. В каждом из упомянутых здесь новых доктринальных толкований юридических проблем (а раз так, то и вопросов борьбы с преступностью), открываются огромные возможности повышения эффективности правоохранительной деятельности путем использования возможностей философии права.

Мы привели всего лишь четыре новых доктринальных направления развития юридической науки, которые с нашей точки зрения лежат на поверхности той проблемы, о которой мы ведем речь, и очерчивают контуры наиболее абстрактных и совсем конкретных подходов к теме. А ведь таких направлений великое множество. Рассмотрим же эти направления в самостоятельных статьях.

Кальной И.И. Философия права. Глава 28 // Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – С. 432-445 (в кн.: 544 с.: ил.); Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184; Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211; Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17; Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Пред.В.В. Миронов и Ю.Н. Солонин; составили: П.Д. Баренбойм, А.В. Захаров; издание Московско-Петербургского философского клуба. – М.: Летний Сад, 2010. – 320 с.; Ячменев Ю.В. Генезис философии права в России (IX – начало XX в.): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002.

[770] Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.

[771] Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73; Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

[772] Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 122-131.

[773] Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.; Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.

В одной из своих статей мы привели четыре новых доктринальных направления развития юридической науки, которые с нашей точки зрения лежат на поверхности той проблемы, о которой мы ведем речь, и очерчивают контуры наиболее абстрактных и совсем конкретных подходов к теме. А ведь таких направлений великое множество[774]. Рассмотрим из перечисленных первые две проблемы: понимание права и синкретизм современной правовой культуры.

Наверное, любой не только исследователь, но и простой человек с улицы согласится с тем, что эффективность борьбы с преступностью, в том числе с международной[775], зависит от того, что мы понимаем под правом. Ибо право не только великий двигатель прогресса человечества[776] во всех его проявлениях, но и мощное, а возможно и единственное средство легальной борьбы с преступностью. Если право в законе не определило соответствующее деяние преступным (общественно опасным, противоправным, наказуемым и т.д.). то к категории преступлений оно не относится, и легально бороться с ним нельзя. Деяние должно быть признано таковым позитивным правом. Поэтому и понимание, что такое право очень важно для эффективности борьбы с преступностью.

За свою историю человечество еще не выработало единого определения права. «Было сформулировано множество определений права, – *пишут С.И. Захарцев и В.П. Сальников,* – предложены различные подходы к его познанию. Однако за тысячелетия существования человека единого и утраивающего всех подхода разработано не было.

Нам право видится, – *продолжают исследователи,* – большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани

---

[774] Третьяков И.Л., Петров П.А. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: начальные зарисовки // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 167-174.

[775] Волеводз А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11-20; Волеводз А.Г. Юридические сети в сфере судебного и полицейского сотрудничества Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 2. – С. 9-12.

[776] Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 113-121.

этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта»[777].

Размышляя далее, авторы предлагают интересные футурологические мысли: «Наши исследования, – *замечают они,* – позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех»[778].

Ученые задают сами себе вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее?

И отвечают на него следующим образом: «Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход (от латинского Comprehendo – всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим»[779].

И здесь исследователи, стремясь найти выход из создавшейся ситуации, ратуют за использование философии в разработке юридических проблем. «Для указанного познания права, – уточняют они, – нужна философия. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и

---

[777] Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26. С. 11-12.

[778] Там же. С. 12.

[779] Там же. С. 12.

имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды»[780]. Сославшись на позицию великого русского мыслителя, философа и правоведа Н.М. Коркунова[781], С.И. Захарцев и В.П. Сальников обращают внимание на то обстоятельство, что в данном вопросе наблюдается топтание на месте в некоторых исследованиях, когда вновь предлагается то, что выдвигалось еще сто лет назад и не нашло своей поддержки. Или же выдвигаются конструкции, заранее обреченные на провал, свидетельствующие о невозможности или нежелании их авторов философски подняться над проблемой.

На необходимость философского подхода к пониманию права и анализа правовых проблем пишут указанные авторы и в других своих работах[782].

Вместе с тем возникает вопрос: достаточно ли философского подхода к праву для обеспечения контроля над международной преступностью? Только ли право из всей совокупности социальных норм влияет на преступление и преступника? В самом широком смысле слова на этот вопрос может ответить «философия преступления и наказания»[783], а в более конкретном плане – сравнительно недавно разработанная доктринальная концепция «синкретизм современной правовой культуры».

Оказывается, в современном обществе ни одна из социальных норм не функционирует изолированно от других. Все они между собой взаимосвязаны и взаимодействуют при лидирующей роли права. Данное свойство социальных регуляторов Ф.Х. Галиев назвал синкретизмом правовой культуры. Сущность его заключается в том, что правовая культура «формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения в единстве с другими социальными регуляторами»[784].

«Установлено, – *продолжает исследователь,* – что в современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных

---

[780] Там же. С. 12

[781] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. – СПб. 2004. С. 33-34.

[782] Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.

[783] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса).

[784] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с. С. 23.

отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей»[785].

Обосновывая и определяя понятие «синкретизма современной правовой культуры». Ф.Х. Галиев под ним видит «естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости»[786].

Показательно здесь акцентирование внимания на добре[787] и справедливости [788]. Это те нравственные категории и нравственно-правовые явления, без которых российскому человеку и шагу ступить невозможно. Хотя указанные категории в поле зрения не только российских, но и известных, авторитетных, иногда их характеризуют как выдающихся, западных мыслителей Пьера Бурдье[789] и Юргена Хабермаса[790]. Они с философских позиций подходят к анализу

---

785 Там же. С. 12.

786 Там же. С. 12.

787 Васильев В.А. Конфуций о добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 6. – С. 132-146; Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198; Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – 478 с.

788 Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36; Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.

789 Бурдье П. Начала. / Пер с фр. – М.: Socio Logos, 1994. – 288 с.; Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – 336 с. ; Бурдье П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.

790 Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007; Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: реферат, сб. Вып. 1. – М., 1991; Habermas, J. Geschichtsbewu?tsein und posttraditionale Identitat. Frankfurt a. Main, 2008; Habermas, J. Volkssouveranitat als Verfahren // Habermas, J.: Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsatze 1977-1990, Leipzig: Reclam 1990.

сочетания эффективности правотворчества и правоприменения, легитимности государственной власти, доверия к ней и праву. Полагают, что оценка анализируемых явлений должна осуществляться с позиций нравственно-правовой категории – «справедливость».

Позиции П. Бурдье и Ю. Хабермаса поддерживает профессор В.Д. Зорькин. Выступая с лекцией в Государственной Думе Российской Федерации 22 марта 2013 года, он заявил: «Чтобы быть кратким, сошлюсь на позиции выдающихся западных мыслителей Пьера Бурдье и Юргена Хабермаса, с которыми я полностью солидарен.

Бурдье подчеркивал, что правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости. А Хабермас указывал на то. Что в социальной оценке правоприменения чрезвычайно важны устойчивость и последовательность: именно они повышают доверие к праву и закрепляют его социальную легитимность в сознании общества.

Отсюда, прежде всего, следует, – *продолжает В.Д. Зорькин,* – что мы и в своем правотворчестве, и в своем правоприменении должны серьезно, ответственно и, не боюсь этого слова, бережно учитывать и использовать те сохранившиеся в российской социальной ткани неписаные нормы здоровой массовой моральной регулятивности, которая хоть как-то восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования[791].

Солидарны с позициями Пьера Бурдье и Юргена Хабермаса и другие российские исследователи[792].

Справедливость как никакое другое свойство проявляется в социальных регуляторах, не случайно о ней идет речь и при анализе синкретизма современной правовой культуры.

Может возникнуть вопрос о характере синктеризма, естественный это процесс или нет? Ф.Х. Галиев считает, что синкретизм правовой культуры, – это «естественный результат государственно-правового и духовно-нравственного развития общества, которое формируется на протяжении длительного отрезка времени в информационном

---

[791] Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45. С. 39.

[792] Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 172-178; Корнилов Н.С. Государство и общественность в контексте правовых идей Юргена Хабермаса // Юридическая мысль. – 2016 – № 1(93) – С. 21-27.

пространстве и правовом поле государства и зависит от цивилизованного развития общества, трансформируясь в соответствии со спецификой развития общества, обусловленной политическими, экономическими, социальными условиями, синкретизм правовой культуры изменяется, и эти изменения связаны с потребностями очередного этапа в исторической динамике общества»[793]. То есть исследователь рассматривает синкретизм в динамике, в движении и развитии, в деятельностном состоянии, а не как один раз и навсегда данное явление. С его позиций это та правовая реальность[794], которая определена и обусловлена теми историческим условиями общества и функционально связана с общим состоянием других компонентов культуры. «Правовая культура, – *заключает Ф.Х. Галиев,* – может успешно функционировать только в обществе, в котором признаются и воплощаются в жизнь права и свободы человека, нормы морали, религии, этики, традиции и обычаи, способствующие гармоничному осуществлению субъективных прав и юридических обязанностей»[795].

Весьма значима и показательна взаимосвязь синктеризма правовой культуры с правами, свободами и юридическими обязанностями человека. С нашей точки зрения, именно через них мы еще раз выходим на проблему международного сотрудничества государств в области борьбы с транснациональной преступностью. По большому счету международные преступления и преступники в конечном понимании всегда покушаются на наши права и законные интересы, в прямой или завуалированной форме. От любого преступления всегда страдает человек, как далеко порой казалось бы он от него (преступления) находится. Обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина, апеллирование к его обязанностям – важнейшее направление контроля над преступностью, в том числе и транснациональной [796].

---

[793] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с. С. 13.

[794] Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.

[795] Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с. С. 13

[796] Волеводз А.Г. Обеспечение права обвиняемого на вызов и допрос свидетеля как гарантия права на справедливое судебное разбирательство: международно-правовое регулирование и практика Европейского Суда по правам человека

Однако такой подход к обеспечению борьбы с международной преступностью под силу криминологии лишь в единстве с философией права. Здесь возникает необходимость подниматься над анализируемыми проблемами до философских высот.

3. Проблемы международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью и возможность их устранения

Межгосударственные противоречия в борьбе с преступностью – это любое взаимодействие государств в их деятельности по укреплению сотрудничества в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений[797]. Характер и содержание взаимодействия государств в борьбе с международной преступностью мы пытались рассмотреть в предыдущих статьях[798]. Это взаимодействие, как это следует из данного определения, имеет ограниченную сущность и пределы. Оно не включает осуществление правосудия над преступниками. Именно к таким пределам сводится это сотрудничество в соответствии с действующими международными нормами права, то есть

// Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 3. – С. 344-361; Волеводз А.Г. Практика Европейского Суда по правам человека по жалобам на необеспечение явки и допроса свидетеля // Вопросы правовой теории и практики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, 2013. – Вып. 8. – С. 101-110.

797 Волеводз А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11-20; Волеводз А.Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009. – № 4. – С. 109-116.

798 Спиридонов А.П., Анисимов В.Ф., Михайлова О.Г., Курбанов А.Г., Тарайко В.И. Третьяков И.Л. Конвенционные преступления в системе преступлений по международному уголовному праву // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 134-140; Спиридонов А.П., Биктасов О.К., Михайлов Н.Н, Курбанов А.Г., Третьяков И.Л. Параметры нового мирового правопорядка: существует ли альтернатива международному уголовному кодексу? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 41-46; Спиридонов А.П., Третьяков И.Л. Биктасов О.К., Тарайко В.И. Влияние процессов глобализации на развитие уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 230-238; Третьяков И.Л. Необходимость, основные направления и правовой механизм международного сотрудничества в борьбе с преступностью в контексте международно-правовых актов // Мир политики и социологии. – 2016 – № 1. – С. 155-175; Третьяков И.Л., Петров П.А. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: начальные зарисовки // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 167-174.

международными многосторонними и двусторонними договорами и соглашениями[799]. Такое понимание пределов международного сотрудничества в борьбе с преступностью существенно противоречит его доктринальному толкованию в трудах зарубежных, преимущественно американских авторов, да и российских исследователей[800].

В сочинениях некоторых иностранных авторов настойчиво разрабатывается, как говорилось, концепция так называемого универсального международного уголовного права (Universal International Criminal Law). Авторы этой концепции не только расширительно толкуют пределы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, но и переносят сущность этого сотрудничества в сферу осуществления правосудия.

Они фактически понимают под международным сотрудничеством в борьбе с преступностью не только и не столько взаимодействие государств по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, сколько деятельность созданных под эгидой ведущих западных держав судебных и правоохранительных органов по осуществлению правосудия[801] над лицами, совершившими преступления против мира, международной безопасности и человечества, а также преступления, приравненные к таковым.

Мы как-то уже приводили взгляды на этот счет председателя Европейского уголовного суда в Страсбурге Р. Мэя и его коллег, которые делают замах не просто на совместную деятельность государств в борьбе с международной организованной преступностью, а на основополагающие принципы международного мира, закрепленные во многих международно-правовых актах[802]. В частности,

---

[799] Волеводз А.Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству: Учебное пособие. – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010.

[800] Беляев С.С. Преступность в США. Анализ уголовной статистики // Государство и право. – 1997. – № 5; Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117; Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 38-41.

[801] Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала: семьдесят лет реализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 1(24). – С. 271-294; Волеводз А.Г. Европейская судебная сеть // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 1. – С. 7-11.

[802] Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) (вступила в силу 3 июня 1983 г.; СССР присоединился к

подвергается обструкции один из основных принципов международ-

Конвенции согласно Указу Президиума ВС СССР от 7 мая 1987 г. № 6941-XI) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLIII. С. 99. – М., 1989. – С. 99-105; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) (вступила в силу 1 сентября 1993 г.; ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ с оговорками и заявлением; вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 января 1999 г.) (вступила в силу 1 июля 2002 г.; Российская Федерация ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2394; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. (Принята Конференцией ООН на ее 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г.; ратифицирована СССР Постановлением ВС СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I; вступила в силу для СССР 17 апреля 1991 г) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. С. 133. – М., 1994. – С. 113-157; Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) (принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. № 39/46; подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI; вступила в силу, в том числе для СССР, 26 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747; Европейская Конвенция от 13.12.1957 г. «О выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348; О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхайская Конвенция от 15.06.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947; О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Европейская конвенция от 20.04.1959 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2349; О сотрудничестве в борьбе с преступностью: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания от 17 мая 1999 г. // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 8. – С. 50-54; О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с преступностью: Соглашение государств – участников Содружества независимых государств от 25.11.1998 г. // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 4. – С. 3-8; О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией: Соглашение от 06.11.2003 г. // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62; Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17.06.1999 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – Ст. 4635.

ного права – принцип суверенитета[803]. По их мнению, рациональное подчеркивание незыблемости международно-правовых соглашений и норм, регулирующих отношения между государствами в части соблюдения государственного суверенитета, заменяется все большим пониманием того, что «национальный суверенитет не равнозначен неограниченному, абсолютному осуществлению государственной власти, и поэтому он не включает право вести войну против другого государства» (курсив наш – О.К., А.М, И.Т.)[804].

По Р. Мэю, «Отмена разового и последующего определения понятия суверенитета или новое определение суверенитета в его практическом смысле стало важным достижением в развитии международного права в XX веке. Организация Объединенных Наций после окончания Второй Мировой войны инкорпорировала этот парадигм изменения нормативной системы международных отношений в своем Уставе. Прогресс в достижении справедливого, более человечного мирового порядка был достигнут путем ограничений национального суверенитета. Более того, права человека были приняты в качестве основы любой системы права, включая международное право. С окончанием «Холодной войны» такое понимание суверенитета привело к возрождению доктрины *гуманитарной интервенции*, которая а*приори* ставит в подчиненное положение нормы о государственном суверенитете нормам о правах человека. В контексте международной политики это привело к серьезным и до сих пор нерешенным конфликтам между теми, кто желает сохранить традиционную систему международного права, основанную на принципе признания национально-государственного суверенитета, и между теми, кто верен приоритету прав человека, которые рассматриваются как общая ответственность «международного сообщества» (курсив наш – И.Т.)[805].

Мэй и его сторонники выстроили хитроумную концепцию государственного суверенитета, цель которой обоснование необходимости создания, функционирования и международного правового статуса Международного уголовного суда, призванного, по замыслу авторов концепции, творить «правосудие» так, как его понимают указанные авторы[806].

---

[803] Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.

[804] Kochler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. – N.Y. 2003. Introduction.

[805] Там же.

[806] Macedo S. Universal jurisdiction: national courts and the prosecution of serious crimes under international law. – University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2004. – 383 p. P. 1-15;Robinson M. The Princeton Principles on Universal Jurisdic-

Концепцию универсальной уголовной юрисдикции нельзя расценить иначе, как попытку пересмотреть итоги Второй Мировой войны, обосновать доктрину «нового мирового порядка», выстроить международные отношения по модели наиболее воинствующих кругов западных держав, пытающихся создать однополярные международные отношения в интересах этих держав. Более того, данная концепция является наглядным выражением наличия острых, доходящих до антагонизмов противоречий в современных международных отношениях. Она свидетельствует и о наличии глубоких противоречий в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью.

Противоречия международного сотрудничества в борьбе с преступностью представляет собой сложную палитру связей и отношений как на уровне экономических, социально-политических и духовных отношений между государствами, народами, так и на самом приземленном уровне, то есть на уровне отношений между социальной системой, обществом и их антисоциальными антиподами – преступностью в её национально-государственных и международных границах.

Подход к преступности с точки зрения определяющих и порождающих её изменение причин, иными словами сточки зрения её трактовки как «следствия причины» не является единственно возможным. Вполне правомерно изучение этого явления и как «причины следствия» с точки зрения социальных последствий самой преступности. Под этим углом зрения преступность выступает и как социальное явление, и как социальная проблема[807].

Трактовку преступности как социального антагонизма одним из первых дал известный советский ученый-криминолог Б.С. Никифоров применительно к анализу преступности в США. Он писал, что если «можно говорить о «зрелости» преступности как социального явления, порождаемого развитым капитализмом, то это в первую очередь и в полной мере применимо к преступности в США. Именно здесь в рамках общей характеристики преступности пышным и зловещим цветом расцвели такие её разновидности, как «беловоротничковая»

---

tion. P. 18-25;Bassiouni M. The History of Universal Jurisdiction and Its Place in International Law. P. 39-63;Oxman S. Comment: The Quest for Clarity. P. 64-66;Stolz B. Criminal justice policy making: federal roles and processes. – Westport, Connecticut, London, 2002. P. 1-15;Butler A. The Growing Support for Universal Jurisdiction in National Legislation. P. 67-68;Bass G. The Adolf Eichmann Case: Universal and National Jurisdiction. P. 77-80;Boas G., Schabas W. International Criminal Law. Developments in the Case Law of the ICTY. – Martinus Nijhoff Publishers. – Leiden / Boston, 2003. – 309 p.

807 США: преступность и политика / Отв. ред. Б.С. Никифоров. – М.: Мысль, 1972. С. 5.

преступность деловых людей и «организованная» или гангстерская преступность. Именно в США наиболее отчетливо прослеживаются механизмы причинно-следственных связей между пороками больного социального организма и одним из проявлений его заболевания – преступностью. – В современной Америке яснее чем где бы то ни было виден и непосредственно интересующий нас аспект проблемы преступности в капиталистическом мире – её способность оказывать воздействие на политическую атмосферу в государстве, на состояние в нем режима законности»[808].

Когда преобладающим мотивом деятельности «становится «greed, not need» («алчность, а не нужда»), речь идет не о желаниях, которые, не будучи удовлетворенными сегодня, могут быть удовлетворены завтра и перестанут существовать вместе со всем, что связано с ними. Если мерилом престижа становится богатство, то «желание иметь больше, чем другие», становится самодовлеющим. Оно вызывает, быть может, более сильное стремление приобретать, чем порождаемое потребностями, которые, как предполагается, это приобретательство удовлетворяет»[809]. Преступность в США, и беловоротничковая, и организованная, – это нечто вроде одного из результатов «все убыстряющейся погони за собственным хвостом, постоянно возобновляющегося конфликта, неразрешимого в порождающих его условиях, ибо они неразрывно связаны с капитализмом на современной стадии его развития»[810].

Оценка преступности в США как антагонистического противоречия, порожденного самой социальной системой, данная профессором Б.С. Никифоровым в 1972 году, еще более актуальна сегодня, в 2016 году, когда США вместе с Западной Европой и их социальными системами, реальными достижениями демократии, социальными ценностями не без успеха навязывают свой образ жизни и свои ценности другим народам и государствам, в том числе тем, в которых еще совсем недавно, казалось бы, всего лишь четверть века назад, навечно укоренился «развитый социализм».

Развитого социализма больше нет. На его месте появились самостоятельные суверенные национальные государства, которые принято характеризовать как государства постсоветского периода[811], со своей

---

[808] Там же. С. 5-6.

[809] Duesenberry James S. Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior. – Cambridge, 1949. P. 28.

[810] США: преступность и политика / Отв. ред. Б.С. Никифоров. – М.: Мысль, 1972. С. 262.

[811] Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и

ментальностью, обычаями, политико-правовым традициями[812] и культурой. Да, они ориентированы на рыночный способ производства[813]. Но это государства суверенные, и государственный суверенитет является их визитной карточкой, их существом, и они, естественно, никак не хотят с ним расставаться, или хотя бы с кем-то его делит, включая США и Западную Европу. Поэтому те так называемые «западные ценности»[814], которые усиленно навязываются России, Беларуси, государствам Средней Азии и воспринимаются данными государствами очень отрицательно.

Вопросы государственного суверенитета в контексте международного сотрудничества в борьбе с преступностью, проблем всеобщих прав человека, прав и свобод граждан появились не вдруг и не сейчас. Они эволюционировали на протяжении многих веков, очень часто преднамеренно поднимались и активизировались, преследуя определенные интересы конкретных государств и народов.

Интересы вообще играют основную роль в жизнедеятельности общества. И чтобы общество нормально развивалось, власти и лидеру всегда необходимо помнить об интересах простых граждан, населения,

---

особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114; Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49; Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.

[812] Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 508 с.; Романовская В.Б., Петикян С.Г., Фомичев М.Н. Понятие традиции в общественных науках // Юридическая мысль. – 2014. – № 6(86). – С. 50-53.

[813] Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Свобода выбора пути развития экономики как непознанная государственная необходимость // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 11-26; Руденский И.Н. Экономическая политика современной России: проблемы реализации // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 34-37; Русских А.Ю. Предпринимательский климат в России: современные проблемы малого и среднего бизнеса // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 92-98; Соловьев И.Н. Экономическая амнистия. – М.: Проспект, 2014. – 96 с.

[814] Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18; Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.

о возможном конфликте между властью и обществом.

При оценке международной, особенно организованной преступности, международного сотрудничества в борьбе с нею игнорировать интересы различных государств, различных групп населения внутри этих государств нельзя. Мы, например, в полной мере должны помнить и учитывать российскую специфику, в том числе и особенности нашего законодательства, российской правовой системы. Так, профессор В.Д. Зорькин подчеркивает: «в национальном законодательстве, и, тем более, в решении проблем имплементации в России каких-либо норм международного права и решений международных правовых институтов необходимо в полной мере использовать существующие – и парламентские, и общественные – демократические механизмы выявления и чета российской специфики, выраженные в особенностях ценностно-нормативной структуры общества, и прежде всего в общественной морали.

То есть, – *продолжает он,* – для точных и взвешенных законодательных решений, которые большинством общества будут приниматься и исполняться как справедливые, нам нужно иметь результаты глубокого анализа совокупности культурных, психологических, идейных, религиозных и других ценностных ориентаций российского общества. Только их понимание на основе такого анализа даст нам, правоведам, базовое основание для обеспечения правильного баланса между этими ценностными ориентациями в законодательных нормах.

Подчеркну, – *замечает профессор В.Д. Зорькин,* – что я говорю не о чем-то необычном, выходящем за рамки правового поля, созданного в нашей стране. Высказанный мною тезис полностью отвечает требованиям Конституции обеспечивать *учет и согласование различных социальных интересов* (выделено нами – Авт.) по принципу формального равенства. Сошлюсь, например, на предписание нашего Основного закона, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции)»[815].

С профессором В.Д. Зорькиным соглашается профессор В.М. Шафиров, который считает, что «в современной геополитике на передний план выходит вопрос о защите правового суверенитета нашей страны. Это можно сделать, обеспечив приоритет Конституции России. Поэтому в международно-правовых отношениях важен баланс, при

[815] Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45. С. 39-40.

котором исполнение международных договоров сочетается с признанием высшей юридической силы Конституции. Укрепление правового суверенитета России вовне прямо зависит от точного понимания места и роли Конституции внутри страны»[816].

Мы полностью солидарны с профессором В.Д. Зорькиным об определяющей роли интересов в жизнедеятельности общества, и профессором В.М. Шафировым о значимости Конституции в обеспечении правового суверенитета нашего государства. «Именно Конституция, – *утверждает В.М. Шафиров, и мы с ним согласны,* – стоит на страже правового суверенитета России внутри страны и за ее пределами»[817].

Конституция Российской Федерации обеспечивает высший уровень права, его верховенство, а следовательно, и суверенитет государства. Профессор В.М. Шафиров подчеркивает: «верховенство права (его высший уровень) есть верховенство Конституции. Это обеспечивает правовой суверенитет как внутри страны, так и за ее пределами»[818].

Нам представляется, что данное обстоятельство очень важно при анализе проблем международного сотрудничества в борьбе с преступностью и при конкретной организации этого сотрудничества. Оно не может предполагать, и тем более допускать отход от наших принципов государственного суверенитета России. Сотрудничество должно осуществляться в рамках и до пределов государственного суверенитета.

Любое сотрудничество, включая международное – это, прежде всего, отношение, взаимодействие. И, как таковое, оно есть противоречие. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью является сложным клубком разнородных противоречий, которые, вместе взятые, в их взаимной связи и обусловленности представляют собой систему противоречий в борьбе с международной преступностью[819]. Эта система включает противоречия между:

- интересами (и целями) разных субъектов этой борьбы, то есть различных государств, социальных общностей и политических сил-носителей этих интересов и целей;
- декларируемыми, доктринально-концептуальными и реальными, подлинными целями и установками сотрудничества в борьбе с

[816] Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5. С. 2.

[817] Там же.

[818] Там же. С. 4.

[819] Волеводз А.Г. Должностное лицо публичной международной организации как субъект коррупционных преступлений: противоречия нормативного определения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1(13). – С. 110-117.

преступностью, а также реально достигнутыми результатами этой борьбы;

- объективно необходимой и реальной (наличной) юридической базой (правовым регулированием) международного сотрудничества в борьбе с преступностью[820];
- содержанием и формой (между материальным и процессуальным законодательством, между установленным законом и реальным воплощением практики реализации правового статуса субъектов уголовной политики и всей системой сложившихся действительных правоотношений между ними)[821];
- объективными и субъективными элементами правоотношений в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью;
- объективно необходимой и действительной правовой культурой субъектов этой борьбы[822];
- теоретическим (научным) и обыденным уровнями правосознания, теорией и практикой[823];
- официально декларируемыми и пропагандируемыми нравственными установками на роль и место суда, правоохранительных органов, правосудия, правоохранительной деятельности в общественной жизни, в системе социальных отношений. В целом, понимание и принятие социально-политических ценностей. Например, как известно, между ценностями населения России, Беларуси, государств Средней Азии и западноевропейскими ценностями имеются существенные различия [824].

---

[820] Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2002; Волеводз А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4(14). – С. 311-328.

[821] Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: некоторые проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: Сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2013 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 3-10.

[822] Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.

[823] Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 54-61.

[824] Анапских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское

Раскроем с той или иной мерой полноты и предметности указанные противоречия, делая акцент на наиболее принципиальные из них.

Противоречия между интересами, а равно целями субъектов международного сотрудничества в борьбе с преступностью – коренная причина, то есть источник всех других противоречий в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью. Как источник указанных противоречий противоречия между интересами (целями) сотрудничества в борьбе с преступностью проявляются в виде различий и даже антагонизмов в:

- характере и уровне социально-экономического, политического и духовного развития различных стран, порожденных объективными и субъективными факторами этого развития;
- историческом типе общественно-экономической формации, социальной системы, в её социальной сущности и структуре, в соотношении социально-политических сил, противоречиях между ними[825];
- стратегии и тактике, способах, средствах, пределах и формах сотрудничества в борьбе с преступностью.

Определяющее и решающее место и роль противоречий между интересами (и целями) разных субъектов международного сотрудничества в борьбе с преступностью определяются и выражаются в том, что эти противоречия:

- выступают в качестве главного, если не единственного идеального мотива и сотрудничества в борьбе с преступностью, и самой этой борьбы;
- являются квинтэссенцией, концентрирующей в себе противоречия более низкого уровня, инициирующей и движущей силой остальных противоречий указанного сотрудничества;
- выражает единство содержания и формы этих (остальных) противоречий.

В международно-правовых актах о сотрудничестве в борьбе с преступностью интересы субъектов сотрудничества, как правило, даже не декларируются. Они остаются «за кулисами». Главными целями сотрудничества в этих актах, как правило, декларируются вроде бы единые цели – предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие

государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91; Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

[825] Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государственности: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.

и расследование преступлений, указанных в таких актах[826]. Однако практика показывает, что реальные цели разных субъектов сотрудничества не только не совпадают, но и существенно различаются, а иногда в реальности взаимоисключают друг друга

В качестве примера можно привести ситуацию по борьбе с терроризмом в первые месяцы 2016 года на территории Сирии и цели, а также роль Турции, с одной стороны, и России с другой. Правовая реальность[827] свидетельствует о том, что цели-то в этой борьбе у этих двух государств, а возможно не только этих двух, а и некоторых других государств, отличались, о чем свидетельствует связь Турции и ее политического руководства с исламским государством ИГИЛ в нелегальной торговле нефтью, а также факт сбитого российского военного самолета и отправка террористов под видом беженцев из Турции в Европу и т.д.

Общая формулировка этих целей, удобная для всех субъектов сотрудничества, не отражает социальную направленность целей и особенно интересов конкретных субъектов. В этом можно убедиться даже по сущности и предмету заключаемых многосторонних и двусторонних соглашений, независимо от их формы. В этих соглашениях даже в случаях, когда сущность и предмет соглашения совпадают, их содержание и, особенно юридическая сила и правоприменение существенно отличаются. Особенно это касается тех моментов, в которых наиболее наглядно выражаются интересы сторон сотрудничества.

К примеру, в Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» в статьях, содержащих определения понятий конкретных коррупционных деяний, формулировки диспозиций адресованы не всем сторонам, а каждой стороне в отдельности. В них говорится, что «*каждая Сторона* принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений *в соответствии с её внутренним правом*…»[828]. Признаки «каждая Сторона» и «в соответствии с внутренним правом» как раз и призваны отразить коренные интересы и цели господствующих носителей власти каждого

---

[826] Соглашение от 06.11.2003 г. «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Ст. 4.

[827] Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168; Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.

[828] Соглашение от 06.11.2003 г. «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Ст. 2-15.

конкретного субъекта соглашения. Недаром указанная Конвенция вроде бы одобрена Российской Федерацией путем её подписания (не сказано кем) по распоряжению Президента РФ[829]. Российская Федерация формально присоединилась к этой Конвенции, подписав её 27.01.1999 г. Распоряжением Президента от 25.01.1999 № 18-рп. 25 июля 2006 года Конвенция была ратифицирована Федеральным законом № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»[830]. 18 декабря 2008 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 1800 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, касающихся международного сотрудничества»[831]. Вместе с тем реальных результатов в борьбе с коррупцией[832] хотелось бы видеть больше.

Таким образом, было начало создание правовой базы борьбы с коррупцией в нашей стране в контексте международного сотрудничества. Однако до завершения этой работы еще очень далеко. По всем этим вопросам в той или иной степени идут очень активные дискуссии

---

[829] Распоряжение Президента РФ от 25.01.1999. № 18-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 5. – Ст. 668.

[830] Федеральный закон № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3424.

[831] Указ Президента Российской Федерации № 1800 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, касающихся международного сотрудничества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 51. – Ст. 6141

[832] Волеводз А.Г. Должностное лицо публичной международной организации как специальный субъект коррупционных преступлений: понятие, пробелы правового регулирования, проблемы правоприменения и пути их преодоления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1. – С. 9 -33; Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6; Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144; Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С. 4-11.

и в научной литературе[833], и в законодательных структурах [834] при обсуждении самых разнообразных проблем.

В случаях, когда интересы договаривающихся сторон существенно различаются по предмету соглашения, то этот предмет формулируется лишь в пределах, как правило, весьма ограниченных, которые устраивают эти стороны. К примеру, предметом Соглашения «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» является «обмен представляющей взаимный интерес стратегической и технической информацией»[835] по вопросам и в формах, о которых говорилось[836]. Содержание Соглашения никак не соответ-

---

[833] Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: Монография / Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2013. – 304 с.Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2012. – 240 с.

[834] 20 лет развития отраслевого законодательства: итоги и проблемы / Под общ. ред. В.Н. Плигина, Р.А. Курбанова. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 128 с.; Евразийская экономическая перспектива: Матер. междунар. форума. Санкт-Петербург, 11 апреля 2013 года / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина; ред. коллегия: М.И. Кротов, И.А. Максимцев, В.А. Садовничий, Л.Э. Слуцкий, Ю.Е. Шувалов, Т.Я. Хабриева. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 160 с.; Конституция. Демократия. Парламентаризм. Матер. второго междунар. парламен. форума / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина; сост. А.Е. Петров; рабочая группа по подг. кн.: А.В. Гайденко, В.Г. Малушков. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 192 с.; Новые измерения парламентского диалога в современный период: Матер.третьего междунар. парламен. форума / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина; сост. А.Е. Петров; рабочая группа по подг. кн.: А.В. Гайденко, В.Г. Малушков. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 240 с.; Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / Отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 112 с.; Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы). Часть II: Матер. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Комоедова; сост. А.В. Щукин, Я.А. Гордиевская. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 176 с.; Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64).

[835] Соглашение от 06.11.2003 г. «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Ст. 5.

[836] Третьяков И.Л. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: основные направления и субъекты // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 167-173.

ствует сформулированной в нем главной цели – «расширение сотрудничества между Российской Федерацией и государствами-членами Европейского Союза, действующими через Европол, в борьбе с опасными формами транснациональной преступной деятельности»[837], тем более конкретным теоретическим конструкциям, которые предполагают ученые[838]. Аналогичная ситуация наблюдается и по поводу Интерпола[839].

В случаях, когда коренные интересы договаривающихся сторон по предмету соглашения в своей формально-юридической основе совпадают, но не совпадают в их существенных конкретных целевых установках и их социальной (политической, экономической, иной) направленности, то предмет и содержание договора определяются достаточно полно, широко, предметно и однозначно. Но тогда включаются теневая практика правоприменения данного соглашения, которое фактически ничего не имеет общего с текстом соглашения[840]. Наглядным примером в этом отношении может быть Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 20.12.1988 г.[841]. В ней, как говорилось, объемно и полно указываются необратимые социальные последствия незаконного оборота наркотиков и психотропов. Даются точные определения принципиальным для соглашения терминам, а также понятиям и признакам конкретных деяний в указанной сфере. Содержатся обязательные для сторон рекомендации о мерах борьбы с незаконным оборотом указанных средств и веществ. Определяются конкретные направления и формы сотруд-

---

[837] Соглашение от 06.11.2003 г. «О сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией» // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 3. – С. 58-62. Ст. 1.

[838] Волеводз А.Г. Правовые основы организации и направления деятельности Евроюст // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 165-180; Волеводз А.Г., Дамирчиев Э.И. Европейская полицейская организация в свете Лиссабонского договора // Уголовное право. 2011. – № 2. – С. 114-120.

[839] Бельсон Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. – М.: Наука, 1989; Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 1990.

[840] Волеводз А.Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 115-119.

[841] Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. (Принята Конференцией ООН на ее 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г.; ратифицирована СССР Постановлением ВС СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I; вступила в силу для СССР 17 апреля 1991 г) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. С. 133. – М., 1994. – С. 113-157.

ничества[842].

Однако не секрет, что данное Соглашение использовалось некоторыми странами не только и не столько для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а как одно из юридических прикрытий достижения сугубо политических целей. Пропаганда США, например, неоднократно апеллировала к названному Соглашению, мотивируя подготовку и вероломное вторжение во внутренние дела Афганистана. Развязала и вела вооруженную борьбу против него. Но фактически США даже не скрывали истинной цели вооруженного вмешательства в ситуацию в Афганистане – свержение неугодного им существовавшего тогда в Афганистане политического режима. Не говоря уже о попытках навязывания западных ценностей России, Беларуси, государствам Средней Азии, в том числе легализации так называемых легких наркотиков, под видом прав и свобод человека, как это сделано в некоторых европейских странах (Нидерланды).

Существенным является вопрос о противоречиях между объективно необходимой и наличной юридической базой международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью. Суть этих противоречий состоит в том, что имеющиеся международно-правовые акты характерны тем, что:

- наиболее принципиальные и значимые из них существенно ограничены в предмете, методе, объеме, характере и сущности правового регулирования;
- они не обеспечивают комплексного системного подхода к выявлению и устранению причин транснациональной, то есть самой опасной международной организованной преступности[843].

---

[842] Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международно-правовые основы // Наркоконтроль. – 2015. – № 3. – С. 28-35; Совершенствование деятельности по предупреждению незаконного оборота наркотических средств в Тюменской области: Монография / А.В. Шеслер и др.; отв. ред.: А.И. Числов, А.В. Шеслер, В.И. Морозов; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Тюмен. юрид ин-т. Тюмень, 2003; Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58; Федоров А.В. Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. – 2012. – № 4. – С. 2-22; Федоров А.В. Семена мака – пищевой продукт или наркотик? // Наркоконтроль. – 2016. – № 1(42). – С. 30-34.

[843] Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы борьбы с организованной преступностью, терроризмом и коррупцией: Специализированный курс лекций / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2006; Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации // Российское

Выше были названы и кратко охарактеризованы основные нормативно-правовые акты, регулирующие международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью. Несмотря на их актуальность и предметность, подавляющее большинство из них касаются относительно частных вопросов и проблем транснациональной преступности, они регулируют сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, коррупцией, захватом заложников, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, отмыванием доходов от преступной деятельности, жестокими и бесчеловечными формами обращения и наказания[844]. Они лишь

государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.

[844] Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) (вступила в силу 3 июня 1983 г.; СССР присоединился к Конвенции согласно Указу Президиума ВС СССР от 7 мая 1987 г. № 6941-XI) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLIII. С. 99. – М., 1989. – С. 99-105; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) (вступила в силу 1 сентября 1993 г.; ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ с оговорками и заявлением; вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 января 1999 г.) (вступила в силу 1 июля 2002 г.; Российская Федерация ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2394; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. (Принята Конференцией ООН на ее 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г.; ратифицирована СССР Постановлением ВС СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I; вступила в силу для СССР 17 апреля 1991 г) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. С. 133. – М., 1994. – С. 113-157; Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) (принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. № 39/46; подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI; вступила в силу, в том числе для СССР, 26 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747; Европейская Конвенция от 13.12.1957 г. «О выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348; Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) (ратифицирована Российской

в самой общей форме указывают конкретные причины определенных преступных проявлений и направления (меры) по их устранению. За редким исключением они не касаются глубинных социальных причин этих проявлений, как правило, связанных с фундаментальными экономическими, политическими и культурными устоями данной социальной системы или данного государства. Они не учитывают, да и вряд ли могут учитывать глубокие различия в уровне развития различных стран и конкретные естественноисторические особенности и условия этого развития.

Следствием указанных противоречий является фактически номинальный уровень эффективности правового воздействия на уровень, масштабы и количественно-качественные характеристики транснациональной преступности. Они, эти характеристики, как были, так и остаются как бы на одном стабильно высоком уровне. И даже имеют тенденцию к росту своих показателей.

Возьмем, к примеру, борьбу с глобальным и смертельно опасным для человечества социальным злом – незаконным оборотом наркотиков. По официальным отчетам и данным, эта борьба, вроде бы и ведется, и будто бы она достаточно эффективна[845].

Статистические данные по вопросам борьбы с наркопреступностью можно найти в официальных материалах как минимум трех федеральных ведомств нашего государства: МВД России, Генеральной прокуратуры, ФСКН. Истины ради здесь необходимо заметить, что данные, приводимые этими ведомствами, не всегда полностью совпадают. Например, ежегодно главный аналитический центр МВД России публикует статистические данные о состоянии преступности за соответствующий год, где достаточно подробно представлены данные по наркопреступности. Более чем за 20-летний период эти данные

Федерацией Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 29 марта 2003 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

[845] Волеводз А.Г. Экспертно-криминалистические вопросы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: к 10-летию журнала «Наркоконтроль» // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 4. – С. 19-22; Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы: Сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / Составление и вступительная статья А.В. Федорова. – М.: Астрея-центр, 2007. – 296 с.; Федоров А.В, Ролик А.И., Романова Л.И. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. – 336 с.; Федоров А.В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. – 2013. – № 3. – С. 5-14.

проанализированы профессором А.В. Федоровым[846].

По данным МВД РФ, количество совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков с 1999 по 2004 гг. изменялась следующим образом (в тысячах преступлений соответственно): 1999 г. – 216,4; 2000 г. – 243,6; 2001 г. – 241,6; 2002 г. – 189,6; 2003 г. – 181,7; 2004 г. – 150,1[847].

По этим данным, получается некоторое снижение количества указанных преступлений по сравнению с их предыдущими численным показателями. Но обратим внимание, по тем же данным, на неуклонный рост числа и доли преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков. Доля таких преступлений в процентах к общему количеству этих преступлений за тот же промежуток времени увеличивалась соответственно: 1999 – 19%; 2000 – 23,7%; 2001 – 34,7%; 2002 – 37%; 2003 – 37%; 2004 – 53,2% [848].

В 2005 году органами внутренних дел на транспорте выявлено 12,1 тыс. фактов незаконного оборота наркотиков, изъято 1,9 т. наркотических средств. В аналитических материалах ОИД МВД РФ отмечается, что в прошедшем (2005 г.) «продолжился процесс интернационализации незаконного оборота наркотиков. К уголовной ответственности за совершение наркопреступлений было привлечено более 3,2 тыс. иностранцев, прежде всего, граждан Азербайджана, Таджикистана, Украины и других стран»[849]. В том же году в период с октября по декабрь МВД России совместно с ФСКН, ФСБ и ФТС приняло участие в операции «Канал-2005» на территории государств-членов ОДКБ. По данным международного координационного штаба по проведению операции, принятые правоохранительными органами России меры позволили выявить 7,8 тыс. наркопреступлений, из которых 4329 связаны со сбытом наркотиков, а в 583 случаях совершены в составе организованных групп и преступных сообществ, действующих в сфере наркобизнеса. Из незаконного оборота изъято 7,6 т наркотических средств и сильнодействующих веществ[850].

Если мы посмотрим на положение дел с наркопреступностью за крайние несколько лет, то по данным МВД России они выглядят

---

[846] Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. – 2013. – № 1. – С. 4-27.

[847] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 40

[848] Там же.

[849] Там же. С. 30

[850] Там же.

следующим образом: в 2009 году выявлено 238,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 2,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В последующие годы эти показатели соответственно выглядят следующим образом:

- 2010 год: 222, 6 тыс. (на 6,7% меньше);
- 2011 год: 215, 2 тыс. (на 3,3% меньше);
- 2102 год: 219,0 тыс. (на 1,7% больше);
- 2013 год: 231, 5 тыс. (на 5,7% больше);
- 2014 год: 253,5 тыс. (на 9,5% больше)[851].

Как видим, в крайние 6 лет наблюдается почти ежегодный непрекращающийся рост наркопреступности в стране. За приведенные 6 лет только лишь в 2010 и 2011 годах было небольшое сокращение количества наркопреступлений, все остальные годы эта преступность растет. Если мы сравним с периодом конца 90-х, нулевого года и первых четырех лет XXI века, то картина безрадостная. В начале века по некоторым направлениям наблюдалось хоть какое-то снижение наркопреступности, а сейчас она неуклонно растет.

Обратим внимание на астрономические показатели наркопреступлений и также большое количество преступных сообществ, занимающихся транснациональным наркобизнесом. Не забудем, что эти данные принадлежат одному ведомству. Разработаны по тщательно продуманной технологии, показывающую высокую результативность деятельности этого ведомства. По отношению к общей массе транснациональных преступлений они составляют лишь относительно небольшую долю. И судить по этим данным об эффективности борьбы в целом с транснациональной преступностью в результате международного сотрудничества не приходится. Да, определенные результаты есть. Однако говорить, что организованная преступность находится под контролем у правоохранительных структур мирового сообщества, еще рано. Нужны совместные усилия всех государств и всех народов, только в этом случае возможен успех.

Транснациональная организованная преступность на международной арене, к сожалению, не сокращается, а растет. О возрастающих ее масштабах можно судить по преступлениям в кредитно-финансовой системе РФ, которая, как правило, связаны с теневой экономикой[852],

---

[851] www. mvd.ru: Официальный сайт МВД России.

[852] Волеводз А.Г. Правовые основы борьбы с экономическим мошенничеством в Европейском Союзе // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 77-83; Головко М.В. Государственная политика противодействия теневой экономике в контексте мер обеспечения экономической безопасности. – М.: НИЯУ МИФИ, 2015; Головко М.В. Теневая экономика как индикатор безопасности

международной организованной преступностью[853]. За период с 2000 по 2005 гг. число этих преступлений из года в год возрастало, как возрастала и сумма причиняемого ими ущерба. Число выявленных преступлений в кредитно-финансовой сфере и сумма причиненного им материального ущерба (в млрд. руб.) за указанный период составили соответственно: 2000 – 55 520 / 14,8; 2001 – 63 978 / 28,9; 2002 – 68 583 / 21,0; 2003 – 68 652 / 30,9; 2004 – 78 495 / 65,0; 2005 – 98 306 / 756,9 [854].

Интересно выглядит ситуация с преступлениями экономической направленности, например, за крайние пять лет.

По сравнению с январем – декабрем 2009 года в 2010 году на 35,5% сократилось число преступлений экономической направленности,

---

институциональной среды. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2012; Очередько В.П., Литвиненко А.Н., Полевой В.А. Механизм противодействия легализации теневых доходов системе обеспечения экономической безопасности государства: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России. 2005. – 176 с.; Привалов К.В. Теневая экономика в демократическом и тоталитарном государстве (теоретико-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998; Привалов К.В. Теневая экономика. Теоретико-правовой аспект. – СПб., 2012; Сидоренко Э.Л., Волеводз А.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: толкование особенностей и обязательные признаки // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 3(55). – С. 127-149.

[853] Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. Издание 2-е, испр. и доп. / Под науч. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2010; Акимжанов Т. Организованная преступность как объект криминологического исследования // Российский следователь. – 2006. – № 3. – С. 27-29; Аристов А.И. Сущностные признаки и определения организованной преступности // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 37-39; Дубнов А.П., Дубовцев В.А. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества. – Екатеринбург: Ява, 2009; Каневский Л.Л. Проблемы совершенствования борьбы с организованной и транснациональной преступностью // Российский следователь. – 2002.- № 10; Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008.– № 1. – С. 30-32; Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110; Преступность и криминология на рубеже веков / Ред. Я.И. Гилинский. – СПб. 1999; Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А, Лопашенко. – Саратов: Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2009.

[854] Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году: Аналитические материалы. – М.: МВД РФ, организационно-инспекторский департамент, 2006. С. 25.

выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 276,4 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 10,5%.

В 2011 году число выявленных преступлений экономической направленности сократилось еще на 26,8% (всего выявлено 202,5 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 8,4%).

В 2012 году число выявленных экономических преступлений по сравнению с предыдущим годом уменьшилось на 14,6% (173 тыс. преступлений, удельный вес в общем числе зарегистрированных 7,5%).

В 2013 году по сравнению с январем – декабрем 2012 года число выявленных преступлений экономической направленности сократилось еще на 18,4%. Всего выявлено 141,2 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных снизился до 6,4%.

Наконец, в 2014 году по сравнению с предыдущим годом число выявленных преступлений экономической направленности сократилось на 24,0%. Всего выявлено 107,3 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,0%[855].

Таким образом, приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что за крайние пять лет выявление, регистрация, а следовательно, и эффективность борьбы с преступлениями экономической направленности из года в год снижалась чуть ли не на 10 процентов, а иногда и более, ежегодно, а удельный вес этих преступлении в общей массе преступлений составляет всего лишь 5 процентов. В то же время с уверенностью можно сказать, что преступлений экономической направленности в нашей стране меньше, чем их было пять лет назад, не стало. Вероятнее всего, снизилась эффективность деятельности правоохранительных органов, в частности тех, которые осуществляют борьбу с преступлениями экономической направленности.

Такая картина наблюдается не только в России, а по существу на всем постсоветском пространстве[856]. И ярко это видно на анализе преступности экономической направленности, предпринимаемой в своих научных публикациях министром внутренних дел Республики Таджикистан Р.Х. Рахимовым[857].

---

[855] www. mvd.ru: Официальный сайт МВД России.

[856] Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.

[857] Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан и

Масштабы, динамика и структура транснациональной преступности указывают как на её коренные причины, так и на эффективность международного сотрудничества борьбы с нею. Они свидетельствуют о глубоком нездоровье макро и микроэкономики, о неэффективности государственного управления, социальной политики государства во многих странах и, в том числе, в РФ, о противоречиях в международных отношениях и проблемах сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью.

Существенным противоречием указанной борьбы является различная, если не сказать противоположная трактовка в законодательстве и в юридической науке международной преступности и в частности международных преступлений[858]. В зарубежных источниках к международным преступлениям относятся военные преступления, преступления против человечества, геноцид, а также агрессия, пытки, терроризм[859].

А. Кассис определяет военные преступления как «серьезные нарушения обычаев или, в ряде случаев, норм международного права, являющихся составной частью международного гуманитарного права вооруженного конфликта»[860]. По определению апелляционной палаты Международного уголовного суда по Югославии, военные преступления должны содержать «серьезные нарушения норм международного права, или они «должны составлять нарушения нормы,

---

борьба с экономической преступностью: подзаконное нормативно-правовое регулирование (общеправовая характеристика) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 105-116; Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями экономической направленности (некоторые частные вопросы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 184-198; Рахимзода Р.Х. Экономическая безопасность государства и оперативно-розыскная политика (некоторые общие методологические подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 157-168; Рахимов Р.Х. Тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности в Республике Таджикистан: удельный вес в структуре учтенных общественно-опасных деяний // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 142-157; Рахимов Р.Х. Тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные в сфере экономической направленности Республики Таджикистан: криминологическая и оперативно-розыскная характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 128-146.

[858] Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 268-282.

[859] Cassese A. International criminal law. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 472 p. P. 47-134.

[860] Там же. P. 47.

охраняющей существенные ценности»[861]. Указанная палата считает, что экспроприация буханки хлеба в оккупированной деревне не является военным преступлением. Но такой акт должен оцениваться как нарушение права собственности[862]. Преступлениями против человечества (человечности) А. Кассис признает «особо одиозные случаи посягательства на человеческое достоинство или тяжкие издевательства, или разрушение личности одного или более лиц». При этом не имеет значение, совершены ли эти деяния в военное или мирное время [863]. Определение терроризму он не дает, ссылаясь на то, что международно-правовые акты не содержат такого определения. К актам терроризма он относит «систематические нападения на гражданское население в случаях, когда виновный осознает, что такие акты являются привычными или систематическими моделями поведения»[864].

Подобное толкование военных преступлений, включая геноцид, транснациональный терроризм, дают и другие зарубежные авторы, включая известных членов Международного уголовного суда по Югославии[865].

Приведенные доктринальные определения международных преступлений фактически открывают широкую дорогу судебному усмотрению. Это подтверждается дифирамбами, которые Кассис выдает названному трибуналу и его определениям военных преступлений, предъявленных в вину руководителям Югославии во главе со С. Милошевичем[866].

Вышеуказанные проблемы международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью не исчерпывают всего многообразия этих противоречий[867]. Эти противоречия кроются в самой методологии подхода к пониманию, трактовке, оценке, определения сущности самой преступности в криминологии США и

---

[861] Там же.

[862] Там же.

[863] Там же. P. 64.

[864] Там же. P. 128.

[865] Boas G., Schabas W. International Criminal Law. Developments in the Case Law of the ICTY. – Martinus Nijhoff Publishers. – Leiden / Boston, 2003. – 309 p. P. 239-250.

[866] Cassese A. International criminal law. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 472 p.

[867] Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые перспективы реформирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 281-288; Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117.

Европы[868], Но они являются, как говорилось, определяющими и решающими для выявления сущности и особенностей сопутствующих им нерешенных узких мест. Они позволяют выделить основные особенности этих противоречий и определить магистральные направления их преодоления.

Комплексность и системность противоречий международного сотрудничества в борьбе с преступностью предопределяют комплексность и системность противоречий международных отношений, их производность и зависимость от конкретно-исторического этапа и уровня развития разных участников международных отношений, от фундаментальных составляющих этого развития, а также сложность, неоднозначность и проблемность преодоления противоречий этого сотрудничества. Исследователи отмечают, что «сложности и противоречия в межгосударственных отношениях, носящие политический и экономический характер, могут не только сказываться на качестве взаимодействия правоохранительных органов государств-участников, но и в определенной мере ставить под угрозу возможность такого взаимодействия»[869].

Тем не менее, проблему транснациональной организованной преступности надо решать[870]. И для этого важно использовать уже

---

[868] Егоршин В.М. Милиция, полиция, шерифат, или тайны правоохранительных органов. – СПб.: Экополис и культура, 1994. – 207 с.; Сморгунова А.Л. Стратегия контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Выпуск 46. Том 9: Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, искусствоведение, экономика, право, история, социология). – СПб., 2007; Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966; Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. – М.: КоЛибри, 2015.

[869] Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 64.

[870] Волеводз А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4(14). – С. 311-328; Волеводз А.Г. О необходимости теории международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Модернизация юридического образования: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Института права Башкирского государственного университета и высшего юридического образования в Республике Башкортостан. 5-6 ноября 2014 г. / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2014. Ч. I. – С. 42-49.

выработанные международным сообществом рекомендации[871]. Следует согласиться с предложениями воспользоваться рекомендациями, выработанными подготовительным межрегиональным совещанием в Вене в феврале 1988 г. к восьмому Конгрессу ООН. Среди 26 таких рекомендаций особое значение имеют следующие:

- ратификация и осуществление имеющихся международных документов;
- разработка двухсторонних и многосторонних соглашений;
- подготовка к принятию типовых документов и стандартов для их использованиями на национальном, региональном и межрегиональном уровнях;
- разработка универсальной международной конвенции по сотрудничеству в области уголовного правосудия, сведение воедино действующих и новых соглашений в этой области, включая вопросы выдачи преступников, взаимной помощи по уголовным делам, передачи заключенных, перенесения судопроизводства, передачи надзора за условно осужденными и освобожденными, обеспечения выполнения судебных решений относительно конфискации незаконно добытых средств;
- дальнейшее рассмотрение вопросов транснациональной юрисдикции; выработка стандартов в отношении международной помощи в связи с банковской тайной;
- разработка эффективных стандартов для воспрепятствования отмыванию денег[872], осуществлению инвестиций, связанных с

---

[871] Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 130-151.

[872] Волеводз А.Г. Способы «отмывания» полученных преступным путем денежных средств, связанные с их переводом за границу, и банковские документы как источники сведений об этом // Банковское право. – 1999. – № 4. – С. 69-79; Волеводз А.Г. Финансовые механизмы легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, связанные с их переводом за границу // Банковское право. – 2012. – № 3. – С. 64-77; Зуева А.С. Легализация доходов, полученных незаконным путем, на рынке ценных бумаг // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 94-106; Карпович О.Г. Вопросы международно-правового подхода борьбы с отмыванием преступных доходов // Внешнеторговое право. – 2009. – № 2. – С. 20-23; Мещеряков С. «Грязные» деньги преступных сообществ // Финансовый контроль. – 2005. – № 11 (48). – С. 126-129.

незаконным оборотом наркотиков[873], терроризмом[874] и другими формами транснациональной преступности[875];

- создание глобальной информационной сети в области предупреждения преступности и уголовного правосудия;
- планирование и осуществление скоординированных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение преступной деятельности организованных преступных групп [876].

---

[873] Болотский Б.С., Волеводз А.Г., Воронова Е.В., Калачев Б.Ф. Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах Содружества. – М.: Юрлитинформ, 2001; Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы // Наркоконтроль. – 2015. – № 4. – С. 37-45; Наркотики в России: преступления и расследование. Научное издание / Александров А.И., Айнбиндер М.Я., Афанасьев В.В., Бабаханян Р.В., Бурданова В.С., Бушуев Е.С., Владимиров В.Ю., Жигульская Г.Ф., Кузьминых К.С., Казанков С.П., Михайлов В.И., Никитин Л.Н., Роганов С.А., Федоров А.В., Шахматов А.В. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Фонд поддержки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»; Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы: Сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / Составление и вступительная статья А.В. Федорова. – М.: Астрея-центр, 2007. – 296 с.; Федоров А.В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: современное состояние и основные тенденции развития (тезисы доклада в изложении): Обзор материалов VII Российского конгресса уголовного права // Уголовное право. – 2012. – № 6; Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. – 2011. – № 4. – С. 5-14.

[874] Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 150-160; Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93; Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134; Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11; Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.

[875] Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Коррупция и противодействие коррупции: законодательное обеспечение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства / Под общ. ред. Б.В. Сидорова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 100 с.

[876] Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 64.

Выводы:

1. Возрождение доктрины *гуманитарной интервенции априори* ставит в подчиненное положение нормы о государственном суверенитете нормам о правах человека. В контексте международной политики это привело к серьезным и до сих пор нерешенным конфликтам. «Если для ряда европейских стран, – *говорит президент В.В. Путин,* – национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования! Прежде всего это должно быть очевидным для нас самих. Я хочу подчеркнуть: или мы будем суверенными, или растворимся, потеряемся в мире»[877].

Российского президента поддерживают в таком подходе к государственному суверенитету не только российские исследователи[878], но и ученые из других государств, в первую очередь государств – участников СНГ[879]. Так, профессор В.М. Шафиров прямо заявляет: «В современной геополитике на первый план выходят вопрос о защите правового суверенитета нашей страны. Это можно сделать, обеспечив приоритет Конституции России. Поэтому в международно-правовых

---

[877] Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). 4 декабря 2014 года. – М.: Известия, 2014. – 48 с. С. 9.

[878] Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48; Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета: историко-теоретические и практические аспекты // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.

[879] Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»); Мирзоев А.К. Государственный суверенитет и институты обеспечения публичной политической власти // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 62-65; Мирзоев А.К. Диспозитивный режим обеспечения государственного суверенитета как фактор стабильности в условиях глобальных и региональных угроз международному правопорядку // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 166-173; Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69; Мирзоев А.К. Концепция суверенитета: историческая эволюция и переосмысление в условиях международной политико-правовой интеграции // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 50-54.

отношениях важен баланс, при котором исполнение международных договоров сочетается с признанием высшей юридической силы Конституции. Укрепление правового суверенитета России вовне прямо зависит от точного понимания места и роли Конституции внутри страны»[880]. Чуть далее он подчеркивает: «Именно Конституция стоит на страже правового суверенитета России внутри страны и за ее пределами»[881]. А в завершение своих размышлений профессор В.М. Шафиров подытоживает: «Таким образом, верховенство права (его высший уровень) есть верховенство Конституции. Это обеспечивает правовой суверенитет как внутри страны, так и за ее пределами. Закрепленная в Конституции модель понимания права органично соединяет в себе естественное и позитивное начала, содержание и форму права, положительные (правовые льготы, поощрения) и негативные (меры правового принуждения) средства обеспечения права. Думается, сам факт (до конца еще недооцененный и нераскрытый) официального нормативного закрепления в Российской Конституции современной доктрины правопонимания – это уникальное, прогрессивное историческое событие, имеющее огромное значение не только для отечественной, но и мировой юридической науки и практики»[882].

Нельзя переоценить значение российской Конституции для интересов борьбы с транснациональной организованной преступностью. В нашей стране она создает базу для такой деятельности. «Конституция олицетворяет собой, – *по выражению В.М. Шафирова,* – акт народоправия (референдума), воплощающий в себе достижения отечественной и мировой цивилизации и культуры. Если сказать образно, то она представляет собой светскую «правовую Библию» свободы и справедливости в обществе»[883]. Для зарубежных стран – это ориентир для обеспечения взаимодействия.

2. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью является сложным клубком разнородных противоречий, которые, вместе взятые, в их взаимной связи и обусловленности представляют собой систему противоречий в борьбе с международной преступностью. Эта система включает противоречия между:

- интересами (и целями) разных субъектов этой борьбы, то есть различных государств, социальных общностей и политических сил – носителей этих интересов и целей;

---

[880] Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5. С. 2.

[881] Там же.

[882] Там же. С. 4.

[883] Там же. С. 2.

- декларируемыми, доктринально-концептуальными и реальными, подлинными целями и установками сотрудничества в борьбе с преступностью, а также реально достигнутыми результатами этой борьбы;
- объективно необходимой и реальной (наличной) юридической базой (правовым регулированием) международного сотрудничества в борьбе с преступностью[884];
- содержанием и формой (между материальным и процессуальным законодательством, между установленным законом и реальным воплощением практики реализации правового статуса субъектов уголовной политики и всей системой сложившихся действительных правоотношений между ними)[885];
- объективными и субъективными элементами правоотношений в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью;
- объективно необходимой и действительной правовой культурой субъектов этой борьбы[886];
- теоретическим (научным) и обыденным уровнями правосознания, теорией и практикой[887];
- официально декларируемыми и пропагандируемыми нравственными установками на роль и место суда, правоохранительных органов, правосудия, правоохранительной деятельности в общественной жизни, в системе социальных отношений, самими ценностями, господствующими в том или ином обществе.

---

[884] Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. – 2007. – № 2. – С. 17-25.

[885] Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: некоторые проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: Сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2013 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 3-10; Волеводз А.Г. О необходимости теории международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Модернизация юридического образования: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Института права Башкирского государственного университета и высшего юридического образования в Республике Башкортостан. 5-6 ноября 2014 г. / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2014. Ч. I. – С. 42-49.

[886] Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 129-133.

[887] Олейников В.С. Генезис правосознания личности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 2. – С. 10-15.

Понятно, западноевропейские ценности разнятся[888] от наших, российских ценностей.

3. Комплексность и системность противоречий международного сотрудничества в борьбе с преступностью предопределяют комплексность и системность противоречий международных отношений, их производность и зависимость от конкретно-исторического этапа и уровня развития разных участников международных отношений, от фундаментальных составляющих этого развития, а также сложность, неоднозначность и проблемность преодоления противоречий этого сотрудничества[889].

4. Основные направления преодоления противоречий международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью включают:

- ратификацию и осуществление имеющихся международных документов;
- разработку двухсторонних и многосторонних соглашений;
- подготовку к принятию типовых документов и стандартов для их использованиями на национальном, региональном и межрегиональном уровнях;
- разработку универсальной международной конвенции по сотрудничеству в области уголовного правосудия, сведение воедино действующих и новых соглашений в этой области, включая вопросы выдачи преступников, взаимной помощи по уголовным делам, передачи заключенных, перенесения судопроизводства, передачи надзора за условно осужденными и освобожденными, обеспечения выполнения судебных решений относительно конфискации незаконно добытых средств;
- дальнейшее рассмотрение вопросов транснациональной юрисдикции; выработка стандартов в отношении международной помощи в связи с банковской тайной и другими возникающими проблемами [890];

---

[888] Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98; Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.

[889] Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства: Учебное пособие / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.

[890] Волеводз А.Г. Европейская судебная сеть // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 1. – С. 7-11.

- разработку эффективных стандартов для воспрепятствования отмыванию денег. Осуществлению инвестиций, связанных с незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и другими формами транснациональной преступности; создание глобальной информационной сети в области предупреждения преступности и уголовного правосудия[891];
- планирование и осуществление скоординированных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение преступной деятельности организованных преступных групп.

В процессе обеспечения международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью нельзя забывать о государственном суверенитете. Сотрудничество должно осуществляться в рамках суверенитета государств и обеспечивать его.

[891] Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовная политика представляет собой систему политико-правовых отношений, юридических норм, политико-правовых идей и взглядов, реализующихся в направлениях, формах и способах деятельности её субъектов по укреплению законности, предупреждению и устранению преступности, соблюдению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в переходный для российского общества период[892]. Системообразующими составляющими уголовной политики являются систематизированные политико-правовые отношения, юридические нормы, политико-правовые идеи и взгляды, их социальные носители (субъекты), деятельность последних, её направления, формы и способы, преступность как специфический объект государственной деятельности по борьбе с преступностью, функционально-целевая установка на предупреждение и устранение преступности. Сущность уголовной политики определяется интересами и целями её носителей[893]. Переходный, противоречивый характер современного этапа развития российского общества и государства обусловливает исторически переходный тип его уголовной политики[894].

---

[892] Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Сов. государство и право. – 1978. – № 12; Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909; Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история, основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и предисл. В.М. Овчинского, А.В. Федорова. – М., 2008.

[893] Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977; Гальперин И.М, Курляндский В.И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975; Исмаилов И. А. Уголовная политика как сложная система // Учен, зап. МВ и ССО Азербайджанской ССР. Сер. Юридические науки. – 1975. – № 1; Клочков В. Уголовная политика и уголовное право // Социалистическая законность. – 1977. – № 11. – С. 65; Поляков С.А. Совершенствование санкций уголовно-правовых норм как одно из направлений уголовной политики по защите прав и интересов несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 133-139; Третьяков И.Л. Уголовная политика России (общетеоретические и прикладные проблемы): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.

[894] Волеводз А.Г. Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2. – С. 7-8; Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001 (авторы главы – В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев); Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988; Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 9 УК РФ 1996 г.

Функции уголовной политики обусловлены характером и природой её субъектов, их компетенцией и социально-правовым статусом. Они носят многоуровневый, разнородный и иерархичный характер и включают: функции субъектов общегосударственной юрисдикции, специальной государственной юрисдикции и общей юрисдикции. Особое место в реализации уголовной политики, её социальной роли занимают функции правоохранительных органов и сопряженных с ними силовых структур, осуществляющих деятельность по предупреждению и устранению преступности[895]. Основными функциями уголовной

// Российский следователь. – 2010. – № 9. – С. 16-18; Солонин А.Ю. Реализация уголовной политики Российского государства с программируемым эффектом // Российский следователь. – 2010. – № 5. – С. 19-22.

[895] Административная деятельность органов внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля. В двух частях. Том часть 2. Ахмедов Ч.Н., Берекет В.М., Бородин С.С., Бучакова М.А., Газизов Д.А., Гривинский А.З., Головко В.В., Громыко С.С., Дизер О.А., Екимов С.О., Жиляев А.А., Иванов П.В., Иванов Ю.А., Кардашова И.Б., Квитчук А.С., Кирьянов В.Н., Козлов Е.Н., Кокорев А.П., Косицын И.А., Куянова А.В. и др. / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Департамент кадрового обеспечения МВД России, 2005; Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 30. – С. 128-134; Основы управления в органах внутренних дел. Булавчик В.Г. Аврутин Ю.Е., Александров А.И., Артамонов В.С. Вагирбеков В.К., Берекет В.М., Бугель Н.В., Грицай Г.И., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Числов А.И., Шилин К.Ю. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2002; Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 1. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Сметанин Ю.В., Булавчик В.Г., Вагирбеков В.К., Грицай Г.И. Бугель Н.В., Аврутин Ю.Е., Берекет В.М., Кокарева О.А., Швед А.Н. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003; Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 2. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Вагирбеков В.К., Грицай Г.И., Аврутин Ю.Е., Берекет В.М., Швед А.Н., Бугель Н.В., Булавчик В.Г., Шилин К.Ю., Сметанин Ю.В. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003; Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 3. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Булавчик В.Г., Евграфов В.Г., Вагирбеков В.К., Бугель Н.В., Берекет В.М., Сметанин Ю.В. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003; Правоохранительная деятельность в России: теория и практика: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 11 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 1999; Рахимзода Р.Х. Правоохранительная система Республики Таджикистан: понятие и общая характеристика // Мир политики и

политики являются предупреждение и устранение преступности, организационно-административная, карательная, доктринально-идеологическая и нормативно-прогностическая. Государственно-принудительные формы, методы и способы уголовной политики, содержащие в себе значительный элемент принуждения, исторически обусловлены переходным этапом развития России и связанным с ним её объектом, то есть преступностью, её состоянием[896].

В системе политики государства самостоятельным её видом следует выделять и обосновывать *правовую политику* как сложную интегрированную и противоречивую различных по характеру, содержанию и функциональному предназначению систему правоотношений и норм[897]. Основными критериями такой классификации и такого выделения являются сфера, предмет, функциональная принадлежность правовых отношений и норм. Функции права и его отраслей настолько разнообразны, разнородны и имеют разные уровни, что каждая из них в отдельности представляет собой определенную подсистему признаков и механизмов воздействия на общественные отношения. Но только в своем взаимодействии, единстве и противоположности правовые нормы всех отраслей права образуют сложную и вместе с тем единую систему правового регулирования как самостоятельной сферы социального управления[898].

социологии. – 2015. – № 10. – С. 172-183.

[896] Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: понятие и система // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 2. – С. 9-12; Милиция общественной безопасности: состояние и актуальные проблемы деятельности: Материалы регионального семинара / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: 2002; Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000; Рахимзода Р.Х. Таможенные и налоговые органы, Национальная гвардия, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан в контексте правоохранительной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 196-204.

[897] Денисов С.А. Противоречивость правовой политики государства // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 2. – С. 17-30; Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.; Приходько И.М. Роль юридических ограничений в осуществлении правовой политики в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 156-157.

[898] Матузов Н.И. Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI в. // Правовая политика России: теория и практика. – М., 2006; Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 456 с.; Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права – Волгоград, 2009.

Место уголовной политики в системе правовой политики определяется спецификой сферы её социального (правового) регулирования, предмета и метода этого регулирования, объектом, характером, сущностью и функциями. Определяющим критерием и систематизации политики и определения места уголовной политики в системе политики является строго определенная область и социальная направленность однородных общественных отношений, складывающихся на основе или в связи с возникновением и функционированием преступности.

Как часть правовой политики государства уголовная политика имеет единую с этой политикой социально-экономическую, общественно-государственную, нормативно-правовую базу, сущность, социальную направленность и общие системообразующие составляющие. Однако уголовная политика имеет свои специфические особенности. Эта политика, во-первых, представляет собой самостоятельную, специфическую сферу социального регулирования, включающую специфические общественные отношения. Во-вторых, эта политика имеет специфический объект, предмет, метод и систему социального и правового регулирования. Предмет регулирования уголовной политики включает относительно однородные политико-правовые отношения и нормы. Но они не сводятся к правоотношениям и нормам криминального цикла. Эти отношения включают и такие связи и взаимодействия, которые по своему характеру не являются даже смежными с криминальными отношениями и нормами.

Характер и структура политико-правовых отношений и норм как основных элементов сущности уголовной политики является сложной диалектической, то есть единой и противоречивой, интегрированной системой. Эта система включает смежные, но самостоятельные и противоположные по своим функциям политические и правовые отношения, а также нормы, закрепленные или отраженные в конституциях и конституционно-законодательных актах. Она охватывает также нормы, содержащиеся в источниках конституционного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и примыкающих к ним политико-правовых актах, регулирующих отношения, складывающиеся в сфере борьбы с преступностью, предупреждения и устранения её причин.

Уголовная политика является относительно самостоятельным видом и направлением политики государства. Она сопряжена со всеми другими формами политики. Сущность и социальная направленность уголовной политики определяется интересами и целями её носителей. Переходный, противоречивый характер современного этапа развития российского общества и государства обусловливает исторически

переходный тип его уголовной политики.

Механизм связи и взаимодействия различных и противоположных по сущности, предмету и методу правового регулирования правоотношений и норм, составляющих содержание уголовной политики как системы, является сложным и диалектическим. Он включает в себя как их единство, так и противоположность и противоречия между ними. Их единство кратковременно, неустойчиво, прерывно. В них непрерывно происходит количественные и качественные изменения в их состоянии, динамике, показателях и даже в сущности. Цель и результат их воздействия как на объект, так и на субъект уголовной политики всегда является различным и неоднозначным по своему характеру и направленности. Каждый из них имеет свои противоположности и противоречия в силу множественности, разнородности и определенной автономности в своем функционировании и механизме взаимодействия как между собой, так и между различными элементами системы.

Развитие уголовной политики в её эпохальных изменениях есть естественноисторический процесс, обусловленный закономерностями самой социальной действительности, её объективными и субъективными факторами, среди которых экономика и политика, производственные и политические отношения имеют определяющее и решающее значение. Периодизация уголовной политики, хотя в целом и следует кардинальным этапам и историческим типам социальной системы, однако не копирует их, имеет в силу самостоятельной сущности свои, относительно не совпадающие с общей историей общества закономерности и тенденции развития.

Основной тенденцией развития российской уголовной политики является нарастающий процесс её демократизации в направлении соблюдения основополагающих прав и свобод личности.

Человек, его права и свободы в современном российском государстве является высшей конституционной ценностью. На государство воздагается обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации). При этом Конституция Российской Федерации объявляет права и свободы человека неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения (ч. 2 ст. 17). Конституция России базируется на доктрине естественных прав человека[899], которая в своем развитии

[899] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011; Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М.: Норма, 2008; Зорькин В.Д. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 4; Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений

прошла длительный эволюционный путь. Начало она берет в античности[900] и средневековье[901]. Особенно активно развивается в эпоху Просвещения и Нового времени в Западной Европе[902]. В Российской империи ее связывают с именем профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета А.П. Куницына[903]. Она находит отражение в творчестве классиков

Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 12; Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – 400 с.; Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010. – 544 с.; Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.; Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45; Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. Изд. 2-е, стереотипное / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 636 с.; Шахрай С.М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма: Монография. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 304 с.; Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юнити, 2015; Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014.

900 Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.

901 Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и Ко, 2014. – 656 с.

902 Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111-114; Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47; Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46; Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129; Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С 245-248.

903 Куницын А.С. Формирование и развитие естественно-правового направления

немецкой философии[904] и постклассической философии права[905]. В конце XIX – начале XX века серьезно заявляет о себе школа возрожденного естественного права[906]. Большой вклад в ее развитие внесли представитель русской религиозно-нравственной философии права[907]. Пожалуй, апогей расцвета доктрины естественного права приходится на конец XX – начало XXI века, когда на постсоветском пространстве[908] в Конституциях вновь появившихся суверенных государств Балтии и СНГ[909] она стала занимать господствующее положение. Как и в Конституции Российской Федерации, в них закрепляются человек, его права и свободы как высшая конституционная ценность. Идет речь о неотчуждаемости и естественном происхождении прав и свобод, обязанности государства их признавать, соблюдать и защищать. То есть российское государство. Как и другие государства, в которых действуют Конституции, базирующиеся на доктрине естественного права, обязано защищать человека, его права и свободы, в том числе и с помощью проводимой в стране уголовной политики.

Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в юридической литературе имеется позиция профессора В.М. Шафирова, который ведет речь о естественно-позитивистской основе российской

в русской науке права // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 5-11.

[904] Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994.

[905] Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – 528 с.; Пухта Г-Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 423-510; Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.

[906] Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34; Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.

[907] Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989; Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).

[908] Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).

[909] Конституции стран – членов СНГ Сборник документов. – Ереван, 1997; Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.

Конституции[910]. Он, в частности, подчеркивает, что при построении теоретической и нормативной модели Конституции были использованы не только положения юридического позитивизма, но и концептуальные основы, базирующиеся на естественном праве. «Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа)»[911].

Нашим рассуждениям указанное уточнение не мешает. Оно еще больше подчеркивает необходимость обеспечения прав и свобод человека и гражданина в современной России с использованием всех законных возможностей, в том числе и уголовной политики. Как мы подчеркнули, в современной российской уголовной политике действует тенденция ее демократизации и гуманизации[912], в том числе и в контексте прав и свобод человека.

Однако действует и обратная тенденция к торможению указанной тенденции, усилению противоречия между её теорией и практикой, доктринально-теоретической и деятельно-практической сторонами.

Основу лучших национальных традиций уголовной политики России заложила Русская Правда, ставшая великим памятником политической и правовой культуры не только нашей страны, но и всех стран мира. В целом уголовная политика России развивала и сохраняла свои национальные черты и традиции[913]. В то же время она активно вбирала в себя её лучшие зарубежные модели.

Современная уголовная политика России как закономерно-необходимый исторический этап её развития является переходной и синтезирует в себе как прогрессивные[914], так и регрессивные начала. В этом смысле она является ограниченной в своих временных рамках и относительно социально нестабильной. Насильственное начало этой политики изменяется в сторону перехода от его грубых материализованных форм к более тонким духовным формам.

---

[910] Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 260 с.; Шафиров В.М. Обеспечение права: человеческий подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.

[911] Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.

[912] Третьяков И.Л. Некоторые вопросы сущности правового механизма уголовной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 125-137; Третьяков И.Л. Объективное и субъективное в уголовной политике: к началу рассуждений // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 173-185.

[913] Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.

[914] Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. Округа, 1913. – 7 с.

Реализация уголовной политики Российской Федерации – это система общественных отношений и юридических норм, характеризующих направления, способы и средства деятельности государства, общественных организаций и граждан по всестороннему совершенствованию уголовной политики, повышению её эффективности, достижению реальности и созданию гарантий укреплений законности, соблюдения конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Сущность правового механизма регулирования уголовной политики составляет установленная законом система правовых норм и правоотношений, характеризующих направления, формы, способы, средства и организационно-правовой инструментарий деятельности государства и его органов по её осуществлению и обеспечению. Содержательной основой этого механизма является совокупность субъектов и организационно-правовых элементов, реализующих уголовную политику.

Правовое регулирование уголовной политики – это систематизированное воздействие норм права на общественные отношения, составляющие сущность деятельности субъектов реализации уголовной политики по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин и условий, порождающих или способствующих преступности. Оно, это регулирование, является основой системы мер по совершенствованию уголовной политики.

Основными особенностями правового регулирования механизма уголовной политики РФ являются:

- множественность, обилие, разнородность нормативно-правовых актов и правовых норм, регулирующих правовой механизм уголовной политики;
- отсутствие системности и внутренней связи между различными нормативно-правовыми актами и правовыми нормами, имеющими единый предмет правового регулирования;
- приоритет предписывающих и разрешительных правовых норм и нормативно-правовых актов, составляющих правовую базу уголовной политики;
- малозначительность законодательных актов, регулирующих борьбу с нарушениями законности, правопорядка и посягательствами на них, приоритет правового регулирования этой борьбы подзаконными, исключительно ведомственными нормативно-правовыми актами;
- дефицит легитимности правовых актов, регулирующих основополагающие основы уголовной политики;
- декларативность нормативно-правовых актов, регулирующих

правовой механизм государства в борьбе с преступностью;
- приоритет законов непрямого действия;
- второстепенность и производность государственно-правовой роли правоохранительных органов, органов внутренних дел, силовых структур государства;
- существенные множественные и разнородные противоречия нормативно-правовых актов, регулирующих указанный механизм;
- излишнее упование и даже признание верховенства норм международного права в сохранении и укреплении национального государственного суверенитета Российской Федерации.

Основной причиной слабости и ограниченности правового механизма уголовной политики РФ в современных условиях является неполнота, фрагментарность и явная бессистемность правового регулирования этого механизма, с одной стороны, и противоречивость, а также декларативность этого регулирования, с другой стороны. Эта причина обусловлена непониманием или нежеланием государственной власти понять диалектическую взаимозависимость сущности, содержания и эффективности уголовной политики от основополагающих факторов общественного развития – экономики, политики, общественного сознания (идеологии) и культуры данного общества и государства.

Политические, нормативно-правовые и организационно-административные элементы уголовной политики представляют собой единство и противоречие как сущности, содержания, так и функционирования, а также развития и эффективности всего механизма уголовной политики. В свою очередь эти элементы, их взаимосвязь и взаимодействие являются производными составляющими государственной власти и государственного механизма её функционирования. Государственная власть и государственный механизм составляют первооснову, основной источник и решающий фактор возникновения, развития, функционирования и взаимодействия всех составляющих элементов уголовной политики.

Сложная противоречивая и разнородная социальная структура общества обусловливает аналогичный характер ее воздействия на сущность, процесс формирования, функционирования и развития власти в целом и ее структурных элементов, в том числе на все ветви

власти, на судебную власть[915], правоохранительные органы[916], их деятельность и на уголовную политику в целом[917].

Механизм воздействия социальной структуры общества на государственную власть и на уголовную политику состоит в том что, она, эта структура:

- составляет существенную (определяющую) часть политической надстройки общества;

---

[915] Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М., 2000; Лысов П.К. Организация судебной власти и судебной деятельности в современной России: некоторые направления правового совершенствования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 81-97; Лысов П.К. Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации. тенденции и перспективы развития: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014; Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Единая государственная власть и принцип разделения властей // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 87-99; Постыляков С.П. Отдельные аспекты независимости судей // Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 87-102. – В сб. 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки); Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки); Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В Ершова. – М., 2006.

[916] Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005; Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000; Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.

[917] Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации. – СПб., 2014. Сер. Избранные лекции университета. Том Выпуск 157; Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188; Александров А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – СПб, 2016. – С. 12-19; Савенков А.Н. Международно-правовые основы современной уголовной политики Российской Федерации // Военный академический журнал. – 2015. – № 4(8) – С. 163-170.

- является источником, движущей силой, социальной, организационной основой и носителем государства, власти, политики, её составляющих, политико-правовых отношений, политической и правовой систем[918];
- определяет сущность, характер и социальную (в том числе классовую) направленность и структуру государственности, власти, политических отношений и политической (правовой) системы общества[919];
- формирует непосредственный кадровый (персональный) состав государственного аппарата и всего государственного механизма, включая аппарат правовой и правоохранительной систем.

Политика – решающий фактор разделения, функционирования, взаимодействия и деятельности властей, включая их деятельность по обеспечению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин, её порождающих, охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан, ибо она:

- обусловливает сущность, характер, направленность и содержание интересов носителя или носителей власти;
- формирует самого носителя или носителей власти;
- определяет необходимость и социальную потребность такого разделения;
- составляет его сущность, характер, социальную направленность;
- формирует формы правления, политический режим, определяющие власть и властные структуры, демократические институты общества[920];
- создает соответствующие ветви власти, в том числе судебную и исполнительную власть[921];
- решает вопрос об организации, персональном (кадровом)

---

[918] Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 547 с.; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2014. – 672 с.

[919] Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. Сер. Безопасность человека и общества.

[920] Сальников М.В., Гуськов Д.Н. Факторы, влияющие на политический режим в России: теоретико-правовой и исторический подход // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 82-88.

[921] Лысов П.К. Унификация судебной практики различных ветвей судебной власти: некоторые дискуссионные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 200-210.

составе судебной и других видов власти, объеме и пределах компетенции, направлениях, формах, способах их деятельности;
- обеспечивает необходимые условия, силы и средства деятельности всех видов власти;
- вырабатывает соответствующие данному этапу и уровню развития общества политическое сознание, политическую и правовую идеологию[922]; дает тем самым идейно-теоретическое обоснование самой политике и всем элементам политической надстройки – государству, его механизму, государственной власти и ее ветвям, в том числе и принципу разделения властей, функционированию и развитию судебной власти, правоохранительным органам как существенного элемента исполнительной власти.

Право, правовые нормы, правоотношения и правосознание, особенно правовая идеология и культура[923] – самостоятельные и основные содержательные элементы формирования, функционирования и реализации формально-нормативной стороны уголовной политики. Они – необходимые объективно обусловленные формы реализации как общей, так и уголовной политики. Они – суть естественноисторического демократического развития общества, важное социальное достижение и основная форма проявления современной демократии. Будучи производными, зависимыми и определяемыми политикой, право и его атрибуты оказывают обратное воздействие на общую и уголовную политику, вплоть до изменения их сущности. Хотя такое воздействие всецело определяется соотношением и приоритетом прогрессивных демократических сил общества[924].

Правосудие, как деятельность судебной власти, суда, – неотъемлемый элемент уголовной политики, одна из высших правовых форм её реализации. И, как таковое, оно является не только творением, производным элементом политики государства, включая уголовную политику, но и её прямым продолжением, особой формой, самостоятельным

---

[922] Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.

[923] Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.

[924] Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188; Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.

институтом функционирования и развития демократического правового государства, существенной гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Связь и взаимозависимость политических, правовых и организационно-административных элементов уголовной политики проявляется в том, что все указанные составляющие этой политики представляют собой специфические самостоятельные формы отражения глубоких изменений современной государственности. Механизм этой связи состоит в том, что они, эти составляющие, являются, с одной стороны, её относительно самостоятельными элементами, а, с другой стороны, они представляют собой диалектическое единство и противоречие этой политики.

Как элементы и как формы единого информационного поля они обладают относительной самостоятельностью и активностью, то есть оказывают активное обратное воздействие на само информационное поле и на породившие их власть, государство, его политику, на преступность, а также друг на друга, вызывая в себе и в уголовной политики в целом глубокие количественные и качественные изменения в ту или иную сторону в зависимости от сущности и социальной направленности власти, интересов её субъектов.

Совершенствование уголовного законодательства и правоохранительного механизма осуществляется как единый системный процесс их количественных и качественных изменений, обусловливающий возвышение уровня или меры их эффективности. Изменения объёма, структуры, характера, формы и функций правоотношений, юридических норм, государственно-правовых институтов, средств, методов и гарантий, образующих правоохранительный механизм, являются основой направлений функционирования и развития уголовной политики и достижения её целей.

Направления уголовной политики представляют собой сложную, комплексную и иерархическую систему элементов, включающую направления-принципы, направления развития уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, а также направления совершенствования правоохранительного механизма.

Гипотетические модели уголовной политики, предлагаемые некоторыми авторами, не могут служить доктринальной основой современной уголовной политики России из-за их абстрактности, внутренней противоречивости, отсутствия в них единых критериев, методологии и научного аппарата их построения.

Основополагающими направлениями развития уголовного законодательства являются: устранение противоречий в криминализации

и декриминализации деяний, реконструирование ряда институтов и норм Общей и Особенной частей УК РФ, пересмотр системы и видов наказания.

Важнейшими направлениями изменения правоохранительного механизма являются: организационно-административные меры; расширение и активизация социализаторской, воспитательно-профилактической деятельности среди различных слоёв и групп населения с акцентом на профилактику правонарушений несовершеннолетних; строительство и укрепление материальной базы правоохранительной деятельности, повышение её эффективности и профессионализма; финансовое и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов; проведение организационных мер стабилизации криминогенной обстановки; разработка и реализации научно обоснованной и перспективной системы кадровой политики.

Общественные отношения, составляющие сущность уголовной политики, являются органической составной частью политической надстройки общества, относительно самостоятельным видом политических отношений и политики как самостоятельной сферы общественной жизни. Они – основа сущности объекта уголовной политики (преступности) и основа сущности и содержания и деятельности по борьбе с преступностью, а также предмета юридической науки. И как таковые эти отношения реализуют системообразующие функции в формировании, развитии, функциональном предназначении и реализации уголовной политики. Несмотря на разнородность, различия в своей сущности, принадлежности и функциональной роли, они образуют самостоятельный интегрированный и решающий фактор в формировании, развитии, функционировании и реализации уголовной политики. И эти отношения, вместе взятые, диалектически противоречивые и взаимодействующие, составляют содержательную основу объективной стороны этой политики.

Правовые нормы как необходимая и неотъемлемая составляющая уголовной политики составляют содержательную основу правовой системы, права, юридической науки и социально-правовой политики. Занимают промежуточное и вместе с тем самостоятельное положение в системе составляющих объективно-субъективного содержания уголовной политики. Образуют формально-нормативную сторону этого содержания. По своему характеру и сущности они являются воплощением объективно существующих интересов и потребностей личности, общества и государства. И поскольку интересы и потребности являются самостоятельными элементами субъективной стороны и антиподом общественного бытия – общественного сознания, его

уровней, видов и форм, то и нормы права являются, прежде всего, элементом субъективной стороны уголовной политики. В тоже время правовые нормы имеют и объективное содержание. Как регуляторы общественных отношений они выступают как связующее звено между объективной и субъективной сторонами уголовной политики. Они охватывают и подвергают воздействию и изменению все составляющие этой политики. Выполняют социально необходимую и действительную роль регуляторов реально существующих социальных противоречий, конфликтов и проблем. Служат средством и мерой преобразования интересов и потребностей субъектов права и уголовной политики как основных ингредиентов их субъективной стороны в объективные формы поведения и деятельности этих субъектов, то есть в объективную сторону уголовной политики.

Право, правовые отношения и нормы являются самостоятельными существенными формами проявления и реализации как правовой идеологии, так и юридической науки. В них в присущих им формах закрепляется, определяется, осуществляется уголовная политика государства, его правовая идеология. Правовые нормы в гносеологическом аспекте воплощают в себе теоретические формы познания права, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Содержащиеся в них понятия, суждения и умозаключения олицетворяют собой опосредованный опыт борьбы с преступностью, лучшие национальные и международные правовые традиции и модели уголовной политики.

Деятельность субъектов уголовной политики, её направления, способы, средства и формы – основа основ содержания объективной стороны этой политики. Концентрируя и воплощая в себе потребности и интересы субъектов уголовной политики, она выступает в качестве её решающей составляющей. Именно деятельность обеспечивает достижение и реализацию её целей, то есть она является источником и движущей силой превращения объективной стороны уголовной политики в её субъективную сторону.

Объективные факторы не ограничиваются только материальными элементами, а сочетаются с такими идеальными формами жизнедеятельности, которые выступают в качестве опосредованного её образца и модели. Генерируемые этими факторами социальные противоречия создают принципиальную возможность преступности, формирования и функционирования уголовной политики.

Субъективные факторы, определяющие преступность и уголовную политику, как факторы, зависящие от воли и сознания людей, охватывают различные идеальные формы, психические процессы, свойства,

состояния и образования, основополагающими среди которых являются потребности и интересы субъектов правоотношений, их личностные качества, а также правовая психология и правовая идеология. Эти факторы находятся в диалектической связи с объективными факторами уголовной политики и воздействуют на них как социальная сила, превращающая возможность преступности, создаваемую объективными факторами, в её действительность.

Социальная психология и идеология, включая их правовые формы, являются решающей силой, приводящей в движение объективные факторы преступности и уголовной политики. Особая роль в формировании уголовной политики, механизма её воздействия на преступность принадлежит идеологии. Идеология в силу её сущности и социально незаменимых функций выступает необходимой теоретической базой, составной частью доктринальной стороны уголовной политики, правовой системы, права и законодательства. Она служит обоснованием и формой реализации стратегии, тактики, направлений, форм, способов и средств уголовной политики. Конструктивная социальная роль идеологии реализуется только посредством её воздействия на социальную психологию, являющуюся первоосновой мотивации и направленности социального поведения.

Уголовная политика есть единство и противоречие теоретической и практической деятельности её субъектов. И как таковое, оно, это единство и противоречие, определяет единство и противоречивость всех её составляющих, направлений, форм и способов, в том числе таких элементов уголовной политики, как правосудие, квалификация преступлений, методология и логика этой политики.

Теория уголовной политики представляет собой систему относительно достоверных знаний о политико-правовых отношениях, нормах, идеях, взглядах и понятиях, реализуемых в политико-правовых и административно-организационных формах деятельности его субъектов по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих, охране законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства. Практика уголовной политики – это предметно-чувственная, естественно-историческая деятельность её субъектов по борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих. Практика правосудия не ограничивается каким-то одним актом деятельности, например, по конкретному уголовному делу. Она представляет собой как весь совокупный опыт такой деятельности предыдущих поколений, так и бесконечность ее процесса.

Единство теории и практики уголовной политики состоит в том, что они имеют единые субъекты, объект, предмет правового регулирования; объект уголовно-правовой охраны; процесс реализации, в том числе общие (единые) законы и формы познавательной и предметно-практической деятельности; деятельность как единство объективного (практика) и субъективного (теория).

Противоречие между теорией и практикой состоит в том, что они, теория и практика:

- являются противоположностями по сущности, по идеальным (теория) и предметно-чувственным (практика) формам проявления;
- постоянно взаимодействуют друг с другом, превращаются одно в другое по законам диалектики;
- влияют друг на друга как количество (практика) и качество (теория).

Противоречия между теорией и практикой правосудия имеют разнородный многоуровневый и сложный, системный характер. Они полностью соответствуют противоречиям в самой сущности уголовной политики как комплексного и системного явления и понятия. Решающую роль в них играют противоречия, характеризующие социальную сущность и направленность этой политики, интересы её субъектов.

Преступность – это социальные антагонизмы, выраженные в совокупности совершённых преступлений, преследуемых государством в уголовном законе. Антагонистический характер противоречий общества, массовость порождённых ими преступлений, их протяжённость во времени и пространстве, социально значимый характер причиняемого вреда для общества, резко негативная морально-политическая оценка государством, преследование в соответствии с нормами уголовного закона, количественная и качественная определённость в данный исторический период – существенные составляющие преступности.

Уголовная политика является политико-правовой формой реакции государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов.

Противоречия уголовной политики являются многоуровневыми, комплексными и включают противоречия, характеризующие её сущность, стратегию и целевые установки, механизм, внутреннюю связь и зависимость от социальных основ общества – экономики, политики, идеологии, культуры. Основным противоречием уголовной политики является противоречие между её доктринальной

и деятельно-практической сторонами, её теорией и практикой.

Идеальные и материализованные элементы уголовной политики, составляющие её доктринальную и деятельно-практическую стороны, находятся в единстве и противостоянии, мера которого придаёт ей качественную определённость в рамках конкретного исторического периода развития данного общества.

Частные изменения социальных условий обусловливают и частный характер изменений уголовной политики в пределах исторического типа социальной системы. Только смена социальной системы влечёт за собой и смену сущности, исторического типа уголовной политики[925].

Количественные и качественные показатели преступности наиболее выражаются в её динамике, представляющей собой единство и противоречие как количественных, так и качественных изменений этого социального явления. Единство таких изменений проявляется в их единых численных показателях, совпадении характера и тенденций изменений; противоречие – во взаимодействии в соответствии с законом диалектики о переходе количественных изменений в качественные. Качественные изменения, как решающая сторона динамики преступности, наиболее чётко выражаются в резком, скачкообразном увеличении доли наиболее опасных (тяжких и особо тяжких) преступлений, среди которых доля преступлений экономической направленности является определяющей.

Количественные изменения, как определяющая сторона динамики преступности, адекватно отражают состояние последней, то есть её направленность, объём, характер, уровень и структуру. Динамика преступности характеризуется возвышением её количественных и качественных показателей, астрономическим значением численных величин, резким ростом удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, приоритетом роста преступлений в сфере экономики и насильственных преступлений. Она является существенным критерием, отражающим масштабы, социальные последствия, причины преступности и направления их устранения. Но она не является определяющим показателем эффективности уголовной политики.

Качество уголовной политики есть интегрированное производное качества её каждого слагаемого, синтезированного с качеством всех других составляющих. Комплексность, системность составляющих уголовной политики, их единство и противоречивость обусловливают множественность, системность и противоречивость критериев её эффективности.

---

[925] Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.

Эффективность уголовной политики есть интегрированное слагаемое воздействия всех её составляющих на преступность, причины и условия последней, обеспечивающего меру и степень защиты личности, общества, государства от преступных посягательств. Решающим критерием эффективности уголовной политики является реальный уровень достижения её стратегических целей – мера защиты прав, свобод и интересов личности, общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии и учебные пособия

1. 20 лет развития отраслевого законодательства: итоги и проблемы / Под общ. ред. В.Н. Плигина, Р.А. Курбанова. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 128 с.
2. 25 лет РУБОП. Воспоминания остаются… – СПб.: КОСТА, 2013. – 712 с.; ил.
3. Абрамова С.Р., Усанов И.В. Раскрытие и расследование преступной торговли несовершеннолетними: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009.
4. Абызов Р.М., Власов В.П., Лебедев С.Я. Предупреждение незаконного оборота оружия: Монография. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2002.
5. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 365 с.
6. Агапов П.В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. Издание 2-е, испр. и доп. / Под науч. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2010.
7. Административная деятельность органов внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля. В двух частях. Том часть 2. Ахмедов Ч.Н., Берекет В.М., Бородин С.С., Бучакова М.А., Газизов Д.А., Гривинский А.З., Головко В.В., Громыко С.С., Дизер О.А., Екимов С.О., Жиляев А.А., Иванов П.В., Иванов Ю.А., Кардашова И.Б., Квитчук А.С., Кирьянов В.Н., Козлов Е.Н., Кокорев А.П., Косицын И.А., Куянова А.В. и др. / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Департамент кадрового обеспечения МВД России, 2005.
8. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»).
9. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации. – СПб., 2014. Сер. Избранные лекции университета. Том Выпуск 157.
10. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
11. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
12. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических

наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
13. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 208 с. – (Серия: «Общество и наркомания: социальная опасность»).
14. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Фонд «Университет», 2007. – 144 с.
15. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Т. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
16. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980.
17. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989.
18. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
19. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – 336 с.
20. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Автоматизированные системы финансовых расследований: Учебное пособие: – М.: Московский университет, 2015. – 235 с.
21. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография. – М.: Мос. ун-т, 2014. – 352 с.
22. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
23. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.
24. Артамонова Г.К., Сальников В.П., Соболь И.А., Уханов И.С. Экологическое право: сборник задач. – СПб., 2002. – Сер. Учебники для вузов, специальная литература.
25. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. – М., 1973.
26. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
27. Ашик М.В. 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941-1945 г.г. – СПб., 2015. – 411 с.
28. Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. История международного и российского терроризма (от Древнего Рима до Нового времени): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский госуд. морской техн. ун-т, 2010. – 216 с.
29. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России. – Нижний Новгород, 2002.
30. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
31. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991.
32. Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. – Ростов-на-Дону, 2004.
33. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации

и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
34. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
35. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
36. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. – М., 1939.
37. Бельсон Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. – М.: Наука, 1989.
38. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. – Л.: ЛГУ, 1986.
39. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
40. Бойко А.И. Уголовная политика. – Ростов-на-Дону, 2008.
41. Болотский Б.С., Волеводз А.Г., Воронова Е.В., Калачев Б.Ф. Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах Содружества. – М.: Юрлитинформ, 2001.
42. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
43. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
44. Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия: «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. – М.: Формула права, 2012. – 72 с.
45. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М: Норма; ИНФРА. – М., 2011. – 544 с.
46. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический уголовно-правовой и информационный аспекты. – М., 1999.
47. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. – М., 2004.
48. Бражников Д.А., Бычков В.В. Преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (уголовно-правовой и криминологический анализ): Учебное пособие. – Челябинск: Челяб. ин-т (филиал) ГОК ВПО «РГТЭУ», 2005.
49. Булатов С.Я. Уголовная политика эпохи империализма. – М.: Советское законодательство, 1933.
50. Бурдье П. Начала. / Пер с фр. – М.: Socio Logos, 1994. – 288 с.
51. Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – 336 с.
52. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной

деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
53. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.; Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
54. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
55. Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы борьбы с организованной преступностью, терроризмом и коррупцией: Специализированный курс лекций / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2006.
56. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности (Издание 2-е).
57. Вихров А.А. Военно-уголовное право США – орудие реакции и войны. – Л.: ВОЛАТТ, 1989.
58. Вихров А. А. Вопросы теории и практики военно-правовой идеологии США. – СПб., 1996.
59. Вихров А.А., Александров С.Г. Правовые основы борьбы полиции с коррупцией: Монография / Под ред. В.П.Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
60. Вихров А.А., Третьяков И.Л. Суверенитет современной Российской Федерации: сущность и проблемы укрепления: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический ун-т, 2005.
61. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и её отражение в действующем законодательстве: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979.
62. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие и права человека: Учебное пособие для магистрантов. – М.: РУДН, 2014.
63. Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2011.
64. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2002.
65. Волеводз А.Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству: Учебное пособие. – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010.
66. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: Хрестоматия. – М.: Юрлитинформ, 2009.
67. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М., 2008.
68. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013.
69. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.
70. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010.

– 174 с.
71. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
72. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.
73. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.
74. Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. – М.: Академия МВД СССР, 1980.
75. Глонти Г. Торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации: реалии и перспективы (криминологический анализ проституции, порнобизнеса и трефикинга). – Тбилиси, 2004.
76. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
77. Головко М.В. Государственная политика противодействия теневой экономике в контексте мер обеспечения экономической безопасности. – М.: НИЯУ МИФИ, 2015.
78. Головко М.В. Теневая экономика как индикатор безопасности институциональной среды. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2012.
79. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 176 с.
80. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие. С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
81. Гришанин П.Ф. Уголовно-правовая борьба с преступностью как направление советской уголовной политики: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989.
82. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»);
83. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
84. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики.- Владивосток: Дальневосточн. ун-т, 1982.
85. Девиантология в России: история и современность: Сб. тез., докл. и сообщ. на Всерос. науч. практ. конф., 21-22 окт. 2003 г. / Редкол: Числов А.И. (пред.) и др. – Тюмень, 2003.
86. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.

87. Джегутанов Б.К. Зов предков: Россия и гуманизация мирового сообщества (объективная необходимость реформирования международного права в ООН): Монография. – СПб.: 7-я Студия РИК, 2012. – 486 с.
88. Джегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002 – 73 с.
89. Диноршоев А.М. Механизм защиты прав человека в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 152 с.
90. Диноршоев А.М. Права человека в истории общественной мысли. – Душанбе, 2013. – 190 с.
91. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А. Формирование идей прав человека в Таджикистане: история и современность: Монография. – Волгоград: Волг. Филиал РАНХиГС, 2014. – 296 с.
92. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.
93. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
94. Евразийская экономическая перспектива: Матер. междунар. форума. Санкт-Петербург, 11 апреля 2013 года / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина; ред. коллегия: М.И. Кротов, И.А. Максимцев, В.А. Садовничий, Л.Э. Слуцкий, Ю.Е. Шувалов, Т.Я. Хабриева. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 160 с.
95. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
96. Егоршин В.М. Милиция, полиция, шерифат, или тайны правоохранительных органов. – СПб.: Экополис и культура, 1994. – 207 с.
97. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы). – СПб., 1998.
98. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
99. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
100. Ермолович Г.П. Население и полиция: противостояние преступности в США: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 284 с. (Серия: «Полицеистика; прошлое, настоящее и будущее»).
101. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.
102. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МВШМ, 1979.
103. Занин В.П. Жестокая экономика России. Как выжить российскому бизнесу и населению в России: Монография. – М.: Голос-Пресс, 2009. – 224 с.
104. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара. 28 – 30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.

105. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: СПбГУ, 2011.
106. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
107. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / Под ред В.П. Сальникова. – СПб., 2003.
108. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика / Под ред В.П. Сальникова. – СПб, 2004.
109. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
110. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010.
111. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
112. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
113. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
114. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
115. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
116. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
117. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
118. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. – М.: Норма, 2008.
119. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
120. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – 400 с.
121. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
122. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
123. Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.

124. Зубов И.Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития): Монография. – СПб., 1998.
125. Зубов И.Н. Система МВД России: современные проблемы функционирования и развития: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
126. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький, 1974.
127. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
128. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
129. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
130. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика: актуальные проблемы организации борьбы с преступностью. – Баку: Азернешр, 1990.
131. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
132. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917 – 1927. – М., 1928.
133. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 432 с.
134. Карпец И.И. Уголовное право и этика. – М., 1985.
135. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
136. Керимов Д.А. Основы философии права. – М., 1992.
137. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
138. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
139. Кирьян Т., Маришка Н.Дж., Ван дер Линден. Торговля людьми и трудящиеся-мигранты из Украины: вопросы труда и сексуальной эксплуатации. Рабочий доклад. – Женева: МОТ, 2006.
140. Ковалев М.И., Воронин Ю.А. Криминология и уголовная политика. – Свердловск, 1980.
141. Колесников В.В., Борисов О.А., Быков В.Н. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России / Науч. ред. В.В. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. – 357 с.
142. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (Избранное). – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. – 687 с.
143. Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность в условиях

глобализации. Основные направления правоохранительного сотрудничества государств. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Форум, 2013. – 592 с.
144. Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность и правоохранительное
145. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
146. Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации: Матер. докл. и сообщ. участн. межвуз. научн-практ. конф., посвященной памяти проф. В.А. Ржевского / Отв. ред. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2006. – 295 с.
147. Конституция. Демократия. Парламентаризм. Матер. второго междунар. парламен. форума / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина; сост. А.Е. Петров; рабочая группа по подг. кн.: А.В. Гайденко, В.Г. Малушков. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 192 с.
148. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток: Дальневосточный ун-т, 1987.
149. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовная политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991. – 240 с.
150. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление: Монография / Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2013. – 304 с.
151. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
152. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
153. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
154. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
155. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред.

В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
156. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милюков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998.
157. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
158. Кристи Н. Удобное количество преступлений / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2006 – 182 с.
159. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция В СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: РАН, МГУ, Наука, Юридический центр Пресс, 2002.
160. Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. – М., 1967.
161. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001 (авторы главы – В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев).
162. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. – Казань: Казанский университет, 1995. – 207 с.
163. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
164. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). – М., 2004.
165. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
166. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
167. Лукьянцев В.П., Очередько В.П., Соболь И.А., Сальников В.П. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям / Под общей редакцией В.П. Сальникова; МВД России, Санкт-Петербургский университет; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Московская академия экономики и права. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 168 с. Сер. Учебник для вузов. Специальная литература.
168. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Том 1. – М.: Юрайт, 2011. – 880 с.
169. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997.
170. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007. – 272 с.
171. Ляков Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов-на-Дону, 1992.
172. Ляпунов Ю.И. Советская уголовная политика и её отражение в действующем законодательстве: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979.
173. Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. – Ростов-на-Дону, 1992.

174. Малько А.В. Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 456 с.
175. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
176. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 508 с.
177. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и К°, 2014. – 656 с.
178. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. – М., 2009.
179. Материалы международной научно-практической конференции «Компьютерная преступность: состояние, тенденции и превентивные меры ее профилактики». Санкт-Петербург, 12-13 февраля 1999 г. – СПб., 1999.
180. Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. – Саратов, 2010.
181. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
182. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. – М.: ИНФРА-М, 2005.
183. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л,, ВПУ МВД СССР, 1986.
184. Милиция общественной безопасности: состояние и актуальные проблемы деятельности: Материалы регионального семинара / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: 2002.
185. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
186. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
187. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – 608 с.
188. Миньковский Г.М. О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР: Труды Академии МВД СССР. – М., 1982.
189. Наркотики в России: преступления и расследование. Научное издание / Александров А.И., Айнбиндер М.Я., Афанасьев В.В., Бабаханян Р.В., Бурданова В.С., Бушуев Е.С., Владимиров В.Ю., Жигульская Г.Ф., Кузьминых К.С., Казанков С.П., Михайлов В.И., Никитин Л.Н., Роганов С.А.,

Федоров А.В., Шахматов А.В. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Фонд поддержки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург, 1999.
190. Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы: Сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / Составление и вступительная статья А.В. Федорова. – М.: Астрея-центр, 2007. – 296 с.
191. Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
192. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: Инфра-М, 2001.
193. Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.
194. Основы управления в органах внутренних дел. Булавчик В.Г.. Аврутин Ю.Е., Александров А.И., Артамонов В.С.. Вагирбеков В.К., Берекет В.М., Бугель Н.В., Грицай Г.И., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Числов А.И., Шилин К.Ю. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2002.
195. Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 1. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Сметанин Ю.В., Булавчик В.Г., Вагирбеков В.К., Грицай Г.И.. Бугель Н.В., Аврутин Ю.Е., Берекет В.М., Кокарева О.А., Швед А.Н. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003.
196. Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 2. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Вагирбеков В.К., Грицай Г.И., Аврутин Ю.Е., Берекет В.М., Швед А.Н., Бугель Н.В., Булавчик В.Г., Шилин К.Ю., Сметанин Ю.В. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003.
197. Основы управления в органах внутренних дел: Курс лекций в 3-х частях. Том Часть 3. Артамонов В.С., Кабанов А.А., Кокорева О.А., Булавчик В.Г., Евграфов В.Г., Вагирбеков В.К., Бугель Н.В., Берекет В.М., Сметанин Ю.В. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет». 2003.
198. Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / Отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 112 с.
199. Очередько В.П., Литвиненко А.Н., Полевой В.А. Механизм противодействия легализации теневых доходов системе обеспечения экономической безопасности государства: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России. 2005. – 176 с.
200. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос

теории и практики. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2011. – 372 с.
201. Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. – Н. Новгород, 2004.
202. Панченко П.Н. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью. – Томск: Томский ун-т, 1988.
203. Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: Учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 1993.
204. Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001.
205. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972.
206. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
207. Полиция США (сравнительный анализ) / Под ред. В.П. Сальникова; Батышев А.С., Сальников В.П., Сергевнин В.А., Шушкевич И.Ч., Задорская Д.А. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 224 с. (Серия: «Полицеистика; прошлое, настоящее и будущее»).
208. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
209. Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 456 с.
210. Правовая политика. Право. Правовая система: Монография / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 384 с.
211. Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2010.
212. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М., КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
213. Правовые инновации в сфере противодействия коррупции. – М., 2012.
214. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, В.П. Кашепов и др.; Отв. ред. О.И. Тиунов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012.
215. Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Власенко. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. – 310 с.
216. Правоохранительная деятельность в России: теория и практика: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 11 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 1999.
217. Правоприменение: теория и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 432 с.
218. Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 октября 1996 года. В 3-х частях / Под общ. ред. В.П. Сальникова,

П.А. Сафронова. – СПб., 1997.
219. Преступность и криминология на рубеже веков / Ред. Я.И. Гилинский. – СПб.. 1999.
220. Привалов К.В. Теневая экономика. Теоретико-правовой аспект. – СПб., 2012.
221. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
222. Проблемы совершенствования законодательства и правоприменения в сфере предпринимательской деятельности: Материалы Международного круглого стола (Москва, 27 сентября 2011 г.) / Отв. ред. В.В. Астанин, В.И. Радченко. – М.: РПА Минюста России, 2011.
223. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
224. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, О.А. Беляева, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; редколлегия Л.В. Андриченко, Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 236 с.
225. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
226. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
227. Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы). Часть II: Матер. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Комоедова; сост. А.В. Щукин, Я.А. Гордиевская. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 176 с.
228. Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – 544 с.: ил.
229. Региональные аспекты теории и практики природопользования. Разумовский В.М., Арефьев Н.В., Баденко В.Л., Осипов Г.К., Литовка О.П., Федоров М.Н., Сальников В.П., Соболь И.А., Егоров Ю.А., Павлов К.В., Воробьев О.Г., Донченко В.К., Бугаев В.К., Голубецкая Н.П., Макаров О.Н. Утверждено к печати Ученым советом Института проблем региональной экономики Российской Академии Наук (ИРЭ РАН). Печатается по решению редакционно-издательского совета ИРЭ РАН. Редколлегия: Ответственные редакторы: О.П. Литовка, М.П. Федоров, Ученый секретарь И.А. Заир-Бек, Ответственный секретарь М.Н. Федоров, Рецензенты: И.Я. Блехцин, А.Н. Петров, А.Л. Гольдин. – СПб., 2000.
230. Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 1990.
231. Роженцев С.В., Числов А.И. Малое и среднее предпринимательство: проблемы правовой охраны: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2014. – 228 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
232. Ролик А.И., Романова Л.И.. Федоров А.В. Современная наркопреступность:

криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. – 336 с.
233. Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2012. – 240 с.
234. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
235. Ромашов Р.А. Типология государства в контексте сравнительного государствоведения: Открытая лекция. – Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Логос, 2009.
236. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
237. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с. – (Толкование источников права).
238. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
239. Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Норма, 2003.
240. Российская правозащитная политика: теория и практика: Монография / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.
241. Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки).
242. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права / Под ред. Н.Н. Вопленко. – Волгоград, 2009.
243. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
244. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
245. Рязанцев С.В. Торговля людьми с целью трудовой эксплуатации и незаконная трудовая миграция в Российской Федерации: формы, тенденции, противодействие. – М., 2013.
246. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
247. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации. Методологические основы геополитической доктрины России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
248. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права,

экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. Сер. Безопасность человека и общества.
249. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
250. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 464 с.
251. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
252. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
253. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства: Учебное пособие / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
254. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
255. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
256. Смирнов А.М. Латентная преступность в России: Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
257. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 464 с.
258. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: Материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). – М., 2012.
259. Современные проблемы уголовной политики: Материалы II Международной научно-практической конференции (23 сентября 2011 г.). В 2-х томах. – Краснодар, 2011.
260. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. – М., 2008.
261. Стахов Я.Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при её реализации. – М., 2003.
262. Стручков Н.А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970.
263. Сухарев А.Я., Алексеев А.И. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. – М., 1997.
264. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
265. Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1999. – 60 с.

266. Уголовная политика и её реализация органами внутренних дел / Под. ред. Л.И. Беляевой. – М., 2003.
267. Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997.
268. Уголовная политика Советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС. – М.: Академия МВД СССР, 1982.
269. «Утвердить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех…». К 150-летию Судебной реформы 1864 года: Экспозиция, развернутая в выставочных залах Президентской библиотеки, 20 ноября 2014 – 26 января 2015 гг. – СПб.: Президент. биб-ка, 2014. – 6 с.
270. Федоров А.В, Ролик А.И., Романова Л.И. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. 336 с.
271. Федоров А.В. Незаконный оборот наркотиков: глобальные тенденции и проблемы. Сборник докладов Международного комитета по контролю над наркотиками / Составление и вступительная статья А.В. Федорова – М.: Астрея-центр, 2007.
272. Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты: Сборник статей. – М.: Юрист, 2013. – 596 с.
273. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова, В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 560 с. – (Серия: «Мир философии»).
274. Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.П. Сальникова, В.В. Балахонского, Б.К. Джегутанова, Г.Н. Хона. Издание третье, испр. и доп. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 496 с.
275. Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. И.И. Кального, В.А. Карпушина, В.П. Сальникова. – СПб.: Стикс, 1996.
276. Финансовая безопасность и финансовые расследования: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Мос. ун-т, 2013. – 368 с.
277. Хабибулин А.Г. О научно обоснованных подходах в системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности в современных условиях: Научный доклад. – М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009. – 132 с.
278. Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность: Проблемы, пути решения / Пособие для слушателей. – М.: Знание, 1991.
279. Чаадаев С.Г. Уголовная политика основа законности борьбы с преступностью. – Н. Новгород, 1991.
280. Чарльз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 2000. – 224 с.
281. Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 7 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: Санкт-Петербургский юридический университет МВД

России, 1996.
282. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.
283. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.
284. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – Ярославль, 1909.
285. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история, основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и предисл. В.М. Овчинского, А.В. Федорова. – М., 2008.
286. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
287. Шапиев С.М., Соктоев З.Б., Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: Научно-практическое издание / Под ред. С.М. Шапиева. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2016. – 192 с.
288. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
289. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014.
290. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
291. Эколого-экономическое обоснование сбалансированных форм регионального развития в системе «общество – природа». Литовка О.П., Федоров М.М., Павлов К.В., Воробьев О.Г., Арефьев Н.В., Баденко В.Л., Дмитриев В.В., Осипов Г.К., Макаров О.Н., Голубецкая Н.П., Сапунов В.Б., Ростов К.Т., Сальников В.П., Соболь И.А., Малинин А.М., Исмагулова А.А., Бугаев А.К., Анохин А.А., Айларов А.Е., Плиев Г.И. и др. Цели, задачи, решения / Редколлегия: ответственный редактор О.П. Литовка, ответственный секретарь М.Н. Федоров – СПб, 2001. Том, Часть 1.
292. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
293. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В.

/ Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.
294. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. – М., 1933;

Научные статьи

295. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Ищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Законодательство России о праве человека на жизнь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 100-102.
296. Абдрахманов А.И., Хабибулин А.Г. Министерство внутренних дел на рубеже эпох: традиции и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 22-30.
297. Абрамкин В.Ф. Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия России: Выступление / Из стенограммы круглого стола. Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997.
298. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188.
299. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
300. Александров А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – СПб, 2016. – С. 12-19.
301. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.
302. Александров Р.А., Антонов И.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н. Независимость суда в России: идеи и реальность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 29-34.
303. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
304. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX-XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
305. Алексеев А.И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные

дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1.
306. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
307. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
308. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
309. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
310. Алиев В.М., Третьяков И.Л. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Российский следователь. – 2002. – № 5.
311. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
312. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
313. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
314. Аликперов Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Сов. государство и право. – 1991. – № 12.
315. Анапских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
316. Анисимов В.Ф., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Михайлова О.Г., Сальников М.В. Компетентность сотрудников правоохранительных органов как определяющий фактор высокой эффективности борьбы с терроризмом // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 3. – С. 300-303.
317. Антонов И. А., Тарайко В. И. Экологическая преступность в Российской Федерации и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 59-66.
318. Антонов И.А., Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации и общесоциальные меры ее профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 59-66.
319. Артамонова Г.К, Бабаджанов И.Х, Горбашев В.В, Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75-92.
320. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики //

Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
321. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
322. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.
323. Баранов В.М., Сальников В.П., Милюков С.Ф. Эффективность уголовно-правовой политики: Рецензия на монографию Коробеева А.И., Усса А.В., Голика Ю.В. «Уголовная политика: тенденции и перспективы». Красноярск, 1991. – 240 с. // Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны экономической системы. – Н. Новгород, 1993. – С 208-213.
324. Безрядин В.И., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Сальников М.В. Профессиональный отбор кадров в органы прокуратуры (исторический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 33-36.
325. Безрядин В.И., Сальников П.П. О некоторых проблемах координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 55-71.
326. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
327. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
328. Бородин С. В. Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977.
329. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
330. Брылева Е.А. Социальная справедливость и возмездие в уголовном наказании // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 119-126.
331. Брылева Е.А. Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 126-132.
332. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
333. Виноградова А.Н., Гаужаева В.А. Отдельные аспекты организации взаимодействия при расследовании похищения человека // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 102-106.
334. Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 268-282.
335. Волеводз А.Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2012. – № 3. –

С. 115-119.
336. Волеводз А.Г. Должностное лицо публичной международной организации как субъект коррупционных преступлений: противоречия нормативного определения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1(13). – С. 110-117.
337. Волеводз А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11-20.
338. Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования. // Правовые вопросы связи. – 2007. – № 2. – С. 17-25.
339. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 130-151.
340. Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 150-160.
341. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые перспективы реформирования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 281-288.
342. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117.
343. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93.
344. Волеводз А.Г. Некоторые организационные аспекты сотрудничества в борьбе с преступностью в Европейском союзе // Уголовное право. 2009. – № 4. – С. 109-116.
345. Волеводз А.Г. Правовые основы организации и направления деятельности Евроюст // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 165-180.
346. Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международно-правовые основы // Наркоконтроль. – 2015. – № 3. – С. 28-35.
347. Волеводз А.Г. Совместные (международные) расследования наркопреступлений: международный опыт и российские перспективы // Наркоконтроль. – 2015. – № 4. – С. 37-45.
348. Волеводз А.Г. Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2. – С. 7-8.
349. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134.
350. Волеводз А.Г. Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 2. – С. 164-172.
351. Волженкин Б.В., Колесников В.В. Экономическая преступность и политическая коррупция // Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 260-308.
352. Воронков К.И., Сальников П.П. Ретроспектива или эволюция роли государства в ресоциализации осужденных к лишению свободы в Российской Федерации?

// Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 117-119.
353. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58.
354. Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 129-133.
355. Гилинский Я.И. Из стенограммы Круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 31 мая – 1 июня, 1996 // Уголовная политика Россия – прошлое, настоящее, будущее: Сб. информационных материалов. Вып. I. – М.: Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия, 1996.
356. Гилинский Я.И. Некоторые вопросы реализации уголовной политики в современных условиях: Выступление на заседании Совета по судебной реформе при Президенте РФ 12.03.1997 г. // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. Сб. информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997.
357. Гилинский Я.И. Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия в России: Выступление / Из стенограммы круглого стола. Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия // Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее. Сб. информационных материалов. Вып. 1. – М., 1997.
358. Гилинский Я.И. Уголовная политика Российской Федерации: To be or not to be? // Индекс: Досье на цензуру. – 2003. – № 18.
359. Гомонов Н.Д. Криминологические понятия «преступность» и «преступник» // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 89-97.
360. Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М., Третьяков И.Л. Общественный порядок и его обеспечение правоохранительными органами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 38-45.
361. Гук А.И., Евдеева Н.В., Клюкина Е.А. Тоталитарный политический режим: положительные последствия // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 11-20.
362. Гутман М.Ю. Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности // Мир политики и социологии. – 2011. – № 1. – С. 10-18.
363. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
364. Денисова Т.А. Торговля женщинами и детьми с целью их сексуальной эксплуатации: криминологический аспект // Правові проблеми боротьби зі злочинністю. – Харків, 2002. – Кн. 1.
365. Дзьоник Д.В. Историко-правовой аспект реализации процедур иммиграционного контроля ФМС России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 176-186.
366. Дзьоник Д.В. Привлечение к административной ответственности юридического лица, допустившего нарушение миграционного законодательства: проблемы и перспективы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 106-112.
367. Долгова А.И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Под ред. А.И. Долгова.

– М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.
368. Долгова А.И. Правовые проблемы борьбы с организованной преступностью // Преступность и законодательство. – М., 1997.
369. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 77-99.
370. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья вторая // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 24-33.
371. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья третья // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 29-43.
372. Егоршин В.М., Кондрат И.Н., Сурков К.В Вышла фундаментальная книга по оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию: Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 132-138.
373. Ерохина Л. Два лика транснациональной организованной преступности: терроризм и торговля людьми // Российско-американские отношения в условиях глобализации: Доклады научно-практ. конференции. Москва, 2004. – М.: РОО «Содействие сотрудничеству ин-та Дж. Кеннана», 2005. – С. 296-305.
374. Жалинский А.Э. Уголовный закон и генезис преступности // Российской криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С 188-192.
375. Жданов В.Л. «Политика» и «власть» – соотношение понятий // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 63-71.
376. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
377. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к иммурализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
378. Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 172-179.
379. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
380. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
381. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 143-150.
382. Захарцев С.И. Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // Наркоконтроль. – 2014. – № 4. – С. 34-37.
383. Захарцев С.И. Философская основа оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на том II монографии А.Ю. Шумилова «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: философия оперативно-розыскной науки» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 189-196.
384. Захарцев С.И., Исмагилов Р.Ф. Значимая книга по финансовой безопасности России. Рецензия на монографию Е.Н. Кондрат «Правонарушения в финансовой

сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия». – М.: Форум, 2014. – 928 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 135-137.
385. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс / Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
386. Захарцев С.И., Нахимов А.П., Числов А.И. Новый важный труд по финансовой безопасности России и зарубежных стран. Рецензия на монографию Е.Н. Кондрат «Международная финансовая безопасность в условиях глобализации. Основные направления правоохранительного сотрудничества государств» / Е.Н. Кондрат. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «Форум», 2013. 592 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 107-111.
387. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
388. Захарцев С.И., Сальников В.П. О становлении юридического ОРД и путях его дальнейшего развития // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 116-122.
389. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
390. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
391. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
392. Зоиров С.Д. Криминальный оборот наркотических средств: опасность для человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 134-147.
393. Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 135-139.
394. Иванищев А.В. Актуальные вопросы, связанные с ресоциализацией несовершеннолетних осужденных, склонных к употреблению наркотиков и к криминальной агрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 95-102.
395. Иванов Д.М. Некоторые актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере социального обслуживания населения // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 89-94.
396. Исмаилов И. А. Уголовная политика как сложная система // Учен, зап. МВ и ССО Азербайджанской ССР. Сер. Юридические науки. – 1975. – № 1.
397. Каневский Л.Л. Проблемы совершенствования борьбы с организованной и транснациональной преступностью // Российский следователь. – 2002.- № 10.
398. Квашис В.Е. Принципы советской уголовной политики // Вопросы борьбы с

преступностью. Вып. 35. – М., 1981.
399. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.
400. Керимов Д.А. Вступительное слово // Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 5-7.
401. Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30.
402. Клочков В. Уголовная политика и уголовное право // Социалистическая законность. – 1977. – № 11. – С. 65.
403. Клюканова Т.М. Источники уголовного права зарубежных стран // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 159-163.
404. Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Сов. государство и право. – 1978. – № 12.
405. Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
406. Кондрат Е.Н. Государство и рынок в финансовой сфере // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 132-142.
407. Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 80-89.
408. Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135.
409. Кондрат И.Н. Международно-правовые нормы и национальное уголовно-процессуальное законодательство России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 7-12.
410. Кондрат Е.Н., Маджидзода Д.З. Экономика, финансы и организованная преступность // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 108-116.
411. Кондрат Е.Н., Сальников М.В. Российские правоохранительные органы и Интерпол: некоторые результаты сотрудничества и проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 163-171.
412. Кондрат Е.Н., Сальников С.П., Борисов О.С., Петров П.А. История создания и правовые основы деятельности Интерпола // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 96-104.
413. Кравченко О.В. Правовая социализация как важное средство адаптации несовершеннолетних к правовой жизни // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 77-80.
414. Корчагин О.Н., Чирков Д.К., Числов А.И. Совершенствование уголовно-правовой политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 123-131.
415. Кубов Р.Х. Торговля людьми как вид транснациональной преступности // Российский следователь. – 2008.– № 1. – С. 30-32.
416. Кудрявцев В.Н. Транснациональная преступность и противоречия глобализации

// Российское государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Матер. конференции. Вып. 1. – Калуга, 2001.
417. Кузнецов А.В. Понятие и социальная ценность основополагающих принципов советской уголовной политики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 40. – М., 1984.
418. Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона / Отв. ред. Н.Ф. Кузнецова, И.Б. Михайловская. – М.: Юрид. лит., 1973.
419. Лебедев С.Я., Иванцов С.В. Об обеспечении системности в криминологической оценке организованной преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 234-238.
420. Лесников Г.Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. В 35 томах / Изд. проф. Малинина. Т. I. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005.
421. Лопатин В.Н. Проблемы реализации в России Палермской конвенции против транснациональной организованной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»). – С. 263-265.
422. Лунеев В.В. Глобализация и преступность // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 115-118.
423. Лунеев В.В. Глобализация мира и наднациональное право.// Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 17-27.
424. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. – 2001. – № 5. – С 106-112.
425. Маджидзода Д.З. Организованная и транснациональная преступность как вызов и угроза международной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 101-115.
426. Маджидзода Д.З. Организованная преступность в государствах – участниках СНГ: некоторые направления профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 94-104.
427. Малько А. В. Правозащитная политика в современной России: необходимость формирования // Социология и право. – 2010. – № 4.
428. Малько А.В. О необходимости формирования правовой политики в регионах // Правовая политика в Российской Федерации: региональный уровень / Под ред. А.В. Малько. – Тамбов, 2008.
429. Малько А.В. Правовая политика: понятие, принципы, виды // Правовая политика: учебное пособие / Под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова. – Тамбов, 2012.
430. Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – Ноябрь.
431. Матузов Н.И. Правовая политика как важнейшая проблема российской юридической науки // Правовая политика: от концепции к реальности. – М., 2004.

432. Матузов Н.И. Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI в. // Правовая политика России: теория и практика. – М., 2006.
433. Мацкевич И.М. Криминология уголовной ответственности юридических лиц // Союз криминалистов и криминологов. – 2017. – № 1-4. – С. 14-20.
434. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
435. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
436. Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202.
437. Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В., Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157.
438. Минюк Н.В. Понимание «правовой политики» в юридической литературе // Сборник статей аспирантов и стажеров Института государства и права Российской академии наук / Под ред. Ю.Л. Шульженко. – М., 2005.
439. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
440. Молдабаев С.С. Экономическая преступность и коррупция: современные проблемы противодействия // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 146-152.
441. Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 81-118.
442. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
443. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
444. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 77-87.
445. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
446. Никитенко Е.Г., Синицын И.М. Приоритетные направления государственной политики в сфере управления кризисно-конфликтными ситуациями, обусловленными миграционными процессами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 36-44.
447. Номоконов В.А. Причинный комплекс преступности в современной России // Уголовный закон и генезис преступности // Российский криминалистический

взгляд. – 2009. – № 1. – С 201-209.
448. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
449. Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А, Экологическая преступность в Ленинградской области: общее и особенное // Региональная экология. – 2004. – № 3-4. – С.63-66.
450. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
451. Панченко П.Н. Философия бандитизма и бандитизм философии (или о чем думает преступник, совершая свое преступление, и о чем думает государство, противодействуя ему) // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 210-217.
452. Перминов О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики // «Черные дыры» в Российском законодательстве, 2003. № 2.
453. Пикин И.В., Силкин Н.Н. Уголовно правовая регламентация профессионального спорта в России // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 119-122.
454. Пиров М.Т. Правовые и организационные основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 105-115.
455. Пиров М.Т. Работорговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134.
456. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004. – С. 87-109.
457. Поляков С.А. Совершенствование санкций уголовно-правовых норм как одно из направлений уголовной политики по защите прав и интересов несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 133-139.
458. Понятовская Т.Г. Тревожная тенденция в российской уголовно-правовой политике // Союз криминалистов и криминологов. – 2017. – № 1-4. – С. 96-98..
459. Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. – М.: РАН, ИНИОН, Главный информационный центр МВД РФ, 1992.
460. Пьянков М.О., Сальников П.П. Понятие и система предупреждения коррупционных преступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 127-132.
461. Приходько И.М. Роль юридических ограничений в осуществлении правовой политики в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 156-157.
462. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан и борьба с экономической преступностью: подзаконное нормативно-правовое регулирование (общеправовая характеристика) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 105-116.
463. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан

по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями экономической направленности (некоторые частные вопросы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 184-198.
464. Рахимзода Р.Х. Экономическая безопасность государства и оперативно-розыскная политика (некоторые общие методологические подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 157-168.
465. Родионов К.С. Интерпол в борьбе с терроризмом // Междунар. публич. и част. право. – 2002. – № 2. – С. 6-10.
466. Родионова А.Г. Понятие и признаки правовой политики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 61. – Тольятти, 2006.
467. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
468. Рубцов И.В. Анализ структуры и динамики экономической преступности в России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 3. – С. 53-60.
469. Руденский И.Н. Экономическая политика современной России: проблемы реализации // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 34-37.
470. Рыбаков О.Ю., Юрьева Ю.С. Правовая политика: сущность, основные черты // Вестник Саратовский государственной академии права. – 2009. – № 6. – С. 17-20.
471. Савенков А.Н. Международно-правовые основы современной уголовной политики Российской Федерации // Военный академический журнал. – 2015. – № 4(8) – С. 163-170.
472. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
473. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
474. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
475. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
476. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
477. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
478. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институционализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
479. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. –

С. 140-144.
480. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
481. Сальников В.П., Некрасов А.П. Сущность взаимодействия исправительных учреждений с криминальной милицией в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 213-218.
482. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
483. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
484. Сальников В.П., Рохлин В.И., Финансовая безопасность и финансовые расследования // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 145-152.
485. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
486. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
487. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
488. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
489. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
490. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
491. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
492. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
493. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
494. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132.
495. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р.

Национальная идея и правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(42). – С. 16-22.
496. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьюте рная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101.
497. Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130.
498. Сафин Ф.Ю. Предупреждение угонов и хищений транспортных средств: общесоциальные меры // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 160-164.
499. Сергеев К.А., Сергеев А.Б., Числов А.И. Вопросы совершенствования уголовно-правовых средств противодействия криминальному рейдерству // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1. – С. 81-86.
500. Сидоренко Э.Л., Волеводз А.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: толкование особенностей и обязательные признаки // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3(55). С. 127-149.
501. Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 9 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. – 2010. – № 9. – С. 16-18.
502. Сморгунова А.Л. Стратегия контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Выпуск 46. Том 9: Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, искусствоведение, экономика, право, история, социология). – СПб., 2007.
503. Солонин А.Ю. Реализация уголовной политики Российского государства с программируемым эффектом // Российский следователь. – 2010. – № 5. – С. 19-22.
504. Спасенников Б.А. Анализ иностранного опыта пенитенциарной деятельности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 169-175.
505. Спасенников Б.А. Использование зарубежного опыта в оптимизации деятельности уголовно-исполнительной системы России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 153-158.
506. Спиридонов А.П., Анисимов В.Ф., Михайлова О.Г., Курбанов А.Г., Тарайко В.И., Третьяков И.Л. Конвенционные преступления в системе преступлений по международному уголовному праву // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 134-140.
507. Спиридонов А.П., Биктасов О.К., Михайлов Н.Н, Курбанов А.Г., Третьяков И.Л.. Параметры нового мирового правопорядка: существует ли альтернатива международному уголовному кодексу? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 41-46.
508. Спиридонов А.П., Третьяков И.Л.. Биктасов О.К., Тарайко В.И. Влияние процессов глобализации на развитие уголовного права // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2006. – № 1. – С. 230-238.
509. Спиридонов Л.И. Органы внутренних дел как субъекты уголовной политики

и социального планирования // Уголовная политика Советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС.- М.: Академия МВД СССР, 1982.
510. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
511. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С. 4-11.
512. Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.
513. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
514. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 67-75.
515. Тарайко В.И. Социальная профилактика экологической преступности: вопросы теории и практики // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 126-133.
516. Теминов В.Е. Правовой и нравственно-психологический причинные комплексы преступности // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 193-200.
517. Третьяков И.Л. Единство материального и духовного в уголовной политике // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 190-202.
518. Третьяков И.Л. Некоторые вопросы сущности правового механизма уголовной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 125-137.
519. Третьяков И.Л. Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 169-178.
520. Третьяков И.Л. Объективное и субъективное в уголовной политике: к началу рассуждений // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 173-185.
521. Третьяков И.Л. Политические интегранты в правовом механизме уголовной политики // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 64-81.
522. Третьяков И.Л. Преступность как социальное противоречие и антагонизм общества: некоторые проблемы эффективности уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 140-153.
523. Третьяков И.Л. Противоречия юридической базы уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 177-194.
524. Третьяков И.Л. Уголовная политика в контексте естественно-исторического процесса // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 152-164.
525. Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32.
526. Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205.
527. Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: проблема продолжает оставаться актуальной // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 140-159.

528. Третьяков И.Л. Уголовная политика: правовое регулирование и правоохранительный механизм // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 149-162.
529. Третьяков И.Л. Уголовная политика: сущность и политико-правовое содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 210-221.
530. Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР и совершенствование российского уголовного законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 163-184.
531. Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58.
532. Федоров А.В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. – 2013. – № 3. – С. 5 – 14.
533. Федоров А.В. Государственно-правовая антинаркотическая политика Российской Федерации и изменения в законодательстве о контроле за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и противодействии их незаконному обороту // Наркоконтроль. – 2007. – № 3. – С. 2-12.
534. Федоров А.В. Дискуссионные вопросы уголовно-правового обеспечения безопасности оборота продуктов питания и фармацевтической продукции // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 83-88.
535. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
536. Федоров А.В. Оперативно-розыскная политика // Теория оперативно-розыскной деятельности / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М., 2006.
537. Федоров А.В. Реализация уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. 2007. – № 4. – С. 2-7.
538. Федоров А.В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: современное состояние и основные тенденции развития (тезисы доклада в изложении): Обзор материалов VII Российского конгресса уголовного права // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 122.
539. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. – 2011. – № 4. – С. 5-14.
540. Филиппов А.Р. Деятельность правоохранительных органов и гражданского населения Российской Федерации с целью противодействия криминальному насилию несовершеннолетних // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 113-118.
541. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
542. Хабибулин А.Г. Особенности организованной преступности экономической направленности в сфере внешнеэкономической деятельности России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 10-13.
543. Хабибулин А.Г. Особенности преступности экономической направленности в кредитно-финансовой сфере // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 11. – С. 5-11.
544. Хабибулин А.Г. Особенности преступности экономической направленности в топливно-энергетическом и лесопромышленном комплексах // Вестник

Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 10. – С. 5-12.
545. Числов А.И., Аксенов Р.Г. Понятие криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2007. – № 1. – С. 112-115.
546. Шестаков Д.А., Данилов А.П. О политических убийствах, в том числе неочевидных – постановка проблемы // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С 296-300.
547. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 122-133.
548. Щендригин Е.Н., Орлова Д.С. Актуальные проблемы конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 117-121.
549. Щендригин Е.Н. К вопросу об уголовно-правовой оценке лиц, оказывающих непосредственное содействие исполнителю преступления // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 104-107.
550. Щендригин Е.Н. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 85-90.
551. Экимов А.И. Конвенция ООН против коррупции и ее юридическое значение для Российской Федерации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г.- М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 150-155.
552. Эминов В.Е. Правовой и нравственно-психологический причинные комплексы преступности // Российский криминалистический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 193-200.

Диссертации и авторефераты

553. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ). Дис. … докт. юрид .наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
554. Богуш Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004.
555. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты): Дис. … канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005.
556. Власов В.П. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота оружия: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001.
557. Воронин Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики: уголовно-правовой и криминолого-профилактический аспекты: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – Свердловск, 1983.
558. Гайдашев А.В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую исто- рическую, научную или культурную ценность: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 168 с.
559. Горбачев В.Г. Организация и тактика раскрытия краж культурных ценностей: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1983. – 176 с.

560. Жунусов Б.Ж. Проблемы уголовной политики: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Алматы, 1994.
561. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
562. Зеленецкий В.С. Концептуальные основы общей теории борьбы с преступностью: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Харьков, 1989.
563. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
564. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
565. Исмагилов Р.Ф. Экономическая организованная преступность (теоретико-криминологический аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук.. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1997. – 22 с.
566. Ковалева Р.Р. Уголовная ответственность за преступления, связанные с оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – 196 с.
567. Коробова А.П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты современной России: Дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
568. Лойт Х.Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (исторический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
569. Лысов П.К. Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации. тенденции и перспективы развития: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
570. Макаров А.Д. Транспортная безопасность при перевозке опасных и особо опасных грузов в новых геополитических условиях: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
571. Милюков С.Ф. Проблемы криминологического обоснования российского уголовного законодательства: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2000.
572. Пономарёв А.И. Организованная преступность: особенности противодействия на федеральном и региональном уровнях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2099.
573. Привалов К.В. Теневая экономика в демократическом и тоталитарном государстве (теоретико-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
574. Раск Э.Э. Криминологическая профилактика преступности: Теоретические и методологические основы: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1988.
575. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: Автореф. дис....докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
576. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2009.
577. Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 25 с.
578. Слюняев И.Н. Криминальное перемещение капитала: характеристика и социальный контроль: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2002.

579. Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: Дис.... докт. юрид. наук, в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата. – М., 1996.
580. Третьяков И.Л. Уголовная политика России (общетеоретические и прикладные проблемы): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
581. Третьяков И.Л. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
582. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1996. – 55 с.
583. Ширкин А.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия незаконному обороту оружия в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2008.
584. Щеглова Т.К. Латентная преступность и её значение для определения эффективности уголовно-правовых норм: Дис....канд. юрид. наук. – М., 1973.

Литература на иностранных языках

585. Bass G. The Adolf Eichmann Case: Universal and National Jurisdiction.
586. Bassiouni M. The History of Universal Jurisdiction and Its Place in International Law.
587. Bernardi A. Vers une europeanisation du droit penal des affaires? Limites et perspectives d' un ius commune criminale», RD pen. crim. 1997.
588. Boas G., Schabas W. International Criminal Law. Developments in the Case Law of the ICTY. – Martinus Nijhoff Publishers. – Leiden / Boston, 2003. – 309 p.
589. Brodsky S., Egglston N.E. The Military Prison. – Harrisburg. 1967.
590. Butler A. The Growing Support for Universal Jurisdiction in National Legislation.
591. Cadoppi A. Towards a European Criminal Code? // European Journal of Crime, Criminal law and Criminal Justice. 1996.
592. Cassese A. International criminal law. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
593. Chiflet P. The Role and Status of the Victim // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / Ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 75-110.
594. Collin S. Studing Ideologies: An investigation into the marxist theory of ideology and law. – N.Y., 1979. P. 7, 75 – 80.
595. Congressional Research Service. The Library of Congress. NATO Future: Beyond Collective Defense // CRS Report for Congress, September 15, 1995 // By Stanley R. Sloane. P. CRS-13, CRS-5 – CRS-12, CRS-19 – CRS-27.
596. Congressional Research Service. The Library of Congress. U.S.A.-Russia Summit, October 23, 1995 // SRS Report for Congress, November 2, 1995 / By Jim Nichol. P. CRS-1 – CRS-6.
597. Corstens G., Pradel J. European Criminal Law. – The Hague, London, New York: Kluwer law international, 2003.
598. Duesenberry James S. Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior. – Cambridge, 1949.
599. Geller W.A., Toch H. police Violence: Understanding and Controlling Police abuse

of Force. New Haven and London: Yale University Press, 1996. P. vii – viii.
600. Habermas, J. Geschichtsbewu?tsein und posttraditionale Identitat. Frankfurt a. Main, 2008.
601. Habermas, J. Volkssouveranitat als Verfahren // Habermas, J.: Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsatze 1977-1990, Leipzig: Reclam 1990.
602. International criminal law developments in the Case Law of the ICTY / Ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. Foreword.
603. Johnson E. Crime correction and society. Homewood, 1968
604. Kochler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. – N.Y. 2003. Introduction.
605. Macedo S. Universal jurisdiction: national courts and the prosecution of serious crimes under international law. – University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 2004. – 383 p.
606. McIntyre G. Defining Human Rights in the Arena of International Humanitarian Law: Human Rights in the Jurisprudence of the ICTY // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 193-230.
607. Mundis D. Crimes of the Commander: Superior Responsibility under Article 7(3) of the ICTY Statute // International Criminal Law Developments in the Case Law of the ICTY / ed. by G. Boas, A. Schabas. – Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 239-250.
608. Noyd v. Bond, 395 U.S. 683, 692 (1969).
609. Oxman S. Comment: The Quest for Clarity.
610. Reno W. Corruption and State politics in Sierra Leone. N. – Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 1.
611. Robilliard St. J., McEvan J. Police Powers and individual. Oxford, 1986.
612. Robinson M. The Princeton Principles on Universal Jurisdiction.
613. Sherill R. Military Justice is to Justice as military music is to music. Homewood. 1969
614. Stolz B. Criminal justice policy making: federal roles and processes. – Westport, Connecticut, London, 2002.
615. Tsitsoura A. Faut-il un droit penal europeen? // Pouvoirs. No. 55, 1990.
616. United Nations. Department of Public Information. Drug trafficking and the world economy. Jan. 1990.
617. United States v. Augenblick, 393 U.S. 348 (1969).
618. Weisburd D., Uchido C., Green W. L. Police innovation and control of the police Problems of Law, Order and Community. N.-Y., 1993. P. 13-15, 204-205.

Научное издание

Иван Львович Третьяков,
доктор юридических наук, профессор

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Под общей редакцией
Виктора Петровича Сальникова,
доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

Главный редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

Выход в свет 22.12.2017 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 26,0 п.л. Тираж 2000 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета автора. Заказ № 345.

Фонд содействия науке и образованию в области
правоохранительной деятельности «Университет»
Санкт-Петербург, 198261, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
Тел. (812) 755-56-58 E-mail: fonduniver@bk.ru www.fonduniver.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!

Центр защиты прав потребителей Санкт-Петербурга

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

Честь и Закон
Адвокатское бюро

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

Первая юридическая почта

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведенной работы.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

Лидер Консалт Право осуществляет **высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей**, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro